Д 25/377

Д 25/377

ГЕРОЙСКІЯ ДѢЛА

РУССКАГО ОРУЖІЯ

1877 и 1878 г.

СЪ

ИЗЛОЖЕНІЕМЪ

ВАРВАРСТВЪ ТУРОКЪ

И

ТАЙНЫХЪ ДѢЙСТВІЙ

ДРУЗЕЙ ПОРТЫ.

СОСТАВЛЕНО

И. У . . . . . чъ.

МОСКВА.

Типографія Ф. Іогансонъ, Садовая, бл. Красн. вор., д. Медынцевой.

1878.

2007043032

Д 25/377

ГЕРОЙСКІЯ ДѢЛА
РУССКАГО ОРУЖІЯ
1877 и 1878 г.

съ

ИЗЛОЖЕНІЕМЪ

ВАРВАРСТВЪ ТУРОКЪ

и

ТАЙНЫХЪ ДѢЙСТВІЙ

ДРУЗЕЙ ПОРТЫ.

СОСТАВЛЕНО

И. У . . . . . чъ.

МОСКВА.
Типографія Ф. Іогансонъ, Садовая, бл. Красн. вор., д. Медынцевой.
1878.

Изъ историческихъ данныхъ извѣстно, что основателемъ истинной славянской политики для Россіи и образцомъ еще доселѣ недосягаемымъ является *Петръ Великій*, который, готовясь къ войнѣ съ Турціею, въ грамотѣ своей, хотя подписанной къ черногорскому митрополиту Даніилу, но обращенной „ко всѣмъ добро-„желательнымъ христіанамъ Православной вѣры грече-„ской и римской и прочимъ духовнаго и мірскаго чина „людямъ Сербіи, Славоніи, Македоніи, Босны, Герце-„говины, черногорцамъ, хорватамъ и прочимъ христо-„любивымъ, обрѣтающимся подъ игомъ тиранскимъ ту-„рецкаго султана", онъ объявилъ: „*удостовѣрилися есмы изъ многихъ исторій яко древніи наши короли, деспоты и князіе и прочіе господа отъ языка славянска не токмо славою всегда почитахуся, но и оружіемъ сами себя во всей Европѣ храбро ославляху даже до тиранскаго неправеднаго овладѣнія (т. е. противъ турокъ): того для въ нынѣшнее отъ Бога посланное время пристойно есть вамъ, подражая вышереченныхъ своихъ предковъ древнія свои славы возобновити, союзныя съ нашими силами и единокупно на непріятеля вооружився воевать за вѣру и отечество, за честь и славу вашу и наслѣдниковъ вашихъ. Прочее аще кто отъ васъ въ сію праведную войну за вспо-

моженіе христіанамъ потрудитися писать, той перво получитъ отъ Всеблагаго Бога всякое благое возмездіе, а отъ насъ милость и награжденіе и ожалованъ будетъ кійждо васъ привелегіями нашими по услугамъ и желанію вашему, ибо мы себѣ иной славы не желаемъ токмо да возможемъ тамошніе народы христіанскіе отъ тиранства поганаго избавити, православныя церкви паки украсити и животворящій крестъ возвысити и тако, наконецъ, аще будетъ единокупно кіижде по своей возможности трудитися и за вѣру воевати, то имя Христово вящше прославится, а поганина Магомета наслѣдницы будутъ прогнаны въ старое ихъ отечество—въ пески и степи аравійскія". Эта мысль, къ сожалѣнію и до сихъ поръ, оставалась лишь впереди для нашей дипломатіи. Но не такъ давно господствовавшія въ Европѣ надежды на мирный выходъ изъ политическихъ трудностей, смѣнились почти всеобщей увѣренностью въ неизбѣжности войны предначертанной *Петромъ Великимъ* въ 1711 году.

Въ Константинополѣ воинственное настроеніе, также сообщалось всѣмъ классамъ, охватило даже главу государства: апатичный султанъ, котораго изображали сторонникомъ мира,—пересталъ быть имъ. Тамъ всѣ хотѣли войны и ожидали лишь русскаго ультиматума, что бы начать ее. Въ ожиданіи же скораго и неизбѣжнаго разрыва, чтобы не терять время, турецкіе военноначальники отправлялись къ своимъ постамъ.

Среди угасающихъ надеждъ на миръ слышались лишь слабые голоса, взывающіе о его сохраненіи, но весьма не увѣренные въ успѣхѣ. Въ Лондонѣ, не смотря на недавнія, категорическія, повидимому, заявленія гр. Дэрби

въ его извѣстномъ разговорѣ съ турецкимъ посланникомъ при передачѣ отвѣта Порты на протоколъ, дѣло дипломатіи еще не считали покончennымъ и приготовлялись сдѣлать новые шаги для предупрежденія войны, на которые намекали разныя извѣстія друзей Порты и подтверждалось лондонской депешей *) невозлогавшей однако большой увѣренности на успѣхъ этого посредничества.

Къ тому критическому положенію, въ какомъ находилось оно, дѣло приведено, конечно, Портой, ея упорнымъ систематическимъ отказомъ на всѣ умѣреннѣйшія предложенія, съ какими къ ней обращались; эта очевидность не мѣшала однакоже англійскимъ газетамъ относиться къ Россіи въ враждебномъ тонѣ, какъ будто она виновата въ предстоящей войнѣ.—Чтобъ заслужить благосклонностъ англичанъ, да и не однихъ англичанъ, Россіи слѣдовало бы, послѣ отказа Порты на протоколъ, извиниться?? предъ нею за причиненныя ей безспокойства и съ сознаніемъ исполнительнаго? долга роспустить свою армію? Ей такъ и совѣтовали поступить газеты, ревниво пекущіяся о нашей части. Русскому правительству даже диктовали слова, съ которыми оно должно было обратиться къ Европѣ по этому случаю.

---

*) Лондонъ, 4-го апрѣля. По словамъ газ. *Standard*, со стороны Англіи будетъ сдѣлана послѣдняя попытка къ предупрежденію войны *Morning Post* выражалъ надежду, что Россіи напомнятъ: о лежащей на ней въ силу Парижскаго трактата обязанности обратиться къ посредничеству державъ? Тонъ большинства газетъ, исключая *Dayly News*, враждебенъ Россіи. *Times*; разсуждая о положеніи, которое приметъ Англія во время предстоящей войны, совѣтывалъ держаться строгаго нейтралитета, пока борьба будетъ направлена исключительно противъ существующихъ причинъ нарушенія мира.

„Какое великолѣпное положеніе, читали въ газ. *Le Temps*, можно было-бы занять предъ Европой, сказавъ ей:—событія приняли иной оборотъ нежели мы думали; вопросъ о человѣколюбіи и религіи внезапно возбудилъ тревогу среди державъ, заинтересованныхъ въ поддержаніи Оттоманской имперіи; мы хотѣли изгладить неправды, причиненныя христіанамъ; мы хотимъ это и теперь, и не перестанемъ надъ этимъ работать; но считаемъ себя обязанными принести наши глубокія симпатіи въ жертву общему миру".

Дѣйствительно, прекрасное положеніе Россія заняла бы не только въ Европѣ, но даже и за ея предѣлами, послѣ такого трогательнаго монолога. Но время еще не было потеряно; можетъ быть наши доброжелатели и попытались бы навести насъ на умъ, чтобы мы не упустили случая, такъ удобно представлявшагося для нашего всемірнаго православія.

Одна изъ статей Парижскаго трактата могла послужить для этого поводомъ. Въ статьѣ 8-й этого договора сказано, что „если между Высокою Портою и одною или нѣсколькими изъ участвующихъ въ договорѣ державъ возникнетъ несогласіе, угрожающее сохраненію ихъ отношеній, Порта и каждая изъ тѣхъ державъ, прежде чѣмъ прибѣгнуть къ употребленію силы, должны поставить остальныя договаривающіяся стороны въ возможность примирительнымъ посредничествомъ".

Объ этомъ параграфѣ Парижскаго трактата уже напоминали англійскія газеты, предупреждая Россію, чтобы она о немъ не забыла. Какой прекрасный случай былъ предпринятъ обратиться въ Петербургъ съ словомъ вразумленія!

Въ Константинополѣ, конечно, въ этомъ не нуждались; да тамъ это было бы и не безопасно, потому что изъ турецкой столицы умѣли выпроваживать цѣлыя конференціи со всѣмъ ихъ дипломатическимъ багажемъ.—Объектомъ коллективнаго посредничества, рекомендуемаго Парижскимъ трактатомъ, могла, слѣдовательно, служить одна Россія, доступность которой ровнялось лишь ея долготерпѣнію.

Въ виду этого долготерпѣнія, отъ 7-го апрѣля 1877 года посланъ циркуляръ государственнаго канцлера, россійскимъ посламъ: въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Парижѣ, Лондонѣ и Римѣ, слѣдующаго содержанія:

„Императорскій кабинетъ тщетно исчерпывалъ съ самаго начала восточнаго кризиса всѣ имѣвшіяся въ его власти средства для того, чтобы при содѣйствіи великихъ державъ Европы достигнуть прочнаго умиротворенія Турціи. Всѣ предложенія, послѣдовательно сдѣланныя Портѣ, по установившемуся между кабинетами соглашенію, встрѣтили съ ея стороны непреодолимое сопротивленіе. Протоколъ, подписанный въ Лондонѣ 19-го (31-го) марта сего года, былъ послѣднимъ выраженіемъ совокупной воли Европы.—Императорскій кабинетъ предложилъ его, какъ крайнюю попытку къ примиренію. Онъ заявилъ деклорацію отъ того же числа, сопровождавшею протоколъ, такія условія, которыя, будучи честно и искренне приняты и исполнены оттоманскимъ правительствомъ, могли возстановить и упрочить миръ. На все это Порта отвѣтила нынѣ новымъ отказомъ. Это обстоятельство не было принято въ соображеніе Лондонскимъ протоколомъ; выражая жела-

нія и рѣшенія Европы, онъ ограничился постановленіемъ условія, что въ случаѣ, если бы великія державы обдумались въ надеждѣ на энергическое выполненіе со стороны Порты мѣръ, долженствовавшихъ повести къ улучшенію положенія христіанскаго населенія, единодушно признанному необходимымъ для спокойствія Европы, то онѣ оставляютъ за собой право совмѣстно обсудить средства, которыя признаютъ наиболѣе удобными для обезпеченія благосостоянія этого населенія и сохраненія общаго мира. Такимъ образомъ кабинеты предусматривали случай невыполненія Портою обѣщаній, которыя она могла бы дать; но не предвидѣли случая отказа ея на требованія Европы. Вмѣстѣ съ тѣмъ декларація, сдѣланная Лордомъ Дэрби вслѣдъ за подписаніемъ протокола, заявляла, что такъ какъ правительство ея величества королевы, согласилось на подписаніе сего акта, только въ видахъ обезпеченія общаго мира, то слѣдовало разумѣть, что протоколъ долженъ считаться недѣйствительнымъ и не имѣющимъ значенія въ томъ случаѣ, если бы предположенная цѣль, а именно совмѣстное разоруженіе и сохраненія мира между Россіею и Турціею, не была бы достигнута. Отказъ Порты и побужденія, на которыхъ онъ основанъ, не оставляютъ никакой надежды на то, что она приметъ въ уваженіе желанія и совѣты Европы, и не даютъ никакого ручательства въ томъ, что предложенныя для улучшенія участи христіанскаго населенія реформы будутъ введены. Они дѣлаютъ не возможными миръ съ Черногоріею и выполненіе условій, которыя могли бы привести къ разоруженію и умиротворенію. При

такихъ обстоятельствахъ, попытки къ примиренію теряютъ всякую вѣроятность успѣха, и остается одно изъ двухъ—или допустить продолженіе положенія дѣлъ, признаннаго державами несовмѣстнымъ съ ихъ интересами Европы вообще, или же попытаться достигнуть путемъ понужденія того, чего единодушныя усилія кабинетовъ не успѣли получить отъ Порты путемъ убѣжденія".

„Нашъ Августѣйшій Монархъ рѣшилъ принять на себя совершеніе дѣла, къ выполненію котораго, вмѣстѣ съ нимъ, онъ приглашаетъ великія державы.—Онъ далъ своимъ войскамъ повелѣніе перейти границу Турціи.—Благоволите довести объ этомъ рѣшеніи до свѣденія того правительства, при которомъ вы аккредитованы. Возлагая на себя это бремя, нашъ Августѣйшій Монархъ выполняетъ тѣмъ самымъ долгъ, налагаемый на Него интересами Россіи, мирное развитіе которой задерживается постоянными смутами на Востокѣ. Его Императорское Величество сохраняетъ увѣренность, что съ тѣмъ вмѣстѣ Онъ дѣйствуетъ соотвѣтственно чувствамъ и интересамъ Европы.—Примите и проч. Подписано:

Горчаковъ.

10-го апрѣля 1877 г. Государь Императоръ, вмѣстѣ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ изволилъ производить два смотра частямъ девятаго корпуса. Въ Жмеринкѣ представлялась 5-я пѣхотная дивизія съ артилеріей и обозомъ.

По окончаніи смотра, Его Величество изволилъ собрать къ себѣ офицеровъ и произнести имъ напутствен-

ное предъ походомъ слово, а 17-му пѣхотному Архангельскому полку по случаю дня рожденія Его Августѣйшаго шефа Великаго Князя Владиміра Александровича, выразилъ увѣренность, что полкъ поддержитъ свою прежнюю боевую славу. На станціи Бирзула представлялись: 31-я пѣхотная и 11-я кавалерійская девизіи. Послѣ смотра Государь изволилъ сказать собраннымъ офицерамъ осмотрѣнныхъ частей слѣдующія слова; „*Предъ отправленіемъ вашимъ въ походъ, я хочу васъ напутствовать; если придется вамъ сразиться съ врагомъ—покажите себя въ дѣлѣ молодцами и поддержите старую славу своихъ полковъ*“. *Есть между вами молодыя части, еще не бывавшія въ огнѣ, но я надѣюсь, что онѣ не отстанутъ отъ старыхъ и постараются сравняться съ ними въ боевомъ отличіи.* „*Желаю вамъ возвратиться поскорѣе и со славой*“. „*Прощайте господа*“. За тѣмъ обращаясь къ войскамъ Государь произнесъ: „*Прощайте ребята*“. Отвѣтомъ было громкое долго не прерывавшееся „ура“! Офицерамъ 11-й кавалерійской дивизіи Его Величество выразилъ надежду, что полки дивизіи и въ военное время покажутъ себя столь же блистательно, какъ всегда представлялись Ему въ мирное время.

Повсюду величайшій восторгъ со стороны войскъ и восторженныя встрѣчи народа.—Августѣйшій Главнокомандующій съ генераломъ Непокайчицкимъ встрѣтилъ Его Величество въ Тирасполѣ, 11-го апрѣля, гдѣ по окончаніи смотра, Государь Императоръ, въ напутственномъ словѣ войскамъ изволилъ между прочимъ сказать: „*Мнѣ жаль было пускать васъ въ дѣло и поэтому я медлилъ доколѣ было возможно; Мнѣ жаль было*

проливать вашу дорогую для Меня кровь, но разъ что честь Россіи затронута, Я убѣжденъ, мы всѣ до послѣдняго человѣка съумѣемъ постоять за нее“. Съ Богомъ, желаю вамъ полнаго успѣха. До свиданія“.

Послѣ осмотра и напутствованія войскъ Государемъ Императоромъ, обнародованъ манифестъ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНДЛЯНСКІЙ

И ПРОЧАЯ И ПРОЧАЯ И ПРОЧАЯ.

Всѣмъ Нашимъ любезнымъ вѣрноподданнымъ извѣстно то живое участіе, которое Мы всегда принимали въ судьбахъ угнетеннаго христіанскаго населенія Турціи. Желаніе улучшить и обезпечить положеніе его раздѣляетъ съ Нами и весь русскій народъ, нынѣ выражающій готовность свою на новыя жертвы для облегченія участи христіанъ Балканскаго полуострова. Кровь и достояніе Нашихъ вѣрноподданныхъ были всегда Намъ дороги; все царствованіе Наше свидѣтельствуетъ о постоянной заботливости Нашей сохранять Россіи благословенія мира. Эта заботливость оставалась Намъ присуща въ виду печальныхъ событій, совершившихся въ Герцоговинѣ, Босніи и Болгаріи. Мы первоначально поставили Себѣ дѣлью достигнуть улучшеній въ положеніи восточныхъ христіанъ путемъ мирныхъ перего-

воровъ и соглашенія съ союзными дружественными Намъ великими Европейскими державами. Мы не переставали стремиться, въ продолженіи двухъ лѣтъ, къ тому, чтобы склонить Порту къ преобразованіямъ, которыя могли-бы оградить христіанъ Босніи, Герцеговины и Болгаріи отъ произвола мѣстныхъ властей. Совершеніе этихъ преобразованій всецѣло вытекало изъ прежнихъ обязательствъ, торжественно принятыхъ Портою предъ лицемъ всей Европы. Усилія Наши, поддержанныя совокупными дипломатическими настояніями другихъ правительствъ, не привели однако къ желанной цѣли. Порта осталась неприклонною въ своемъ рѣшительномъ отказѣ отъ всякаго дѣйствительнаго обезпеченія своихъ христіанскихъ подданныхъ и отвергла постановленія константинопольской конференціи. Желая испытать, для убѣжденія Порты, всѣ возможные способы соглашенія, Мы предложили другимъ кабинетамъ составить особый протоколъ со внесеніемъ въ оный самыхъ существенныхъ постановленій константинопольской конференціи, и пригласить турецкое правительство присоединиться къ этому международному акту, выражающему крайній придѣлъ Нашихъ миролюбивыхъ настояній. Но ожиданія Наши не оправдались. Порта невняла единодушному желанію христіанской Европы и не присоединилась къ изложеннымъ въ протоколѣ заключеніямъ. Исчерпавъ до конца миролюбіе Наше, Мы вынуждены высокомѣрнымъ упорствомъ Порты приступить къ дѣйствіямъ болѣе рѣшительнымъ. Того требуетъ и чувство справедливости и чувство собственнаго Нашего достоинства. Турція отказомъ своимъ поставляетъ Насъ въ необходимость

обратиться къ силѣ оружія. Глубоко проникнутые убѣжденіемъ въ правотѣ Нашего дѣла, Мы, въ смиренномъ упованіи на помощь и милосердіе Всевышняго, объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ, что наступило время, предусмотрѣное въ тѣхъ словахъ Нашихъ, на которыя единодушно отозвалась вся Россія. Мы выразили намѣреніе дѣйствовать самостоятельно, когда Мы сочтемъ это нужнымъ и честь Россіи того требуетъ. Нынѣ, призывая благословеніе Божіе на доблестныя войска Наши, Мы повелѣли вступить въ предѣлы Турціи.

Данъ въ Кишиневѣ, апрѣля 12 дня, лѣта отъ Рождества Христова въ тысяча восемьсотъ семдесять седьмое, царствованіе же Нашего въ двадесять третье.

На подлинномъ Собственнаго Его Императорскаго Величества рукою подписано

„*АЛЕКСАНДРЪ*“.

Итакъ жребій брошенъ! Война объявлена. Наконецъ тяжелая тьма невѣденія, душившая Россію и останавливавшая въ ней всякое свободное движеніе жизненныхъ силъ,—разсѣяна. Какъ лучь солнца разгоняетъ сонъ и мракъ, такъ державное царское слово мгновенно озарило умы и сердца Русскаго народа, измученнаго таинственностію медлительной дипломатіи. Въ каждомъ истинномъ Русскомъ невольно замиралъ и трепеталъ духъ предъ великою задачею историческаго призванія Россіи, возсіявшаго теперь во всемъ лучезарномъ блескѣ своей святыни. Пятьсотъ лѣтъ азіятская орда владѣетъ благословеннымъ краемъ Европы, ничему не

научилась отъ просвѣщенныхъ сосѣдей и ничего незабыла объ кровожадныхъ и дикихъ инстинктовъ. Сабѣскій съ своими поляками преградилъ ей путь въ нѣмецкую Вѣну; Сербы и Хорваты сторожили отъ ея наплыва южную Европу по Савѣ и Дунаю; русскіе потрясли ея могущество внутри ея самой, а не утомимые Черногорцы въ непрестанной пяти-вѣковой борьбѣ съ нею поддерживали въ своихъ собратьяхъ духъ свободы и военной отваги. И вотъ теперь вновь на долю славянскаго народа выпала борьба креста съ полумѣсяцемъ, Европы съ Азіею, животворнаго просвѣщенія съ коснѣющимъ варварствомъ. Законъ исторіи не умолимъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Распятый на Голгофѣ Своею смертію воскресилъ человѣчество, еще не было примѣра, чтобы мракъ устоялъ предъ свѣтомъ!

Значеніе историческихъ дѣятелей измѣряется тѣмъ, на сколько ясно и широко сознаютъ они безспорное шествіе судебъ человѣческихъ и на сколько обнаруживаютъ въ себѣ присутствія духа, чтобы исполнить требованія предъявляемыя исторіею. Но воля одного или нѣсколькихъ дѣятелей, направленная наперекоръ разумному теченію событій, не помѣшаетъ совершенію неумолимой логики исторіи: они отойдутъ въ вѣчность, покрытые безславіемъ и, быть можетъ, проклятіями жертвъ ихъ безумной борьбы съ судьбою; но сила вещей возьметъ свое и свѣтъ прогонитъ тьму. Есть люди, которые спрашивали: за кого и для чего ополчается Россія на брань? Этимъ меркантельнымъ душамъ чужда, непонятна идеальная сторона человѣческой жезни. Пусть взглянутъ они въ любую страницу всемірной исторіи и они уви-

дятъ, что всѣ стадіи человѣческаго развитія, пережитыя страданіями, запечатлѣнныя кровавыми переворотами, отмѣчены присутствіемъ идеи, двигавшей человѣчествомъ, а не золотаго тельца.

Россіи предлежитъ двойная историческая задача. Уже давно подъ сѣнію Креста просвѣщеніе совершаетъ свой подвигъ, смѣняя рабство свободою и личными правами человѣка. Россіи, упразднившей у себя личное закрѣпленіе человѣка, приходится довершить пораженіе рабства и деспотизма, въ послѣднемъ ихъ Европейскомъ пріютѣ—Турціи. Это всемірная, общечеловѣческая сторона ея задачи. Другая сторона, не менѣе важная и человѣческая, это — охраненіе славянства въ племенной борьбѣ за существованіе. На материкѣ Европы три расы совершаютъ постепенно свой кругъ развитія: романская, нѣмецкая и славянская. Первыя двѣ, какъ ранѣе начавшія свое развитіе, не даютъ простора третьей. Много славянской земли отошло подъ сплошное чуждое намъ населеніе, которое успѣло уже далеко подвинуться на востокъ. Наконецъ и славяне просвѣтились самосознаніемъ. Ихъ взоры естественно обратились къ Россіи какъ единственной независимой и имъ соплеменой державѣ. Съ тѣхъ поръ Россія стала по стольку европейскую державою, по скольку она была славянскою. Освобождая теперь въ лицѣ балканскихъ христіанъ, своихъ соплеменниковъ, Россія совершаетъ свою европейскую задачу, внося въ міръ политики равноправіе славянской расы, обогащая міръ нравственный зачатками новыхъ идей, присущихъ славянскому племени, которое отнынѣ, подъ защитою

Россіи, должно получить себѣ гражданское полноправіе въ Европѣ. Вотъ та великая цѣль, къ которой идетъ Россія шагъ за шагомъ, влекомая своимъ призваніемъ.

12-го апрѣля, Его Величество прибылъ въ началѣ девятаго часа на полѣ близь Кишенева, объѣхалъ войска и остановился въ виду всего фронта на мѣстѣ, гдѣ были приготовлены аналой и, ожидало духовенство въ полномъ облаченіи. Преосвященный Павелъ, епископъ Кишеневскій, громогласно прочелъ манифестъ объявляющій войну Оттоманской Портѣ, послѣ чего былъ соборне отслуженъ молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ. Преосвященный сказалъ глубоко прочуственное напутственное слово и благословилъ Главнокомандующаго иконою Спаса, а войска иконою Богоматери въ лицѣ ихъ представителя, свиты Генералъ-Маіора Драгомирова, начальника 14-ой пѣхотной дивизіи, представлявшейся на смотръ. Минута была въ высшей степени торжественная.

13-го Апрѣля, въ 2 часа пополудни въ большомъ Успенскомъ соборѣ и во всѣхъ церквахъ столицы Москвы былъ объявленъ Высочайшій манифестъ: о повелѣніи Его Императорскаго Величества Русскимъ войскамъ вступить въ предѣлы Турціи, и было совершено торжественное молебствіе, съ колѣнопреклоненіемъ, о ниспосланіи благословенія Божія на доблестныя войска наши.

Объявленіе въ Москвѣ Высочайшаго манифеста встрѣчено было населеніемъ столицы съ неописаннымъ восторгомъ. Городъ встрепенулся и ожилъ. Было бы ошибочно думать, что русскій народъ проникнутъ легкомысленнымъ войнолюбіемъ. Онъ чуждъ жажды стяжаній,

онъ не гонится за добычей военной славы; чисто политическія соображенія не совсѣмъ доступны ему. Что же собственно воодушевляло и воодушевляетъ его въ настоящую минуту, отъ перваго до послѣдняго человѣка? Прежде всего народъ почувствовалъ, что съ плечъ его свалилось бремя тревожной неизвѣстности, томившее его два года и сковывавшее все экономическое развитіе страны. Неопредѣленность положенія обозначалось застоемъ торговли, сокращеніемъ промышленнаго производства, стѣсненіемъ кредита, все это тяжело отзывалось на всѣхъ сословіяхъ, особенно же на простомъ народѣ, живущемъ своимъ трудомъ. Война облегчила положеніемъ тѣмъ уже, что разъяснила его, и биржа встрѣтила её повышеніемъ курса на русскія бумаги, тогда какъ народъ привѣтствовалъ ее радостными криками.

Помимо этого, русскій народъ едва ли не единственнымъ остается въ Европѣ въ томъ отношеніи, что его сердцу еще непосредственно доступны побужденія любви и участія къ несправедливо угнетаемому и страждующему человѣчеству. Безъ всякихъ разсчетовъ, тѣмъ менѣе политическихъ, прямымъ и свободнымъ чувствомъ, широкою грудью и чистымъ сердцемъ порывается онъ напомощь тому, о комъ доходятъ до него скорбныя вѣсти. Еще живы люди, которые помнятъ общее народное сочувствіе къ грекамъ, боровшимся за независимость. У всѣхъ на памяти, съ какимъ теплымъ участіемъ русскій народъ относился къ дѣлу тѣхъ же грековъ, когда сильная Англія напала на нихъ изъ-за-еврея Пасифико, къ геройскому возстанію критянъ, къ Даніи, въ ея неровной борьбѣ съ двумя Германскими дер-

жавами, наконецъ, къ освобожденію итальянскаго народа отъ желѣзной руки, тюремъ и пытокъ послушныхъ блюстителей меттерниховской политики на Аппенинскомъ полуостровѣ. Тѣмъ сильнѣе наболѣло русское сердце отъ продолжительныхъ страданій православнаго и родственнаго населенія въ Турціи. Какъ нищая вдова отдала послѣдній свой рубль для православныхъ братьевъ, которыхъ грабили и рѣзали турки, такъ теперь весь русскій народъ въ безотчетномъ увлеченіи непосредственнымъ чувствомъ ликуетъ при мысли, что его сыны идутъ совершить то святое дѣло освобожденія, которое давно уже не давало покоя его возмущенной совѣсти, давно уже вызывало его на подвигъ самоотверженной христіанской любви. Наконецъ, ясное сознаніе образованной части русскаго народа и народное чутье, вѣрно угадывающее таинственный смыслъ событій, давно уже сдѣлали начинающуюся борьбу своею родною, кровною.

Историческое призваніе всегда влекло Россію къ Югу, къ морямъ Азовскому, Каспійскому и Черному. Тѣже азіатскія племена, изъ коихъ одно расположилось 500 лѣтъ тому назадъ и стоитъ до сихъ поръ военнымъ станомъ на Балканскомъ полуостровѣ, долго преграждали Россіи доступъ къ окраинамъ этихъ морей. Постепенно, чрезъ пріобрѣтеніе Астрахани, взятіе Азова, завоеваніе Крыма, устій Дуная и покореніе Кавказа, Россія завладѣла этими морями вполнѣ, или отчасти. Но только тогда достигнетъ она своей предопредѣленной цѣли, намѣченной самою исторіею, когда сдѣлается господствующею на Черномъ морѣ, съ свободнымъ выходомъ въ Средиземное. Поэтому на Югѣ жизненный ея

интересъ заключается въ томъ, что бы турецкій берегъ Чернаго моря и проливы, ведущіе отсюда чрезъ Мраморное море въ Средиземное, находилось въ рукахъ того народа, который не могъ бы препятствовать ея мирному развитію посредствомъ морскихъ сообщеній съ всемірными торговыми путями. Турки не могутъ быть такимъ народомъ; будучи разобщены по своей вѣрѣ съ осѣдлымъ мѣстнымъ населеніемъ, славянскимъ и греческимъ, исповѣдующимъ христіанство, они не могли никогда создать цѣльный, живой организмъ изъ своей военной монархіи;—оттого на христіанскихъ своихъ подданныхъ они смотрятъ издали, какъ чужіе, какъ набродники—властители, истощаютъ и истребляютъ ихъ безжалостно, не подозрѣвая, что вмѣстѣ съ тѣмъ они уничтожаютъ почву подъ собственными ногами. Ихъ имперія имѣетъ только одну внѣшнюю форму государства, но внутренняго прочнаго содержанія въ ней никогда не было; оттого они вскорѣ попадали вліянію, а потомъ и опекѣ другихъ государствъ. Естественнѣе было бы имъ стать въ тѣсную политическую связь съ Россіею: но враждебное положеніе къ своимъ подданнымъ, единовѣрнымъ и соплеменнымъ съ русскимъ народамъ, ставило ихъ во враждебное къ нему отношеніе. Только съ недавняго времени Россія начала имѣть въ Константинополѣ свое посольство; прежде она содержала тамъ миссію, что означало, что она находилась только во временномъ перемиріи съ Турціею. Подъ этимъ самымъ разумѣлось, что между Россіею и Турціею не могло быть никакихъ другихъ положительныхъ отношеній, кромѣ отношеній двухъ воюющихъ между собою сторонъ. И

дѣйствительно, такой взглядъ оправдывался историческою необходимостію, ибо турки являлись для Россіи помѣхою на Черномъ морѣ. Сначала народъ русскій, въ видѣ казачества, инстинктивно велъ борьбу съ ихъ ордами; потомъ задачу эту приняло на себя Русское правительство. Западныя европейскія государства, замѣчая эту историческую противуположность обѣихъ имперій и истекающую отсюда необходимость ихъ взаимной борьбы, поспѣшили обратить Турцію въ свое орудіе противъ Россіи.

Вотъ источникъ мнимой возможности существованія Турціи и даже принятія ея въ среду европейскихъ державъ.—Естественный ростъ Россіи и ея неукоснительное самобытное влеченіе къ обладанію Чернымъ моремъ, возбуждая зависть и соперничество въ другихъ европейскихъ державахъ, побудили эти послѣднія противупоставить Россіи—Турцію, руководя ея политикой и поддерживая ее своими средствами.

Такимъ образомъ Россія каждый разъ, какъ объявляла войну Турціи, исполняла тѣмъ самымъ предначертаніе своей исторіи и возобновляла свое настоящее къ ней отношеніе, какъ держава воюющая. Географическое положеніе Россіи, равно какъ и коренное начало разумной европейской политики—начало національностей не дозволяютъ намъ помышлять о какихъ-либо завоеваніяхъ за Дунаемъ; но нашъ существенный интересъ состоитъ въ томъ, чтобы Балканскимъ полуостровомъ и прилежащимъ берегомъ Чернаго моря не владѣлъ такой народъ, который служилъ-бы орудіемъ въ рукахъ нашихъ враговъ и соперниковъ, а владѣли-бы такіе народы, которые въ самихъ себѣ заключали бы полные

зачатки самостоятельнаго, живаго и цѣльнаго государственнаго организма. Но кому же лучше владѣть полуостровомъ, какъ не самимъ его первобытнымъ и нѣкогда независимымъ населеніямъ, то есть, сербамъ на западѣ, болгарамъ на востокѣ, грекамъ и черногорцамъ на югѣ его. Эту историческую задачу Россіи, понимаетъ весь русскій народъ отчасти сознательно, отчасти инстинктивно,—и вотъ почему каждая война съ Турціею принимается русскимъ народомъ съ полнѣйшимъ сочувствіемъ.

Русское войско, выслушавъ Высочайшій Манифестъ о объявленіи Турціи войны,—по совершеніи торжественнаго молебствія о ниспосланіи благословенія Божія, 12-го апрѣля перешло турецкую границу въ трехъ пунктахъ: Унгенахъ, Бештамахъ и противъ Кубея; къ вечеру вступили: въ Яссы, Леово и Голацъ, причемъ казаки сдѣлали около 100 верстъ, а пѣхота 70 верстъ до Рени.

Напутствуемая благословеніями Россіи, доблестная русская армія, переправившись черезъ Прутъ преслѣдовалась *подозрительными взглядами тайныхъ и явныхъ друзей Порты.* Но ни то, ни другое не могло ни кого изумлять; послѣднее еще менѣе нежели первое казалось неожиданностью. Бдительно же слѣдить за Россіей,— сдѣлалось лозунгомъ не одной англійской печати. Съ тѣхъ поръ, какъ неудача, понесенная лондонскимъ протоколомъ, перенесла войну изъ области гадательнаго въ область несомнѣннаго, иностранныя газеты кишили соображеніями, объ опасностяхъ могущихъ пропстечь для Европы изъ вооруженнаго дѣйствія Россіи, и долженствующихъ быть предотвращенными своевременно

принятыми мѣрами. Надъ этимъ вопросомъ трудились и трудятся не одни публицисты. Имъ, несомнѣнно озабочены и лица болѣе вліятельныя. Ни для кого теперь не тайна, что Австро-Венгрія готовилась занять Боснію и Герцеговину своими войсками, вслѣдъ за переходомъ русской арміи чрезъ Дунай, какъ сообщалъ вѣнскій корреспондентъ берлинской *National Zeitung*, и какъ это подтверждалось петербургскимъ *Agence-Russ.* Французскій литографированный листокъ, слывущей за нѣчто оффиціозное, при этомъ увѣрялъ, что „отношенія между Австро-Венгріей и Россіей остаются превосходными“, и что, слѣдовательно, вышепомянутое „временное занятіе вовсе не означаетъ враждебнаго шага противъ Россіи“. Но въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же самое занятіе, и почему гр. Андраши, такъ настоятельно отвергавшій, съ точки зрѣнія австро-венгерской политики, мысль о какомъ-либо принудительномъ вмѣшательствѣ во внутреннія дѣла Турціи не далѣе какъ наканунѣ конференціи въ своемъ разговорѣ съ маркизомъ Салисбюри,—внезапно эту мысль себѣ усвоилъ, вопреки всему, что говорилъ прежде? Въ бесѣдѣ его съ англійскимъ уполномоченнымъ, о которой только-что упомянули,—исходъ конференціи былъ не только предусматриваемъ, но и самая рѣчь о вмѣшательствѣ была проведена въ предвидѣніи отказа Порты принять совѣты съѣзжавшихся въ Константинополь дипломатовъ. Дѣйствительность подтвердила эти предположенія; исторія съ лондонскимъ протоколомъ ихъ еще разъ оправдала. Ни что не измѣнилось въ положеніи вопроса; измѣнился лишь взглядъ гр. Андраши; австро-венгерская поли-

тика вдругъ перестала смотрѣть на вмѣшательство такъ, какъ она смотрѣла за нѣсколько недѣль передъ этимъ, и перестала именно въ тотъ моментъ, когда война Россіи съ Турціей сдѣлалась несомнѣнной. Этотъ рѣзкій переломъ трудно вязался съ „превосходными отношеніями“, о которыхъ свидѣтельствовалъ *Agence Russe*. Еслибъ таковой дѣйствительно существовалъ къ намъ со стороны Австро-Венгріи, они могли-бы гораздо лучше сказаться въ спокойномъ пребываніи на самомъ мѣстѣ, а не въ принимавшей на себя роли англійскаго авангарда.

Выдвигая въ Боснію своего передоваго застрѣльщика, англійская политика одновременно съ этимъ, какъ будто затѣевала противъ Россіи дипломатическую компанію, но уже не на почвѣ восточнаго вопроса. Изъ газетныхъ извѣстій мы узнали, что министерство внесло въ парламентъ нѣчто въ родѣ дополненій къ *синей книгѣ*, а именно сборникъ депешъ, полученныхъ съ сентября 1871-го по ноябрь 1876 года отъ англійскихъ консуловъ: въ Одессѣ, Варшавѣ, Херсонѣ и отъ англійскаго посланника въ Петербургѣ: „о насильственномъ обращеніи въ православіе крестьянъ—уніатовъ Царства Польскаго“. Достойно полнаго вниманія, что англійское правительство избрало именно настоящій моментъ для оглашенія этихъ документовъ, которые до сихъ поръ оно предпочитало держать подъ спудомъ. Ужъ не задумывала-ли она снова выдвинуть на сцену пресловутый „*польскій вопросъ*“ въ отместку Россіи за ея вмѣшательство въ дѣла Турціи? Вѣдь должна-же быть какая-нибудь цѣль у этого шага и цѣль, конечно, возникшая

не изъ добрыхъ побужденій къ Россіи? Трудно думать, чтобы министерство Дэрби-Биконсфильда прибѣгало къ этому мелочному средству, какъ разобиженная женщина прибѣгаетъ къ злословію противъ своихъ подругъ, уязвившихъ ея самолюбіе и можетъ быть задѣвшихъ ихъ интересы....

13-го апрѣля войска наши, состоящія изъ пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи, подъ общимъ начальствомъ полковника Бискупскаго, заняли: Галацъ, Браиловъ и мостъ на р. Серетѣ.

Въ это время турецкое войско намѣревавшееся переправиться чрезъ Дунай на Калафатъ, пріостановило это движеніе и направилось восточнѣе къ Никополю съ усиленнымъ передвиженіемъ.

По войскамъ дѣйствующей арміи, Главнокомандующій Великій Князь Николай Николаевичъ издалъ слѣдующій приказъ:

„Сотни лѣтъ тяготѣетъ иго турецкое надъ христіанами братьями нашими. Горька ихъ неволя! Все, что дорого человѣку: святая вѣра Христова, честное имя, пòтомъ и кровью добытое добро, все поругано, осквернено невѣрными; не выдержали несчастные, возстали противу угнетателей и вотъ уже два года льется кровь Христіанская. Города и села выжжены; имущество разграблено; жены и дочери обезчещены: населеніе иныхъ мѣстъ поголовно вырѣзано. Всѣ представленія Монарха Нашего и иностранныхъ правительствъ объ улучшеніи быта христіанъ остались безуспѣшными. Мѣра долго-

терпѣнія Нашего *Царя-Освободителя* истощились. Послѣднее слово Царское сказано: *война Турціи объявлена*! Войска ввѣренной мнѣ арміи! Намъ выпала доля исполнить волю Царскую и святой завѣтъ предковъ нашихъ. Не для завоеваній идемъ мы, а на защиту поруганныхъ и угнетенныхъ братьевъ нашихъ и на защиту вѣры Христовой. И такъ впередъ! Дѣло наше святое и съ нами Богъ! Я увѣренъ, что каждый, отъ генерала до рядоваго, исполнитъ свой долгъ и не посрамитъ имени русскаго. Да будетъ оно и нынѣ такъ же грозно, какъ и въ былые годы! Да не остановятъ насъ ни преграды, ни труды и лишенія, ни стойкость врага. Мирные же жители, къ какой бы вѣрѣ и къ какому бы народу они ни принадлежали, равно какъ и ихъ добро, да будутъ для васъ неприкосновенны. Ничто не должно быть взято безвозмездно; никто не долженъ дозволять себѣ произвола. Въ этомъ отношеніи я требую отъ всѣхъ и каждаго самаго строгаго порядка и дисциплины. Въ нихъ наша сила, залогъ успѣха, честь нашего имени. Напоминаю войскамъ, что по переходѣ границы нашей, мы вступаемъ въ издревле дружественную намъ Румынію, за освобожденіе которой пролито не мало Русской крови. Я увѣренъ, что тамъ мы встрѣтимъ тоже гостепріимство, какъ и предки и отцы наши. Я требую, чтобы за то всѣ чины платили имъ, братьямъ и друзьямъ нашимъ, полной дружбой, охраной ихъ порядковъ и безотвѣтной помощію противу турокъ, а когда потребуется, то и защищали бы ихъ дома, такъ же, какъ свои собственные".

„*Николай*".

ПРИКАЗЪ

Главнокомандующаго кавказскою арміею

отъ 12 апрѣля.

„Войска кавказской арміи!

Державная воля Государя Императора призываетъ васъ нынѣ къ защитѣ оружіемъ чести и достоинства нашего отечества".

„За вами — славное прошлое кавказскихъ войскъ; предъ вами—поля и твердыни, обагренныя кровью вашихъ отцовъ и братій!...

„Впередъ: съ Богомъ за родину и Великаго Государя!"

„Главнокомандующій кавказскою арміею, генералъ-фельдцеймейстеръ".

„*Михаилъ*".

Отъ Князя Николая Черногорскаго, къ Государю Императору, поздравительное привѣтствіе по случаю объявленія войны.

„Отъ имени моего народа и отъ моего собственнаго, желаю Вашему Величеству счастія въ исполненіи великодушнаго рѣшенія, принести въ жертву жизнь и достояніе великой русской націи для избавленія восточныхъ христіанъ отъ невыносимаго положенія, въ которомъ они находятся. Будьте увѣрены, Ваше Величество, что сердца всѣхъ христіанъ, населяющихъ Балканскій полуостровъ, пылаютъ любовью къ Вашей храброй арміи. Всѣ мы увѣрены, что Ваше Величество исполните ве-

ликую миссію Россіи и такимъ образомъ къ имени *Освободителя* столькихъ милліоновъ своихъ собственныхъ подданныхъ, прибавится еще наименованіе избавителя многихъ милліоновъ несчастныхъ жертвъ христіанъ, живущихъ на востокѣ".

На кавказко-турецкой границѣ, войска наши, 12-го апрѣля, собранныя при Александрополѣ, подъ начальствомъ Генерала Лорисъ-Меликова, перешли границу двумя колоннами, изъ которыхъ лѣвая дошла до Мулла-Муса, а правая до Башъ-Шурагана. Кавалерія шла впереди. Дивизіонъ Нижегородскаго драгунскаго полка и казаки имѣли не большую стычку съ Куртинской конницей, при чемъ куртинцы потеряли нѣсколько человѣкъ; а у насъ ранена одна лошадь; въ другой перестрѣлкѣ убитъ нашъ казакъ, а непріятелей четверо. Въ этотъ первый день взято нами плѣнныхъ семь офицеровъ и 100 солдатъ.

13 апрѣля, войска Александропольскаго корпуса находились у Кизилъ-Чехчака. Войска рінскаго отряда, подъ начальствомъ генерала Обложіо, начали наступленіе двумя колоннами: лѣвая, генерала Данибекова, послѣ жаркаго дѣла, заняла барачный лагерь турокъ у Мухастера, правая, генерала Шереметьева, подвигалась съ перестрѣлкой, вышла на Ачамурскую дарогару; потеря наша въ этотъ день около 30-ти человѣкъ; раненъ подполковникъ Мусхеловъ.

На Черномъ морѣ между Чурукусу и постомъ Николаевскимъ показались турецкіе броненосцы.

15-го апрѣля, командиръ 11-го армейскаго корпуса, князь Шаховской благополучно занялъ войсками Галацъ

и Браиловъ.—Войска 36-ой дивизіи заняли Измаилъ и Килію на устьѣ Дуная.—По всѣмъ пунктамъ войска встрѣчались самымъ радушнымъ образомъ.

17-го апрѣля, Государь Императоръ выслушавъ литургію въ кишеневскомъ соборѣ; въ 2 часа производилъ смотръ, слѣдующимъ чрезъ Кишиневъ, войскамъ; въ 6 часовъ у Его Величества былъ большой обѣденный столъ, къ которому приглашались высшія начальствующія лица. За обѣдомъ Государь Императоръ, обращаясь къ Августѣйшему Главнокомандующему, произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Я душевно радъ, что собственными глазами имѣлъ случай убѣдиться въ отличномъ состояніи дѣйствующей арміи и въ томъ прекрасномъ направленіи, которое ты съумѣлъ дать твоему штабу и всѣмъ многочисленнымъ управленіямъ и войскамъ. Я увѣренъ, что ты исполнишь свой долгъ. Пью за здоровье Главнокомандующаго и его славной дѣйствующей арміи. Да поможетъ намъ Богъ!“

На эти слова Его Высочество произнесъ: отъ лица всей моей арміи передаю Вамъ, что мы исполнимъ свой долгъ до послѣдней капли крови. За здоровье Государя Императора „Ура!“

Въ этотъ день Высочайше назначены шефами пѣхотныхъ полковъ: Великій Князь Николай Николаевичъ старшій—53-го Волынскаго; генералъ-адъютантъ Непокайчицкій—54-го Минскаго, генералъ-адъютантъ Милютинъ 121-го Пензенскаго, какъ перваго полка, сформированнаго въ его бытность военнымъ министромъ.

Вслѣдствіи этого назначенія, Великій Князь Главнокомандующій, послалъ къ Гуру-Гальсину, командиру

находящагося на походѣ Волынскаго полка, полковнику Родіонову, слѣдующую телеграмму: „Государю Императору благоугодно было въ 17-й день апрѣля, осчастливить меня назначеніемъ шефомъ доблестнаго Волынскаго полка. Волынцы! назначеніе это мнѣ тѣмъ болѣе пріятно, что я неоднократно самъ видѣлъ, какъ молодецки въ славную Севастопольскую оборону вы отражали всѣ нападенія непріятеля. Волынцы не разу во все время обороны не отдали ни пяди земли непріятелю, а всегда его били. Увѣренъ, что и нынѣшніе Волынцы, хотя еще молодые, преисполнены тѣмъ же непобѣдоноснымъ духомъ, какъ ихъ предки, севастопольскіе богатыри, что память о нихъ въ полку не изсякла и, что вы въ первомъ же дѣлѣ поддержите славу нашего полка. Впередъ! съ нами Богъ!

„*Николай*“.

Когда войска наши были на походѣ къ Дунаю, то Англія повидимому начинала принимать все болѣе и болѣе угрожающее положеніе. Не довольствуясь закулисными интригами въ пользу Турціи, она, судя по многимъ признакамъ, готовилась къ болѣе дѣятельному вмѣшательству. Было уже сообщаемо, что англійское правительство отдало распоряженіе: о вооруженіи флота въ обширныхъ размѣрахъ, причемъ одна часть судовъ должна быть направлена въ греческія воды, другая въ Гибралтаръ, третья въ море Средиземное. О цѣли этого передвиженія можно заключить между прочимъ изъ переданныхъ газетами извѣстій, что Англія намѣрена была воспрепятствовать проходу русскихъ судовъ чрезъ Гиб-

ралтаръ. Еще яснѣе, нежели отдѣльные совершившіеся факты, свидѣтельствовали: о намѣреніи англійской управляющей партіи, тотъ раздражительный и вызывающій тонъ противъ Россіи, который въ послѣдніе дни, предъ объявленіемъ войны, господствовалъ и въ англійскомъ парламентѣ и въ руководящихъ органахъ тамошней печати.

Иностранныя газеты сообщали, что съ первыми отзывами о манифестѣ и циркулярной депешѣ русскаго канцлера, извѣщавшій Европу о войнѣ съ Турціей, константинопольская печать сдѣлалась менѣе свирѣпа, нежели можно было ожидать; судя по тому рѣзкому тону, которымъ отличались сужденія большинства ея органовъ въ моментъ, предшествовавшій разрыву. Къ войнѣ, какъ факту совершившемуся, относились болѣе спокойно и разсудительно, чѣмъ это было въ ея ожиданіи. Даже такія завѣдомо преданныя Турціи газеты, какъ *Gournal des Dèbats*, съ ней, хотя и скрѣпя сердце, примирялись, „предоставляя англичанамъ предаваться ихъ шумному гнѣву“. Названная газета искала успокоенія и находила его въ циркулярѣ князя Горчакова, выводя изъ него заключеніе, что война, при которой предстоитъ присутствовать Европѣ, будетъ „не безкорыстно предпринимаемымъ крестовымъ походомъ, но войной за честь и интересы, борьбой двухъ народовъ, а не столкновенія христіанства съ мусульманскимъ варварствомъ“. Другими словами, названная газета, какъ истый органъ турецкихъ взглядовъ, черпалъ успокоеніе за будущее въ увѣренности, что въ худшемъ для Турціи результатѣ войны, Россія получитъ удовлетвореніе воинской чести, пріобрѣтаетъ

кой-какія болѣе осязательныя матеріальныя для себя выгоды, но главное, то, что для турокъ и для *Gournal des Débats*, какъ ихъ органа, всего дороже, — „*мусульманское варварство*“ переживетъ войну, и по прежнему останется хозяиномъ на Балканскомъ полуостровѣ? Откуда вывелъ такое заключеніе *Gournal des Dèbats*, этого онъ не пояснялъ, да и трудно было бы отыскать располагающее къ тому выводу мѣсто въ циркулярѣ русскаго канцлера. Прочія французскія газеты, менѣе названной пекущейся объ интересахъ „мусульманскаго варварства“, озабочены были главнымъ образомъ тѣмъ, что ни въ манифестѣ, объявляющемъ войну, ни въ циркулярѣ, возвѣщавшемъ о ней Европѣ, нѣтъ увѣреній въ безкорыстіи Россіи. „Тщетно искали бы мы, говорила газета *Le Temps*; въ обоихъ этихъ документахъ хотя бы слова, коимъ Россія обязывалась бы не извлекать прямой для себя выгоды изъ войны, которую она предприняла“. Такое молчаніе заставляло опасаться за самое бытіе Оттоманской имперіи.

Но когда же бывали войны, результаты которыхъ формулировались бы при началѣ компаніи? Французскія газеты сами не знали чего хотѣли; однѣ были бы довольны, если бы война свелась къ борьбѣ за воинскую честь и эгоистическіе интересы; другіе желали бы отъ русскаго правительства, что бы оно заранѣе объявило, что отказывается отъ всего того, что обыкновенно добывается путемъ оружія. Уступчивость русской дипломатіи развела въ Европѣ необыкновенную требовательность. Намъ отказывали даже въ правѣ воевать такъ, какъ всѣ до сихъ поръ воевали.

Для насъ хотѣли сочинять особыя правила войны, по которымъ намъ дозволительно воевать лишь подъ условіемъ, чтобы ни какой пользы мы отъ войны не получали, какъ бы счастливо она для насъ не окончилась.

Въ гораздо болѣе нервномъ настроеніи находились англійскія газеты. Между тѣмъ, какъ французская печать молилась лишь объ одномъ для Франціи,—о возможности нейтралитета, англійскія газеты весьма и весьма помышляли о войнѣ и грозили намъ ея перспективой. „Мы будемъ стоять столько же внимательными, сколько и ревнивыми зрителями хода“ событій,—говорилъ *Morning Post*. „Мы имѣемъ въ Средиземномъ морѣ внушительную морскую силу и держимъ на готовѣ хотя не большую, но расторопную армію, которая въ каждый моментъ можетъ быть послана для охраненія интересовъ нашей страны. Если послѣднимъ суждено будетъ нуждаться въ защитѣ, мы обладаемъ въ Азіи силой достаточной, чтобы отодвинуть вспять на цѣлое столѣтіе Русскій потокъ завоеваній и лишить Россію всѣхъ сдѣланныхъ ею пріобрѣтеній“.

Менѣе всего можно было ожидать, чтобы англичане стали грозить намъ именно съ этой стороны, послѣ всего того, что они сами твердили объ опасности, имъ самимъ отсюда грозившей. Въ войнѣ за немногими исключеніями, всѣ средства позволительны; быть можетъ, подъ своей угрозой. *Morning Post* разумѣлъ мусульманское населеніе средней Азіи и на него возлагалъ надежды, что нафанатизированное и поощренное англичанами, оно отодвинетъ насъ на цѣлое столѣтіе назадъ. Но эти племена, еще живо помнящія хивинскую экспедицію, врядъ ли поняли бы ум-

рать за англійскіе интересы на Босфорѣ. Во все время развитія восточнаго вопроса они не обнаружили никакой чуткости къ своимъ европейскимъ единовѣрцамъ и остались совершенно равнодушны къ тому, что совершалось на Балканскомъ полуостровѣ.

Times пешелъ такъ далеко и грозилъ намъ войною покуда лишь въ Европѣ, при первой усмотрительной попытки Россіи напасть на Константинополь.

Газета развертывала перспективу обще-европейской противъ насъ коалиціи, членомъ которой, кромѣ Австріи, называла и Германію. Этотъ угрожавшій тонъ пока не имѣлъ себѣ оправданія, по крайней мѣрѣ по отношенію къ послѣдней державѣ. „Добрыя пожеланія сопутствовалъ Русскому оружію, — читали мы въ берлинской оффиціозной *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*; въ виду интересовъ европейскаго, а слѣдовательно, и нашего мира, надо было ввести такое новое положеніе дѣлъ на Востокѣ, которое представляло бы гарантіи противъ возобновленія, или скорѣе постояннаго существованія въ турецкомъ государствѣ такихъ отношеній, кои заявили себя непрерывною опасностію для мирнаго развитія нашей части свѣта".

Гораздо болѣе видимыхъ основаній имѣли англичане расчитывать на Австрію, которая была ихъ вѣрнѣйшимъ союзникомъ въ предшествовавшей войнѣ дипломатической компаніи, веденной ими сообща противъ Россіи. Австро-Венгрія готовилась выступить первой на сцену дѣйствія и заблаговременно занять военную позицію на Балканскомъ полуостровѣ во флангѣ нашей арміи. Въ ожиданіи этой минуты органъ гр. Андраши *Correspondence*

Hongroise опредѣлялъ въ довольно туманныхъ выраженіяхъ задачи австро-венгерской политики. „Привести къ скорѣйшему возстановленію мира послѣ первыхъ рѣшительныхъ сраженій, соблюдая до тѣхъ поръ строгій нейтралитетъ,—такова была программа, которой должно было слѣдовать австро-венгерское правительство". Эта газета полагала, что дѣйствительно не обманутъ надежды, которыя государственные люди Австро-Венгріи возлагали на умѣренность, безкорыстіе и добросовѣстность Россіи". Въ какіе предѣлы должны замкнуться эти качества, чтобы оправдались основываемыя на нихъ надежды, органъ гр. Андраши не пояснялъ, ограничиваясь увѣренностію, что Россія не выйдетъ изъ роли „исполнительницы велѣній Европы". Велѣній Европы, которыхъ не было и нѣтъ! Органъ гр. Андраши не хотѣлъ знать, повидимому, основныхъ словъ манифеста, возвѣщающихъ, что для Россіи наступилъ моментъ „*самостоятельнаго дѣйствія*", не имѣющаго ничего общаго съ ролью какого-то исполнительнаго органа, которую Австро-Венгрія хотѣла бы навязать Россіи.

Осуществится или нѣтъ коалиція, которою *Times* грозитъ намъ, несомнѣнно, что англичане трепещутъ, что бы Россія не наложила руку на Константинополь; — по крайней мѣрѣ такое впечатлѣніе составляли крики англійскихъ газетъ. Но не меньше основаній имѣла и Россія опасаться того же отъ англичанъ. Еще русская армія не доходила до береговъ Дуная; размѣръ военныхъ дѣйствій ни мало не опредѣлился, а англійскія газеты ужъ поднимали тревогу, какъ будто русскія войска стоятъ лишь въ нѣсколькихъ переходахъ отъ Царьграда

и не сегодня завтра могутъ занять его. Такой преждевременный страхъ могъ казаться подозрительнымъ, внушая предположеніе, что англичане въ дѣйствіяхъ русской арміи за Дунаемъ будутъ искать предлога самимъ занять Константинополь, сославшись на опасность, которая могла грозить турецкой столицѣ со стороны Россіи, и насъ же обвинятъ въ такой случайности, на которую ихъ вынудили.

Пріостанавливая описаніе преслѣдованій, подозрительными взглядами тайныхъ и явныхъ друзей Порты, на передвиженіе нашихъ войскъ въ предѣлы Турціи; въ виду предстоящаго перехода Русскаго войска за Дунай и Малую Азію, и имѣющихъ начаться военныхъ дѣйствій, театромъ которыхъ служили: Болгарія, а въ Малой Азіи, — Эрзерумскій виллаетъ, исключительно пріобрѣтаетъ интересъ, описаніе этихъ мѣстностей:

Военно-географическіе очерки: Болгаріи и Азіатской Турціи.

БОЛГАРІЯ.

„Все пространство лежащее за Дунаемъ, въ басейнѣ правыхъ его притоковъ, отъ Чернаго моря до Сербской границы, а такъ же по обѣ стороны Балкановъ, можно подраздѣлить, по топографическимъ свойствамъ на слѣдующія части: 1) Балканская область; 2) Добруджа; 3) Дели-Орманскій лѣсъ и 4) средняя и западная Болгарія.

„Балканская область, заключающаяся между моремъ и двумя нижними колѣнами Дуная, имѣетъ на юго-

западѣ степной характеръ, въ среднихъ частяхъ плосковозвышенной съ грядами холмовъ, покрытыхъ мѣстами лѣсомъ, а на сѣверо-востокѣ—низменный, характеризующійся дельтою Дуная и рядомъ большихъ прибрежныхъ озеръ, которыя отдѣляются отъ моря большими песчаными косами. Бабодогская область, имѣющая весьма смѣшанное населеніе (татаръ 25%, затѣмъ, болгары, турки, молдоване и др.), однако, съ значительнымъ процентомъ христіанъ, въ послѣднее время калонизировалась татарами и черкесами и сдѣлала нѣкоторые успѣхи въ культурномъ отношеніи; въ ней развилась промышленность и торговля, города оживились, проведены новые пути; между послѣдними слѣдуетъ указать желѣзную дорогу и Кюстенджи въ Черноводы, а также хорошія колесныя дороги; отъ Кюстенджи и Меджидіе въ Бабадагъ, а отсюда въ Тульчу и Исачку. Естественныя особенности страны заключаются въ богатыхъ пастбищахъ и въ недостаточности воды. Главные города: Тульча (15,000) и Меджидіе (10,000).

„Добродужская степь лежитъ къ югу отъ Балканской области, до линіи, примѣрно, отъ Варны на Базарджикъ и Расову и представляетъ собою плоскую, безводную равнину, бѣдную городами и путями сообщенія. Населеніе ея состоитъ преимущественно изъ Болгаръ, но сильно подавленныхъ турками, а потому крайне бѣдныхъ и неспособныхъ бороться съ игомъ мусульманства. При недостаткѣ мѣстныхъ средствъ, отсутсвія воды и крайне нездоровомъ климатѣ, военныя дѣйствія въ Добруджѣ всегда сопровождались большими потерями; такъ было съ нашими войсками въ 1829 году, а въ особенности

съ французскими войсками въ 1854 году, когда изъ дивизіи Эспинаса въ короткое время выбыло болѣе половины всего состава.

„Дели-Орманскій лѣсъ занимаетъ обширное пространство къ Западу отъ Добруджи до линіи, примѣрно отъ Туртукая чрезъ Разградъ въ Шумлу, и ограничивается на Югѣ предгоріями Балкановъ. Это пространство и перерѣзано глубокими и крутыми оврагами, а во многихъ мѣстахъ и гористое, населено преимущественно мусульманами, состоящими изъ мало-азіятскихъ турокъ и черкесовъ, сохранившихъ воинственность, имѣющихъ хорошее вооруженіе и добрыхъ коней, а такъ же пользующихся извѣстною степенью довольства. Благодаря закрытой и пересѣченной мѣстности, извѣстной имъ вдоль и поперегъ, жители Дели-Орманскаго лѣса наносили намъ не мало вреда въ теченіи компаніи 1829 года, а подчасъ грабили и турецкіе транспорты. Изъ недавно помѣщенной въ *Русскомъ Инвалидѣ* (№ 81) замѣтки г. Липранди видно, что въ 1829 г., для обезпеченія нашихъ сообщеній отъ Шумлы къ Дунаю, тревожимыхъ жителями Дели-Ормана, пришлось между прочимъ сформировать довольно значительный отрядъ волонтеровъ — партизановъ, который противодѣйствовалъ нападенію разбойничьихъ шаекъ Дели-Ормана. Города: какъ Селистрія, Разградъ, Базарджикъ, Козлуджи и др. лежатъ на окраинахъ этой мѣстности; внутри же Дели-Орманскаго лѣса, находится не мало весьма зажиточныхъ деревень. Дорогъ здѣсь довольно, преимущественно въ направленіи отъ Дуная въ горы; поперечныхъ же путей весьма мало; кромѣ того, дороги

эти представляютъ лѣсныя ущелья, не удобныя для наступательныхъ движеній. Лучшія колесныя дороги отъ Селистріи къ Разграду, Шумлѣ, Козлуджи и Проводамъ, и пересѣкаются рельсовымъ сообщеніемъ между Рущукомъ и Варной.

„Западная Болгарія, заключающая остальное пространство до Сербской границы, вслѣдствіе отсутствія точныхъ мѣстныхъ свѣденій, а также по причинѣ неудобства путешествія при турецкихъ порядкахъ, долгое время была мало извѣстна для Европы. Всѣ свѣденія о ней ограничивались данными, доставленными нѣсколькими путешественниками, какъ Лежанъ, Ами Буэ, Вутнеръ, Бартъ и Алларъ, да рекогносцировками нашихъ офицеровъ, сдѣланными въ теченіи предыдущихъ войнъ. Въ настоящее время этотъ пробѣлъ дополненъ нѣкоторыми изслѣдованіями путешественниковъ.

„Рельефъ мѣстности Болгаріи вполнѣ опредѣляется Балканами, по обѣимъ сторонамъ которыхъ лежитъ эта страна. Главный кряжъ Балкановъ (средняя высота 4,500 футовъ надъ уровнемъ моря, за исключеніемъ немногихъ сѣдловинъ, которыя понижаются до 3,500 фут.) Большіе Балканы, тянутся отъ истоковъ р. Вида, отъ Этрополя до Сливно, причемъ отдѣльныя его вершины не превышаютъ 6,000 ф. На западѣ Балканы, сливаются съ сербскими горами, а на востокѣ, ниспадая, даютъ вѣтви къ Шумлѣ и къ Ямболю; сѣверный склонъ Балкановъ, постепенно понижаясь, терасообразно спускается къ Дунаю, а южный на оборотъ, круто переходитъ въ долины, и лишь мѣстами отдѣляетъ отъ себя второстепенные уступы. Общій характеръ Балкановъ въ сред-

ней ихъ части лѣсистый; изъ за буковыхъ и дубовыхъ лѣсовъ поднимаются только голыя вершины наиболѣе высокихъ точекъ, обильные лѣса произростали также на восточныхъ и западныхъ развѣтленіяхъ горъ, но въ настоящее время, вслѣдствіе незначительной высоты горъ, въ лѣсахъ сдѣланы значительныя порубки. Чѣмъ ниже спускаются Балканы, тѣмъ богаче и разнообразнѣе становятся породы одѣвающихъ ихъ лѣсовъ; за ними идутъ отличныя пастбища, далѣе, поля кукурузы, виноградники, грецкій орѣхъ, замѣчательный по своей красотѣ и громадности, тутовое дерево. Южный склонъ еще богаче растительностію, обильнѣе водою, мягче климатомъ; на его покатостяхъ растутъ цѣлыя массы розъ, изъ которыхъ мѣстнымъ населеніемъ выдѣлывается столь цѣнное розовое масло (150 руб. за фунтъ), составляющее одну изъ главныхъ статей дохода болгаръ. Множество рѣкъ и рѣчекъ, стекающихъ съ сѣверныхъ склонъ Балкановъ въ Дунай, обозначаютъ собою развѣтвленія второстепенныхъ горныхъ отроговъ, а долины ихъ ведутъ въ глубь горъ, къ переваламъ. Всѣ эти рѣки, равно какъ и текущія съ южнаго склона въ долину Марицы, имѣютъ общій характеръ горныхъ рѣкъ и ручьевъ: быстрое, извилистое теченіе, крутые, обрывистые берега, каменное дно. Изъ рѣкъ, впадающихъ въ Дунай, упомянемъ: Акъ-Ломъ и Кара-Ломъ (впадаютъ близъ Рущука); Янтра, Осма (устье у Никополя); Видъ, Искеръ и Огостъ; въ Черное море — Б и М. Камчикъ, Буланлыкъ, въ Марицу — Тунджа, Гексу и Топольница.

„Балканы, особенно въ средней своей части, считались

въ прежнее время не только трудно доступными, но даже непроходимыми. Только благодаря новѣйшимъ изслѣдованіямъ, географическія и топографическія данныя этого уголка Европы были основательно уяснены, причемъ, чрезъ Балканы оказалось достаточно проходовъ, дотолѣ весьма мало извѣстныхъ въ Европѣ.

„Восточныя вѣтви Балкановъ и оконечности хребта, упирающіяся въ море, не представляютъ особенно трудныхъ переваловъ. Пути, пересѣкающіе эту часть горъ, достаточно многочисленны и удободоступны для войскъ, хотя движеніе по нимъ затрудняется закрытою и пересѣченною мѣстностью, а въ особенности переправами черезъ горныя рѣки (Буланлыкъ и оба Камчика), внезапно вздувающіяся отъ дождей и отъ таянія снѣговъ. Наиболѣе удобныя дороги черезъ эту часть Балкановъ слѣдующія; 1) отъ Варны, берегомъ моря, на Мисемврію въ Бургосъ; 2) отъ Праводъ къ Айдосу; 3) отъ Шумлы къ Карнабату; 4) отъ Османа-Базара на Казанъ (котелъ) въ Сливно. Всѣ эти дороги доступны для движенія артиллеріи.

„Средняя часть Балкановъ, западнѣе Сливно, становится, какъ уже сказано выше, суровѣе, образуютъ скалистыи ущелья; скаты горъ покрыты густыми лѣсами; вершины образуютъ или плоскости, заросшіи терновникомъ, и иногда совершенно обнаженныя и каменистыя, или возвышаются голыми конусами и шапками. Съ сѣверной стороны Балкановъ ущелья гораздо длиннѣе и недоступнѣе, чѣмъ съ южной, гдѣ скалы горъ круто спускаются къ долинамъ рѣкъ Тополыницы и Тунджи, впадающихъ въ Марицу. Въ этой части Балкановъ,

проходовъ гораздо менѣе, чѣмъ въ восточной, однако не такъ мало, что бы считать ее непроходимою, какъ это думали прежде. На протяженіи отъ Сливно до Акъ-Поланки (приблизительно 304 вер.) считаютъ всего 12-ть наиболѣе удобныхъ проходовъ, изъ которыхъ только три вьючныхъ, а остальные колесные, и даже нѣкоторые изъ нихъ шоссированы. Вотъ главнѣйшіе перевалы съ запада; Чупернь-Акъ-Поланка; Чупернь-Пиротъ; Берковацъ-Софія; всѣ три шоссе; Орханіэ (Самунджіево)-Стрыгль-Софія (дорога шоссирована; самый легкій перевалъ во всемъ Балканѣ—3,400 ф.); Этрополь-Стрыгль; Этрополь-Златица; Тетевель-Рохманли; Троянъ-Калоферъ; послѣдніе три вьючные; Габрово-Шипка (шоссе); Травна-Казанлыкъ (до перевала шоссирована); Старорѣка-Сливно.

„Всѣ эти пути, перевалнвъ съ сѣверной стороны Балкановъ на южную, выходятъ на большую, торную торговую дорогу, идущую по переваламъ среднихъ отроговъ отъ Софіи на Златицу, Клисуру, Калоферъ, Казанлыкъ и Сливно.

„Что касается до дорогъ, ведущихъ отъ Дуная въ горы, то ихъ вполнѣ достаточно и онѣ будучи частію шоссерованны, вполнѣ удобны для движенія войскъ. Кромѣ грунтовой дороги идущей берегомъ Дуная отъ Видина чрезъ Рахово, Никополь, Систовъ въ Рущукъ, можно указать еще на шоссе; Видинъ-Чупрень, Ломъ-Чупрень, Рахово-Враца, Рахово-Плевна-Орханіэ, Рущукъ-Тырново-Габрово. Кромѣ того, колесные пути идутъ отъ всѣхъ, городовъ въ горы и между главнѣйшими городами предгорій, причемъ, узломъ дорогъ служатъ Враца, Ловча, и Тырново.

„Приводимъ нѣсколько словъ изъ книги Каница, описывающихъ перевалъ чрезъ Шибку-Балканъ.

„Изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ путей чрезъ Балканы, самый замѣчательный проходъ Шибка. Взобравшись на высоту почти 1,000 метровъ, вы съ неописаннымъ изумленіемъ видите себя очутившимся между двумя противуположными мірами. На сѣверъ отъ васъ такая природа, гдѣ человѣку на каждомъ шагу придется выдерживать тяжелую борьбу за существованіе: горы и долины здѣсь почти сплошь покрыты однообразнымъ лиственнымъ лѣсомъ; между дубовыми и буковыми деревьями съ трудомъ разглядишь крыши изъ извѣстнаго плитняка на бѣлыхъ, кой-гдѣ стоящихъ болгарскихъ хуторахъ. Но оберните́сь къ югу и вамъ представляется совсѣмъ другая картина. Подъ вашими ногами обширная, знаменитая своей красотой, казанлыкская долина; волнообразные холмы защищаютъ ее отъ юго-западныхъ вѣтровъ; цѣлые сады розъ, наполняющихъ воздухъ своимъ ароматомъ, золотистыя хлѣбныя поля, серебристыя, извилистыя рѣчки, роскошныя группы столѣтнихъ орѣховыхъ деревьевъ, среди нихъ красныя черепичныя крыши домовъ, и стройные минареты безчисленныхъ турецкихъ селеній и городковъ. Все это вмѣстѣ составляетъ восхитительный ландшафтъ! Чтобы взобраться по сѣверному склону Шибка-Балканъ, отъ Габрова, для всадника потребно неменѣе $4^1/_2$ часовъ, тогда какъ для спуска къ селенію Шибка, лежащему на 700 метровъ глубины у южной подошвы горы, потребно не болѣе одного часа“.

„Не слѣдуетъ, однако, думать, что всѣ вышеисчисленные пути, хотя бы и шоссированные, не представ-

ляли затрудненій для движенія. По свидѣтельству Каппца, недавно проѣхавшаго по многимъ изъ нихъ, эти пути представляютъ зачастую крытые спуски и подъемы, дорога часто перебѣгаетъ съ одного берега рѣки на другой, иногда лѣпится карпизомъ по краю горнаго массива, иногда вьется надъ отвѣсною пропастью.... Грунтъ нешоссированныхъ дорогъ нерѣдко глинистый и вязкій, отъ дождей размокаетъ и становится затруднительнымъ для движенія повозокъ. Изъ этого слѣдуетъ, что всѣ эти дороги требуютъ тщательнаго предварительнаго осмотра и исправленія: саперамъ будетъ предстоять на нихъ немало работы.

„Съ другой стороны, распредѣленіе водъ и пастбищъ требуетъ особой тщательности при соображеніи движеній войскъ. Необходимо заблаговременно имѣть свѣдѣнія о числѣ фонтановъ и водоемовъ, имѣющихъ на пути и съ ними соображать движенія войскъ, съ тѣмъ, чтобы они, по приходѣ на ночлегъ, не терпѣли нужды въ этихъ предметахъ первой необходимости; необходима заблаговременная высылка саперныхъ командъ для исправленія пути: необходимо слѣдованіе обозовъ непосредственно за войсками и проч.

Климатъ Болгаріи также обусловливается Балканами. Сѣверо-восточный вѣтеръ, свободно обдувающій приподнятую поверхность придунайской Болгаріи, умѣряетъ здѣсь лѣтнюю жару градусовъ на 7—10, сравнительно съ Румыніей, и, напротивъ, усиливаетъ зимнюю стужу доходящую до 18°. Зимою здѣсь не столько непріятна стужа, сколько рѣзкій, ледяной вѣтеръ, замѣтающій снѣгомъ дороги и затрудняющій движеніе по нимъ. Въ

Забалканской Болгаріи, защищенной хребтомъ горъ отъ сѣверо-восточнаго вѣтра, стужа зимою рѣдко превышаетъ 5°, снѣгъ лежитъ здѣсь лишь нѣсколько дней, и за тѣмъ, подъ вліяніемъ полуденныхъ лучей, рыхнетъ и стаиваетъ. Лѣтомъ сильная жара, невыносимая въ глубокихъ котловицахъ и долинахъ; если въ нихъ есть стоячія воды, то отдѣляющіеся міазмы порождаютъ жестокую лихорадку.

„Изъ числа славянскихъ народовъ, подпавшихъ въ концѣ XIV-го и въ началѣ XV-го вѣка, подъ власть османовъ, самымъ „забытымъ“ народомъ былъ народъ болгарскій. Въ теченіе многихъ вѣковъ европейское изслѣдованіе совершенно игнорировало его, и окрещенные общимъ именемъ „грековъ“, Болгары въ этнографическомъ отношеніи были такого же „*Terra incognita*“, какою явилась ихъ страна въ отношеніяхъ: географическомъ и этнографическомъ. Все было забыто: ихъ славное прошлое, вѣкосамостоятельной жизни, ихъ нравы, обычаи, культура и даже то, что они уже около пяти столѣтій изнываютъ подъ невыносимымъ гнетомъ Турокъ и тщетно ждутъ избавленія. Одна только Россія не оставалась глуха къ воплямъ Славянъ и помогала, сколько могла, несчастному народу, связанному съ нею узами крови и религіи. Но наконецъ, густой вѣковой туманъ, окутывавшій несчастную страну, мало по малу разсѣялся. Въ томъ культурно политическомъ процессѣ образованія народностей, который возникъ съ начала нынѣшняго вѣка на классическомъ Гемусскомъ полуостровѣ, вслѣдъ за Греціею, Сербіею и Румыніею, выступилъ, наконецъ, въ послѣднее время на первый планъ бол-

гарскій народъ, заявляя свои права на существованіе. Его прошлое было основательно изслѣдовано учеными; Европа узнала его исторію, изъ которой мы напомнимъ читателямъ только нѣкоторыя черты.

„Въ концѣ V-го вѣка имя болгаръ впервые появляется въ исторіи. Перейдя Дунай и разсѣявшись по мѣстамъ, занятымъ уже славянскими племенами, поселенія которыхъ тянулись отъ Добруджи къ западу до рѣки Дравы, они слились съ послѣдними и образовали сильное балгарское царство, не разъ заставлявшее трепетать одряхлевшую Византію. Рядомъ съ военными успѣхами шло и гражданское развитіе страны, а принятіе православнаго христіанства отъ святыхъ проповѣдниковъ Кирила и Меѳодія, указало Болгаріи на блестящую будущность. Она надѣялась замѣнить собою на Балканскомъ полуостровѣ одряхлѣвшую Византію и уже готовилась вступить въ свои права, какъ вдругъ напоръ грубой фанатической силы разрушилъ эти блестящія надежды. Подъ ударами турокъ (въ концѣ XIV-го столѣтія), наводнившихъ собою Балканскій полуостровъ, имя болгаровъ исчезаетъ изъ исторіи, а ихъ блестящія надежды смѣняются вѣковѣчнымъ рабствомъ. Съ тѣхъ поръ Болгарскій народъ не считался болѣе народомъ, онъ потерялъ свою политическую индивидуальность и, отданный въ полное распоряженіе турокъ, скорѣе прозябалъ, чѣмъ жилъ, влача печальное существованіе беззащитной райи. При такихъ тяжелыхъ условіяхъ, всякій дурной народъ, даже болѣе цивилизованный, утратилъ бы окончательно свои индивидуальныя особенности и слился бы съ побѣдителями. Но балгары, не

смотря на пятивѣковое порабощеніе, благодаря тому упорству, которое отличаетъ славянскія племена, сохранили въ цѣлости и чистотѣ свои обычаи, преданія, вѣру отцовъ и надежды на лучшее будущее. Однако, постоянный гнетъ турокъ не остался безъ послѣдствій, балгары потеряли свою прежнюю воинственность и въ большинствѣ стали народомъ миролюбивымъ.

„Если къ военной власти турокъ присоединить невыносимый гнетъ греческаго духовенства, систематически раззорявшаго и развращавшаго народъ, то станетъ понятнымъ столь позднее пробужденіе національнаго духа въ Болгаріи. Съ давнихъ временъ окруженные слабыми и угнетенными румынами, относящимися къ нимъ непріязненно греками и сербами, притѣсняющими ихъ албанцами и турками, болгары, до начала настоящаго столѣтія, не могли также разсчитывать ни на какую внѣшнюю поддержку. Въ 1828 году, при движеніи русскихъ войскъ въ предѣлы Турціи, болгары сдѣлали первую попытку сбросить съ себя турецкое иго, но заключенный въ скоромъ времени адріанопольскій миръ подавилъ это движеніе въ самомъ зародышѣ. Съ тѣхъ поръ, однако, болгарскій народъ не переставалъ заявлять о своемъ существованіи; возстанія вспыхивали въ Болгаріи въ 1837 и 1841 годахъ и, хотя жестоко подавляемы, оканчивались ничѣмъ, однако служили поддержкою для дальнѣйшаго движенія. Россія неоднократно настаивала на облегченіе участи своихъ соплеменниковъ и единовѣрцевъ; какъ по адріанопольскому миру, такъ и на основаніи Парижскаго трактата, Турція, по настоянію Россіи, принуждена была дать нѣкоторыя права

болгарамъ, обезпечить ихъ личныя и имущественныя права, ограничить административный и судебный произволъ турокъ. Но всему міру извѣстно, что статья трактатовъ оставалась лишь мертвою буквою, а невыносимое положеніе турецкихъ христіанъ стало вызывать періодическія возстанія въ ихъ земляхъ, державшія въ постоянномъ напряженіи всю Европу.

„Съ шестидесятыхъ годовъ движеніе въ Болгаріи стало принимать иной, болѣе интелектуальный характеръ. Болгары обратились къ изученію своей исторіи, литературы, своего прошлаго; образовалась партія „Молодой Болгаріи", которая, избравъ школу орудіемъ своей національной пропаганды, старалась вселить въ молодыхъ болгарахъ духъ свободы и независимости; наконецъ болгары, опираясь на статьи трактатовъ, стали требовать у Порты фактическихъ облегченій: свободы національнаго языка въ церкви и школѣ и независимости послѣдней отъ константинопольской. Но эти заявленія остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, повели къ тому, что болгарская молодежъ задумала вооруженною рукою поддержать національныя стремленія. Одно за другимъ, въ 1862, а затѣмъ въ 1867 и 1868 годахъ вспыхивали востанія въ Болгаріи, которыя, однако, не будучи достаточно подготовлены, оканчивались неудачами и были жестоко подавляемы турками въ лицѣ энергическаго и суроваго Мидхата-паши. Тѣмъ не менѣе, эти вспышки заставили турокъ исполнить нѣкоторыя желанія болгаръ; такъ въ 1871 г. болгарская церковь была отдѣлена отъ греческой. Но существенныя условія соціальнаго быта нисколько не

измѣнились для этого несчастнаго народа, напротивъ, положеніе его становилось день ото дня невыносимѣе и, наконецъ, разразилось неслыханными жертвами 1876 года, къ которымъ ни одно христіанское государство уже не могло оставаться равнодушнымъ....

Численность болгарскаго населенія не поддается точному опредѣленію. Если принять въ соображеніе всѣхъ болгаръ, живущихъ въ Европейской Турціи не только по обоимъ склонамъ Балкановъ, но и въ долинѣ болгарской Моравы и Марицы, то численность ихъ не превзойдетъ пяти милліоновъ (по Каницу). Вся эта однородная масса, исповѣдующая православную вѣру и говорящая однимъ языкомъ, размѣщается на пространствѣ своей территоріи, мѣстами сплошь (преимущественно въ селеніяхъ), мѣстами въ перемежку съ мусульманскимъ населеніемъ (преимущественно въ горахъ).

Природный настоящій типъ балгаровъ сохранился преимущественно въ западныхъ Балканахъ, гдѣ народъ уцѣлѣлъ отъ всякихъ примѣсей и почти сплошь заселяетъ страну. Высокій ростъ, нѣсколько узкія плечи, худощавое, но мускулистое тѣлосложеніе—вотъ главные признаки этого типа. Форма головы представляетъ нѣсколько поданный впередъ лобъ, прямой носъ, густыя брови, глаза съ узкимъ прорѣзомъ, свѣтлые волосы. Лица носятъ отпечатокъ упорства и постоянства,—качествъ, способствующихъ развитію въ народѣ земледѣлія, промышленности и ремеслъ,—но, вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря миролюбивому характеру болгаръ, выражаютъ болѣе доброты и кротости, чѣмъ мужества и энергіи. Женщины по большей части средняго роста

и въ молодости весьма красивы но, подъ вліяніемъ тяжелаго труда и при замужествѣ, быстро старѣются.

Народный костюмъ болгаръ состоитъ изъ кубара, колпака изъ черной или бѣлой овчины, рубаха съ широкими рукавами и съ пестрыми вышивками на плечахъ и на груди, подпоясанной широкимъ краснымъ кушакомъ, къ которому привѣшенъ ножъ, бѣлыхъ шароваровъ, лѣтомъ полотняныхъ, зимой суконныхъ, стянутыхъ ниже колѣнъ красною шерстяною тесьмою или ремнемъ и толстыхъ бошмаковъ домашней работы (иногда носятъ и турецкія „бабуши“). Одежда горожанъ низшаго сословія отличается болѣе темнымъ цвѣтомъ одежды. Костюмъ болгарскихъ женщинъ, подобно мужскому, сходенъ съ нашимъ малороссійскимъ: шитая рубаха, юбка и передникъ, перехваченные поясомъ, составляющимъ любимое украшеніе, иногда искусно вышитымъ золотомъ и богато украшеннымъ; въ косы заплетаются цвѣты, медали и ленты.

Старый болгарскій языкъ, по своему граматическому строенію, ближе всѣхъ другихъ славянскихъ нарѣчій подходитъ къ великорусскому языку. Впослѣдствіи, съ паденіемъ болгарскаго государства, онъ утратилъ свою первобытную чистоту и наполнился: сербскими, греческими, румынскими и турецкими терминами, но все-таки остался наиболѣе подходящимъ къ русскому языку.

Въ Болгаріи существуетъ полное равенство сословій, происхожденіе котораго отчасти лежитъ въ демократическомъ духѣ славянскихъ племенъ, отчасти въ томъ общемъ гнетѣ турокъ, подъ которымъ всѣ одинаково были подавлены.

Болгары весьма склонны къ земледѣлію, промысламъ, торговлѣ. Живущіе въ высокихъ долинахъ Балкановъ занимаются скотоводствомъ и промышленностью, жители же низкихъ долинъ отдались преимущественно земледѣлію. Однако, земледѣльческое хозяйство сильно страдаетъ, какъ отъ запутанности юридическихъ отношеній по праву землевладѣнія, такъ и отъ отсутствія путей для сбыта. Вслѣдствіе этого, болгары производятъ лишь такое количество хлѣба, какое имъ нужно для собственнаго пропитанія и для уплаты податей натурою, и оставляютъ запущенную значительную часть превосходной черноземной почвы. Двѣ трети обработанной земли засѣвается кукурузою,—главное продовольствіе жителей,—остальная треть занята: полями риса, пшеницы, ржи, табаку, хлопчато-бумажника, а также виноградниками.

Благодаря мягкому климату, шелководство распространено по всей Болгаріи; мѣстные коконы, улучшенные персидскими и мало-азіятскими, покупаются по высокой цѣнѣ итальянскими торговцами. Сборъ грецкихъ орѣховъ, огромныя деревья которыхъ, по красотѣ и величинѣ, превосходятъ мало-азіятскія, составляетъ другой богатый источникъ доходовъ; орѣховъ продается ежегодно на три милліона піастровъ, *) да кромѣ того, самое дерево очень дорого цѣнится французскими краснодеревцами. Выдѣлка розоваго масла, обложенная, впрочемъ, громадными пошлинами, производится въ весьма значительныхъ размѣрахъ, и могло бы въ трое увеличиться при отсутствіи стѣсненій въ производствѣ.

*) Піастръ сер. турецкій равенъ 25 коп.

Скотоводство, благодаря прекраснымъ постбищамъ, значительно распространено во всей Болгаріи. Внутри страны можно встрѣтить огромные гурты рогатаго и мелкаго скота, перегоняемые на подножномъ корму въ мѣста сбыта.

Минеральныя богатства, желѣзо, каменный уголь весьма значительны въ Болгаріи, но мало разработаны, а мѣстами и совершенно игнорируются. Особенно славянскіе симковскіе желѣзные рудники, хотя разработка производится на нихъ самымъ первобытнымъ способомъ.

Болгары въ высшей степени способны къ ремесленному производству. Они отличаются рѣзьбой на деревѣ, фабрикаціей ковровъ, кисеи, серебряныхъ и желѣзныхъ издѣлій; кромѣ того, здѣсь существуютъ производства: сукоппое, оружейное, сѣдельное имѣющія значенія въ военномъ отношеніи.

Городское населеніе распредѣлено въ Болгаріи преимущественно на Дунаѣ, какъ на главномъ пути промышленности и торговли и въ долинахъ второстепенныхъ отроговъ Балкановъ, преимущественно на узлахъ дорогъ и на путяхъ, ведущихъ за Балканы. Характеръ городовъ смѣшанный; почти во всѣхъ существуютъ два квартала, турецкій и болгарскій, съ колебающимся отношеніемъ между обѣими расами, но всегда съ значительнымъ процентомъ турокъ. Будучи не рѣдко расположены въ чрезвычайно красивыхъ долинахъ, болгарскіе города, подобно всѣмъ восточнымъ городамъ, погруженные въ зелени садовъ и возвышаясь остроконечными минаретами и куполами православныхъ церквей, издали производятъ пріятное впѣчатленіе на глазъ; вблизи же

это впечатлѣніе значительно измѣняется: на сцену выступаетъ тѣснота и грязь, вмѣстѣ съ пестрою смѣсью архитектуръ, лачугъ и каменныхъ домовъ.

Сельское населеніе, мѣстами сплошь болгарское, разсѣляется въ безчисленныхъ долинахъ, образуемыхъ развѣтвленіями Балкана и его отроговъ, причемъ поселенія лѣпятся и повысокимъ и суровымъ скатамъ горъ, занимаясь преимущественно скотоводствомъ. Деревни низкихъ плоскогорій, спускающихся къ Дунаю, по своему размѣру, значительнѣе горныхъ, гдѣ особенности сельскаго хозяйства указываютъ размѣщеніе населенія въ малыхъ деревушкахъ, по нѣскольку дворовъ, или въ одинокихъ хуторахъ, расположенныхъ не далеко другъ отъ друга. Постройки большею частію деревянныя, отчасти схожія съ нашими; болгарскіе крестьяне ставятъ обыкновенно деревянный срубъ, съотверстіемъ для оконъ и дверей, покрываютъ его крышею, состоящею изъ тонкихъ шиферныхъ плитокъ и, затѣмъ, украшаютъ домикъ рѣзными колонками, балкончиками, навѣсами. Рамъ и стеколъ нѣтъ: ихъ замѣняютъ филенчатыя раздвижныя рамы, на зиму наглухо заклеиваемыя бумагой. Иногда дома въ деревняхъ складываются изъ прочнаго бѣлаго камня, представляющаго смѣсь сланца, извести и сѣраго мергеля.

Не останавливаясь на перечисленіи городовъ Болгаріи, мы скажемъ здѣсь нѣсколько словъ о главномъ городѣ вилайета, Рущукѣ и обывшей столицѣ Болгарскаго царства гор. Тырново.

„*Рущукъ-крѣпость* и главный городъ Тунскаго (Дунайскаго) вилайета, къ которому принадлежитъ Болга-

рія, лежитъ на Дунаѣ, близъ впаденія рѣки Кара-Ломъ, и соединенъ желѣзною дорогою Рущукъ-Варна съ Чернымъ моремъ. Окруженный садами и виноградниками, Рущукъ весьма красивъ, въ немъ сосредоточиваются административныя учрежденія вилайета; затѣмъ почтамтъ, телеграфъ, типографія, въ немъ издается также турецкій листокъ „*Туна*“, единственный во всемъ вилайетѣ; есть нѣсколько православныхъ церквей, нѣсколько болгарскихъ школъ, книжный магазинъ (болгарскій) и проч. На 23,000 жителей въ немъ приходится 11,000 турокъ. Какъ крѣпость, онъ, подобно всѣмъ турецкимъ крѣпостямъ, не удовлетворяетъ современнымъ техническимъ требованіямъ не соображенъ съ дѣйствительностію выстрѣловъ новѣйшей осадной артиллеріи и страдаетъ отсутствіемъ блиндированныхъ помѣщеній. Тѣмъ не менѣе, въ послѣднее время турки усердно занимались его укрѣпленіемъ.

Тырново, древняя столица болгарскаго царства, считается болгарами главнымъ городомъ страны. Онъ расположенъ въ скалахъ въ превосходномъ мѣстоположеніи на р. Янтрѣ и ручьяхъ, въ нее впадающихъ. Жители города, по пріимуществу болгары; ведутъ обширную торговлю, чему способствуетъ центральное положеніе города въ узлѣ путей, пересѣкающихъ Болгарію. Въ городѣ два квартала: турецкій и христіанскій. Тырново соединенъ шоссейными дорогами: съ Рущукомъ, Ловчей, Плевной, Шумлой; отсюда же идетъ одинъ изъ лучшихъ перевaловъ чрезъ Балканы на Габрово и Шибку-Балканъ. Число жителей въ городѣ 13,000; изъ нихъ 4,500 человѣкъ турокъ.

Затѣмъ упомянемъ о крѣпостяхъ: Видднѣ, Силистріи, Шумлѣ, Варнѣ, и объ укрѣпленныхъ пунктахъ, каковы: Рахово, Никополь, Систово, Туртукай, Расово, Гирсово, Мачинъ, Исачка и Тульча.

Разсматривая съ военной точки зрѣнія описанный выше районъ, замѣтимъ, что Болгарія въ различныхъ своихъ частяхъ имѣетъ свои характерныя особенности, оказывающія разнообразное вліяніе на дѣйствія и движенія въ нихъ войскъ.

Такъ, движеніе войскъ по открытымъ мѣстностямъ Бабадагской области и Добруджи не представитъ никакихъ затрудненій, причемъ встрѣча нашихъ войскъ съ турецкими на такой мѣстности дастъ шансы въ нашу пользу; но съ другой стороны, слѣдуетъ принять въ разсчетъ недостатокъ воды, нездоровый климатъ (особенно въ Добруджѣ), а также малочисленность и бѣдность мѣстнаго населенія. Въ Дели-Орманскомъ лѣсу затрудненія представляются въ свойствахъ дорогъ, состоящихъ изъ узкихъ лѣсныхъ дефиле, пересѣкаемыхъ глубокими оврагами. Наконецъ въ западной Болгаріи движеніе войскъ встрѣчаетъ затрудненія, свойственныя всѣмъ дорогамъ Турціи; хотя здѣсь есть колесныя дороги и даже шоссе, а также удобные перевалы черезъ Балканы, но дороги узки; содержатся дурно; переправы не обезпечены.

Удобное расквартированіе значительнаго числа войскъ возможно только въ центрахъ; въ селеніяхъ же и мѣстечкахъ, постройки которыхъ, хотя и довольно удобны, можно располагать только не большіе отряды.

Относительно содержанія войскъ можно разсчитывать на мѣстныя средства только въ нѣкоторыхъ, наиболѣе

зажиточныхъ округахъ, да и то придется привыкать къ кукурузѣ; въ горныхъ мѣстностяхъ можно пользоваться скотомъ, въ избыткѣ содержимомъ жителями.

Всѣ эти культурныя и климатическія особенности страны требуютъ соблюденія въ войскахъ особыхъ санитарныхъ мѣръ, ограждающихъ ихъ отъ болѣзней. Рѣзкій переходъ отъ дневнаго жара къ ночному холоду, особыя свойства воды, непривычный хлѣбъ, вредныя испаренія въ низкихъ мѣстахъ, порождающія лихорадку—вотъ тѣ вредныя условія, вліяніе которыхъ должно устранять. Войскамъ нашимъ извѣстны эти особенности страны, а такъ же и средства противодѣйствія имъ: выборъ бивуачныхъ мѣстъ, расположеніе на бивуакѣ въ палаткахъ: выборъ и осторожное употребленіе воды; снабженіе отряда водою на походѣ (возка воды на вьюкахъ); употребленіе консервовъ для людей и животныхъ; употребленіе чая и спирта; шерстяная одежда и тщательное прикрытіе головы лѣтомъ,—вотъ тѣ мѣры, на которыя указываетъ опытъ прежнихъ войнъ.

Обзоръ забалканской Болгаріи.

Для болѣе удобнаго военно-географическаго обзора страны, лежащей за Балканомъ, ее слѣдуетъ подраздѣлять на три главныя пространства: Софійская возвышенная котловина, бассейнъ рѣки Марицы и прибрежье Чернаго моря.

Софійская возвышенная котловина представляетъ равнину, распространяющуюся по притокамъ р. Искера, верстъ на 60—70 отъ запада къ востоку и на 20—30

верстъ въ ширину. Софійская котловина составляетъ какъ-бы связующее звено между восточнымъ театромъ войны, въ Турціи и Сербіи. Населеніе этой страны— преимущественно болгарское, и лишь къ границѣ Сербіи — сербское, хотя въ горахъ не мало турокъ, а также въ странѣ разбросаны черкесскіе поселки. Важнѣйшій пунктъ этой страны, гор. Софія (Средецъ), одинъ изъ торговыхъ путей и узелъ многочисленныхъ сообщеній. Въ Софіи считается до 18,000 жителей, изъ которыхъ: около 6,500 болгаръ, 5,500 турокъ, 5,000 евреевъ и до 1,000 цыганъ.

Бассейнъ р. Марицы окруженъ со всѣхъ сторонъ горами, которыя спускаются къ долинѣ рѣки въ видѣ уступовъ. Бассейнъ этотъ состоитъ изъ двухъ главныхъ рѣчныхъ долинъ: Марицы и ея притока Тунджи. Рѣка Тунджа беретъ начало въ Великомъ Балканѣ и омываетъ подножія южныхъ его отроговъ, направляясь съ запада на востокъ; далѣе она дѣлаетъ поворотъ на югъ и впадаетъ въ р. Марицу. Правый берегъ долины верховьевъ р. Тунджи ограничиваютъ отроги горъ Караджа—дагъ.

Казанлыкъ имѣетъ видъ мусульманскаго города, хотя преобладающее населеніе болгарское. Въ городѣ считается до 21,000 жителей. Лучшій путь изъ Казанлыка ведетъ на юго-западъ, въ Филопополь и, чрезъ горы Корадоли къ Адріанополю. Рѣка Марица беретъ свое начало изъ отроговъ горъ Родона и своихъ верхнихъ теченій, съ запада на востокъ, орошаетъ обширную равнину филиппопольскую, а затѣмъ адріанопольскую, гдѣ, принявъ слѣва Тунджу, круто поворачиваетъ на югъ и впадаетъ въ Архипелагъ. На

пути своемъ р. Марица, кромѣ Тунджи, принимаетъ нѣсколько значительныхъ притоковъ. На верхнемъ теченіи р. Марицы, при впаденіи р. Топовицы, лежитъ городъ *Татаръ-Базарджикъ*, соединенный съ Софіей хорошимъ шоссе. Сюда и нѣсколько далѣе на востокъ доведена линія желѣзной дороги изъ Константинополя. Внизъ по теченію Марицы, на обширной равнинѣ, расположенъ городъ *Филиппополь* съ 45,000 жителей, изъ которыхъ до 23,000 болгаръ, около 19,000 мусульманъ, и затѣмъ греки, армяне и евреи. Ниже по теченію р. Марицы, при впаденіи въ нее Тунджи слѣва и рѣки Адры—справа находится обширный городъ *Адріанополь* (Эдирне), имѣющій до 90,000 жителей, изъ которыхъ свыше 50,000 болгаръ и грековъ, около 28,000 магометанъ и значительное число евреевъ и проч.

Прибрежье Чернаго моря представляетъ мало производительную страну. Поперечные отроги хребта круто упираются въ самый берегъ моря, образуя скалистое побережье. Низменная часть этого пространства, большая трехугольная равнина, ограниченная съ юга—горами Текиръ и прибрежными холмами, съ запада—отрогами Родона, и съ сѣверо-востока - гранитными горами Странжея, представляетъ самую однообразную мѣстность Балканскаго полуострова. Важнѣйшій населенный пунктъ этого прибрежья—*Адріанополь*, о которомъ упомянуто выше, а затѣмъ Константинополь.

Выше очерченныя три части забалканской Болгаріи, несмотря на горныя массы, ихъ прорѣзывающія, благодаря мѣстнымъ топографическимъ условіямъ и въ особенности долинамъ большихъ рѣкъ, связаны сѣтью

хорошихъ сообщеній, во главѣ которыхъ должна быть поставлена сѣть желѣзныхъ дорогъ, изъ которыхъ одна доведенная нѣсколько западнѣе города *Татаръ-Базарджика*. Линія эта, которую слѣдуетъ признать главною, магистральною линіею въ забалканской Болгаріи, отъ станціи Бѣлова идетъ чрезъ Татаръ-Базарджикъ, Филиппополь, Терново, Адріанополь и Демотаку въ Константинополь.

Относительно веденія военныхъ дѣйствій въ забалканской Болгаріи можно сказать, что эта часть Болгаріи представляетъ болѣе благопріятныя условія чѣмъ дунайская Болгарія. Движеніе войскъ въ направленіе къ главнѣйшимъ стратегическимъ пунктамъ, благодаря обнесенію хорошихъ путей, не можетъ встрѣтить особыхъ препятствій; расквартированіе войскъ, за исключеніемъ мало населенныхъ восточныхъ и южныхъ покатостей *Странжея*, вообще удобно. По долинамъ рѣкъ Тунджи и Марицы весьма достаточно населенныхъ пунктовъ, что, при тепломъ и здоровомъ климатѣ, вполнѣ обезпечиваетъ размѣщеніе войскъ на квартирахъ и на бивуакахъ; что же касается воды и топлива, то они, за исключеніемъ пустынныхъ мѣстъ черноморскаго прибрежья, повсюду въ изобиліи.

Верхне-Дунайскія крѣпости.

Видднъ лежитъ у самаго праваго берега Дуная, верстахъ въ 45 внизъ отъ устья р. Тимоки, и запираетъ, кромѣ путей, ведущихъ изъ долины этой рѣки, также дорогу изъ Софіи-Берковацъ въ Крайову и во-

дяной путь по Дунаю, теченіе котораго близь крѣпости имѣетъ юго-западное направленіе. Виддинъ значительный, со всѣхъ сторонъ укрѣпленный городъ. Внутренняя часть его, т. е. собственно городъ и крѣпость, обнесена непрерывнымъ поясомъ верокъ долговременной постройки, стѣны которыхъ, обращенныя къ сторонѣ Дуная, непосредственно омываются его водами. Къ прочимъ фронтамъ крѣпостной ограды, имѣющимъ форму полумѣсяца, примыкаютъ съ внѣшней стороны предмѣстья города. Послѣднія, въ свою очередь окружены линіею временныхъ укрѣпленій, оба фланга которыхъ на берегу Дуная обезпечены каждый долговременнымъ редутомъ. Собственно крѣпость расположена на нѣсколько возвышенной мѣстности и командуетъ окружающею ее обширною болотистою, луговою низменностью, равно какъ противуположнымъ берегомъ рѣки и между лежащими островами. Въ этомъ отношеніи Виддинъ представляетъ рѣдкое исключеніе между турецкими крѣпостями. Внутренняя ограда крѣпости состоитъ изъ кремальернаго фронта, обращеннаго къ рѣкѣ длиною около 570 саж., и изъ семи сухопутныхъ бастіонныхъ фронтовъ, восемь полныхъ бастіоновъ, полукругомъ охватывающихъ городъ. Профиль этихъ вѣрковъ сильнѣе обыкновеннаго встрѣчающейся въ турецкихъ крѣпостяхъ. Главный валъ одѣтъ турками, при ширинѣ валганговъ около 39 футовъ; вдоль вала съ внутренней стороны устроенъ путь шириною въ 13 футовъ. Впереди водянаго фронта расположена въ формѣ анвелопы и съ соотвѣтственнымъ командованіемъ стѣнка для ружейной обороны, а передъ сухопутными фронтами идетъ не-

прерывный, снабженный кювертомъ ровъ шириною около 57, а глубиною въ $17^1/_2$ футовъ; экспорты и кантръ экспорты имѣютъ вообще каменную одежду. Рвы южной стороны затоплены при высокомъ уровнѣ воды; Дунай отчасти входитъ во-рвы, однако приспособленія къ наводненію не устроено. Каждый изъ бастонныхъ фронтовъ имѣетъ впереди монетообразный равелинъ.

Рвы,—какъ главный, такъ и равелиновъ—во всѣхъ сухопутныхъ фронтахъ обнесены примыкающимъ съ обоихъ фланговъ къ Дунаю, прикрытымъ путемъ впереди лежащимъ гласисомъ. Подъ послѣднимъ, какъ полагали, была устроена минная система. Черезъ каждую вторую куртину сухопутной ограды ведетъ, посредствомъ воротъ, сообщеніе въ поле, такихъ путей, слѣдовательно, четыре, съ мостами чрезъ главный и равелинные рвы. Южныя ворота носятъ названіе Стомбулъ-капу, слѣдующія за нимъ — Ландше-капу, западные—Базаръ-капу, а на сѣверной сторонѣ—Теюртинъ-капу. Въ водномъ фронтѣ устроено еще пять малыхъ воротъ. Къ числу внутреннихъ вспомогательныхъ вверокъ можно было-бы отнести лежащій у водянаго фронта, такъ называемый „*болгарскій замокъ*“; но онъ не имѣетъ для обороны никакого значенія и употребляется турками, какъ складочный магазинъ. Имѣющіеся въ крѣпости казематы служатъ лишь помѣщеніемъ для складовъ. Внѣшняя ограда, окружающая городскія предмѣстья, состоитъ изъ десятисторонняго вала временнаго характера, съ люнетами болѣе высокой профели. Оба долговременные фланговые редута устроены на 18, а временные люнеты на 6 орудій каждый. Впереди

внѣшней линіи укрѣпленій вырытъ земляной ровъ, который, вѣроятно, можетъ быть наводненъ изъ протекающаго вблизи къ западу ручья Перезити. Въ каждомъ второмъ люнетѣ устроено сообщеніе, съ полемъ. Сила Воддинскаго гарнизона, по мирному составу, состояла изъ 3,000 человѣкъ. Соображая, что протяженіе внѣшнихъ крѣпостныхъ верокъ имѣетъ около 7,000, а внутреннихъ до 3,000 шаговъ, можно было опредѣлить численность гарнизона въ военное время примѣрно въ 10,000—12,000 человѣкъ. Однако, гарнизонъ такой силы могъ быть допущенъ лишь до тѣхъ поръ, пока Виддинъ не вполнѣ обложенъ, такъ какъ продовольствованіе крѣпости подвержено большимъ затрудненіямъ. Вооруженіе Виддина состояло изъ 450 орудій, большею частію стараго калибра; по новѣйшимъ же свѣденіямъ, оно усилено будто-бы тремя баттареями (?) круповскихъ пушекъ. Бастіоны должны быть вооружены шестью—восьмью орудіям, равелины—шестью, а на водяномъ и сѣверныхъ фронтахъ вооруженіе должно состоять изъ орудій самыхъ тяжелыхъ калибровъ. Главная сила Виддина заключалась, въ окружающей его мѣстности, крайне затруднявшей осаду. Наивыгоднѣйшимъ фронтомъ атаки слѣдуетъ признать сѣверную сторону, такъ какъ мѣстность представляетъ тамъ сравнительно меньшія препятствія. Противъ Виддина на Дунаѣ, и притомъ ближе къ лѣвому его берегу, лежитъ длинный и узкій островъ, простирающійся примѣрно на двѣ версты по теченію до румынскаго города Калафата, и служащій такимъ образомъ звеномъ для мостоваго соединенія *Виддина съ Калафатомъ*.

Флорентинъ, въ 28-ми верстахъ вверхъ по теченію *Арцеръ-Паланка*, около $24^1/_2$ вер. *Ломъ-Паланка*, въ $37^1/_2$ верстахъ и *Джибра-Паланка*, въ 60 верстахъ, внизъ по теченію отъ *Виддина*, суть маленькія крѣпостцы, почти не заслуживаютъ вниманія. Онѣ состоятъ изъ крайне запущенныхъ квадратныхъ фортовъ, со рвами и круглыми бастіонами по угламъ, и предназначались для гарнизоновъ въ 50—100 человѣкъ съ 4—8 орудіями.

Раховъ, лежащій противъ впаденія р. Жіула, имѣетъ въ фортификаціонномъ смыслѣ едвали большое значеніе, чѣмъ только что названныя крѣпости, но представляется важнымъ пунктомъ съ военной точки зрѣнія. Дунай течетъ здѣсь въ одномъ руслѣ, такъ что переправа чрезъ него и плаваніе по рѣкѣ могутъ быть затруднены выстрѣлами изъ крѣпости, расположенной на отвѣсной скалѣ. Крѣпость состоитъ изъ четырехфасной бастіонной ограды, имѣющей въ каждомъ фасѣ около 262 футовъ съ очень глубокимъ рвомъ, шириною въ 33 фута.

Никополь, противъ устья р. Алуты или Ольты, укрѣпленъ также не удовлетворительно. На высокой скалѣ лежитъ хорошо сохранившійся четыреугольный замокъ, стѣны котораго, возведенныя примѣнительно къ конфигураціи мѣстности, имѣютъ неправильное очертаніе. Замокъ, совмѣстно съ нижележащей, построенной по новѣйшимъ началамъ, баттареей, командуетъ Дунаемъ.

Систово—около 35 верстъ внизъ по Дунаю отъ Никополя. Укрѣпленія его ограничиваются однимъ не большимъ фортомъ съ нѣсколькими земляными верхами ничтожнаго значенія.

Рущукъ, при впаденіи Лома въ Дунай, замыкаетъ дороги изъ Варны Шумлы и Тырнова черезъ Дунай въ Бухарестъ, а также водяной путь по Дунаю, протекающему близь крѣпости въ сѣверо-восточномъ направленіи. Кромѣ этого назначенія, рущукская крѣпость имѣетъ особенную важность, какъ фланговый опорный пунктъ турецко-операціонной базы.

Рущукъ, какъ главный городъ дунайскаго вилайета, обладаетъ еще большимъ значеніемъ чѣмъ Виддинъ, и въ отношеніи матеріальныхъ средствъ находится въ гораздо лучшихъ условіяхъ. Городъ лежитъ на краю возвышающагося къ югу плато, глиняные обрывы котораго круто спускаются къ Дунаю. Напротивъ города, на лѣвомъ берегу рѣки, находится Румынскій городъ *Журжево* (Журжа). Между Рущукомъ и Журжево Дунай раздѣляется узкимъ островомъ, шаговъ 700 длиною; на два рукава, изъ которыхъ болѣе широкій протекаетъ мимо Рущука. Ядро крѣпости состоитъ изъ непрерывной ограды, окружающей городъ со стороны суши, и изъ пяти батарей на открытомъ водяномъ фронтѣ, обороняющихъ Рущукъ со стороны Дуная и Лома: кромѣ того, непосредственно впереди восточной стороны лежитъ большое внѣшнее укрѣпленіе въ видѣ кронверка, устроенное для защиты находящагося внутри его городскаго предмѣстья. Главная крѣпостная ограда сухопутной стороны образуется изъ восьми бастіонныхъ фронтовъ (девять малыхъ бастіоновъ) съ весьма длинными куртинами и вертикальными къ нимъ флангами. Профиль ея слабыхъ размѣровъ, съ сухимъ рвомъ, шириною около 46, а глубиною въ $19^1/_2$ футовъ.

Эскарпы и контръ-эскарпы одѣты каменными плитами. Гласиса и другихъ внѣшнихъ верковъ, кромѣ упомянутаго выше на восточной сторонѣ, не имѣется. Послѣднее укрѣпленіе построено по одной системѣ съ главною оградою и состоитъ изъ трехъ фронтовъ съ тремя полными и однимъ полубастіонами. Въ сухопутныхъ фронтахъ устроено четыре выхода въ поле. Всѣ сообщенія рѣчныхъ фронтовъ прикрыты небольшими верками. Вокзалъ варнскаго же пути находится у самого Дуная, передъ конверкомъ. Желѣзно-дорожная линія идетъ отсюда по глубокой лощинѣ внутръ страны, пересѣкая путь въ Силистрію подъ полотномъ дороги. Поясъ отдѣльныхъ верковъ окружаетъ главную сухопутную ограду между Дунаемъ и Ломомъ; укрѣпленія эти возведены въ разстояніе около тысячи шаговъ отъ послѣдней. На господствующихъ южныхъ высотахъ находится три штершанца; восточнѣе пять земляныхъ верковъ; въ центрѣ расположенія—штершанецъ большихъ размѣровъ, а также три четырехсторонніихъ и одинъ шестисторонній. Укрѣпленія южной стороны командуются съ лежащей далѣе на югъ мѣстности.

Всѣ эти верки находились еще въ 1875 г. въ довольно заброшенномъ состояніи; съ тѣхъ поръ, однако, произведены были перестройки и ремонтныя работы. Относительно дѣйствительнаго вооруженія крѣпости ничего положительнаго сказать нельзя; судя по протяженію главной ограды, за исключеніемъ картинъ и отдѣльныхъ верковъ, она требуетъ до 200 орудій. Гарнизонъ крѣпости по военному времени долженъ простираться до 8,000 человѣкъ. Слабая сторона крѣпости заклю-

чается въ недостаткѣ прикрытія каменныхъ верковъ главной ограды и внѣшнихъ построекъ, въ близкомъ расположеніи отдѣльныхъ укрѣпленій и въ томъ, что лѣвый берегъ Дуная не занятъ; сила же ея въ отдѣльныхъ веркахъ южной страны и въ возможности наступательныхъ дѣйствій на правомъ Дунайскомъ берегу по всѣмъ направленіямъ. Въ виду упомянутой близости отдѣльныхъ верковъ можно предполагать, что турки постараются отчасти ослабить этотъ недостатокъ, выдвинувъ далѣе впередъ новую линію укрѣпленій, хотя бы и полеваго характера. Южная сторона крѣпости, вслѣдствіе командующей ею впереди мѣстности, представляется естественнымъ фронтомъ для атаки. По овладѣніи атакующимъ отдѣльными верками южной стороны, служащими ключемъ къ Рущуку, всякое дальнѣйшее сопротивленіе крѣпости уже невозможно.

Туртукай, лежащій противъ впаденія Аржиса въ Дунай и почти на половинѣ разстоянія между Рущукомъ и Силистріею, представляется весьма удобнымъ пунктомъ для переправы съ лѣваго берега, какъ вслѣдствіе благопріятныхъ для того свойствъ береговъ, такъ и потому, что рѣка не развѣтвляется здѣсь островами на рукава. Хотя послѣ прошлой восточной войны временныя укрѣпленія Туртукая и были запущены, но остатки ихъ все таки представляли до послѣдняго времени хорошій матеріалъ для возобновленія фортификаціонной обороны этого пункта.

Силистрія расположена на правомъ берегу Дуная. Болгарская плоская возвышенность, имѣющая до 200 футовъ превышенія, приближаясь къ Дунаю, спу-

скается къ рѣкѣ въ разстояніи отъ 700 до 1500 шаговъ отъ главной крѣпостной ограды. Высоты, окружающія Силистрію, перерѣзаны глубокими оврагами, по которымъ пролегаютъ дороги, сообщающія крѣпость съ окружающею мѣстностью. Поэтому для усиленія оборонительнаго значенія Силистріи необходимо было занять командующія высоты отдѣльными фортами.

Главная крѣпостная ограда состоитъ изъ десяти небольшихъ бастіонныхъ фронтовъ, съ куртинами отъ 150 до 200 саж.; бастіоны имѣютъ весьма короткіе фланки; четыре крѣпостныхъ фронта обращены къ сторонѣ Дуная, остальные шесть огибаютъ городъ полукругомъ съ сухопутной стороны. Главная ограда не имѣетъ наружныхъ пристроекъ, за исключеніемъ трехъ незначительныхъ земляныхъ люнетовъ безъ рвовъ, прикрывающихъ собою крѣпостныя ворота.

Первая, ближайшая къ крѣпостной оградѣ, линія передовыхъ фортовъ, заключающая въ себѣ главнѣйшія передовыя укрѣпленія, состоитъ изъ нижеслѣдующихъ фортовъ:

1) Тагиръ-табія, или луговой фортъ—на низменности, по дорогѣ въ Туртукай, къ западу отъ главной крѣпостной ограды. Капиталь форта направлена къ западу.

2) Мустафа-табія—на отлогости высоты, спускающейся южнѣе Тагиръ-табія. Капиталь форта направлена къ сѣверо-западу.

3) Кючукъ-табія—на той же отлогости. На юго-западъ отъ этого укрѣпленія расположенъ не большой редутъ, для усиленія дѣйствія Кючукъ-табія съ запад-

ной стороны. Капиталь форта направлена къ юго-западу.

4) Меджидіэ, или, какъ мы его называли въ войну 1854 г. фортъ „Абдулъ-Меджидъ“, занимаетъ главнѣйшую изъ высотъ, окружающихъ Силистрію. Капиталь форта направлена къ югу.

5) Орду-табія — къ востоку отъ Меджидіэ. Капиталь направлена тоже къ югу.

6) Галанли-табія — еще восточнѣе Орду-табіи. Капиталь направлена къ востоку. Это укрѣпленіе называлось во время осады 1854 г. „Песчанымъ“ люнетомъ.

7) Джерметъ-табія — къ сѣверу отъ Галанли-табіи, въ низменности, по дорогѣ къ Черноводы. Капиталь форта направлена къ востоку. Укрѣпленіе это называлось нами въ 1854 году „Змѣинымъ“ люнетомъ или „Мельничнымъ“.

Въ первой линіи находятся по редуту: 1) впереди Кючукъ-табіи; 2) впереди Меджидіэ; 3) впереди Орду-табіи; затѣмъ, 4) впереди Галанли-табія большой фортъ Арабъ-табія, капиталь котораго направлена къ югу, и 5) редутъ, выдвинутый вдоль южнаго рукава Дуная, между Джерменъ и Галанли-табіи.

Изъ всѣхъ перечисленныхъ здѣсь укрѣпленій заслуживаютъ особеннаго вниманія только: Кючукъ, Меджидіэ, Орду и Арабъ. Всѣ прочіе форты представляютъ собою пяти-угольные земляные люнеты съ редутами, но укрѣпленія усилены прикрытымъ путемъ и гласисомъ.

Форты Кючукъ и Орду также пяти-угольные люнеты,

по размѣрамъ больше, выше перечисленныхъ укрѣпленій и усилены, кромѣ того, капонирами во рвахъ. Фортъ Меджидіэ имѣетъ вполнѣ долговременный характеръ; онъ снабженъ тремя сводчатыми кофрами во рву, отдѣльною оборонительною стѣнкой и казематированнымъ редутомъ (двухъ-этажная сводочная казарма). Этотъ фортъ сильнѣйшій изъ всѣхъ силистрійскихъ верковъ.

Въ 1854 г. вооруженіе Силистріи состояло изъ 124 орудій, а по другимъ свѣденіямъ, — изъ 170 орудій. Судя по послѣднимъ извѣстіямъ, турки снабдили Силистрію и круповскими орудіями.

Ширина Дуная противъ прирѣчныхъ фортовъ крѣпости видоизмѣняется отъ 250 до 400 саженъ. Ниже Силистріи, у острова Большаго Благо, гдѣ нами были устроены мосты въ 1854 году, ширина сѣвернаго рукава 275 саж., а южнаго 175 саженъ.

На лѣвомъ берегу Дуная еще находятся слѣды предмостнаго укрѣпленія.

Очеркъ театра военныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи.

Существенный характеръ Азіатской Турціи обозначается тѣмъ, что вся сѣверо-восточная ея часть занята обширною горною возвышенностью, называемою Армянскою. Средина этой возвышенности представляетъ рядъ параллельныхъ хребтовъ, соединяющихся на востокѣ съ горами Кавказа и Персіи и расходящихся на западѣ по прибрежьямъ и по внутренней части Анато-

ліи. Почти въ центрѣ этой возвышенности лежитъ городъ Эрзерумъ, на высотѣ 6,000 футовъ, почему въ сосѣдствѣ отъ него берутъ свое начало почти всѣ главнѣйшія рѣки Малой Азіи, текущія въ Черное и Каспійское моря, а такъ же въ Персидскій заливъ. Не входя въ подробное описаніе рельефа Малой Азіи, замѣтимъ, что въ общемъ его можно представить въ видѣ ряда террасъ или нагорій, постепенно спускающихся съ востока къ юго западу, — причемъ, Армянская возвышенность составляетъ верхнюю террасу — и окаймленныхъ со всѣхъ сторонъ горными хребтами.

Эрзерумскій вилайетъ, граничащій на сѣверо-западѣ съ вилайетомъ Трапезунтскимъ, на сѣверо-востокѣ съ Россіею и Персіею, на югѣ и западѣ съ вилайетами Багдадскимъ и Сивасскимъ, занимаетъ плоскую возвышенность Арменіи, почти сплошь изборожденную горами, образующими изрѣдка не большія равнины, долины рѣкъ, а также котловины, занятыя озерами. Отличительныя черты главныхъ хребтовъ этого пространства: ихъ направленіе по параллелямъ, а также, плоскость вершинъ при скалистыхъ и обрывистыхъ скатахъ. Площади, покрытыя прекрасными пастбищами, благопріятствуютъ разведенію обширныхъ стадъ овецъ и рогатаго скота, а обрывистый характеръ скатовъ препятствуетъ устройству хорошихъ колесныхъ дорогъ.

Горы валайета могутъ быть отнесены къ двумъ горнымъ системамъ: сѣверная половина наполнена горами, отдѣляющимися отъ главнаго Кавказскаго хребта, а южная — горами, извѣстными въ древности подъ названіемъ: Тавра и Анти-Тавра и составляющими

какъ бы западное продолженіе хребта Эльборуссъ, который, въ свою очередь, какъ извѣстно, входитъ въ связь съ Гималайскими горами. Граница между этими горами идетъ вверхъ по Араксу, затѣмъ черезъ перевалъ Деве-Бойну (близь Эрзерума), связывающей обѣ системы, далѣе по рѣкѣ Кара-су и по рѣкѣ Кялкитъ, впадающей въ Черное море. Не входя въ подробное описаніе сложной системы этихъ горъ, упомянемъ объ Аджаро-Ахалцыхскомъ хребтѣ, объ Агри-Дагѣ, частію идущей по нашей границѣ, о Саганлугскомъ, стоящемъ поперекъ путей, ведущихъ изъ Карса къ Эрзеруму, и о Чалдырскихъ горахъ; кромѣ того замѣтимъ, что высшія точки Арменской возвышенности достигаютъ 16,000 футовъ. Горы Арменіи не слишкомъ обильны лѣсами; ихъ, впрочемъ, много на хребтахъ Чалдырскомъ и Саганлугскомъ (сосновый) и на хребтахъ южныхъ санджаковъ; на послѣднихъ растетъ великолѣпный орѣхъ, служащій предметомъ выгодной эксплуатаціи; лѣса, вообще, гдѣ доступъ удобенъ, вырубаются безжалостно и идутъ на постройки, на дрова и на обжиганіе угля.

Рѣки. Высокая и гористая мѣстность Эрзерумскаго вилайета обильна родниками и ручьями, дающими начало всѣмъ главнымъ рѣкамъ древней Арменіи, Курдистана и Месопотаміи. Къ басейну Чернаго моря принадлежитъ одна значительная рѣка—Чорохъ-су; къ Каспійскому—рѣки: Кура и Аксъ, обѣ своими верховьями; въ Персидскій заливъ изливаютъ свои воды оба рукова Евфрата и восточный рукавъ Тигра, принадлежащій вилайету только своимъ верховьемъ. Рѣка

Чорохъ-су беретъ начало въ высокихъ горахъ Козанъ-баши, близь истоковъ Евфрата, и, принимая общее сѣверо-западное направленіе, впадаетъ въ Черное море у Батума. Чорохъ, принимаетъ въ себя съ обѣихъ сторонъ значительное число рѣкъ и рѣчекъ, образуетъ долину, которая въ нижнемъ и среднемъ теченіи занята фруктовыми садами, виноградниками и огородами; прилежащіе же къ нимъ пологіе, скаты горъ, засѣяны пшеницею и ячменемъ. Мѣстами берега рѣки, равно какъ и ея притоковъ, покрыты сплошнымъ лѣсомъ. Ширина рѣки отъ 15 до 30 сажень; броды существуютъ только выше Артвина. Рѣка Кура, вытекая изъ хребта Бугатапа, изъ родника Мордженъ-су, бьющаго широкою и прохладною струей (+ 5° R), принимаетъ въ себя въ предѣлахъ вилайета нѣсколько притоковъ, затѣмъ выходитъ на Ардаганскую равнину и направляется къ придѣламъ Ахалцыхскаго уѣзда; въ верхнемъ теченіи берега ея низки и пологи, затѣмъ съуживаются, поднимаются и становятся крутыми; мостовъ на рѣкѣ мало, да и тѣ крайне плохи; бродовъ достаточно. Рѣка Аракъ спадаетъ нѣсколькими ручьями съ сѣверныхъ склоновъ Бингельдага (бинъ-гель,—тысяча озеръ) и въ крутыхъ скалистыхъ берегахъ быстро несется къ нашей границѣ, принимая въ себя слѣва нѣсколько значительныхъ притоковъ и, между прочимъ, рѣку Арпачай, составляющую нашу государственную границу съ Турціей; въ Арпачай впадаетъ Карсъ-гай, образующій широкую Карскую долину. Характеръ рѣки и ея притоковъ—горный: извилистое и быстрое теченіе; на рѣкѣ есть каменные мосты и достаточно бродовъ. Восточный

Евфратъ или Мурадъ-гай, вытекаетъ изъ сѣверныхъ склоновъ горы Алла-дагъ, близъ Баязета, идетъ къ Діадину, и затѣмъ по Мушской равнинѣ, принимая въ себя съ обѣихъ сторонъ притоки; долина Евфрата, то съуживается, то расширяется и доходитъ у города Мелазгерда шириною до семи верстъ; рѣка переходима въ бродъ. Сѣверный Евфратъ, вытекая изъ горъ Думли-дагъ, идетъ, подъ названіемъ Кара-су, по Эрзерумской равнинѣ, затѣмъ переходитъ въ Эрзинджанскую подъ названіемъ Фрата, и, стѣсненный горами, направляется къ гор. Кемака. Восточный Тигръ, принимая съ правой стороны рѣки Битлисъ-су, соединяется съ западнымъ ниже города Сертъ, и принимаетъ юго-восточное направленіе. Кромѣ этихъ водъ, въ Эрзерумскомъ вилайетѣ, въ восточной его части, сгруппировано много весьма высокихъ озеръ; изъ нихъ наибольшее — озеро *Ванъ* 3,359 кв. верстъ, лежитъ на высотѣ 5,500 футовъ.

Всѣ перечисленныя рѣки, протекая по вилайету своими верховьями, не имѣютъ никакого значенія, какъ пути сообщенія, но для движенія представляютъ значительныя, а иногда и неожиданныя, въ случаѣ прибыли воды, — препятствія.

Равнины въ этой горной мѣстности, представляя собою единственныя удобныя для земледѣлія пространства, имѣютъ въ этомъ краю весьма важное значеніе; въ нихъ группируются населенія и они же обыкновенно служили театромъ военныхъ дѣйствій. Въ военномъ отношеніи равнины Азіатской Турціи имѣютъ большое значеніе. Запертыя со всѣхъ сторонъ горами, имѣю-

щими лишь нѣсколько проходовъ, сосредоточивая въ себѣ средства страны, онѣ весьма выгодны для обороняющагося, который можетъ расположиться въ нихъ, какъ въ укрѣпленномъ лагерѣ, и сторожить проходы на равнину. Наиболѣе замѣчательныя равнины: Эрзерумская, Ардаганская, Карская, Эрзинджанская, весьма плодородная Баязетская и Мушская, самая обширная.

Пути сообщенія въ Азіятской Турціи находятся вообще въ плохомъ состояніи. Отчасти вслѣдствіе слабаго культурнаго развитія страны, отчасти вслѣдствіе привычекъ турокъ ѣздить верхомъ на вьюкахъ, они не обращаютъ почти никакого вниманія на улучшеніе и поддержаніе своихъ дорогъ. Привычка къ вьючной перевозкѣ, такъ велика, что по шоссе изъ Эрзерума въ Трапезунтъ почти до сихъ поръ перевозятъ на вьюкахъ.

Только въ послѣднее время, уступая необходимости и по иниціативѣ европейцевъ, а также желая поддержать транзитъ, турки кое-что сдѣлали въ этомъ направленіи, и даже недавно построили шоссе Эрзерумъ — Трапезунтъ. Тѣмъ не менѣе, дороги Азіатской Турціи, будучи вьючными по пріимуществу, весьма легко могутъ быть разработаны въ колесныя, такъ какъ проходятъ по довольно просторнымъ долинамъ рѣкъ.

Узломъ всѣхъ сухопутныхъ сообщеній края служитъ Эрзерумъ, отъ котораго расходятся дороги ко всѣмъ значительнымъ пунктамъ вилайета; кромѣ того, онъ стоитъ на большомъ транзитномъ пути, соединяющемъ бассейнъ Чернаго моря, а слѣдовательно, и Европу съ внутренними провинціями Азіатской Турціи, а также Персію. Такое положеніе Эрзерума дѣлаетъ его цен-

тромъ мѣновой торговли востока и даетъ городу первенствующее военное и торговое значеніе.

Главнѣйшій транзитный путь, о которомъ упомянуто выше, идетъ отъ Трапезунта по шоссе на Эрзерумъ и далѣе на Баязетъ въ Персію, къ Тавризу. Шоссе, единственное въ краѣ, построено весьма удовлетворительно, тянется на 280 верстъ и обошлось правительству 1,750,000 рублей; остальной путь до Персіи грунтовой, но торный и съ удобными перевалами. Другое шоссе, которое уже строится и должно быть окончено въ текущемъ году, идетъ отъ Батума въ Карсъ. За тѣмъ, изъ Эрзерума идутъ дороги на Ардаганъ, Карсъ, Эрзинджанъ, Мушъ, Битлисъ и Ванъ.

Дороги, важныя для насъ въ военномъ отношеніи, проходятъ отъ нашей границы по слѣдующимъ направленіямъ: изъ Озургента въ Батумъ двѣ дороги (50 верстъ); изъ Ахалцыга и Ахалкалаки въ Ардаганъ (100 верстъ); изъ Эриванской гурбеніи къ Баязету — двѣ дороги (135 верстъ).

Постоянное почтовое сообщеніе существуетъ только между Эрзерумомъ и Трапезунтомъ. Телеграфъ проведенъ изъ Эрзерума на Трапезунтъ, Сивасъ (въ Константинополь), Карсъ, Мушъ, Ванъ и Баязетъ; всего 900 верстъ.

Климатъ виллайета, вслѣдствіе высокоподнятой надъ уровнемъ моря мѣстности, умѣренный, ровный, сухой и весьма здоровый. Значительныя видоизмѣненія въ климатѣ обнаруживаются только въ вертикальномъ направленіи, переходя отъ мѣста, гдѣ произрастаетъ маслина, хлопокъ, рисъ, до нѣкоторыхъ плоскихъ возвы-

шевностей, гдѣ прекращается посѣвъ пшеницы и жители ограничиваются посѣвомъ одного ячменя. Мѣстности, отличающіяся теплымъ климатомъ: нахія-Торумъ (чалдырскаго санджака), каза-Кагызманъ (карскаго санджака), долина Аракса, Эрзинджанская равнина и долина рѣки Фратъ; въ этихъ мѣстахъ растетъ хлопокъ и рисъ, а въ Чалдырскомъ санджакѣ маслина. Изъ высокихъ и обитаемыхъ мѣстъ съ суровымъ климатомъ можно указать долину рѣки Завы. Необитаемые гребни горъ имѣютъ климатъ еще холоднѣе и посѣщаются только лѣтомъ кочевыми курдами, находящими здѣсь отличныя пастбища для своихъ многочисленныхъ стадъ. Между указанными крайностями есть множество оттѣнковъ, но въ общемъ—климатъ умѣренный, съ рѣзкими суточными перемѣнами. Не останавливаясь на подробностяхъ упомянутыхъ оттѣнковъ, сообщимъ здѣсь нѣсколько свѣденій о климатѣ Эрзерумской равнины, возвышающейся надъ уровнемъ моря на 6,393 футовъ. Зима начинается здѣсь съ конца ноября и продолжается до начала марта; зима, обыкновенно, не очень холодная, но всегда снѣжная; средняя температура—$3,_2^0$; наименьшая—18^0 R. Съ марта снѣгъ начинаетъ таять, температура днемъ обыкновенно выше нуля; снѣгъ и дождь идутъ попеременно, причемъ, когда внизу выпадаетъ дождь, то горы, окружающія равнины, покрываются снѣгомъ; къ концу мѣсяца на равнинѣ не остается снѣга. Въ концѣ мая и горы освобождаются отъ снѣга, клочки котораго остаются только на нѣкоторыхъ вершинахъ и по рытвинамъ; горныя долины высыхаютъ. Съ таяніемъ снѣга начинаются дожди и разлитіе рѣкъ, что продолжается до конца

мая. Лѣто обыкновенно не жаркое; средняя температура + 19° R; наивысшая, на солнцѣ, 30 — 35° R. Дожди рѣдки, небо ясно. Вечера и ночи прохладны; измѣненіе температуры въ теченіе сутокъ весьма значительно: отъ 35° на солнцѣ она спускается вечеромъ до 9 — 12°.

Въ низменныхъ мѣстахъ, напримѣръ по долинѣ рѣки Аракса, климатъ болѣе мягкій; зимою морозы рѣдко доходятъ до $5,_6^0$. Въ Баязетской равнинѣ жара лѣтомъ достигаетъ до + 45°; переходъ къ ночи еще рѣзче: осенью и весной, при + 20° днемъ, температура ночью доходитъ до 0°.

Эрзерумскій вилайетъ, или генералъ-губернаторство, раздѣляется, какъ и другія провинціи Турціи, на санджаки (губерніи) и казы (уѣзды); изъ состава послѣднихъ, въ случаѣ ихъ обширности, выдѣляются участки, называемые *нахіе*. Въ настоящее время въ Эрзерумскомъ вилайетѣ семь слѣдующихъ санджаковъ: Эрзерумъ, Чалдыръ, Карсъ, Баязетъ, Ванъ, Мушъ и Эрзинджанъ. Во главѣ управленія вилайета стоитъ *вали*, генералъ-губернаторъ (теперь же Мухтаръ-паша), онъ же и командиръ IV анатолійскаго корпуса, главная квартира котораго находилась въ Эрзерумѣ. Управленіе вилайета состоитъ изъ совѣта, уголовнаго суда, главнаго казначейства, канцеляріи *вали*, гербоваго и паспортнаго отдѣленія и драгоманства.

Населеніе вилайета состоитъ, главнымъ образомъ, изъ трехъ народностей: *турокъ*, *курдовъ* и *армянъ*. Первые массируются въ сѣверной половинѣ вилайета, до р. Аракса, горъ Паланъ Текетъ и до р. Сѣвернаго

Евфрата; вторые—въ южной половинѣ; третьи входя въ ту и другую, группируются пріимущественно на юго-востокѣ. Всѣхъ жителей въ вилайетѣ считается 610,744 чел. мужскаго пола обоего пола 1,221,488 чел.; изъ нихъ 427,702 чел. мусульманъ и 183,042 чел. христіанъ. Судя по этимъ даннымъ, составъ населенія довольно благопріятенъ въ отношеніи поддержанія мусульманскаго могущества и власти; но при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣло представляется въ иномъ свѣтѣ. Кромѣ религіозной ненависти, которая существуетъ между сунитами (турки) и шіитами (кизилъ-баши, туркмены и карапапахи), составляющей одинъ изъ элементовъ, ослабляющихъ государство, кромѣ этого, правительство до сихъ поръ еще не въ состояніи не только привести къ полному повиновенію кочевниковъ, курдовъ и корапапаховъ (207,049 чел.). но даже расположить ихъ въ свою пользу, вслѣдствіе чего, въ провинціи всегда есть элементы, готовые стать на сторону противниковъ Турціи.

Считаемъ не лишнимъ привести здѣсь характеристику народностей, населяющихъ эту часть азіатской Турціи.

Турки (189,950 чел.) Расслабленный апатическій характеръ турокъ, носящій на себѣ слѣды гаремнаго распутства многихъ поколѣній, извѣстенъ давно. Въ туркахъ стараго поколѣнія, въ памяти которыхъ еще не изгладилось воспоминаніе о прежнемъ цвѣтущемъ положеніи Турціи, воинственный организмъ предковъ смѣнился пассивною ненавистью къ христіанскому міру, съ упорнымъ отрицаніемъ всякихъ нововведеній. Молодое же поколѣніе, перенявшее нѣкоторые зачатки

цивилизаціи, большею частью отъ европейскихъ авантюристовъ, усвоило и испорченность, свойственную полуобразованію; вмѣстѣ съ предразсудками и фанатизмомъ предковъ, они утратили и религіозныя ихъ вѣрованія, смѣнившіяся нравственной безсодержательностью, которая даетъ полный просторъ прочнымъ инстинктамъ. Нужно, однако, замѣтить, что въ нравственномъ отношеніи турки имѣютъ все-таки нѣкоторыя достоинства. Будучи, среди завоеванныхъ народовъ силой, они не прибѣгали къ изворотливости, а дѣйствовали открыто, вслѣдствіе чего въ нихъ выработался характеръ, свободный отъ пороковъ, не разлучный съ притѣснепіемъ, которые составляютъ основу характера турецкихъ армянъ, грековъ и евреевъ.

Курды (207,049 чел.), какъ по происхожденію, такъ и по языку, принадлежатъ къ особому племени, ни въ чемъ не сходному съ турками и татарами. Занимая южною часть Закавказья, южною и юго-восточную часть Анатоліи и западную часть Персіи, они подраздѣляются на многія отдѣльныя племена или общества, управляемыя наслѣдственными старшинами съ весьма, впрочемъ, ограниченною властью. Часть курдскихъ племенъ получила зачатки гражданственности, отчасти занимается земледѣліемъ, отчасти ремеслами, но большинство ихъ ведетъ жизнь кочевую, имѣющую въ ихъ глазахъ невыразимую прелесть: лѣтомъ они блуждаютъ съ своими стадами, а зимою, поселяясь въ земляпкахъ, прозябаютъ въ глубинѣ ущелій въ ожиданіи весны. Въ дѣлѣ религіи курды совершенно индеферепты; они часто называютъ себя „магометанами омаровой секты“, хотя въ

дѣйствительности не имѣютъ о магометанствѣ почти ни какого понятія, и только изъ суевѣрія обращаются къ муллямъ, для различныхъ обрядовъ; всѣ пьютъ вино. Распространенная же между курдами (пріимущественно въ Баязетскомъ санджакѣ) секта „іезидовъ“, или „чертопоклонниковъ“, относится однако враждебно какъ къ мусульманству, такъ и къ христіанству. Курды большею частію высокаго роста, стройны и тонки; нрава пылкаго и суроваго, любятъ войну и хищничество, но неохотно служатъ въ регулярныхъ войскахъ, предпочитая наниматься цѣлыми отрядами. Курды смѣлы въ нападеніяхъ, но нестойки; ихъ ополченія исключительно конныя; одежда: куртка, весьма широкіе шаровары и высокая чалма; вооруженіе—тростниковая пика, нѣсколько дротиковъ, сабля и пистолеты. Въ прежнія войны курды охотно входили съ нами въ сношенія и служили нашимъ войскамъ; хотя на ихъ отряды нельзя расчитывать въ открытомъ бою, но они, обладая полнымъ знаніемъ мѣстности, весьма важны для развѣдокъ, какъ проводники и т. п. Въ среднихъ санджакахъ курды составляютъ $^1/_3$—$^1/_8$ населенія; въ Мушскомъ и Ванскомъ пропорція эта доходитъ до половины. Курды находятся въ совершенно неопредѣленныхъ, но враждебныхъ отношеніяхъ къ туркамъ; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ напримѣръ въ Баязетскомъ санджакѣ, они подавлены; въ другихъ, какъ въ Карскомъ, они платятъ повинности, но не даютъ рекрутовъ; въ третьихъ—Мушъ и Эрзинджанъ — они совершенно не признаютъ власти турокъ и даже, года три тому назадъ, имѣли нѣсколько стычекъ съ турецкими войсками.

Карапапахи, переселенцы съ Кавказа, также представляютъ элементъ, враждебный туркамъ, и при первомъ удобномъ случаѣ готовы стать противъ турецкаго правительства. Въ числѣ ихъ есть много охотниковъ переселиться обратно въ Закавказье.

Аджарцы и *Лазы* ближайшіе наши сосѣди на сѣверѣ вилайета. Аджарцы—это грузины, давно принявшіе магометанство и отличающіеся независимымъ разбойничьимъ характеромъ. Лазы — одинъ изъ древнѣйшихъ народовъ Азіи, сохранившій язычество съ примѣсью христіанства и магометанства, но не имѣющій ни церквей ни духовенства; народъ трудолюбивый, усердно обрабатывающій каждый клочекъ земли въ своихъ горахъ, любящій звѣриные промыслы и пчеловодство, но еще полудикій, воинственный и никому не подчиняющійся. Турецкіе власти вынуждены дѣйствовать съ лазами и аджарцами весьма осторожно, избѣгая всякихъ притѣсненій и насилій, привлекая ихъ въ военную службу, какъ къ дѣлу ими любимому, дающему отличія, а въ военное время и поживу. Изъ лазовъ образуется отличная стрѣлковая пѣхота, съ выдержкой, и умѣющая пользоваться мѣстностью. Живутъ лазы небольшими хуторами и аулами; Батумъ самый значительный городъ въ Лазистанѣ, но онъ населенъ преимущественно турками, греками и армянами, а не туземцами.

Армяне (157,583 челов.), бывшіе здѣсь прежде преобладающимъ элементомъ, значительно ослабѣли въ своей пропорціи къ другимъ племенамъ въ настоящее время; съ 1829 года и позже ихъ много переселилось въ наши предѣлы. Въ Чалдырскомъ санджакѣ пропор-

ція армянъ наиболѣе слаба; въ Карскомъ и Баязетскомъ ихъ нѣсколько болѣе, въ Эрзерумскомъ и Эрзинджанскомъ они составляютъ $^1/_4$ — $^1/_3$ населенія; а въ Мушскомъ и Ванскомъ — половину. Положеніе армянъ незавидно: они угнетаются и турками и курдами.

Для наглядности, представляемъ ниже таблицу населенія вилайета по племенамъ: *Турокъ* 189,950 *Курдовъ* 207,049, *Кизилбашей* 25,098, *Татаръ* 2,900, *Черкесовъ* 2,705; всего мусульманъ 427,702 челов.; *Армянъ* 157,583, *Грековъ* 2,854, *Несторіанъ* 22,605; всего христіанъ 183,042. Итого 610,744 мужскаго пола.

Замѣчательное природное богатство страны обусловливаетъ занятія ея жителей, которое исключительно отдались хлѣбопашеству и скотоводству.

Во многихъ мѣстахъ почва состоитъ изъ чистаго чернозема, дающаго урожаи самъ 50 и самъ 100, такъ что пшеницы и ячменя у населенія всегда бываетъ въ избыткѣ, превышающемъ мѣстную потребность. Этихъ продуктовъ легко было бы получить несравненно болѣе, если бы ни нѣкоторыя неблагопріятныя условія: недостатокъ сбыта, не обезпеченность имущества, тяжесть налоговъ и проч. Пшеницы—главнаго вида хлѣба, употребляемаго жителями — получается ежегодно 3,000,000 пудовъ; ячменя 2,000,000; ржи и проса по 800,000 — пудовъ. Кромѣ того, въ Арменіи произрастаютъ: бобовыя растенія, ленъ, хлопокъ, конопля, табакъ и виноградъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ собирается рисъ, маслины и разводятся красильныя растенія. Въ лугахъ, благодаря равнинамъ, изобиліе менѣе богаты ими окрест-

ности Ардагана), причемъ подножный кормъ длится большею часть года, сохраняясь среди лѣта въ верхнихъ долинахъ и прекращаясь только съ наступленіемъ зимы. Лѣсомъ край не богатъ; лѣса сохранились въ горахъ (особенно въ Соганлугскомъ и Лазистанскомъ хребтахъ), откуда вывозъ затруднителенъ. По долинамъ встрѣчается кустарникъ, да и то не вездѣ; поэтому топливомъ во многихъ мѣстахъ служитъ кизякъ.

Скотоводство процвѣтаетъ, особенно овцеводство, но въ лошадяхъ у оседлыхъ жителей замѣчается недостатокъ. Вотъ нѣсколько свѣденій о числѣ животныхъ въ Эрзерумскомъ вилайетѣ: овецъ — 3,000,000; козъ — 1,000,000; рогатаго скота — 500,000; рабочаго — 170,000; буйволовъ — 56,000; лошадей — 97,000.

Минеральныя богатства края значительны, но они совершенно не эксплуатируются жителями. Изъ произведеній земли мѣстному населенію понадобились только два предмета, которые и разрабатываются: соль и камень. Соль добывается преимущественно изъ растворовъ; ископаемой очень мало; добыча соли находится въ рукахъ правительства. Камень идетъ на постройки и памятники.

Обработка сырыхъ продуктовъ въ вилайетѣ стоитъ на весьма низкой степени. Необозначенность имущества и, какъ слѣдствіе того, отсутствія предпріимчивости заставляютъ жителей довольствоваться приготовленіемъ издѣлій въ небольшихъ размѣрахъ у себя на дому. Во всемъ вилайетѣ нѣтъ ни одной фабрики; изъ заводовъ же можно указать только на одинъ кожевенный, близь Эрзинджана, принадлежащій правительству.

При заводѣ существуетъ сапожная мастерская, въ которой шьются сапоги для IV корпуса (36,000 паръ ботинокъ и 15,000 паръ сапоговъ ежегодно). Можно упомянуть также о выдѣлкѣ кисеи, ситцевъ и легкихъ матерій въ Эрзинджанѣ, о шерстяной ткани изъ овечьей шерсти, приготовляемой жителями повсемѣстно для своего обихода, о производствѣ ковровъ, полотенъ и т. п.

Въ заключеніе перечислимъ нѣкоторые изъ наиболѣе замѣчательныхъ городовъ этой мѣстности.

Эрзерумъ, лежитъ на юго-восточномъ углу Эрзерумской равнины, у подошвы послѣднихъ холмовъ Деве-Бойну и Паланъ-Текекъ, гдѣ сосредоточиваются всѣ спускающіяся съ нихъ дороги. Рѣка Евфратъ, орошающая Эрзерумскую равнину, протекаетъ въ шести верстахъ отъ города, который снабжается водою, посредствомъ водопроводовъ, проведенныхъ съ горъ Паланъ-Текекъ. Благодаря своему счастливому положенію въ центрѣ путей, ведущихъ изъ разныхъ мѣстностей Турціи въ Персію, Эрзерумъ служитъ главнымъ пунктомъ мѣновой торговли въ краѣ и имѣетъ около 60,000 жителей. Въ виду важнаго торговаго и стратегическаго значенія Эрзерума; турецкое правительство приняло всѣ мѣры къ увеличиванію оборонительныхъ средствъ города, видя въ немъ главнѣйшій оплотъ своему владычеству въ Малой Азіи. Укрѣпленія Эрзерума состоятъ изъ отдѣльныхъ фортовъ, собственно крѣпости и цитадели. Отдѣльные форты, довольно сильной профели, расположены на высотахъ (Копъ-дагъ и Керементъ-дагъ), весьма выгодны для обороны, съ которыхъ можно оборонять подступы къ крѣпости фланговымъ огнемъ. Нѣкоторые изъ

этихъ укрѣпленій снабжены каменными сводчатыми казармами для жилья и для закрытой пушечной обороны. Собственно крѣпость состоитъ изъ главной ограды, которая тянется вокругъ города и имѣетъ $11^1/_2$ верстъ длины. Она состоитъ изъ одинадцати бастіоновъ, связанныхъ куртинами и имѣющихъ весьма значительную профель; высота бруствера 15—21 ф., толщина 25—30 ф.; ширина рва 77 ф.; глубина 10—24 ф.; валы земляные, одѣтые дерномъ; сводчатыхъ построекъ нѣтъ. Цитадель находится въ центрѣ города и, состоящая изъ старинной каменной стѣны, фланкируемой тринадцатью башнями, служитъ главнымъ складомъ оружія и снарядовъ, но не можетъ представить большаго сопротивленія. Для вооруженія всей крѣпости необходимо до 150 орудій и не менѣе 20,000 гарнизона. Въ 1829 году, фельдмаршалъ графъ Паскевичъ, послѣ разбитія на Сапгулѣ двухъ турецкихъ корпусовъ, безпрепятственно взялъ Эрзерумъ съ остатками разбитыхъ турецкихъ войскъ. Тогда Эрзерумъ, впрочемъ, былъ укрѣпленъ весьма слабо.

Затѣмъ изъ городовъ вилайета упомянемъ о слѣдующихъ:

Карсъ, съ 20,000 жителей. Укрѣпленія Карса постепенно росли послѣ каждой нашей войны съ Турками. Въ настоящее время Карсъ состоитъ изъ старинной крѣпости, подлежащей срытію, изъ цитадели, находящейся внутри ея, и изъ одинадцати отдѣльныхъ укрѣпленій, расположенныхъ на весьма выгодной мѣстности по кругу, радіусъ котораго равняется 1,300 сажен. Укрѣпленія имѣютъ неправильное, примѣненное къ мѣст-

ности очертаніе и почти всѣ замкнуты сгорожи каменными казармами; отдѣльныя укрѣпленія предполагается соединить съ ломанной линіею непрерывнаго вала; толстаго брустверa 20—40 ф.; высота 12—14 ф.; ширина рва 25—46 ф.; глубина 20 футовъ. Казармы имѣютъ своды въ 3—4 фута толщины. Цитадель состоитъ изъ каменной стѣны старинной постройки. Вооруженіе крѣпости должно состоять изъ 150 орудій; гарнизонъ опредѣленъ въ 20,000 чел. Карсъ дважды былъ взятъ нашими войсками: въ 1828 году войсками графа Паскевича, въ 1855 году войсками ген.-ад. Муравьева.

Эрзинджанъ, важенъ какъ узелъ многихъ дорогъ и какъ пунктъ, въ который иногда переносится штабъ квартира IV анатолійскаго корпуса. Жителей считается около 28,700 чел. мужск. пола, изъ которыхъ 21,000 мусульманъ.

Ардаганъ, крѣпость неспособная, однако, къ упорному сопротивленію, такъ какъ внутренность ея можетъ быть обстрѣливаема съ высотъ праваго берега Куры. Отсюда идетъ дорога въ Эрзерумъ. Жителей около 3,000 человѣкъ мужскаго пола.

Кагызманъ, укрѣпленный городъ, закрывающій долину Аракса близъ нашихъ предѣловъ. Жителей около 3,000 человѣкъ муж. пола.

Баязетъ, съ старинною цитаделью и позднѣйшими укрѣпленіями, окружающими городъ; крѣпость подвержена огню съ командующихъ высотъ. Жителей мужскаго пола около 1,300 челов.: большинство мусульманъ, турокъ и курдовъ.

Алашкертъ, или Топрахъ-кале, укрѣпленный горо-

докъ, закрывающій путь изъ верховій восточнаго Евфрата въ долину Араксъ.

Ольта, городокъ съ нѣсколькими укрѣпленіями, стоящій на прямомъ пути отъ Ардагана и Эрзерума и на обходномъ изъ Карса въ Эрзерумъ.

Ванъ около 3,500 чел. и Мушъ около 8,000 муж. пола. Главные города своихъ санджаковъ.

Главнѣйшіе пункты ближайшаго къ намъ турецкаго черноморскаго прибрежья, Батумъ и Трапезунтъ. Батумъ находится въ глубинѣ весьма удобной бухты того же названія и укрѣпленъ съ сухаго пути рядомъ фортовъ. Этотъ значительнѣйшій городъ Лазистана населенъ по преимуществу турками, греками и армянами, въ числѣ всего до 30,000 жителей. Городъ Трапезунтъ одинъ изъ важнѣйшихъ приморскихъ торговыхъ городовъ Малой Азіи, имѣетъ до 40,000 жителей и соединенъ съ Эрзерумомъ хорошимъ шоссе.

Разсматривая съ военной точки зрѣнія театръ войны въ той части Азіатской Турціи, которая прилегаетъ къ Русскимъ границамъ, слѣдуетъ замѣтить, что онъ во многихъ отношеніяхъ представляется благопріятнымъ для дѣйствія нашихъ войскъ. Населеніе смѣшанное, несочувственно относится къ турецкой власти; средства края въ хлѣбѣ и скотѣ, а равно и въ подножномъ кормѣ — значительное, особено если населеніе, не пугаясь арміи и привлеченное денежною выгодою, останется на мѣстахъ и войдетъ съ нею въ сношенія; климатъ здоровый, а потому, и расквартированіе войскъ, хотя и требующее палатокъ,—удобно; передвиженіе войскъ по главнымъ направленіямъ можетъ происходить по довольно простор-

нымъ долинамъ, большею частію имѣющимъ нѣсколько дорогъ и, слѣдовательно, допускающимъ обходы. Тѣмъ не менѣе, перевалы черезъ горы затруднительны, особенно весною, а характеръ мѣстности удобенъ вообще для самой упорной обороны. Наконецъ укрѣпленные пункты: Карсъ и Эрзерумъ, требуютъ самыхъ энергическихъ дѣйствій.

Положеніе армянъ въ Турціи.

Послѣ объявленія Россіей войны Турціи, варварства въ провинціяхъ: Васпураканъ и Ванъ достигли высшей степени. Баши-бузуки изъ курдовъ, со всѣхъ сторонъ стекающіеся въ Ванъ и оттуда отправляющіеся въ лагерь при Беркринѣ, на Югъ отъ Апога, разгромили всѣ армянскія села, изнасиловали женщинъ и дѣвушекъ, ограбили монастыри, осквернили святыни.... Всѣ искали убѣжища въ горахъ и бѣжали куда глаза глядятъ. Въ самомъ Ванѣ, не стѣсняясь присутствіемъ вали, баши-бузуки грабили и били армянъ. Всѣ лавки были заперты и жители не рисковали выходить изъ дому. Богослуженіе въ храмахъ прекратилось; каждый молился у себя дома и усердно молился о томъ, чтобы поскорѣй пришли русскіе-освободители; медленное движеніе русскихъ впередъ приводило жителей въ отчаяніе, день вступленія русскихъ въ Ванъ ожидали днемъ торжества для армянъ. Хорошо гг. туркофиламъ сидѣть въ своихъ кабинетахъ, въ мягкихъ креслахъ разсуждать, мечтать на бумагѣ, и составлять программы!... Тотъ, кто не путешествовалъ по Турецкой Арменіи, не можетъ

себѣ составить никакого понятія о бѣдствіяхъ армянскаго населенія. Въ Константинополѣ положеніе армянъ также скверное, множество злоупотребленій такихъ, что и вообразить нельзя, — картины дѣйствительно ужаснаго положенія народа.

Положеніе это тѣмъ болѣе безнадежно, что подавленный народъ относится ко всему съ тупой апатіей и необходимы сильныя мѣры, и единодушіе интеллегентныхъ классовъ, чтобы возбудить въ немъ энергію, необходимую для сверженія съ себя ненавистное иго. Къ сожалѣнію, среди армянъ встрѣчаются личности, которыя изъ за корыстныхъ цѣлей присоединяются къ притѣснителямъ: агатанянъ Миртичъ-эффенди, назначенный для производства слѣдствія по случаю ванскаго пожара, чтобы прислужиться передъ правительствомъ, составилъ такой докладъ, въ которомъ турки и турецкія войска оказываются невиновными, армяне же виновными въ грабежѣ во время пожара. Докладъ этотъ былъ подписанъ членами коммиссіи только изъ турокъ; армяне отказались подписаться. Агабекянъ-Маркосъ-эффенди, *муавинъ* или помощникъ, ванскаго вали, извѣстный своею добросовѣстностью и справедливостью, энергично протестовалъ противъ доклада, доказывая его несправедливость, почему и былъ отставленъ отъ должности и на его мѣсто назначенъ Аганюкянъ эффенди. Епископъ Хримянъ за свою брошюру „Вангужъ“ лишился мѣста въ сенатѣ. Въ каждой строчкѣ этого произведенія отца Хримяна, написаннаго свойственнымъ ему стилемъ, проглядывали высокія человѣчныя чувства. Оно было конфисковано правительствомъ. Авторъ,

оплакивая положеніе турецкихъ армянъ и описывая ванскій пожаръ, напиралъ на то, что звѣрства совершались именно въ то время, когда въ Константинополѣ была торжественно объявлена конституція. Онъ упрекалъ правительство въ преступномъ нерадѣніи относительно провинцій, которыя спокономъ вѣка кормятъ его и за это терпятъ всевозможныя бѣдствія. „*Жертвы приносимыя армянами, были велики, говоритъ онъ, дай Богъ, чтобы это были послѣдней. Пора намъ опомниться*“.

Переселеніе изъ Вана не только въ Россію, но и Персію, сдѣлалось невозможнымъ; понятно, что туркамъ нежелательно сдѣлать извѣстными врагу, больныя мѣста своего государства. Корреспондентъ замѣчаетъ, что отправившись изъ Вана персидскимъ кораваномъ, они были остановлены, возлѣ Котура, 6—7 заптій, подвергшими ихъ допросу, на который они отвѣчали такъ смѣло и убѣдительно, что ихъ пропустили. Съ нами былъ одинъ протестанскій миссіонеръ изъ армянъ, отправленный американскими миссіонерами изъ Вана съ Солмастъ; онъ былъ снабженъ паспортомъ самимъ вали. Одно американское имя на паспортѣ возбудило такое почтеніе въ заптіяхъ, что они безпрекословно пропустили миссіонера.

Ихъ избавленіе отъ заптіевъ можно назвать чудомъ, тѣмъ болѣе, что между ими былъ одинъ персидскій шейхъ, оклеветавшій ихъ въ глазахъ полиціи.

Переселеніе въ Персію сдѣлалось также невозможнымъ, вслѣдствіе постоянныхъ грабежей по дорогамъ. Голодныхъ дѣтей изъ ограбленныхъ селеній заставляли принимать магометанство; богатый монастырь св. Варѳоломея совершенно разоренъ, надгробный камень

сдвинутъ и могила поруганa. Турецкое правительство оказывалось безсильнымъ усмирить дикихъ курдовъ. Дорога въ Персію чрезъ Баягола представляла столько опасностей отъ этихъ грабежей, что переселенцы рѣшились отправиться черезъ Катуръ, хотя такимъ образомъ имъ пришлось сдѣлать большой крюкъ, да и то дорога далеко не безопасна. Ихъ караванъ былъ порядочно вооруженъ, такъ что они отрѣзали нападеніе курдовъ. Этотъ караванъ совершалъ свое послѣднее путешествіе въ Ванъ, опасаясь усиливавшихся грабежей. Для возстановленія сообщенія ждали занятія Вана русскими.

Турецкія жестокости въ Болгаріи.

На турецкой сторонѣ Дуная черкесы и баши-бузуки были настоящіе хозяева и распорядители во всей Болгаріи. У болгаръ забрали все, что можно забрать у нихъ. По деревнямъ не осталось ни лошадей, ни коровъ, словомъ, ничего изъ скота, которымъ еще недавно была такъ богата Болгарія. Варварамъ никто не могъ, да и не думалъ сопротивляться, потому что малѣйшее противорѣчіе со стороны обобранныхъ влекло за собою мучительныя истязанія и неминуемую смерть. Прежде, хотя губернаторъ и жилъ въ Рущукѣ, въ его округѣ совершались неисчислимыя злодѣйства. Обирали церкви, насиловали женщинъ, убивали лучшихъ людей, преимущественно священниковъ и учителей, посреди села, среди бѣлаго дня, угоняли рабочій скотъ, похищали дѣтей.

Съ объявленіемъ войны, когда губернаторъ перебрался

въ Шумлу, въ Рущукскомъ округѣ злодѣяніе удесятирилось. Постоянно находили зарѣзанныхъ дѣтей и разорванныхъ самымъ варварскимъ образомъ, на двое младенцевъ. Около одного города, въ полѣ нашли беременную женщину со вскрытымъ чревомъ и изуродованнымъ младенцемъ. Въ другомъ—турки убили четырехъ малолѣтныхъ болгаръ, сторожившихъ стада, хотя дѣти и не сопротивлялись грабежу. Убивала изъ наслажденія убивать. Боязни наказанія не существовало. Центральная власть была безсильна вполнѣ. Въ Болгаріи весьма свободно расхаживалъ виновникъ ужаснѣйшаго злодѣянія, какое только можетъ представить себѣ воображеніе самого закоренѣлаго убійцы. Населеніе селъ и деревень разбѣгалось, кто куда успѣлъ отъ неожиданнаго появленія черкесовъ. Въ одномъ изъ селеній осталось болѣе сорока дѣтей, изъ которыхъ старшему было не болѣе шести лѣтъ. Ихъ всѣхъ привела въ сарай женщина, которая и сама заперлась съ ними. Въ то время, какъ вся масса черкесовъ кинулась за бѣглецами, въ селѣ остался одинъ, черкесъ который, бродя изъ дома въ домъ, напалъ на сарай, вышибъ его шаткую дверь и затѣмъ совершенно хладнокровно, систематически, даже одинаковымъ пріемомъ—перерѣзалъ, какъ женщину, такъ и всѣхъ болѣе сорока несчастныхъ младенцевъ. Видимо, что онъ дѣлалъ это даже съ наслажденіемъ. Мученики эти зарѣзаны, какъ бараны, т. е. каждому перерѣзано горло! Фактъ этотъ подтвержденъ нѣсколькими заслуживающими полнаго довѣрія болгарами.

Ознакомившись съ характеромъ мѣстностей Болгаріи

и Азіатской Турціи, гдѣ предстояло русскому воину сразиться съ врагомъ славянства, приступаю къ описанію дѣйствій русскаго оружія на дунаѣ.

Изъ Рени (на Дунаѣ).

14-го апрѣля, подъ сильнымъ дождемъ, выѣхалъ нашъ саперный батальонъ изъ Кишинева, по желѣзной дорогѣ; но, доѣхавъ до пограничной станціи Унгенъ, долженъ былъ останавиться и прождать нѣсколько дней, такъ какъ предъ Яссами, вслѣдствіе проливныхъ дождей и большаго разлитія рѣкъ, испортилось желѣзно-дорожное полотно. Батальонъ принужденъ былъ дожидаться въ вагонахъ пока полотно было исправлено. Нашъ поѣздъ перешелъ границу 19-го апрѣля, въ 6-ть часовъ вечера. Постояли еще на слѣдующей станціи и только въ 9-мъ часу вечера добрались наконецъ до Яссъ; — а отъ Унгенъ всего чрезъ двѣ станціи. На мѣсто своего назначенія, въ Барбошъ, баталіонъ прибылъ 20-го числа, къ вечеру. На другой день въ 5 часовъ утра, одна половина батальона отправилась въ городъ Рени, а другая изъ Барбоша поѣхала по желѣзной дорогѣ до Браилова. 21-го апрѣля двѣ роты сапернаго батальона достигли, наконецъ мѣста своего назначенія. Это было первое мѣсто, гдѣ приняли насъ весьма радушно. Вообще, чѣмъ болѣе приближались наши къ Дунаю, тѣмъ радушнѣе были встрѣчи, хотя всѣ съ насъ брали запакупки сколько возможно болѣе и на курсахъ обсчитывали при всякомъ удобномъ случаѣ.

Городъ Р е н и лежитъ на Дунаѣ ниже впаденія въ него

рѣки Прута и до войны 1854 г., какъ извѣстно, принадлежалъ намъ. Здѣсь живетъ очень много русскихъ; почти всѣ они раскольники, принадлежатъ большею частію къ сектѣ скопцовъ и говорятъ по-русски. Мѣстные крестьяне, съ которыми приходилось говорить, увѣряли, что имъ было лучше, когда край принадлежалъ Россіи. По прибытіи въ Рени, на другой день, утромъ, 22-го апрѣля, четыре инженера, прикомандированные къ соперному батальону, получили приказаніе строить баттареи по берегу Дуная для воспрепятствованія прохода турецкимъ мониторамъ вверхъ по рѣкѣ. Въ ожиданіи же постройки баттарей берегъ былъ занятъ нашею полевою артиллеріею, т. е. легкими орудіями, которыя, собственно, пробивать брони мониторамъ не могли; но вредить и отпугивать ихъ, все-таки имѣли полную возможность.

Баттареи были распредѣлены между инженерами, которые въ сопровожденіи нѣсколькихъ солдатъ отправились на берегъ Дуная для осмотра мѣстности и разбивки баттарей.

Когда пришли на мѣсто,—разсказывалъ одинъ изъ участниковъ этой разбивки,—и начали разбивать первую баттарею,—увидѣли издали дымокъ отъ парохода, такъ примѣрно верстахъ въ десяти отъ нихъ; но на него сначала они не обратили никакого вниманія и занимались спокойно своимъ дѣломъ. Перешедши на вторую баттарею,—около $1^1/_2$ версты отъ города—когда пароходъ, спокойно подходя, тихо приблизился къ нимъ и къ городу верстъ на три, на четыре. Тутъ только они стали разсматривать его въ бинокли; пароходъ

оказался турецкимъ броненосцемъ, медленно подвигавшійся впередъ, все приближаясь къ городу. Подойдя на разстояніе двухъ верстъ, броненосецъ сдѣлалъ первый выстрѣлъ. Ему отвѣчала наша лѣвая баттарея. Затѣмъ, онъ замѣтилъ и нашу кучку, спокойно занимавшуюся своимъ дѣломъ. Мы увидали, что огонекъ блеснулъ прямо на носу, — а посомъ мониторъ былъ обращенъ въ нашу сторону. Въ нашей кучкѣ кто-то сказалъ: „это въ насъ.“ И дѣйствительно, чрезъ какихъ-нибудь десять секундъ, надъ нами просвистѣла граната и разорвалась, далеко перелетѣвъ насъ. Затѣмъ въ нашу сторону было пущено еще два снаряда, но въ это время изъ нашей полевой баттареи попали броненосцу въ бортъ, въ верхній край. Онъ отступилъ назадъ и сталъ внѣ выстрѣловъ нашей баттареи, продолжая бомбардировать городъ. Вотъ это-то и было бомбардированіе Рени, о которомъ уже извѣщалъ телеграфъ. Въ городѣ, отъ этой бомбардировки было разрушено только два дома, раненыхъ же и убитыхъ не было. При первыхъ выстрѣлахъ однако же всѣ жители бросились бѣжать, унося съ собою все, что только возможно было захватить.

Въ пять часовъ вечера 22-го апрѣля, наши инженеры уже приступили къ насыпкѣ баттарей и работа закипѣла. Въ ночь на 23-е число спать никому не пришлось, проработали до утра; утромъ выслали на баттареи новыхъ рабочихъ изъ пѣхотныхъ полковъ, стали подвозить лѣсной матеріалъ и тяжёлыя орудія большихъ калибровъ. Въ результатѣ нашихъ усилій, къ вечеру 28-го апрѣля, на одной изъ баттарей уже было постав-

лено и заряжено орудіе. 29-го утромъ было приготовлено и другое. Одновременно съ этимъ оканчивались и вооружались другія баттареи, такъ, что все было готово къ 1-му мая. Къ этому дню были вырыты пороховые погреба и устроены блиндированныя безопасныя помѣщенія для прислуги при орудіяхъ. За все время работы наши инженеры ложились спать часовъ въ десять вечера, такъ какъ ночи были черезчуръ темные и работать почти невозможно. За то вставали въ четвертомъ часу утра и немедленно принимались за работы. Погода все это время стояла очень теплая; жары весьма сильно давали себя чувствовать днемъ, но по ночамъ было довольно прохладно. Пока больныхъ совсѣмъ небыло; время летѣло здѣсь такъ, что его совсѣмъ не замѣчали. Здѣсь только, во время работъ, сдѣлалось яснымъ, что можетъ сдѣлать нашъ русскій солдатъ, когда съ нимъ придется имѣть дѣло подъ выстрѣлами. По отзывамъ офицеровъ, въ первые сутки саперные солдаты произвели такую массу работы, на которую въ мирное время нужно было бы потратить, при томъ же числѣ рабочихъ, по крайней мѣрѣ три или четыре дня.

Наши инженерные офицеры въ Рени,—ихъ всего было четверо, — устроились сравнительно удобно и нѣкоторымъ даже комфортомъ. 27-го апрѣля для нихъ уже была приготовлена землянка, такъ какъ ходить въ городъ съ баттарей довольно далеко.

На Черномъ морѣ у поста св. Николая турецкіе броненосцы, 14-го и 15-го апрѣля, по одному и по два, каждый день подходили подъ самый берегъ и пускали по нѣскольку бомбъ и гранатъ въ Николаевъ.

Операцію эту они совершили такъ: броненосецъ подходилъ къ берегу совершенно близко и останавливался; затѣмъ, матросъ взлѣзалъ на мачту съ подзорною трубою и высматривалъ, нѣтъ ли кого гдѣ-нибудь, и потомъ, начинали стрѣлять. Это продолжалось каждый день до 22-го апрѣля. Описывающій этотъ остроумный маневръ говорилъ, „что 22-го же числа, ночью пришлось ему быть съ ротою въ Николаевскѣ, гдѣ были устроены еще до объявленія войны — два деревянныя орудія, для обученія нижнихъ чиновъ стоявшаго тамъ Александропольскаго полка артиллерійскимъ пріемамъ. Ночью, поручикъ этого полка Поповъ, съ помощь того же полка писаря Понкратьева, взялъ эти два деревянныя орудія, вытащилъ на бугоръ, окружающій съ моря Николаевскъ, и поставилъ по направленію къ мѣстамъ, гдѣ останавливался броненосцы; окопали кругомъ такъ, что только корпусъ орудій былъ видѣнъ изъ дали; выкрасили ихъ толченымъ углемъ, разведеннымъ въ водѣ, потомъ поставили сзади и по бокамъ орудій нѣсколько плахъ дровъ, на которыя надѣли старыя негодныя солдатскія шапки, и этимъ составили артиллерійскую прислугу. На другой день, съ разсвѣтомъ, по обыкновенію, приходилъ въ Николаевскъ турецкій броненосецъ и останавливался на извѣстномъ разстояніи; затѣмъ, матросъ, по прежнему, полѣзъ на мачту высматривать; вдругъ матросъ этотъ стремглавъ спускается внизъ, пароходъ полнымъ ходомъ удираетъ въ море и, останавливаясь уже внѣ выстрѣла, дѣлаетъ нѣсколько выстрѣловъ и уходитъ къ Цихисъ-Дири, гдѣ онъ постоянно стоялъ; съ того дня и до настоящаго времени ни

одинъ изъ турецкихъ броненосцевъ не подходилъ близко къ Николаевску, а останавливался далеко въ морѣ и оттуда пускалъ снаряды, стоящіе отъ 25 до 150-ти руб. каждый. Такихъ снарядовъ много выпустили они по нашей импровизированной артиллеріи, чтобы сбить орудія, но тѣ деревянныя орудія съ такой же прислугой стоятъ и до сихъ поръ неподвижно.

Движеніе эриванскаго отряда при монастырѣ Сурбъ Оганесъ.

15-го апрѣля, войска эриванскаго отряда перешли границу на Чингильскихъ высотахъ и вступили въ азіатскія владѣнія Турціи; того же числа авангардъ отряда спускался внизъ по южному склону горъ Джингильскаго округа, дошелъ до села Карабулахъ, гдѣ и расположился лагеремъ до прихода на границу главныхъ силъ отряда, выступавшихъ въ тотъ день изъ сборнаго лагеря при селѣ Ингдырь къ Орговскому посту.

Около 6-ти веретъ отъ д. Аргачъ расположенъ Орговскій постъ, отъ котораго начинаются возвышенности съ безпрерывными крутыми подъемами и спусками, гдѣ артиллерія и обозъ при движеніи встрѣчали не малое затрудненіе; требовалась припряжка лошадей а иногда и помощь людей; такая дорога пролегаетъ до самыхъ Чингильскихъ высотъ на протяженіи 12-ти верстъ. По описываемой дорогѣ войсковой обозъ по истинѣ долженъ былъ выдержать пробу своей способности двигаться по невосдѣланнымъ дорогамъ Азіятской Турціи, и надо по справедливости сказать, что опытъ

показалъ результаты вполнѣ удовлетворительные; къ тому же надо принять въ разсчетъ не привычку лошадей подымать тяжести на крутыя возвышенности, тяжесть нагруженнаго обоза, по большей части стараго, не вполнѣ легкаго и прочнаго; за всѣмъ тѣмъ поломокъ было сравнительно мало и обозъ все время шелъ довольно исправно, въ особенности принадлежащій ротамъ, имѣющимъ фургоны на желѣзныхъ осяхъ и надежныхъ лошадей, давно привыкшихъ къ перевозкѣ тяжестей; полковой же обозъ каждаго изъ полковъ, пополненъ до штату военнаго времени новою покупкою лошадей, иногда не совсѣмъ сильныхъ, мало выѣзженныхъ и неимѣвшихъ случая втянуться въ трудное, горное движеніе въ запряжкѣ. Въ послѣдствіи, когда вновь купленныя лошади попривыкли къ упряжкѣ, что называется обмялись,—движеніе обоза значительно стало скорѣе, неизбѣжныя остановки стали случаться только при дѣйствительно трудныхъ подъемахъ, да и то за малыми исключеніями, требовалась припряжка выносовъ и помощь людьми; по большей же части обозъ на гору выѣзжалъ самъ. Мы нарочно сказали нѣсколько подробно про обозъ отряда, чтобы познакомить читателей съ этою важною хозяйственною частью войска. Всякое военное движеніе впередъ зависитъ отъ исправности и подвижности обоза: чѣмъ обозъ подвижнѣе, тѣмъ войска менѣе терпятъ неудобствъ и лишеній, слѣдовательно, больше сберегаются силъ и здоровья, качества важныя для боеваго успѣха, такъ какъ въ здоровомъ и добромъ тѣлѣ присутствуетъ и сильный нравственный духъ. Кромѣ сказаннаго, исправный

и малочисленный обозъ требуетъ менѣе военнаго прикрытія, отчего не ослабляетъ состава войска, готоваго къ бою и, наконецъ, менѣе подверженъ нападенію со стороны непріятеля, такъ всегда слѣдовалъ общей кучей, не растягиваясь и не разъобщая тѣмъ силъ прикрытія.

Самое главное бремя, составляющее затрудненіе въ слѣдованіи обоза, есть обозъ маркитантовъ. Этотъ коммерческій людъ въ видахъ вѣрнаго и скораго обогощенія, заводилъ для перевозки продуктовъ самыя жалкія перевозочныя средства. Пока на указанное зло, не обращено довольно вниманія, и прикрытія обоза всегда стоило большихъ хлопотъ, такъ какъ маркитантскій обозъ почти всегда запаздывалъ прибытіемъ на мѣсто, чрезъ что войска не могли получать своевременно необходимые продукты. Для устраненія объясненнаго неудобства, желательно было-бы имѣть при частяхъ войскъ казенный обозъ для маркитантовъ, потому именно, что если при заключеніи контракта съ маркитантомъ обязать его имѣть вполнѣ исправный обозъ, то въ такомъ случаѣ едва-ли было возможно согласиться съ нимъ на счетъ цѣнъ поставокъ, такъ какъ въ виду дороговизны содержаніе хорошаго обоза, цѣны на продукты были до невозможности высоки; если же принять въ разсчетъ естественное возвышеніе цѣнъ на продукты при углубленіи въ непріятельскую страну, то едва-ли войскамъ хватитъ казенныхъ отпусковъ ассигнуемыхъ для продовольствія за границею.

17-го апрѣля главныя силы отряда въ восемь часовъ утра съ Чингильскихъ высотъ выступили для перехода за

границу, оставивъ большую часть обоза позади, на пути отъ Орговскаго поста, подъ прикрытіемъ одного баталіона Крымскаго полка.

Въ прошлую компанію 1853—1855 гг. Чингильскія высоты были заняты турками, большею частію кавалеріею, курдами, а такъ же частію пѣхоты и четырьмя орудіями; при настоящемъ же переходѣ нашихъ войскъ, высоты остались безъ обороны, вѣроятно, въ виду прошлаго урока, когда турки были сбиты нашими войсками съ позиціи и, не имѣя удобнаго пути къ отступленію, потеряли свою артиллерію и были окончательно разбиты; и, дѣйствительно, произвести отступленіе въ порядкѣ отъ Чингильскихъ высотъ по южному склону Джингильскаго хребта по меньшей мѣрѣ трудно, вслѣдствіе крутой покатости на протяженіи пяти верстъ; предпринять же оборону высотъ безъ содѣйствія артиллеріи совершенно немыслимо. Когда войска перешли границу, то взору представилась довольно живописная картина: вся низменность долины, лежащей между горами, съ сѣвера Джингильскими, съ востока подножіе большаго Арарата и съ юга—Зіаретъ-дагъ,—представились, какъ на ладонѣ. У подножія горъ Джингиль широко раскинулось по долинѣ озеро Шехли-гель; къ югу, на половинѣ горы Кызылъ-дагъ, можно видѣть простымъ глазомъ крѣпость и городъ Баязетъ; въ то же время долиною, черною полосою двигался въ направленіи къ Баязету выступившій изъ сел. Кара-булахъ нашъ авангардъ для занятія названнаго города. Для живописности картины не доставало лѣса; въ описываемой мѣстности за рѣдкость встрѣтить даже отдѣльныя группы деревьевъ

при жилыхъ строеніяхъ. Вечеромъ, того же дня главныя силы спустились съ Чингильскихъ высотъ, подошли къ сел. Арзабъ и расположились близь него лагеремъ. Авангаръ отряда занялъ крѣпость и г. Баязетъ безъ выстрѣла; турецкіе два батальона, находившіеся въ крѣпости, завидя приближеніе нашего авангарда, отступили къ гор. Ванъ, бросивъ запасы сухарей, оружія и патроновъ; оставили также больныхъ солдатъ, при одномъ медикѣ, — по всему видно, что турки не ожидали такого скораго появленія нашего отряда и потому были застигнуты въ расплохъ.

Мѣстность баязетскаго санджака вообще гориста, мало населена осѣдло и не представляетъ удобства къ воздѣлыванію. Нижайшая плоскоть долины возвышается на 5,172 фута надъ уровнемъ моря; отсутствіе болотистыхъ низменностей, горный, чистый воздухъ и ключевая вода, все это давало право надѣяться на здоровый климатъ и вмѣстѣ съ тѣмъ на удовлетворительное санитарное состояніе войскъ отряда при пребываніи въ занятомъ нами краѣ. Усиленное мясное довольствіе въ $1^1/_2$ фунта сыраго мяса въ день на человѣка, винная порція и, ежедневно, съ 1-го мая, выдаваемый чай, въ гигіеническомъ отношеніи приносили несомнѣнную пользу войскамъ, которыя никогда еще не находились въ столь благопріятныхъ условіяхъ, какъ въ открывшуюся кампанію; поэтому надо полагать, что въ прошлое время, отъ этихъ недостатковъ, войска теряли въ своемъ составѣ гораздо больше людей отъ болѣзней и эпедиміи, чѣмъ отъ оружія непріятеля.

Съ 18-го по 24-е апрѣля войска эриванскаго отряда,

занявъ позиціи авангардомъ при Баязетѣ, а главныя силы у сел. Арзабъ, — простояли на отдыхѣ. Въ промежутокъ этого времени изъ ближайшихъ складочныхъ мѣстъ подвозили къ отряду провіантъ, фуражъ и другіе продукты, а также вводилось, въ брошеномъ турками краѣ — гражданское управленіе, безъ организаціи его неминуемо возникнули бы хищничество и разные другіе безпорядки, всецѣло обрушившіеся и на безъ того угнетенное армянское населеніе занятой нами страны. Какъ извѣстно, христіане, подвластные Турціи, не пользуются одинаковыми гражданскими правама съ магометанами; даже послѣ открытія дѣйствій пресловутой конституціи, — произволъ и притѣсненія царятъ въ прежней степени; впрочемъ, христіане, исповѣдующіе католицизмъ, пользуются здѣсь сравнительно съ православными, большими удобствами жизни, состоя подъ покровительствомъ державъ имѣющихъ вліяніе на внутреннія дѣла Турціи; такъ напримѣръ: они могутъ хорошо одѣваться и видимо показывать свое матеріальное благосостояніе, тогда какъ исповѣдывающій православіе долженъ ходить въ рубищѣ и прикидываться бѣднякомъ, иначе мусульмане, замѣтивъ его достатокъ, немедленно раззоряли его въ конецъ, и для того отчасти запрещалось христіанину носить оружіе. Между тѣмъ кочевой народъ курды, составляя большинство населенія, изстари пріобрѣвшіе себѣ славу хищниковъ, всѣ вооружены, и, вѣроятно, ни упустили-бы удобнаго случая въ конецъ раззорить армянскія населенія, если-бы не видѣли мѣръ принимаемыхъ русскими для водворенія порядка въ только-что занятомъ краѣ.

Войскамъ вступившимъ въ азіятскія владѣнія турціи, во всякомъ случаѣ, предстояло выполнить двѣ задачи: одна изъ нихъ чисто военная, а другая гражданская. Не водворивъ предварительно гражданскаго порядка въ извѣстномъ, брошенномъ непріятелемъ участкѣ мѣстности, войска не могли спокойно продолжать движеніе впередъ съ военными цѣлями, такъ какъ оставленныя ими въ тылу своемъ сообщенія съ ближайшими пограничными пунктами пролегали въ странѣ кочевыхъ вооруженныхъ народовъ, сильно наклонныхъ къ хищничеству; по этому требовалось большое количество войскъ для сопровожденія транспортовъ въ ущербъ силы для военныхъ цѣлей и, кромѣ того, производило медленность въ доставкахъ всего нужнаго въ отрядъ. Медленность въ движеніи отряда впередъ могла показаться также не понятнымъ явленіемъ. Не зная, помимо военныхъ цѣлей, мѣстныхъ условій занятой нами страны, судить объ успѣшномъ движеніи войскъ впередъ, и то приблизительно, можно еще лишь тогда, когда станетъ понятной вся сложная матеріальная часть довольствія войскъ въ военное время, обыкновенно добываемаго изъ предѣловъ нашей страны; не бывъ же посвѣщеннымъ въ предначертанный планъ военныхъ дѣйствій, окончательно теряется всякая возможность выводить какія-либо заключенія: о дѣйствіи нашихъ войскъ, перешедшихъ границу и ставшихъ чрезъ то въ условія, далеко непохожія на тѣ, какія бываютъ извѣстны большинству, при мирномъ расположеніи войскъ внутри имперіи. Послѣднее сказано съ цѣлью выяснить всю трудность задачи, данной войскамъ, дѣйствующимъ въ Малой Азіи,

и вмѣстѣ съ тѣмъ предупредить составленіи неправильныхъ взглядовъ на военное дѣло лицъ, мало знакомыхъ, какъ съ положеніемъ войскъ въ занятомъ нами краѣ, такъ тѣмъ болѣе съ конечными военными цѣлями, составленными до начала открытія компаніи.

Крѣпость Баязетъ въ третій разъ находится въ нашихъ рукахъ, въ 1827, 1854 и въ 1877 годахъ; по своему мѣстоположенію она не представляетъ выгодъ для упорной обороны, хотя по внѣшнему виду и кажется неприступною; стѣны ея сложены изъ твердаго камня, высоки и толсты и, кромѣ того, она окружена неприступными крутизнами. Въ компанію 1828 г. крѣпость эта была занята однимъ батальономъ изъ нашего корпуса гр. Паскевича; турецкій паша изъ Вана рѣшился овладѣть крѣпостью, подошелъ съ войсками, занялъ ближайшія высоты, командующія надъ крѣпостью, и въ продолженіи сутокъ произвелъ осаду; но такъ какъ осаждающему, такъ и осажденному въ одинаковой степени неудобно производить пальбу изъ орудій, по причинѣ большихъ угловъ склоненія и возвышенія, и вообще наносить вредъ выстрѣлами, то паша, убѣдившись въ безполезности осады, снялъ ее и удалился опять въ Ванъ. Батальонъ, бывшій тогда въ Баязетѣ, получилъ Георгіевское знамя за оборону и въ настоящее время съ тѣмъ знаменемъ находится въ составѣ Эриванскаго отряда (3 батальонъ Крымскаго полка).

Съ прибытіемъ нашего отряда къ Баязету, къ начальнику отряда явилась депутація отъ города съ изъявленіемъ покорности; при этомъ было объявлено, чтобы жители не тревожились, оставались бы на своихъ мѣ-

стахъ и продолжали бы свою торговлю съ русскими войсками, которыя дурнаго жителямъ ничего не сдѣлаютъ и будутъ покупать продукты и товары за деньги; но не смотря на миролюбивыя заявленія, сдѣланныя съ нашей стороны, жители долго не рѣшались открыть торговлю, будучи предувѣдомлены отступившими турками, что если будутъ снабжать русскія войска продуктами, то современемъ за то жестоко поплотятся, когда наши войска уйдутъ обратно въ свои придѣлы; и, хотя по прошествіи нѣсколькихъ дней, какъ говорили, по настоянію нашему, открыли прерванную торговлю,—но, надо полагать, многіе товары попрятали, такъ какъ въ пустыхъ почти лавченкахъ, ничего нельзя было достать. Участвовавшіе въ прошломъ турецкомъ походѣ расказывали, что Баязетъ не узнаваемъ; тогда можно было достать все; были открыты порядочные магазины съ англійскими и французскими произведеніями, кофейни въ восточномъ вкусѣ и даже нѣкоторыя увеселительныя мѣста; кромѣ того, проѣзжало изъ Эрзерума въ Тавризъ много каравановъ, которые открывали мелочную торговлю при встрѣчѣ съ нашими войсками; въ настоящее же время ничего подобнаго нѣтъ; если встрѣчались караваны, то всегда рѣдко и мелочной торговли не вели вовсе. Упадокъ торговли надо приписать развитію предпріимчивости русскихъ купцовъ по внѣшней торговлѣ съ Персіею и прорытію Суэзскаго канала, доставившаго Англіи ближайшій путь для торговли съ Индіей; поэтому транзитная дорога отъ Эрзерума до Тавриза вѣроятно и опустѣла, какъ потерявшая свое прежнее значеніе.

Съ приходомъ нашего отряда за границу, стало замѣтно присутствіе въ войскахъ много посторонняго элемента, преимущественно армянъ изъ сел. Игдыря и другихъ, ближайшихъ къ границѣ селеній; впослѣдствіи оказалось, что это были охотники легкой наживы, желавшіе подъ защитою войска помародерничать; говорили, что они явились въ Баязетъ нѣсколько раньше прихода нашихъ войскъ и начали въ сказанномъ смыслѣ сильно дѣйствовать; но съ приходомъ къ Баязету нашего авангарда, немедленно были собраны и съ конвоемъ казаковъ съ позоромъ отправлены во свояси.

При стоянкѣ главныхъ силъ отряда вблизи армянскаго селенія Арзанъ, войска имѣли все необходимое отъ жителей селенія за плату по соглашенію и нельзя сказать, чтобъ по очень дорогой цѣнѣ. Жители относились къ намъ весьма сочувственно, разсказывали про отношенія свои къ турецкимъ властямъ, по повидимому, были крайне сдержаны и боялись разсказывать всю подноготную, такъ какъ были между ними личности, могущія предать ихъ за откровенность въ руки турецкаго правосудія; но за всѣмъ тѣмъ намъ пришлось услышать легкій упрекъ турецкимъ войскамъ, стоявшихъ лагеремъ у селенія не долго до нашего прихода, которыя брали все насильно, безплатно и съ бранью, страшно истязали и насиловали женщинъ,—не разбирая возраста.

Простоявъ у сел. Арзанъ недѣлю, войска въ это время въ достаточномъ количествѣ были снабжены запасами провизіи; безпрерывные караваны верблюдовъ, состоявшіе при отрядѣ, доставляли въ эриванскіе складочные пункты въ изобиліи все необходимое. Полевой

почтамтъ открылъ свое дѣйствіе, потому стало возможнымъ полученіе и отправленіе простой и денежной корреспонденціи.

25-го апрѣля главная сила отряда выступила изъ-подъ сел. Арзанъ и перешла на позицію къ р. Балыкъ-Чай, ближе къ транзитной дорогѣ, идущей изъ Эрзерума въ предѣлы Персіи.

На слѣдующій день 26-го числа, авангардъ отряда, оставшійся нѣсколько позади главныхъ силъ относительно пути наступленія и ставшій лагеремъ на рѣкѣ Курду-гуль, долженъ былъ опять опередить главныя силы и слѣдовать далѣе для занятія замка Діадинъ, куда онъ и прибылъ къ вечеру, невстрѣтивъ нигдѣ на пути непріятеля, хотя и носились слухи о пребываніи въ Діадинѣ таборовъ редифа.

Главная сила того же числа, пропустивъ впередъ авангардъ, немедленно послѣдовала за нимъ по дорогѣ къ Діадину; неподалеку отъ ночлега, войска съ обозомъ вышли на транзитную дорогу урочища Кубунаги, довольно удобную на протяженіи 12-ти верстъ, вдоль ея идетъ телеграфная линія, попорченная самими турками при отступленіи отъ Баязета вплоть до самаго Діадина. Мѣстность гориста, по обѣимъ сторонамъ дороги безводна, камениста и потому не воздѣлывается; населеніе состоитъ изъ зимнихъ кочевокъ курдовъ; постоянныхъ поселеній по дорогѣ не встрѣчается. По дорогѣ къ Діадину расположено три турецкихъ поста, вѣроятно, служащихъ для перемѣны лошадей верховой почты; зданія каменныя съ плоской крышей, съ нѣсколькими комнатами и отдѣльной конюшней. Начиная отъ втораго

поста, дорога идетъ на гору чрезъ довольно высокій отрогъ горы Аташа (6,814 фут.); здѣсь обозъ отряда встрѣтилъ затрудненіе при одномъ крутомъ подъемѣ; наступившая же темнота еще болѣе затруднила слѣдованіе обоза. Всю ночь, до разсвѣта, при разведенныхъ кострахъ, три роты помогали обозу вытянутся на гору, такъ что аріергардъ колоны могъ придти въ Діадинъ съ послѣднею повозкою около восьми час. утра 26-го апрѣля.

При ночныхъ затрудненіяхъ съ обозомъ, обнаружилась крайняя необходимость имѣть при немъ въ достаточномъ количествѣ свѣтлые и прочные фонари, въ родѣ морскихъ или желѣзно-дорожныхъ; оказавшіеся при повозкахъ простые фонари не могли служить по причинѣ тусклаго свѣта и разбитыхъ въ дорогѣ стеколъ; при хорошихъ фонаряхъ, при всякомъ ночномъ затрудненіи съ обозомъ, на мѣстѣ или при движеніи, войска и лошади гораздо менѣе будутъ истомлены, обозъ сохранится въ большой цѣлости, менѣе произойдетъ безпорядковъ и во всякомъ случаѣ слѣдованіе его будетъ безостановочнѣе. Хорошо еще, что при описанномъ затрудненіи, случались на дорогѣ валявшіеся телеграфные столбы, которыми можно было развести костры и освѣтить ими трудную дорогу; не случись столбовъ, пришлось бы обозу ночевать у подъема.

Поднявъ на гору послѣднюю повозку, аріергардъ колоны вздохнулъ свободнѣе. Предстояло пройти еще 12-ть верстъ до Діадина, гдѣ назначался отдыхъ; подвигаясь впередъ, на разсвѣтѣ, едва было возможно въ сторонѣ отъ дороги различить повозку. Подойдя ближе, оказалось, что это брошенные дроги маркитанта

драгунскаго полка, съ однимъ драгуномъ. На вопросъ: почему брошены дроги? драгунъ отвѣчалъ, что хозяинъ еще съ вечера взялъ лошадей, чтобы помочь другой повозкѣ, обѣщалъ прислать лошадей, но не знаетъ почему не шлетъ. Оставалось одно, дотащить людьми аріергарда дроги до лагеря, такъ какъ, не взявъ съ собою драгуна и бросивъ дроги, можно было разсчитывать заплатить маркитанту за понесенные имъ убытки. Такъ и сдѣлали, 20 человѣкъ изъ батальона скинули ранцы, положили ихъ на дроги, винтовки передали товарищамъ, впряглись въ дроги и потянули ихъ впередъ; проѣхавъ около версты, опять встрѣтили маркитантовъ двухъ полковъ, спокойно расположившихся на отдыхъ, какъ будто бы во все не подчинявшихся правиламъ, существующимъ для слѣдованія войсковаго обоза. Приказали имъ немедленно запрягать повозки, вмѣстѣ съ тѣмъ выпросили у нихъ пару быковъ изъ числа порціонныхъ, впрягли въ дроги и тѣмъ избавили солдатъ отъ перевозки дрогъ драгунскаго маркитанта. Приведенные случаи опять подтверждаютъ необходимость въ будущемъ организовать обозъ маркитантовъ на болѣе выгодныхъ для войскъ основаніяхъ. Около восьми час. утра послѣдняя повозка съ прикрытіемъ вошла въ лагерь при Діадинѣ.

Съ 26-го апрѣля по 1-е мая войска Эриванскаго отряда простояли лагеремъ при замкѣ Діадинѣ, расположенномъ въ обширной долинѣ, на рѣкѣ Евфратѣ, образуемой между двумя горными кряжами, именно, съ юга Алладагъ и съ сѣвера Агрыдагъ. Въ промежутокъ означеннаго времени разрабатывалась дорога впередъ,

къ монастырю Сурбъ-Оганесу и назадъ къ г. Баязету, черезъ перевалъ Ататпа, а также подвозили въ запасъ провіантъ и вводилось гражданское управленіе въ Діадинскомъ санджакѣ, совершенно оставленномъ турками.

. Отъ Діадина, бывшаго когда-то замка, построеннаго на берегу Евфрата, нынѣ совершенно разрушившагося, видны только остатки нѣкогда довольно большаго зданія и глиняная стѣна со рвомъ, окружавшимъ его. Рядомъ съ бывшимъ за́мкомъ, теперь расположенъ городъ, носящій названіе за́мка; около полутораста саклей, вырытыхъ въ землѣ, по обыкновенію грязныхъ, темныхъ, сырыхъ и непримѣнно съ плоскими крышами, составляютъ городъ Діадинъ. Въ прошлую компанію жители названнаго города, при приближеніи нашихъ войскъ совершенно оставили свои жилища и съ имуществомъ удалились въ Ванскій санджакъ; въ настоящее же время, напротивъ, всѣ они остались на своихъ мѣстахъ, и, съ приходомъ нашего отряда, выразили покорность и готовность подчиниться всѣмъ условіямъ, предложеннымъ съ нашей стороны: не есть ли это доказательство упадка турецкаго владычества и вмѣстѣ съ тѣмъ развитія большаго довѣрія къ русскому народу? Впослѣдствіи мы увидимъ, что въ настоящее время не бросаютъ свои жилища, не только армяне, сочувствующіе намъ, но даже коренные османы, исконные враги наши: всѣ остаются на своихъ мѣстахъ, при своихъ обычныхъ занятіяхъ и при появленіи нашихъ войскъ выражаютъ полное довѣреніе; безусловно, при первомъ требованіи, выдаютъ изъ среды своей, личностей, сдѣлавшихъ намъ вредъ, и вообще видно желаніе всего смѣшаннаго на-

селенія страны, доказать готовность подчиниться русскимъ требованіямъ. Куда исчезъ мусульманскій фанатизмъ? Гдѣ послѣдствія священной войны, объявленной шейхъ-уль исламомъ? Вѣроятно, на эти вопросы послѣдуетъ вскорѣ краснорѣчивый отвѣтъ дѣломъ.

Изъ ущелья Алладагъ, южнѣе Діадина, Евфратъ верстахъ въ 35 береть свое начало и потомъ многими отдѣльными рукавами изъ ручейковъ, вытекающихъ съ ближайшихъ лощинъ, соединяясь нѣсколько выше Діадина, образуетъ здѣсь довольно значительное русло. Евфратъ имѣетъ теченіе весьма быстрое по каменистому дну ущелья, около ста сажень ширины, имѣющая почти отвѣсные скалистые бока, до 20-ти сажепей высоты; по такому мѣсту русло стремительно, съ шумомъ, течетъ на протяженіи 15-ти верстъ, пѣнясь и дѣлая зигзаги прихотливой формы; русло въ глубинѣ, по бокамъ, покрыто густою зелепью, цвѣтъ воды принимаетъ голубовато-зеленый оттѣнокъ. Любуясь сверху на воды этой священной рѣки, невольно мысленно переносишься въ отдаленныя библейскія времена, такъ сильно западающія въ память при первыхъ урокахъ Вѣтхаго Завѣта Далѣе Евфратъ, изъ своего глубокаго ложа, вытекаетъ на равнину и тѣмъ теряетъ свою дикую прелесть, дѣлается не такъ красивъ, быстръ и прозраченъ.

Окрестности Діадина изобилуютъ минеральною водою; въ 5-ти верстахъ южнѣе города находятся весьма обильные, кипучіе минеральные источники, отдѣляющіе большое количество сѣро-водорода, что отчасти показываетъ ихъ свойства; насколько извѣстно, температура воды доходитъ до 80° по R., туземцы въ нѣсколько

минутъ варятъ въ ней баранину. Около источниковъ въ скалѣ выдолблены ванны, въ которыхъ вода охлаждается до возможности купанья въ ней: туземцы съ большою пользою принимаютъ ванны въ ревматическихъ и нѣкоторыхъ сыпныхъ болѣзняхъ. Подобный анализъ водъ, вѣроятно, не былъ произведенъ; извѣстенъ только поверхностный анализъ, произведенный нашими медиками въ прошлую компанію, который показалъ, что вода содержитъ: свободно-растворяемую угольную кислоту, сѣро-водородный газъ, углекислую известь, сѣрнокислую соду, сѣрно-кислую магнезію, закись желѣза, но видимо во всемъ преобладаетъ сѣра. Не вдалекѣ отъ минеральныхъ источниковъ находятся брошенныя каменоломни — бѣлаго чистаго мрамора. Ниже отъ Діадина, по теченію Евфрата, верстахъ въ семи, также есть много минеральныхъ источниковъ, но уже гораздо ниже температурою чѣмъ вышеописанные.

Вообще по слухамъ, въ Баязетскомъ и Діадинскомъ санджакахъ во многихъ мѣстахъ вытекаютъ, болѣе или менѣе обильные горячіе и холодные минеральные источники; особенно примѣчательные изъ нихъ, послѣ описанныхъ выше находятся въ Баязетскомъ санджакѣ отъ нашей границы, близъ армянскаго селенія Арзабъ, гдѣ стояли недавно главныя силы отряда; они имѣютъ холодную пѣнящуюся воду, вслѣдствіе обильнаго выдѣленія углекислаго газа; вода вяжущаяся и вкусомъ кисловатая; воду эту причисляютъ къ разряду углекисложелѣзистыхъ. Мѣстные жители разсказывали, что при внутреннемъ употребленіи, вода превосходно помогаетъ при испорченномъ пищеваренія, болѣзняхъ селезенки,

печени и вообще при упадкѣ силъ, произшедшихъ отъ долговременной болѣзни.

27-го апрѣля авангардъ отряда произвелъ рекогносцировку къ монастырю Сурбъ-Оганесу, но не обнаружилъ присутствія большихъ силъ непріятеля.

28-го апрѣля, изъ лагеря Діадина, были посланы два батальона для исправленія дорогъ по двумъ направленіямъ: одинъ батальонъ по дорогѣ къ Баязету, другой къ Сурбъ-Оганесу. Въ этотъ день случилось произшествіе, надѣлавшее много шуму въ лагерѣ. Батальонъ, вышедшій рано утромъ на разработку дороги къ Сурбъ-Оганесу, отойдя отъ лагеря на 6-ть верстъ, расположился для работъ, предварительно выславъ нѣсколько впередъ одну роту для своего прикрытія отъ внезапнаго нападенія непріятеля; вскорѣ впереди прикрывавшей роты, на возвышенности, показалось до 60-ти вооруженныхъ конныхъ курдовъ; далѣе были видны еще одиночные всадники; все это дало поводъ предположить присутствіе непріятельскихъ разъѣздовъ; но, чтобы не впасть въ ошибку, было сдѣлано по всадникамъ нѣсколько выстрѣловъ нашими стрѣлками, нарочно направленныхъ мимо курдовъ, съ цѣлью, чтобы они не ѣхали всѣ впередъ, а прислали бы прежде объяснить, куда и за чѣмъ они ѣдутъ; знака этого они не поняли, а въ отвѣтъ на выстрѣлъ начали горцевать; тогда по нимъ было дано до 30 прицѣльныхъ выстрѣловъ, послѣ которыхъ курды стали удаляться. Вскорѣ разъяснилось слѣдующее: это были курды ближайшихъ ауловъ, ѣхавшіе въ лагерь для изъявленія покорности; въ числѣ ихъ три человѣка были ранены. Это, конечно, печальная случайность;

будь они предусмотрительнѣе и пришли впередъ хотя одного предупредить войско о своемъ мирномъ намѣреніи ѣхать въ лагерь, никто бы и не подумалъ причинить имъ какой-либо вредъ; но по несчастію, случилось иначе и за это обѣ стороны напрасно пострадали.

Вечеромъ 28-го апрѣля около десяти часовъ, всѣ не имѣвшіе случая присутствовать при землетрясеніи, испытали его; довольно значительное колебаніе земли, по направленію съ юга на сѣверъ, было замѣтно въ продолженіи не болѣе трехъ секундъ, но подземными ударами не сопровождалось. Вѣроятно, въ здѣшней мѣстности землетрясеніе не рѣдкость, такъ какъ здѣсь много потухшихъ вулкановъ и горячихъ минеральныхъ источниковъ, явно показывающихъ вулканическое свойство мѣстности.

На слѣдующій день случилось другое происшествіе, нѣсколько въ другомъ родѣ, явно показывающее хищническія наклонности курдовъ: два брата маркитанта одной изъ баттарей отряда съ работникомъ пробирались изъ Діадина въ Эриванъ за покупками, не вдалекѣ отъ лагеря на ѣхавшихъ напали курды, одного изъ братьевъ убили, а другаго сильно ранили; работникъ же успѣлъ благополучно ускакать, пріѣхалъ въ лагерь и далъ знать о происшедшемъ остававшимся при баттареи родственникамъ погибшихъ; поднялся вопль на весь лагерь, узнали въ чемъ дѣло и немедленно, на мѣсто происшествія послали казаковъ; говорили, при братьяхъ было до шести тысячь денегъ, которые и были похищены разбойниками. Чрезъ нѣсколько дней, посредствомъ же мѣстной администраціи, подозрѣваемые въ убійствѣ мар-

китанта, курды были приведены въ лагерь и немедленно арестованы, но результатъ пока неизвѣстенъ. Въ тотъ же день нашими казаками былъ задержанъ значительный караванъ, шедшій изъ Персіи въ Эрзерумъ и приведенъ въ лагерь; караванъ вьючный на прекрасныхъ, рослыхъ и сильныхъ персидскихъ катерахъ; назначенною коммиссіею караванъ былъ подробно осмотрѣнъ; кромѣ отличныхъ персидскихъ ковровъ, шелковыхъ и другихъ мануфактурныхъ произведеній, ничего вреднаго для насъ не найдено, почему каравану дано было разрѣшеніе слѣдовать далѣе безпрепятственно.

Пользуясь свободными и довольно теплыми днями стоянки у Діадина, въ нѣкоторыхъ частяхъ войскъ затѣяли устроить бани, — мѣра весьма важная въ долговременномъ походѣ при привычкахъ нашей русской натуры. Такъ какъ способъ устройства бань на походѣ довольно простъ и не лишенъ оригинальности, то поэтому позволяемъ себѣ познакомить читателей съ способомъ, которымъ пользуются войска на походѣ, чтобы соблюсти санитарныя условія. На берегу Евфрата, прежде всего изъ булыжника сложили небольшую печь, сверху ея положили голышу, послѣ чего печь накалили насколько возможно, затѣмъ, взявъ двѣ солдатскія палатки, разбили ихъ по верхъ печки, хорошо окопали внизу полы палатокъ и плотно закрыли; для предбанника разбили рядомъ другую палатку; нѣсколько большихъ артельныхъ котловъ наполнили горячею и холодною водою; вотъ и все, баня совершенно готова; одна бѣда, нельзя достать дубоваго вѣника, но и его съ пользою солдатики замѣнили вѣникомъ изъ тонкихъ, почти голыхъ

прутьевъ лозки, единственно растущей по берегу Евфрата; подобный вѣникъ оказался, какъ разъ въ пору для спины, носящей довольно тяжеловѣсный ранецъ; поддавъ въ двойной палаткѣ достаточное количество пару и потряхивая лозовымъ вѣникомъ, солдатики острили надъ Османомъ, посылая ему приличную случаю хвалу за хорошее лѣсоводство въ странѣ. Какъ бы хорошо соблюдаемы ни были общія санитарныя и гигіеническія условія въ войскахъ, всегда еще найдется какая-нибудь частность, оказывающая довольно замѣтное вліяніе на здоровье войскъ, особенно сосредоточенныхъ въ болѣе или менѣе значительныя массы. Такъ, напримѣръ: по наблюденіямъ одного изъ медиковъ, въ отрядѣ, простоявшемъ на одномъ и томъ же мѣстѣ болѣе трехъ дней, являлось большее число заболѣвавшихъ, преимущественно тифозной болѣзней, причиною тому служили, скопляющіяся нечистоты, отъ которыхъ воздухъ достаточно заражается; напротивъ, процентъ заболѣвающихъ быстро уменьшается съ переходомъ войскъ на другую позицію, а равно и при продолжительномъ походномъ движеніи; поэтому, если обстоятельства позволятъ, полезно мѣнять позиціи войскъ послѣ стоянки на одномъ мѣстѣ впродолженіи отъ 3-хъ до 5-ти дней переводомъ ихъ на новое мѣсто, хотя бы не далѣе трехъ верстъ. Приведенныя наблюденія приняты въ нашемъ отрядѣ къ свѣденію и потому, при самыхъ кратковременныхъ лагерныхъ остановкахъ отряда, всегда принимались строгія мѣры для меньшаго скопленія свободно гніющихъ нечистотъ; мѣры эти замѣтнымъ образомъ сохраняли чистоту воздуха, а слѣдовательно и отстраняли

необходимость частой перемѣны мѣста лагернаго расположенія отряда.

2-го мая отрядъ, собравшись утромъ, выступилъ по дорогѣ къ Сурбъ-Оганесу, отстоящему отъ Діадина въ 12-ти верстахъ. Дорога идетъ по правой сторонѣ Евфрата, вездѣ ровная и удобная для движенія. Народонаселеніе встрѣчалось болѣе густое, чѣмъ въ Баязетскомъ санджакѣ, почти все осѣдлое; зимовниковъ курдовъ совсѣмъ невидно; по дорогѣ лежитъ обширная долина Муратъ-Кентъ, вполнѣ воздѣланная; окружающія долину горы не имѣютъ тѣхъ голыхъ скалъ, какъ въ Баязетскомъ санджакѣ; хотя не вполнѣ, но довольно замѣтно уменьшается каменистое свойство грунта и зелень ярче покрываетъ окрестныя горы, поэтому почва получаетъ удобство къ воздѣлыванію.

Къ полудню отрядъ пошелъ къ монастырю Сурбъ-Оганесу и запялъ мѣсто для лагеря на возвышенности противъ монастыря, на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ въ прошлую компанію былъ турецкій укрѣпленный лагерь, слѣды котораго сохранились до настоящаго времени; видѣнъ окопъ съ валомъ и рвомъ, баттареи и на нихъ мѣста орудій и зарядныхъ ящиковъ. Турки на этотъ разъ не пожелали укрѣпляться въ Сурбъ-Оганесѣ и, какъ говорили, собирались дать намъ отпоръ въ 40 верстахъ далѣе, въ укрѣпленной позиціи при Каракилисѣ.

Всѣ ожидали этой встрѣчи съ крайнимъ нетерпѣніемъ.

Дѣйствія Ріонскаго отряда.

Мѣстность, на которой предстояло дѣйствовать Ріонскому отряду, наполнена отрогами Аджаро-Ахалцыкскаго хребта, круто спускающимся къ морю и образующими узкую береговую полосу, находящуюся подъ выстрѣлами турецкаго флота. Крутые, покрытые густыми лѣсами, скаты горъ прорѣзываются многими небольшими рѣчками: Чолокъ, Охчамури, Ачица, Кинтриши и друг., текущими параллельно другъ другу въ Черное море и образующими тѣсныя долины и ущелья, которыя пересѣкаютъ горныя дороги, ведущія отъ нашей границы внутрь Лазистанскаго санджака. Дороги эти особенно весною, въ дождливое время, требуютъ усиленной разработки.

Военныя дѣйствія отряда начались утромъ 12-го апрѣля.

Послѣ молебствія, согласно общей диспозиціи, отрядъ подъ общимъ начальствомъ Генералъ-лейтенанта Оклобжіо, перешелъ границу тремя колонами: правая подъ начальствомъ полковника Абашидзе, отъ поста св. Николая, средняя полковника Воротынцева,—отъ Озургента (эти обѣ колонны, соединившись у Лильскаго поста, составили одну, подъ начальствомъ генерала-маіора Шереметьева), и лѣвая, генералъ-маіора Денибекова, отъ сборнаго пункта близь Челоковскаго поста. Въ теченіе 12-го и 13 го апрѣля все время шолъ сильный дождь.

12-го апрѣля войска правой колонны безпрепятственно перешли границу у Лильскаго поста и заняли покинутый

турецкій постъ. Въ тотъ же день войска лѣвой колонны, оттеснивъ небольшой отрядъ баши-бузуковъ, перешли р. Чолокъ и заняли высоты лѣваго берега рѣки. Войска средней колонны, имѣя при себѣ 9-ти фунтовыя баттареи и двигаясь по сильно испорченнымъ двухдневнымъ дождемъ—дорогамъ, только поздно, вечеромъ, подошли къ Ниже-Богильскому посту.

На слѣдующій день, 13-го апрѣля, войска средней колонны, потянувшіяся по правому берегу р. Чолока для соединенія съ правой колонной къ Богильскому посту, были встрѣчены ружейнымъ огнемъ непріятеля, засѣвшаго на лѣсистыхъ высотахъ противоположнаго берега. Тогда, для обезпеченія движенія, гвардіи полковнику князю Микеладзе, съ отрядомъ изъ двухъ сотенъ 1-й Гурійской дружины и роты Ленкоранскаго полка, приказано было занять упомянутыя высоты, что и было имъ выполнено съ успѣхомъ и дало возможность колоннѣ безпрепятственно продолжать дальнѣйшее движеніе.

Пока главныя силы обѣихъ колоннъ (правой и средней) сосредоточивались у Лильскаго поста, авангардъ ихъ, состоявшій изъ двухъ ботальоновъ и всей кавалеріи, двинулся черезъ лѣсъ, по весьма топкой дорогѣ, къ Охчамури, а въ 3 часа по полудни отдѣливъ отъ себя летучій отрядъ (шесть ротъ Александропольскаго полка, три сотни Кутайскаго конно-иррегулярнаго и одна сотня 2-го Ейскаго полковъ), подъ начальствомъ генеральнаго штаба полковника Казбека, къ высотамъ Муха-эстате, для рекогносцировки и для возстановленія связи съ лѣвой колонной генералъ-маіора Денибекова.

Отрядъ этотъ, выйдя во флангъ турецкимъ войскамъ, дѣйствовавшимъ противъ лѣвой колонны, заставилъ ихъ постепенно отступать, вошелъ въ связь съ колонной генералъ-маіора Денибекова и занялъ весьма важныя высоты Муха-эстате и расположенный здѣсь турецкій барачный лагерь.

Въ тотъ же день, лѣвая колонна имѣла жаркое дѣло съ непріятелемъ. Направившись отъ Чолохскаго поста на дер. Легву, войска этой колонны должны были двигаться по тѣснымъ и лѣсистымъ ущельямъ рѣкъ Охчамури и Цхрапана, по дорогамъ и тропамъ, сильно размытымъ дождемъ. Для обезпеченія движенія высланы были два авангарда: передовой полковника Козелкова на дер. Легву, и боковой, штабсъ-капитана князя Гуріели, — на Какуты, по тропинкѣ, идущей въ двухъ-трехъ верстахъ южнѣе пути на Легву. Передовой авангардъ, встрѣченный непріятелемъ, занявшимъ командующія высоты лѣваго берега р. Охчамури, долженъ былъ ввести въ дѣло всѣ свои силы для его оттѣсненія и въ сумерки занять Легву, оставленную непріятелемъ въ виду обходнаго движенія упомянутаго выше отряда полковника Казбека. Тутъ былъ раненъ командиръ горной баттареи подполковникъ Мусхеловъ. Боковой авангардъ, спустившись въ ущелье Охчамури, встрѣтилъ упорное сопротивленіе состоропы мѣстныхъ жителей, баши-бузуковъ и регулярныхъ турецкихъ войскъ, которые, пользуясь мѣстностью, стрѣляли въ наши войска изъ сакель и заваловъ, 1-я гурійская дружина, а также роты Закотальскаго и Ленкоранскаго полковъ, бывшіе въ колоннѣ штабсъ-капитана князя Гуріели, молодецки

выбивая штыками непріятеля изъ-за закрытій, были подкрѣплены изъ главныхъ силъ и къ вечеру соединились съ нами у дер. Легвы.

14-го апрѣля всѣ колонны сосредоточились на высотахъ Муха-эстате.

Правая колонна (составленная изъ войскъ правой и средней колоннъ), послѣ усиленныхъ работъ въ исправленіи дороги, произведенныхъ ротою саперовъ 2-го Кавказскаго сапернаго батальона, подъ личнымъ наблюденіемъ командира его, подполковника Иванова, стала взбираться на высоты, имѣя впереди авангардъ полковника Микеладзе, предшествуемый саперами; постоянно занимавшимися исправленіемъ дороги. Къ вечеру войска правой колонны вошли въ непосредственную связь съ лѣвой колонной, занявъ позицію на Муха-эстате и выславъ впередъ сильную цѣпь, завязавшую перестрѣлку съ непріятелемъ, засѣвшимъ на противулѣсныхъ скатахъ горъ. Весь день и часть ночи непріятель поддерживалъ сильный ружейный огонь, прекращавшійся на нѣсколько минутъ только послѣ двухъ-трехъ, пущенныхъ съ нашей стороны, гранатъ.

Лѣвая колонна двигалась отъ дер. Легвы къ Муха-эстате, все время ведя оживленную ружейную и артилерійскую перестрѣлку съ непріятелемъ, шагъ за шагомъ отступавшимъ по лѣсистымъ высотамъ. Къ вечеру, прогнавъ турокъ изъ д. Аламбари, войска лѣвой колонны стали на позицію лѣвѣе Муха-эстатскаго колодца.

Весь слѣдующій день войска Ріонскаго отряда были заняты устройствомъ лагеря, подъемомъ на высоты девяти-фунтовыхъ баттарей, устройствомъ переправъ въ

тылу, черезъ р. Охчамури, и исправленіемъ дорогъ. Перестрѣлка съ непріятелемъ, хотя довольно слабая, — продолжалось весь день.

17-го апрѣля, по случаю дня рожденія Государя Императора, въ обѣихъ коллоннахъ было отслужено молебствіе. Въ тотъ же день прибылъ въ отрядъ адъютантъ Великаго Князя Главнокомандующаго кавказскаго арміею и привезъ знаки военнаго ордена для раздачи нижнимъ чинамъ, отличившимся въ дѣлахъ 13-го и 14-го апрѣля.

Затѣмъ, до 29-го апрѣля, войска Ріонскаго отряда, ведя ежедневную перестрѣлку съ непріятелемъ и отражая мелкія его партіи, сильно укрѣпили позицію при Муха-эстете, разработали нѣсколько новыхъ дорогъ, исправили старыя, а также занимались подвозомъ продовольственныхъ и боевыхъ припасовъ съ нашей границы и производили рекогносцировки для уясненія положенія дѣлъ и завязанія сношеній съ мѣстными жителями.

Общая потеря отряда, съ 12-го по 28-е апрѣля, состояла изъ 17-ти убитыхъ нижнихъ чиновъ, 1-го офицера и 66-ти рядовыхъ раненыхъ.

Утвердившись на Муха-эстате, Ріонскій отрядъ предпринялъ наступленіе къ р. Кинтриши, которое и было исполнено 29-го апрѣля.

Обстоятельства, предшествовавшія дѣлу были слѣдующія, 26-го апрѣля, когда наши сношенія съ Кабулетцами, повидимому, стали принимать благопріятный оборотъ, получены были свѣденія о прибытіи на Худубанскія высоты на р. Кинтриши значительныхъ силъ

изъ сосѣднихъ Батуму провинцій Азіатской Турціи. Съ 27-го апрѣля перестрѣлка на нашихъ аванпостахъ усилилась, а изъ окрестностей стали получаться извѣстія; о напряженномъ состояніи мѣстнаго населенія.

Въ виду такого оборота дѣла, генералъ-лейтенантъ Оклобжіо, 29-го апрѣля, приказалъ произвести наступленіе къ р. Кинтриши въ слѣдующемъ порядкѣ: авангарду генералъ-маіора Денибекова занять деревню Хуцубани, а авангарду генералъ-маіора Шереметьева—дорогу, ведущую отъ Муха-эстате къ берегу моря къ Чурукъ-су.

Путь авангарда генералъ маіора Денибекова пролегалъ по весьма пересѣченнымъ отрогамъ хребта Перанга, составляющимъ водораздѣлъ между рѣками Ачкуа и Кинтриши. Дорога идетъ отъ самаго лагеря по густому лѣсу вплоть до р. Ачкуа, лѣвой берегъ которой представляетъ нѣсколько террасъ, съ крутыми обрывистыми скалами усѣянными группами деревьевъ и домовъ. Террасы, представляютъ собою натуральные пландармы, были, кромѣ того усилены искусственно, а узкая дорога, вьющаяся по лѣсу и по обрывамъ, была мѣстами завалена огромными деревьями. За первымъ рядомъ террасъ идутъ другія, раздѣленныя глубокими оврагами, въ которыхъ разбросаны усадьбы деревень: Аламбари, Гвара и Хуцубани. Послѣдній пунктъ, командующій всею окрестною мѣстностью, представлялся наиболѣе сильнымъ въ военномъ отношеніи; на вершинѣ Хуцубанскаго холма высится старинный христіанскій храмъ, окруженный нѣсколькими домами, еще болѣе усиливающими и безъ того крѣпкую позицію Хуцубани.

Путь авангарда генералъ-маіора Шереметьева пролегалъ по-слегка всхолмленной, но весьма лѣсистой мѣстности нижняго теченія р. Ачкуа. Цѣль движенія этого отряда заключалась въ занятіи узла дорогъ, идущихъ къ мѣстечку Чурухъ-су, какъ со стороны Богили и Легвы, такъ и со стороны Лильскаго поста. Рядомъ съ этою общею цѣлью, авангарду было приказано демонстрировать противъ западной части дер. Хуцубани. Въ этомъ направленіи лежитъ весьма густой лѣсъ, покрывающій горы лѣваго берега р. Ачкуа, посреди котораго разсыпаны усадьбы и пролегаютъ дороги, ведущія къ Хуцубани и къ поселеніямъ, лежащимъ въ низовьяхъ р. Кинтриши. Мѣстность эта была также усилена траншеями, засѣками и завалами, за которыми были построены шалаши для обороняющихся.

Число непріятельскихъ войскъ, занимавшихъ сильную позицію по р. Ачкуа, съ точностію опредѣлить нельзя; но, по показаніямъ жителей, а также по долинѣ обороняемой линіи, можно считать ихъ около 4,000 человѣкъ. Войска эти состояли частію изъ регулярныхъ солдатъ, а частію изъ милицій, сформированныхъ жителями Лазистанскаго санджака. Всѣ они были воору жены скорострѣльными ружьями разныхъ системъ.

29-го апрѣля, дѣло происходило въ громадномъ паркѣ, въ живописнѣйшемъ саду, садовникомъ въ которомъ природа, хозяиномъ—полудикій житель. Послѣдній съ своимъ домашнимъ скарбомъ убрался въ горы и хозяева теперь мы. Нашъ отрядъ, послѣ восьмичасовой схватки, расположился въ долинахъ, обрамленныхъ гурійскими рощами у бѣшенаго потока, да на

сосѣднихъ взятыхъ съ бою высотахъ у городишки Кобулеть, подающихъ въ синей дали руки морю. На высотахъ и въ ущельяхъ шумятъ вѣковыя дѣвственныя пущи. Разрушительная сила пріютилась подъ сѣнью великановъ дубовъ, пушки и ружья спокойно глядѣли изъ лѣсной чащи,—на изобиліе и творчество природы работающей безъ устали.

Представьте себѣ ясную, звѣздную ночь; наши колонны скрыто и тихо подвигающіяся впередъ изъ Мухестатскаго лагеря, бѣлые туманы, закрывающіе словно занавѣсью, крѣпкую, непріятельскую позицію.

Мѣсяцъ уже поблѣднѣлъ и на восточномъ небѣ зарумянились прозрачныя тучки. Кое-гдѣ улеглась мгла и на зеленомъ фонѣ, на обрывахъ все отчетливѣе и отчетливѣе замѣтны мусульманскіе дома.

Въ три часа утра, когда только что начало разсвѣтать, колонны двинулись впередъ. Авангардъ генералъ-маіора Денибекова, подъ личнымъ его начальствомъ, двинулся двумя колоннами: главной правой колоннѣ, составленной изъ $14^{3}/_{4}$ ротъ четырехъ горныхъ орудій и 50-ти всадниковъ, подъ начальствомъ полковника Султана, приказано двинутся вправо отъ большой дороги, а лѣвой колоннѣ, состоящей изъ $6^{1}/_{4}$ ротъ, двухъ горныхъ орудій и 20-ти всадниковъ, подъ начальствомъ командира 1-го пѣшаго пластунскаго баталіона подполковника Козелкова, по большой дорогѣ. Цѣль этой боковой колонны состояла въ обезпеченіи лѣваго фланга главной колонны отъ значительныхъ партій, показывавшихся въ этомъ мѣстѣ, въ лѣсу.

Авангардъ генералъ-маіора Шереметьева, также раз-

дѣлился на двѣ части: одна въ составѣ 2-ой и 4-ой ротъ 2-го стрѣлковаго батальона, подъ начальствомъ маіора Лейстета, двинулась въ низъ по р. Ачкуа, главная же частъ авангарда, въ составѣ $1^3/_4$ роты батальона Александропольскаго полка, дивизіона 2-й баттареи 19-ой артиллерійской бригады и двухъ сотенъ Кутайскаго конно-иррегулярнаго полка, по большой кобулетской дорогѣ, имѣя справа и въ головѣ свою кавалерію.

Остальныя войска Ріонскаго отряда оставались въ полной готовности на Муха-эстете, а артиллерія отряда расположенная на позиціи и руководимая полковникомъ Филимоновымъ, прежде другихъ начала обстрѣливать лѣсную позицію, занятую непріятелемъ, который подмѣтивъ уже нашихъ, и изъ весьма красиваго домика показался бѣлый дымокъ—трахъ и просвистѣла первая.... Ротные командиры разсыпали цѣпь. Пухъ, пухъ, и въ воздухѣ сталъ иронически посвистывать свинецъ, точно кто-то желчно гикалъ вдали.... Нѣсколько минутъ и надъ лѣсами и домами Гуріи стоялъ гулъ и клубился дымъ. Летѣли снаряды надъ колоннами съ нашихъ баттарей, юные адьютанты неслись во весь карьеръ тамъ и сямъ.... Бой разгорѣлся не на шутку. Резервы спѣшили бѣгомъ, цѣпь перебегала—нагнувшись съ позиціи на позицію.... По дорожкамъ и лѣснымъ тропинкамъ уже несли убитыхъ и раненыхъ; на землѣ валяется кепи въ лужѣ крови и рядомъ ломоть человѣческихъ, солдатскихъ мозговъ.... Живые проходили мимо вздвоенными рядами и крестились. Противъ насъ дрались нижніе аджарцы съ своимъ крезомъ Эдибегомъ, кубалетцы, турецкіе низамы и баши-бузуки. Вооружены они муш-

жетонами Винчестера, Шаспо, Генри-Мартини, Спенсера и Кика. Пули, вылитыя въ англійскихъ заводахъ Вульвича, сыпались на насъ какъ градъ.... Изъ лѣсу и съ горъ шли роты тихо и стройно. На солнцѣ мелькалъ лѣсъ штыковъ; съ добродушныхъ и усатыхъ лицъ потъ лился ручьемъ. Вотъ уже у подошвы горъ коренастые и презимистые самсоны съ бердянками—это гомбарскіе стрѣлки. А! молодцы они право! любо-дорого было смотрѣть, какъ они кинулись штурмовать недоступныя, бастіоннаго начертанія высоты, подъ градомъ пуль, по заваламъ, по мѣстности пересѣченной заборами, балками, срубленными деревьями, усѣянной саклями, изъ которыхъ турецкіе стрѣлки, словно изъ импровизованныхъ фортовъ,—слали намъ тысячи пуль. Гомбардцы дрались какъ тюркосы. Правѣе ихъ выстроились закотальцы—зуавы нашего отряда. Были между нами ужъ слишкомъ невозмутимыя натуры: напримѣръ, въ ту минуту, когда колонны подъ дождемъ пуль выстроивались: чтобы ринутся на ура, у одного дюжаго солдата пулей оторвало руку у лопатки, другая одновременно пуля ударила въ прикладъ. Такъ и пошатнуло линейца влѣво и вправо,—а потомъ и давай съ солдатскими прибаутками ругать турецкій свинецъ. У другаго пулей оторвало половину штыка. Молодчина! останавливается, снимаетъ рапеный штыкъ, даритъ взводному командиру на память и у санитара изъ ноженъ одолжается новымъ. Изъ изуродованнаго штыка сдѣланъ подсвѣчникъ, не думаю, чтобы на свѣтѣ существовалъ посвѣчникъ оригинальнѣе изобрѣтеннаго случаемъ.

Авангардъ генералъ-маіора Денибекова войдя въ чащу

лѣса съ четырьмя горными орудіями, былъ встрѣченъ съ высотъ и изъ-за вѣковыхъ деревьевъ сильнымъ огнемъ непріятеля, и долженъ былъ остановиться, пока стрѣлковая цѣпь, медленно пробираясь впередъ оттѣснила непріятеля, а саперы исправили дорогу для артиллеріи. Эта остановка стоила намъ многихъ жертвъ, такъ какъ по тѣснотѣ мѣста развернуться было невозможно, а приходилось выжидать, подъ огнемъ, дѣйствія цѣпей и орудій. Особенно сильно потерпѣла горная баттарея, на которую сосредоточенъ былъ огонь непріятеля; тутъ выбыли изъ строя: командующій баттареею штабсъ-капитанъ Евдокимовъ (сильно контуженный), нѣсколько человѣкъ прислуги и семь лошадей. Эти обстоятельства заставили снять баттарею и отодвинуть ее назадъ, что было тѣмъ болѣе необходимо, что горныя орудія, принужденныя стрѣлять подъ большими углами возвышенія по командующимъ высотамъ, не могли наносить непріятелю надлежащаго вреда. Однако, баттарея эта вскорѣ вновь вышла на позицію и продолжала свою работу, успѣшно обстрѣливая картечными гранатами, часть непріятельскаго расположенія.

Въ это время, около 8 часовъ утра, начальникъ Ріонскаго отряда, замѣтивъ, что между обоими авангардами, вслѣдствіе направленія дорогъ образовался значительный интервалъ, рѣшилъ подкрѣпить центръ общей боевой линіи, противъ котораго лежалъ одинъ изъ сильнѣйшихъ непріятельскихъ завалovъ, и приказалъ двинуться впередъ изъ резерва 3-му батальону Севастопольскаго полка, подъ начальствомъ полковника Барановскаго, и 4-й сотни Гурійской дружины, подъ коман-

дою прапорщика князя Макаева. Части эти ускоренным шагомъ двинулись по направленію къ завалу и, выдержавъ сильнѣйшій огонь, засѣли передъ нимъ въ удобномъ мѣстѣ.

Между тѣмъ, огонь двадцати четырехъ—9-ти фунтовыхъ орудій, расположенныхъ на главной позиціи, сталъ оказывать уже замѣтное вліяніе на непріятеля. Снаряды ложились въ центрѣ непріятельскаго расположенія и разрушали дома и завалы. Тѣмъ не менѣе, непріятель оказывалъ замѣчательное упорство и не отступалъ. Оставалось одно средство—выбить его изъ позиціи штыками.

Генералъ-маіоръ Денибековъ, получивъ свѣденія о появленіи въ центрѣ общаго расположенія гурійцевъ и севастопольцевъ, приказалъ своимъ войскамъ одновременно начать аттаку въ штыки. Ставъ лично въ главѣ штурмующихъ, генералъ Денибековъ, сопровождаемый находящимися при немъ капитаномъ барономъ Зальца, двинулся впередъ. Первый крикъ „ура“ тотчасъ-же наэлектризовалъ дѣйствующія въ лѣсу части, которыя, прекративъ пальбу, одновременно бросились впередъ и шли въ головѣ своихъ офицеровъ. Непріятель еще разъ осыпалъ штурмовавшихъ огнемъ, но не выдержалъ и отступилъ оставивъ въ нашихъ рукахъ свою сильную позицію.

Между тѣмъ авангардъ генералъ-маіора Переметьева, выступивъ, сообразно диспозиціи, въ $3^1/_2$ часа утра, двинулся, какъ сказано выше, двумя колоннами къ р. Ачкуа.

Еще боковая колонна маіора Лейстета, прикрывав-

шая движеніе главныхъ силъ авангарда и состоявшая изъ двухъ ротъ 2-го стрѣлковаго батальона, стала вытягиваться на лѣсную поляну, какъ была встрѣчена залпомъ непріятеля, засѣвшаго въ глубокой, заросшей лѣсомъ канавѣ. Въ числѣ прочихъ, первыми выстрѣлами тяжело раненъ маіоръ Лейстетъ и контуженъ въ колѣно командиръ 2-го стрѣлковаго батальона подполковникъ Макѣевъ, только что прибывшій къ колоннѣ для осмотра стрѣлковой позиціи.

Медлить было нельзя: обѣ роты стрѣлковъ кинулись на стрѣлявшаго непріятеля, который, не выждавъ удара, оставилъ канаву и бѣжалъ на ту сторону р. Ачкуа.

Все это время, не смотря на тяжелую рану маіоръ Лейстетъ лично распоряжался дѣйствіемъ ротъ, и лишь тогда позволилъ отнести себя на перевязочный пунктъ, когда цѣпь заняла указанныя ей мѣста. Команду надъ цѣпью принялъ затѣмъ командиръ 3-й роты капитанъ Смолко.

Одновременно съ выбитіемъ непріятеля изъ канавы, къ мѣсту боя подошла 1-я рота 2-го стрѣлковаго баталіона, составлявшая головной отрядъ авангарда. Рота, выбивъ непріятеля изъ-за занятыхъ имъ сакель, заняла цѣпью пространство вправо отъ дороги, ведущей къ переправѣ черезъ р. Ачкуа, а за нею, въ виду резерва, стала 2-я рота того же баталіона.

Около пяти часовъ утра, когда стрѣлковый баталіонъ занялъ вышеуказанную позицію, къ мѣсту дѣйствій подошли главныя силы авангарда и выстроились въ боевомъ порядкѣ: артиллерія на высотѣ, лежащей влѣво отъ дороги, а 1-й баталіонъ Ленкоранскаго полка пра-

вѣе артиллеріи, по-ротно въ двѣ линіи, имѣя въ 1-й линіи 2-ю и 3-ю роты.

Вмѣстѣ съ прибытіемъ авангарда на позицію, дивизіонъ Кутайскаго конно-иррегулярнаго полка, согласно диспозиціи, вышелъ на нашемъ правомъ флангѣ на кобулетскую дорогу и сдѣлалъ поискъ по направленію къ р. Ачкуа и Кобулетамъ съ тѣмъ, чтобы отвлечь вниманіе непріятеля и тѣмъ способствовать построенію боеваго порядка. Въ то же время послано было приказаніе 2-му дивизіону 2-й баттареи, 19-й артиллерійской бригады прибыть на позицію, что и было чрезъ полчаса исполнено.

Позиція, занятая непріятелемъ по лѣвую сторону р. Ачкуа, состояла, какъ уже замѣчено выше, изъ крутыхъ высотъ, поросшихъ густымъ вѣковымъ лѣсомъ и покрытыхъ разбросанными по скаламъ саклями.

Неумолкаемая ружейная перестрѣлка, начавшаяся съ той самой минуты, какъ показались наши передовые патрули, продолжалась безъ остановки. Артиллерія, стоявшая на весьма выгодной для дѣйствія высотѣ, была осыпаема градомъ пуль; тѣмъ не менѣе, прислуга дѣйствовала съ полнымъ хладнокровіемъ и такъ удачно, что первыми же выстрѣлами были зажжены три сакли, особенно успѣшно дѣйствовали: два орудія, подъ начальствомъ поручика Ватеркампфа, и два орудія, подъ командою штабсъ-капитана Бѣлаго.

Въ это время непріятель, тѣснимый авангардомъ генералъ-маіора Деннбекова, началъ усиливаться противъ колонны генералъ-маіора Шереметьева, который, ввиду невозможности взять непріятельскую позицію съ фронта,

попытался охранить ея правый флангъ. Съ этою цѣлью 4-я рота 2-го стрѣлковаго баталіона, находившаяся на лѣвомъ флангѣ цѣпи, занявъ изгибъ р. Ачкуа и дѣйствуя противъ непріятеля продольнымъ огнемъ заставила его ослабить свой огонь на одной изъ высотъ, съ которой онъ наносилъ намъ наибольшій вредъ. Войска рвались кинуться на высоты, и нужно было все усиліе частныхъ начальниковъ, чтобы удержать этотъ порывъ, который, даже при полной удачѣ, долженъ былъ повести къ громадной потерѣ. Тѣмъ не менѣе, когда 4-я рота подалась нѣсколько впередъ, чтобы занять упомянутый выше изгибъ р. Ачкуа, 2-я рота, принявъ это движеніе за общее наступленіе, не выдержала и, кинувшись впередъ, добѣжала до противуположнаго берега р. Ачкуа. Но здѣсь, встрѣченная убійственнымъ огнемъ непріятеля, она должна была остановиться и залечь въ самомъ руслѣ рѣки, прикрываясь обрывистымъ берегомъ и ростущимъ на немъ кустарникомъ. Въ такомъ положеніи рота оставалась до конца безъ боя, а огонь въ этомъ пунктѣ былъ все время на столько силенъ, что къ ротѣ затруднительно было даже подвезти патроны.

Около шести часовъ утра толпы непріятеля стали направляться вдоль своего фронта къ сторонѣ Кобулетъ и Хихисдзери. Ружейный бой сталъ особенно силенъ. Въ этотъ моментъ на 1-ю роту Ленкоранскаго полка, расположенную въ центрѣ цѣпи, насѣла густая масса непріятельскихъ стрѣлковъ, которая благодаря удачному дѣйствію нашей артиллеріи, была отбита съ большимъ урономъ.

Около семи часовъ утра, новыя толпы изъ мѣстныхъ

жителей и регулярныхъ войскъ, перейдя р. Ачкуа верстахъ въ трехъ ниже нашей позиціи, съ гиканьемъ бросились на охранявшій нашъ правый флангъ дивизіонъ Кутаисскаго конно-иррегулярнаго полка. Тогда 5-я сотня, подъ начальствомъ своего сотеннаго командира, штабсъ-ротмистра князя Дибуадзе, и прапорщика той же, сотни князя Дадіани, быстро спѣшились, разсыпались по опушкѣ и открыли огонь по наступившему непріятелю. Въ это же время, для поддержки всадниковъ, была направлена 1-я рота 1-го полубатальона Лейкорапскаго полка. Залпы этой роты и огонь цѣпи скоро заставили непріятеля броситься обратно въ лѣсъ и держаться до конца боя внѣ ружейнаго выстрѣла. Одновременно съ этими дѣйствіями, турецкіе броненосцы, подойдя къ берегу, открыли огонь по нашимъ войскамъ (приблизительно, съ разстоянія 5 верстъ). Снаряды огромныхъ калибровъ (6 и 8 дюймовые), которыхъ противникомъ было выпущено до двадцати, ложились большею частію впереди и около 1-й сотни Кутаисскаго конно-иррегулярнаго полка, стоявшей въ резервѣ за 5-й сотней. Одинъ изъ снарядовъ ударившись шагахъ въ шестидесяти передъ фронтомъ, рекошетировалъ черезъ головы всадниковъ и разорвался позади сотни; къ счастію, благодаря болотистой почвѣ, разрывъ снаряда былъ малодѣйствителенъ; однако, однимъ изъ осколковъ контузило четырехъ всадниковъ. Тогда приказано было отодвинуть сотню назадъ и вывести ее изъ-подъ выстрѣловъ турецкаго флота.

Около одиннадцати часовъ утра перестрѣлка, начавшаяся уже было нѣсколько утихать, опять загорѣлась

съ новою силой. Очевидно было, что непріятель усиливается постепенно прибывающими свѣжими подкрѣпленіями, а также войсками, отступившими передъ колонной генералъ-маіора Девибекова. Тогда, совокупными усиліями стрѣлковъ и артиллеріи, поддерживавшихъ въ теченіи часа самую оживленную перестрѣлку, огонь непріятеля былъ на столько слабъ, что генералъ-маіоръ Шереметьевъ счелъ этотъ моментъ удобнымъ для того, чтобы покончить съ непріятелемъ, все еще державшемся на позиціи, и съ этою цѣлью приказалъ цѣпи и резервамъ быстро двинуться впередъ и занять высоты, лежащія по ту сторону р. Ачкуа. 1, 3 и 4-я роты стрѣлковаго баталіона, подъ личнымъ начальствомъ подполковника Макѣева, перешли р. Ачкуа и бросились на высоты, занятыя турками. Непріятель завидѣвъ быстрое наступленіе нашихъ стрѣлковъ, далъ нѣсколько послѣднихъ залповъ и бѣжалъ по дорогамъ къ Кобулетамъ и Цихисдзери. Отступленіе это было на столько поспѣшно, что непріятель оставилъ на позиціи, вопреки обычаю, своихъ убитыхъ и раненыхъ, а также много орудія и патроновъ.

Въ 11 съ половиною часовъ утра бой кончился на всѣхъ пунктахъ. Но съ занятіемъ непріятельскихъ завалова задача дня еще не была достигнута: необходимо было овладѣть впереди лежащими высотами Хуцубани. Съ этою цѣлью, а также въ виду крайняго утомленія войскъ, бывшихъ въ огнѣ въ теченіи десяти часовъ сряду, генералъ-лейтенантъ Оклобжіо приказалъ начальнику штаба отряда, генеральнаго штаба полковнику Казбеку, осмотрѣть занятыя позиціи и сформировать новую колонну для дальнѣйшаго движенія.

Свѣжія войска этой новой колонны (три батальона и одна сотня Гурійской дружины), почти не отвѣчая на выстрѣлы непріятеля, съ крикомъ „ура“ заняли высоты Хуцубани, гдѣ и расположились на ночлегъ.

Принимая въ соображеніе условіе мѣстности, столь неблагопріятныя для наступленія, а также упорство, съ которымъ непріятель отстаивалъ каждый шагъ, нельзя было ожидать, чтобы славное дѣло 29-го апрѣля обошлось безъ значительныхъ потерь. Онѣ заключались въ 10-ти раненыхъ и контуженныхъ офицерахъ, 18-ти убитыхъ и 140 раненыхъ и кантуженныхъ нижнихъ чиновъ. Ранены и контужены слѣдующіе офицеры: 1-го Кавказскаго стрѣлковаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича батальона: капитанъ Гиричъ,—легко въ голову; поручикъ Мищенко,—тяжело въ животъ (умеръ 1-го мая); подпоручикъ Гарановичъ —контуженъ; 2-го Кавказскаго баталіона: баталіонной командиръ подполковникъ Макѣевъ—контуженъ; маіоръ Лейстетъ,—раненъ тяжело въ бокъ; 164-го пѣхотнаго Закотальскаго полка прапорщикъ Коломейцевъ,—легко въ голову; 1-го пѣхотнаго Пластунскаго батальона: хорунжій Колпаченко—легко въ ногу; 1-й Гурійской пѣшей дружины прапорщикъ Кобаладзе, — легко въ ногу; 6-й баттареи 41-й артиллерійской бригады командующій батареею штабсъ-капитанъ Евдокимовъ— контуженъ; прапорщикъ милиціи Араболидзе—раненъ.

Потери непріятеля также весьма значительны: кромѣ Елинъ-бея и многихъ почетныхъ старшинъ, убитыхъ въ дѣлѣ, турки потеряли: убитыми до 200 человѣкъ и оставили много послѣ на позиціи.

Болгарскія дружины при русской арміи.

Въ восокоторжественный день 17-го апрѣля, послѣдовалъ приказъ по дѣйствующей арміи, въ коемъ Его Императорское Высочество Главнокомандующій Дунайской арміи, на основаніи особаго высочайшаго повелѣнія, предписалъ произвести въ количествѣ, на первый разъ, шести пѣшихъ дружинъ и столько же конныхъ сотенъ. Каждая дружина должна равняться отдѣльному пѣхотному батальону пятиротнаго состава и носить извѣстный нумеръ, отъ 1-го до 6-го включительно и въ каждой изъ нихъ имѣетъ быть придана одна конная сотня, организуемая въ размѣрѣ казачьихъ сотень, и носящій нумеръ одинаковый съ ея батальономъ. Все ополченіе раздѣляется на три бригады, въ каждой по двѣ дружины, по двѣ сотни. Офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, преимущественно болгарскаго происхожденія и вообще весь кадровый составъ предписано взять изъ регулярныхъ полковъ, а въ рядовые должны поступать исключительно охотники болгары, которыхъ у насъ теперь очень много. Это почти всѣ бѣглецы изъза Дуная, ушедшіе въ сосѣднія государства во время прошлогодней майской рѣзни и позднѣе. Чувство кровавой обиды, мщенія и непримиримой ненависти къ ихъ утѣснителямъ-туркамъ дѣлало эти вольныя дружины страшнымъ орудіемъ въ рядахъ регулярной арміи, изъ коей онѣ должны постоянно получать одобряющее и возвышающее воинскій духъ начало братской, нравственной и физической поддержки. Если одушевленіе болгаръ за Дунаемъ будетъ хотя отчасти рав-

няться тому высокому подъему чувства, какой замѣчался въ болгарскихъ, охотникахъ уже сформированныхъ двухъ дружинъ, то, смотря по надобности, дальнѣйшая организація охочаго болгарскаго ополченія должна продолжаться и за Дунаемъ. Первая идея о правильномъ болгарскомъ ополченіи возникла еще въ прошломъ году, а фактическое осуществленіе ея, будучи вызвано ходомъ политическихъ обстоятельствъ, санкціонировано въ это время правительствомъ и возложено, на состоящаго при Великомъ Князѣ Главнокомандующемъ,—генералъ-маіора Столѣтова. Главнѣйшимъ побужденіемъ правительства въ данномъ случаѣ была настоятельная необходимость дать соотвѣтственное занятіе множеству бездомныхъ скитальцевъ болгаръ, которые, послѣ первой же вѣсти о войнѣ, толпами стали являться въ южные предѣлы Россіи, умоляя дать имъ мѣсто въ рядахъ русской арміи. Было-бы крайнѣ неразсчетливо пренебречь такимъ, въ высшей степени пригоднымъ для дѣла, элементомъ, какой представляли эти болгары, отлично знакомые съ детальными условіями мѣстности и жизни на театрѣ военныхъ нашихъ дѣйствій. И такъ какъ большинство изъ нихъ, было побуждаемое неудержимымъ чувствомъ мщенія за майскую рѣзню и многовѣковый гнетъ, прямо и откровенно высказывали, что они, не взирая ни на какія препятствія, все-таки проникнутъ, такъ или иначе на покинутую родину, чуть лишь русская армія очутится за Дунаемъ, и ободренные первыми нашими успѣхами, составятъ изъ себя вольныя повстанскія четы для мщенія туркамъ, то правительство наше, во избѣжаніе

могущихъ быть жестокостей и безпорядковъ, неразлучныхъ съ каждою повстанскою войною, не имѣющею по самой своей сущности правильной организаціи, по неволѣ уже изъ чисто гуманныхъ соображеній, вынуждено было дать этому жгучему элементу правильный исходъ, подчинивъ его требованіямъ регулярной службы и стройной военной дисциплины. Такимъ образомъ, болгарское ополченіе въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи несомнѣнно предупредитъ возможность множества мѣстныхъ безпорядковъ и вообще печальныхъ случайностей, какія явились-бы повсюду, если бы мѣстныя возбужденныя силы и страсти были предоставлены своему собственному произволу. Правильная организація болгарскаго ополченія, важна для насъ во многихъ отношеніяхъ: *во-первыхъ*, наша дѣйствующая армія пріобрѣтала въ немъ, какъ уже сказано, нѣсколько тысячъ людей превосходно знакомыхъ съ театромъ войны; *во-вторыхъ*, оно покрайней мѣрѣ на первое время, оказывало намъ большія услуги для разнообразной конвойной и гарнизонной службы въ тылу, причемъ намъ приходилось тратить на этотъ родъ службы несравненно менѣе нашихъ собственныхъ регулярныхъ войскъ; *въ третьихъ*, одинъ уже видъ болгарскаго регулярнаго войска, одно уже сознаніе о томъ, что оно существуетъ подъ эгидой русской арміи, будетъ вліять самымъ благодѣтельнымъ образомъ на бодрость духа мѣстныхъ христіанскихъ населеній; *въ четвертыхъ*, дружины эти будутъ охранителями спокойствія сельскихъ (а отчасти и городскихъ) болгарскихъ жителей и защитой ихъ, какъ противъ баши-бузуковъ, такъ и противъ совмѣст-

наго съ болгарскимъ турецкаго населенія; *въ пятыхъ*, правильная организація и цѣлесообразное употребленіе этого войска отнимаетъ у него всякій революціонный, безпорядочный характеръ, какимъ не избѣжно отличаются всегда и повсюду вольныя партизанскія шайки, отдѣльное, самостоятельное существованіе коихъ ни въ какомъ случаѣ не должно быть допущено высшимъ начальствомъ нашей арміи въ сферѣ ея военныхъ дѣйствій; *въ шестыхъ*, правильный и прогрессивный разливъ болгарскаго ополченія въ его дальнѣйшемъ развитіи по всему краю для мѣстной службы несомнѣнно облегчалъ главному ядру нашей арміи ея главнѣйшія стратегическія задачи въ смыслѣ наступательнаго движенія *впередъ*, такъ какъ арміи этой не приходилось расходовать значительную часть своихъ силъ на охранительное занятіе множества мѣстныхъ пунктовъ и, наконецъ, *въ седьмыхъ*, части болгарскаго ополченія, постепенно подготовляемыя въ духѣ боевой закалкѣ практикою малой войны, окажутъ современемъ подспорье нашей дѣйствующей арміи и въ серіозныхъ дѣлахъ, причемъ особенную важность будутъ имѣть именно тотъ подъемъ ихъ духа, который и уже ощущается у нихъ въ столь значительной степени. Можно надѣяться даже, что дальнѣйшее формированіе, этого ополченія за Дунаемъ (опять-таки въ такомъ только случаѣ, если мѣра эта потребуется необходимостію) намъ даже не надо было выдѣлять изъ своихъ войскъ регулярные кадры, потому что таковыми съ успѣхомъ послужили для дальнѣйшихъ дружинъ сами же болгары изъ тѣхъ добровольцевъ, которые уже служили въ рядахъ сфор-

мированныхъ батальоновъ: боевая практика по неволѣ подготовляла изъ нихъ хорошихъ солдатъ и инструкторовъ, особенно же при нынѣшнемъ настроеніи ихъ духа.

Общее начальствованіе надъ болгарскимъ ополченіемъ, въ нынѣшнемъ его размѣрѣ, отдано, Главнокомандующимъ, генералъ маіору Столѣтову, съ правами начальника дивизіи и съ подчиненіемъ его непосредственно начальнику штаба дѣйствующей арміи. Командирами первыхъ двухъ бригадъ,—третья вакантная,—назначены: флигель-адъютантъ полковникъ князь Вяземскій и состоящій по гвардейской пѣхотѣ полковникъ Корсаковъ; командирами шести дружинъ назначены: подполковникъ Кесяковъ, маіоръ Куртьяповъ, подполковникъ Калитинъ, маіоръ Рѣдкинъ, подполковникъ Нищенко и маіоръ Бѣляевъ.

25-го апрѣля 1-я и 2-я болгарскія дружины отправились изъ Кишинева по желѣзной дорогѣ въ Плоешти вмѣстѣ съ генераломъ Столѣтовымъ и его штабомъ. Кишеневскіе болгары проводили ихъ на станцію радушнымъ угощеніемъ, а наканунѣ отправленія, мѣстный епископъ, преосвященный Павелъ, послѣ напутственнаго молебствія, обратился къ генералу Столѣтову и обѣимъ дружинамъ со слѣдующею рѣчью:

„Благословляю васъ и сподвижниковъ вашихъ св. иконою Христа Спасителя. Любящій, кроткій ликъ Богочеловѣка, положившаго душу Свою за спасеніе людей, да напоминаетъ вамъ о вашей рѣшимости и вашемъ долгѣ до послѣдней капли крови биться съ врагомъ Христова имени, поработителемъ и жестокимъ мучите-

лемъ нашихъ братій по вѣрѣ и крови. Вѣчная слава, вѣнчающая спасительные труды, спасительныя страданія и смерть Богочеловѣка, да служатъ для васъ ручательствомъ того, что и васъ, подвижниковъ за святое дѣло избавленія угнетенныхъ народовъ отъ рабства, ждетъ великая слава и здѣсь, и еще большая слава въ вѣчности, когда наступитъ время праведнаго мздовоздаянія".

Плѣнныхъ освободитель и нищихъ защититель, немоществующихъ врачъ и царей поборникъ, Чудотворецъ, Великомученикъ и Побѣдоносецъ Георгій, особенно чтимый славянскими народами, да сопутствуетъ вамъ, да вдохновляетъ васъ воспоминаніемъ о его подвигахъ и побѣдахъ славныхъ! Вы подражатели его доблестей. Вы идете освободить плѣнные христіанскіе народы отъ ужаснѣйшаго плѣна мусульманскаго. Вы идете защищать нищихъ, народы, которые умѣютъ неустаннымъ трудомъ пріобрѣтать себѣ богатство, но у которыхъ хищникъ турокъ отнимаетъ нажитое тяжкимъ трудомъ достояніе. Вы идете уврачевать и тѣлесныя и душевныя язвы, и недуги истерзанныхъ, поруганныхъ братій нашихъ. Да сопутствуетъ же вамъ св. Георгій! И даукраситъ вашу грудь лучшее украшеніе воина и лучшая награда воинской доблести—Георгіевскій крестъ!

„Добровольцы болгары! Мы знаемъ о страданіяхъ вашихъ братій, о неистовствахъ и жестокостяхъ турокъ только по слухамъ и описаніямъ. Но и при слушаніи и чтеніи разсказовъ о звѣрствахъ турецкихъ въ жилахъ нашихъ цѣпенѣла кровь, пробѣгала дрожь по тѣлу, а у многихъ простирались впередъ руки, какъ бы съ

цѣлью схватить и задушить дикаго звѣря-мучителя... А вы были свидѣтелями, зрителями неистовствъ турецкихъ; многіе изъ васъ потеряли близкихъ, дорогихъ вамъ лицъ—родителей, женъ, сестеръ, братьевъ, дѣтей истерзанныхъ... Что же перечувствовали, переиспытали вы при видѣ этихъ неистовствъ!... Васъ не нужно призывать къ самоотверженію къ борьбѣ со врагомъ до послѣдней капли крови: вы горите нетерпѣніемъ быть бичемъ Божіимъ, смертельно поражающимъ свирѣпаго врага и притѣснителя вашихъ братій. Да поможетъ вамъ Господь врага поразить, а братій вашихъ спасти отъ порабощенія, мукъ и погибели".

На защитникахъ, угнетенныхъ, праведно почивать благословенію Божію,—призываю на васъ благословеніе Божіе. Крѣпкій во бронѣхъ Господь да дастъ крѣпость Царю нашему, Его доблестному воинству и вамъ, соратникамъ нашего воинства, на попраніе и сокрушеніе общаго нашего врага.

Послѣ этой рѣчи обѣ дружины были окроплены святою водою.

Отъѣзжали болгары съ самымъ пламеннымъ энтузіазмомъ и радостію и что кромѣ этого отряда, 300 болгаръ принадлежащихъ къ лучшимъ фамиліямъ прибыли въ Браиловъ для поступленія въ болгарскій батальонъ въ Слотинѣ, такимъ образомъ отряды болгарскіе продолжали увеличиваться.

Освященіе Болгарскаго знамени.

Въ день пріѣзда Великаго Князя Главнокомандующаго въ городъ Плоештъ, гдѣ уже было болгарское

ополченіе, Его Высочеству представилась депутація отъ мѣстныхъ почетныхъ жителей—болгаръ: Тодора Демянова, Панаіота Жекова, Тони Атанасова и проч. Поднеся Его Высочеству, по славянскому обычаю, хлѣбъ-соль, старшій представитель депутаціи произнесъ слѣдующія слова: „Ваше Высочество! Прими хлѣбъ и соль отъ здѣшняго болгарскаго общества, которое имѣетъ честь привѣтствовать Твой пріѣздъ. Всѣ болгары съ нетерпѣніемъ и любовью ждутъ Ваше Высочество въ Болгаріи, какъ избавителя отъ позорнаго турецкаго рабства". Великій Князь Главнокомандующій удостоилъ депутацію слѣдующимъ отвѣтомъ: „Надѣюсь, съ помощію Божіею, скоро сдѣлать все необходимое для Болгаріи". Затѣмъ всѣ болгары въ одинъ голосъ воскликнули: „Да живій Царь Александръ и Ваше Высочество на многая и многая лѣта!" 6-го мая, происходило торжество прибивки знамени, присланнаго болгарскимъ дружинамъ отъ города Самары. Болгарское ополченіе было расположено лагеремъ въ полутора верстахъ отъ Плоешты.

25-го апрѣля изъ Кишинева отправились въ Плоешты двѣ дружины, а на торжествѣ 6-го мая, участвовало ихъ уже шесть. Въ началѣ втораго часа, Его Высочество Главнокомандующій изволилъ прибыть, въ сопровожденіи свиты, къ лагерному мѣсту болгарскихъ батальоновъ и объѣхалъ верхомъ выстроенныя въ взводныхъ батальонныхъ колоннахъ четыре дружины. Посреди лагерной промежуточной площадки стоялъ большой столъ, покрытый церковными пеленами. На одной части его помѣщались: св. Евангеліе, Крестъ, походные дружинные образа и чаша со святой водою, а на другой

распростерто было полотнище знамени и лежали ленты съ древкомъ. Тутъ же, въ облаченіи, присутствовало болгарское духовенство: архимандритъ Амфилогій, сопровождавшій дружины въ походъ изъ Кишинева и назначенный нынѣ къ нимъ въ качествѣ дивизіоннаго благочиннаго и священникъ, отецъ Петко Драгановъ, изъ окрестностей Тырнова, принимавшій участіе въ защитѣ Дряновской обители противъ турецкихъ войскъ въ прошломъ 1876 году, а нынѣ состоящій дружиннымъ священникомъ 1-й болгарской бригады. Поздоровавшись съ каждымъ батальономъ Его Высочество приказалъ барабанщикамъ ударить бой „на молитву“ и сойдя съ коня, приблизился къ столу, на которомъ лежало знамя; батальоны по командѣ, взяли ружья на молитву и сняли шапки. Изъ строя былъ вызванъ впередъ, къ столу, унтеръ-офицеръ назначенный знаменщикомъ. Началось священнодѣйствіе, установленное церковнымъ чиномъ для освященія знаменъ и штандартовъ. Съ одной стороны стояли батальоны, а съ другой — длинный рядъ выстроенныхъ въ нѣсколько шеренгъ болгаръ-охотниковъ, пришедшихъ записаться въ дружины. Мѣсто священнодѣйствія было окружаемо, кромѣ свиты Главнокомандующаго и всѣхъ дружинныхъ офицеровъ, еще и болгарскою депутаціею и многочисленнымъ собраніемъ мужчинъ и женщинъ мѣстнаго болгарскаго общества. Въ числѣ присутствующихъ находился извѣстный болгарскій воевода Цеко Петковъ, начиная съ дѣтства и до сего времени участникъ всѣхъ болгарскихъ возстаній. Это старикъ весьма воинственной наружности, очень еще бодрый, крѣпкій, съ чрезвы-

чайно мужественнымъ и энергичнымъ лицомъ, изборожденнымъ шрамами отъ ранъ, которыхъ на одномъ затылкѣ у него нѣсколько. Почуявъ, что въ средѣ русской арміи формируются дружины его соотчичей „болгарскій орелъ," какъ называли его болгары, не выдержалъ и спѣшно прилетѣлъ къ нимъ изъ-за Дуная. Тутъ же присутствовали и уполномоченные отъ города Самары: городской голова Кожевниковъ и гласный Думы, дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Алабинъ, доставившіе знамя въ Плоешты. Знамя это представляетъ собою широкое, квадратной кройки, полотнище, раздѣленное по горизонтальному направленію на три цвѣтныя полосы: бѣлую, пунцовую и синюю, съ таковыми же къ оному лентами. Посреди полотнища—черный крестъ, разукрашенный золотыми арабесками; посреди креста: съ одной стороны знамени образъ Иверской Богоматери, а съ другой—изображеніе болгарскихъ святителей Кирилла и Меѳодія. На пунцовой лентѣ шитая золотомъ надпись „Болгарскому народу". Древко черное, съ позолоченною скобою, украшенное серебряннымъ, вызолоченнымъ съ чернію копіемъ въ древне-русскомъ стилѣ; на скобѣ надпись: „болгарскому народу городъ Самара 1876 года". Знамя это приготовлено было для возставшихъ болгаръ еще въ прошломъ году, но съ подавленіемъ возстанія извѣстной рѣзнею не было послано по назначенію до сего времени, когда явилась возможность передать его въ правильно организованное болгарское ополченіе.

Когда среди священнодѣйствія наступило время прибитія полотнища къ древку, самарскій голова Кожев-

никовъ подалъ на блюдѣ Его Высочеству молотокъ и гвозди. Трижды осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, Великій Князь Главнокомандующій изволилъ прибить первые три гвоздя: вверху; по серединѣ и въ нижнемъ концѣ полотнища, и затѣмъ передалъ молотокъ Своему Августѣйшему Сыну. Послѣ Его Высочества Николая Николаевича Младшаго прибивали послѣдовательно, каждый по одному гвоздю: главный начальникъ всѣхъ болгарскихъ ополченій, генералъ-адъютантъ Непокойчицкій, за нимъ начальникъ сформированнаго и нынѣ формируемаго ополченія генералъ-маіоръ Столѣтовъ, потомъ бригадные и дружинные командиры, начальникъ болгарскаго штаба, вслѣдъ за которымъ Его Высочеству благоугодно было подозвать воеводу Цеко Петкова и вручить ему молотокъ. Воевода перекрестился и, вколачивая, произнесъ: „Дай Боже, въ часъ добрый! Да поможе Русскій Богъ счастливо намъ кончить вѣковато дѣло!“ За Петковымъ вбили по гвоздю уполномоченные города Самары, священники—отцы Амфилогій и Петко, предсѣдатель Кишиневскаго болгарскаго общества И. С. Ивановъ, старшина мѣстной болгарской депутаціи Іоннъ Котленстый, которому Его Высочество при этомъ изволилъ сказать: „Дай Богъ поскорѣе кончить въ вашу пользу!“ За симъ вбивали гвозди болгары-охотники, по одному человѣку отъ каждой дружины, и наконецъ послѣдній гвоздь вколотилъ знаменщикъ — 3-й дружины унтеръ-офицеръ Антонъ Марченко.

Послѣ этого Его Высочество Главнокомандующій, бантомъ навязалъ ленты на знамя, поднялъ его со стола и передалъ генералу Столѣтову, опустившемуся, для

принятія знамени, на колѣни, что слѣдуетъ по нашему уставу, и остававшемуся колѣнопреклоненнымъ все время пока архимандритъ Амфилогій читалъ подъ полуопущеннымъ знаменемъ побѣдоносную молитву и окропилъ его святою водою. По окончаніи этого обряда Его Высочество, принявъ отъ генерала Столѣтова знамя, самолично вручилъ его знаменщику.

На востокѣ собирались на небѣ грозовыя тучи, и въ тотъ самый моментъ, какъ поднятое Великимъ Княземъ только-что освященное, знамя распахнулось и зашумѣло въ воздухѣ своимъ полотнищемъ, на темно-свинцовомъ горизонтѣ излучисто блеснула вдругъ молнія и грянулъ раскатъ перваго грома, вслѣдъ за которымъ тотчасъ же прыснулъ легкій дождикъ.

„Доброе начало! Добрая примѣта: это къ болгарскому счастію кропитъ теперь Божій дождь наше знамя!“ замѣчали многіе болгары и, крестясь, поздравляли другъ друга!

Велѣно было ударить „отбой“. Батальоны накрыли головы, взяли ружья „на плечо“, потомъ „на караулъ“ и знамя, при общихъ крикахъ „ура“ и грохотѣ барабановъ, бившихъ ему „походъ“ предшествуемое батальоннымъ адьютантомъ, торжественно было отнесено къ дружинамъ, во фронтъ 3-го батальона.

„Поздравляю васъ со знаменемъ, ребята“! обратясь къ дружинамъ, изволилъ произнести Его Величество Главнокомандующій. „Надѣюсь, что вы молодцами подъ нимъ послужите и выручите своихъ братьевъ изъ-подъ турецкой неволи“!

Слова эти встрѣчены были всеобщимъ восторжен-

нымъ кликомъ войска и присутствовавшаго болгарскаго народа.

Послѣ этого дружины, во взводныхъ батальонныхъ колоннахъ, прошли мимо Главнокомандующаго церемоніальнымъ маршемъ, и тѣмъ освященіе знамени торжественно окончилось. Оно имѣло въ особенности большое нравственное значеніе для присутствовавшихъ болгаръ; одинъ изъ нихъ сѣдовласый старецъ, со слезами и умиленіемъ на глазахъ взволнованнымъ голосомъ, говорилъ собравшейся вокругъ него толпѣ соотчичей. „Это знамя—залогъ нашей свободы! Четыреста лѣтъ вотще ожидалъ его народъ болгарскій, и теперь намъ его вручаетъ великодушная мать—Россія"!

7-го мая, въ четыре ч. пополудни, представители мѣстнаго болгарскаго общества давали въ русско-болгарскомъ оттелѣ обѣдъ депутатамъ города Самары и офицерамъ болгарскихъ дружинъ, съ генераломъ Столѣтовымъ во главѣ. Въ числѣ приглашенныхъ находился и капитанъ 56-го пѣхотнаго Житомирскаго полка Райчо Николовъ, тотъ самый, который, будучи еще 15-ти лѣтнимъ мальчикомъ, 22-го іюня, 1854 года переплылъ Дунай и доставилъ нашимъ войскамъ важныя свѣденія о противникѣ. За этотъ подвигъ, какъ извѣстно, покойный Императоръ Николай Павловичъ принялъ болгарскаго мальчика-героя на свое попеченіе и помѣстилъ его во 2-й кадетскій корпусъ, гдѣ Райчо окончилъ свое образованіе и былъ выпущенъ офицеромъ въ Кексгольмскій гренадерскій императора австрійскаго полкъ. Находясь потомъ нѣкоторое время въ отставкѣ, Райчо, въ прошломъ году, при началѣ сербско-турецкой войны, уѣхалъ

въ Сербію добровольцемъ, гдѣ, по назначенію генерала Черняева, оцѣнившаго его способности, организовалъ, въ числѣ нѣсколькихъ другихъ офицеровъ, болгарскіе батальоны и былъ назначенъ командиромъ одного изъ нихъ, который подъ его командою, 16-го сентября, шелъ на штурмъ Гредетинскихъ высотъ и взялъ приступомъ турецкіе шанцы. По возвращеніи же изъ Сербіи, Райчо Николовъ опять поступилъ въ русскую военную службу и былъ зачисленъ съ чиномъ капитана въ Житомирскій полкъ, расположенный въ то время въ Бессарабіи, а изъ сего полка, чтобы не отставать (по его словамъ) отъ роднаго болгарскаго дѣла, просился о командированіи въ болгарское ополченіе, гдѣ и состоитъ нынѣ въ 4-й дружинѣ командиромъ 1-й роты. Съ переходомъ нашихъ войскъ за границу, Райчо Николовъ обнародовалъ 24-го апрѣля слѣдующее воззваніе къ своимъ соотчичамъ:

ВОЗВАНІЕ КЪ МОИМЪ БРАТЬЯМЪ

Плоешты 14-го апрѣля 1877 года.

Братія болгары!

„Время освобожденія нашего, давно порабощеннаго, милаго отечества уже настало. Русская армія стала лагеремъ на Дунаѣ; изъ пушекъ стрѣляютъ за наше освобожденіе!“

„И вотъ я опять къ вамъ! Прибылъ я въ Плоешты и привезъ съ собою присланныя Россіею: пушки, ружья, военныя одежды и другія принадлежности для нашего и болгарскаго ополченія“.

„Братья болгары! Вы юнацки перешли р. Тимокъ

6-го августа и р. Мораву 20-го августа; геройски сражались 16-го сентября на Гредетинскихъ горахъ, и ваши груди украшены были воинскими чинами „за храбрость!“ Но теперь вы имѣете получить самую дорогую награду „свободу Болгаріи“.

„Я васъ знаю и вѣрю, что теперь вы не опоздаете ни одной минуты собраться опять и еще болѣе юнацки бр҃оситься, Божіею волею, на звѣрскихъ турокъ, которые безчестятъ нашихъ сестеръ и матерей, убиваютъ нашихъ отцевъ и братьевъ, сожигаютъ наши села, мѣстечки и опустошаютъ прекрасное и милое наше отечество“.

„Время братья болгары! Минута нашего освобожденія наступила! Стекайтесь голые и босые въ Плоешты, берите ружье, одѣвайтесь въ воинское одѣяніе и съ Богомъ впередъ (напредь)! Кто юнакъ надъ юнакомъ, пускай теперь докажетъ свое юначество на бранномъ полѣ“.

Я, вашъ братъ и товарищъ, буду съ вами въ сраженіи впереди и надѣюсь, что и вы не останетесь сзади. Впередъ! Впередъ“!

Вашъ другъ капитанъ *Райчо Николовъ*.

Характеристика болгарскихъ партій подъ именемъ Старой и Молодой Болгаріи.

Корреспондентъ этой статьи высказываетъ, что, находясь въ Бухарестѣ, онъ приглядывался къ здѣшнимъ болгарамъ, на которыхъ приходилось натыкаться на каждомъ шагу. Наблюденіе это тѣмъ интересно, что здѣшніе болгары — это силы, которыми пришлось русскимъ

воспользоваться на первыхъ порахъ своей реформаторской дѣятельности въ Болгаріи. Силы эти признаются здѣсь интеллигенціею болгарскаго народа. Что же эти силы представляли собою?

Съ перваго же знакомства съ ними, можно замѣтить распаденіе ихъ на двѣ, рѣзко отличающіяся одна отъ другой, категоріи или партіи. Партіи эти можно даже признать политическими партіями, такъ какъ каждая изъ нихъ имѣетъ свою политическую программу. Въ настоящее время, въ виду общей, болѣе существенной и близкой цѣли, оттѣнки ихъ программъ болѣе сглаживаются, но, провѣряя ихъ съ прошлою дѣятельностью каждой, несомнѣнно указанное отличіе существуетъ.

Первую партію — весьма многочисленную составляетъ значительный контингентъ болгарскихъ купцовъ, землевладѣльцевъ, капиталистовъ и банкировъ, издавна покинувшихъ родину и поселившихся въ Румыніи. Здѣсь, по среди расточительныхъ и лѣнивыхъ румынъ, они скоро успѣли освоиться хорошо и занять извѣстное соціальное положеніе. Они накупили земель, набрали арендъ, захватили въ значительной степени въ свои руки мѣстную промышленность и торговлю, прибрали къ рукамъ румынъ, какъ кредиторы, ссужающіе имъ капиталы для хозяйства, частыхъ поѣздовъ за границу и т. п. — и зажили припѣваючи. — Своихъ связей съ несчастною родиной по ту сторону Дуная они не прерывали вполнѣ; но знались и тамъ болѣе съ городскимъ зажиточнымъ классомъ. Нерѣдко черезъ родичей и друзей, чрезъ посредство пріятелей-грековъ, они отсюда умѣли устраивать свои дѣла такъ, что, считаясь румынскими

подданными, въ то же время состояли мѣстными откупщиками въ Турціи различныхъ оброчныхъ статей. Они же давали изъ себя тѣхъ мелкихъ ценсаровъ, меанщиковъ и кулаковъ, которые, пользуясь столь печальною извѣстностью въ Болгаріи, Старой и Новой Сербіяхъ, да и вообще на Балканскомъ полуостровѣ. Эту честь онѣ почти дѣлили съ греками, этими ужасными пьяницами Востока. Такимъ образомъ, сами не отдавая себѣ отчета, они являлись орудіемъ турецкихъ порядковъ въ дѣлѣ эксплуатаціи своего же народа. Такъ какъ они не являлись въ глазахъ турокъ, протестующею партіею, такъ какъ они не шли революціоннымъ путемъ,—то турки смотрѣли на нихъ снисходительно. Говорятъ, за Дунаемъ они имѣютъ порядочное число кредиторовъ между турецкимъ чиновничествомъ и пашами. Умѣя слегка придерживать въ рукахъ турецкую администрацію, они пользовались и въ болгарскомъ народѣ вліяніемъ. Результаты мѣстнаго выборнаго начала были въ ихъ рукахъ. Турки смотрѣли на нихъ, какъ на благонадежные элементы, какъ на силу, съ которою, однако, нужно считаться, и надѣляли ихъ - почетнымъ въ уставахъ турка названіемъ: „чорбаджи“, не удостоивая поднять до титула „эффенди“, господина, какимъ можетъ пользоваться лишь правовѣрный.

Слѣдуетъ также признать несомнѣннымъ, что вообще болгаринъ, при всѣхъ его достоинствахъ, все-таки многое прихватилъ, въ своемъ національномъ характерѣ, отъ повелителя турки и грека. Долгое порабощеніе не прошло даромъ. Онъ утратилъ славянское простодушіе и сдѣлался, можетъ быть, вслѣдствіе несчастія,

тонкимъ хитрецомъ, расчетливымъ маккіавелистомъ. Не выработавъ изъ себя образованіемъ служителя идеи и отвлеченнаго человѣческаго права, онъ, въ значительной степени, еще почитатель силы, и легко и охотно предъ нею преклонялся. Это замѣтно даже на болгарскомъ духовенствѣ. Въ той стадіи историческаго развитія, какою живетъ болгарскій народъ, это сословіе должно бы являться носителемъ національной образованности, самобытности и примѣромъ того, какъ въ несчастіи слѣдуетъ хранить свое достоинство. Между тѣмъ, врядъ-ли можно указать гдѣ-либо въ Европѣ другое духовное сословіе, которое стояло бы, относительно своего народа на меньшей степени образованности, пользовалось бы меньшимъ вліяніемъ на него, менѣе отуречивалось-бы и служило-бы болѣе рьянымъ слугою угнетателя — турецкой администраціи. Еще въ Сербіи, въ прошломъ году, многимъ русскимъ доводилось слышать — можетъ быть, и преувеличенное нѣсколько обвиненіе, будто турки имѣютъ въ болгарскомъ духовенствѣ надежнѣйшихъ шпіоновъ. Въ настоящее же время этому неблагопріятному слуху, частію можно дать вѣроятіе изъ нпженисаннаго посланія болгарскаго экзарха къ народу. — Корреспондентъ говоритъ, что ему самому приходилось слышать легенду, будто покойный Кирѣевъ палъ жертвою предательства болгарскаго попа, наведшаго отрядъ на турецкую засаду. По странной случайности, попадавшіеся въ руки сербовъ шпіоны, всегда имѣли видъ и одежду болгарскихъ отуреченныхъ монаховъ и поповъ. Тѣ не многія извѣстныя „исторіи“, которыя бы могли быть указаны, какъ противорѣчіе

только что сказанному, и которыя являютъ благородные примѣры преданности болгарскаго духовенства національной идеѣ освобожденія и претерпѣнныхъ имъ отъ турокъ за это гоненій, должны быть разсматриваемы, по мнѣнію знающихъ людей, лишь какъ исключительныя и счастливыя случайности.

Что-же касается до здѣшней консервативной партіи болгаръ, о которой говорится, резидирующей теперь въ Румыніи, то она всегда умѣетъ беречь свою кровь. Турки не особенно ее преслѣдовали. Кажется, она не имѣла въ болгарской мартирологіи своихъ именъ. Она отплачивалась деньгами, дѣлала и дѣлаетъ теперь пожертвованія и, показывая видъ, что служитъ патріотическимъ цѣлямъ народа, поставила выше всего свои сословные интересы и собственное спокойствіе. Она не имѣла видныхъ представителей изъ своей среды и въ бѣдной болгарской литературѣ и журналистикѣ. Обстоятельства заставляютъ ее теперь выдвинуться на первый планъ. Ею хотятъ воспользоваться, какъ элементомъ устойчивымъ, интеллигентнымъ, богатымъ и вліятельнымъ. Это, вѣроятно, будущіе нотабли возрожденной Болгаріи, хотя французскіе фраки, какъ и французскія понятія, плохо идутъ имъ, во всѣхъ отношеніяхъ, къ лицу. Эта партія жертвуетъ теперь деньги и готова пассивно слѣдовать, куда ей укажутъ. Дастъ ли она изъ себя хорошій контингентъ-дѣятелей, глубоко преданный интересамъ могущаго возродиться вскорѣ болгарскаго государства — неизвѣстно. — Какъ люди практическіе, люди солидныхъ лѣтъ, люди разсчетовъ, вѣроятно, даже помогая дѣлу, эти господа принесутъ съ

собою въ новое царство духъ промышленной и торговой предпріимчивости—не болѣе. Изъ нихъ, вѣроятно, будетъ создаваться, при новыхъ порядкахъ, охранительный классъ; изъ нихъ создадутся представители крупнаго землевладѣнія, чиновничества, индустріи и биржи. Но это-ли прежде всего нужно возрожденному болгарскому народу?

Болгарскому народу, кромѣ хорошаго и честнаго чиновничества, которое—будемъ надѣяться - дастъ ему на первое время Россія, нужны будутъ горячіе и безкорыстные труженники на народъ. Такимъ элементомъ могла бы быть вторая группа здѣшнихъ болгаръ—молодая партія. Но, кажется, она не въ авантажѣ въ настоящее время. Дѣло въ томъ, что противная партія сдѣлала подъ нее неказистый подвохъ. Такъ, по крайнѣй мѣрѣ, жалуется молодежь. Партія эта, до сихъ поръ дѣйствовавшая относительно турецкаго правительства революціоннымъ путемъ и имѣвшая въ Румыніи изъ себя что-то въ родѣ центральнаго комитета, при вступленіи русскихъ войскъ въ Румынію издала прокламацію. Въ этой прокламаціи весь болгарскій народъ приглашали встрѣтить русскихъ, какъ братьевъ и освободителей, и помогать имъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, центральный комитетъ заявилъ свою дѣятельность закрытою и оконченною. Онъ говорилъ, что она теперь переходитъ къ русской власти. Противная, консервативная партія, желая компроментировать молодежь передъ русскими, напечатала въ своихъ газетахъ, и между прочимъ въ *Politische Corresponndenz*, текстъ прокламаціи со вставкою, гдѣ требовалось, чтобы болгарскій народъ ждалъ

момента, когда онъ можетъ получить національное правительство, состоящее изъ патріотовъ, которыхъ онъ долженъ слушаться. Это произвело свое неблагопріятное дѣйствіе. Молодая партія была смѣшана съ революціонерами и скомпроментирована. Напрасно молодая партія кричала и печатала, что это подлогъ, что въ текстѣ подлинной прокламаціи этой вставки не было. Дѣло было сдѣлано. Такъ какъ прошлое этой партіи, постоянно волновавшей болгарскій народъ, было дѣйствительно не чуждо революціоннаго характера, то клеветѣ легко можно было повѣрить. Между тѣмъ, эта молодежь, со слезами на глазахъ, клялась, что она не желаетъ ничѣмъ предрѣшать будущее, всю освободительную и устроительную роль она уступаетъ теперь русской власти, что она не мечтаетъ ни о конституціи для новаго порядка дѣлъ въ Болгаріи, ни о вмѣшательствѣ въ новые распорядки. Только, благодаря прямодушному отношенію къ этому дѣлу князя В. А. Черкасскаго, взявшаго лично провѣрить по документамъ всю эту исторію, удалось русскимъ установить болѣе справедливый взглядъ на здѣшнюю болгарскую молодежъ, которая предана и любитъ Россію не менѣе, чѣмъ и всякая другая партія. Это утѣшительно. Впереди столько предстоитъ дѣла, что не слѣдуетъ пренебрегать никакими силами. Къ тому же и силъ этихъ мало.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Характеристика болгарскихъ партій подъ именемъ Старой и Молодой Болгаріи.

(Продолженіе).

Молодая болгарская партія, конечно, бѣдна и мало вліятельна. Но къ народу она ближе стоитъ и можетъ принести наибольшую пользу. Это все дѣти народа— учителя, студенты, представители журналистики. Такъ какъ они молоды, то и болѣе горячо относятся къ дѣлу; этими силами слѣдуетъ лишь живо воспользоватся— направить. Все-таки это самый интеллигентный классъ, и притомъ искренно и безкорыстно преданный дѣлу. Это та самая партія, которая въ теченіе многихъ лѣтъ поддерживала болгарскій народъ въ борьбѣ съ угнетеніемъ турокъ. Многіе изъ ея представителей поплатились предъ турками головами за участіе въ болгарскихъ дѣлахъ. Изъ именъ ея представителей составился болгарскій мартиріологъ. Она же агитировала послѣдніе годы по Европѣ въ пользу своихъ угнетенныхъ братьевъ. Ея представители ѣздили къ Гладстону, Бисмарку и въ Россію. Въ литературѣ она имѣетъ виднѣйшихъ представителей, преданность ея намъ, русскимъ, и ихъ любовь къ намъ доказывается уже тѣмъ обстоятельствомъ, что всякій молодой болгаринъ знаетъ по-русски, гово-

ритъ на этомъ языкѣ, читаетъ жадно русскія газеты, между тѣмъ, какъ противная партія — чорбаджи — не потрудилась до сихъ поръ выучиться по-русски и съ ними приходится объясняться русскимъ по-нѣмецки, по-французски или по-румынски. Молодая партія можетъ намъ очень пригодиться. Отъ ума нашихъ администраторовъ будетъ зависѣть направить въ живое русло эти молодыя силы.

Представители этой партіи, конечно, не чужды слабостей. Но это объясняется долгою оторванностью ихъ отъ почвы, отъ родины, отъ дѣла. Сами, того не замѣчая, они впадаютъ въ резонерство, разглагольствованіе—въ желаніи напустить на себя, въ глазахъ новаго лица, оттѣнокъ чего-то исключительнаго, таинственнаго, ужаснаго. Между тѣмъ, въ большинствѣ случаевъ они только добрые малые. Поговорите съ любымъ изъ нихъ, и окажется что голова его непремѣнно оцѣнена турками въ десятки тысячь франковъ золотомъ; прислушайтесь—и каждый болгарскій писатель—міровой дѣятель, которому и подобнаго нельзя сыскать. Попросите разсказать біографію—и таинственность похожденій превзойдетъ подвиги различныхъ Казановъ. Замкнутость той среды, въ которой имъ приходилось вращаться столько лѣтъ, оторванными отъ родины, отъ живаго дѣла и дѣйствительности — сдѣлала ихъ любителями болтать нерѣдко маловѣроятныя сказки, которымъ, наконецъ, они и сами стали вѣрить....

Воскресающее теперь впереди великое дѣло можетъ исцѣлить ихъ отъ этихъ незначительныхъ недуговъ, если эти молодые дрожжи не будутъ не справедливо устра-

нены отъ участія въ трудѣ на общую пользу. Забота объ этомъ и должна лежать на нашихъ администраторахъ. Не будемъ же на первыхъ шагахъ, несправедливостью создавать элементы недовольства въ средѣ болгаръ! Въ оправданіе ихъ угнетенія, которое народъ терпѣлъ отъ ига мусульманскаго и, что орудіемъ турецкаго порядка въ дѣлѣ эксплуатаціи являлось частію духовенство, то не распространяясь о прошломъ, какъ о черномъ пятнѣ для болгарскаго высшаго духовенства, въ подлинникѣ помѣщается слѣдующее характеризующее:

Посланіе болгарскаго экзарха архіепископа Григорія.

Братіе! Милосердый Богъ, управляющій судьбами царствъ и народовъ, вознесъ славу и мужество оттоманской державы? поддерживая ее много вѣковъ для счастія, мира и прогресса? народовъ, находящихся въ ея благодѣтельномъ лонѣ (?). Но чтобы испытать глубину и силу нашей вѣры къ Нему, милосердый Богъ посылаетъ часто испытанія своимъ избраннымъ. Оттоманское царство не въ первый разъ подвергается такимъ испытаніямъ. Но оно всегда (?) выходило изъ нихъ съ достоинствомъ, полное новыхъ силъ для своего процвѣтанія, славы и величія (?).

Въ ту минуту, когда его имп. вел. султанъ Абдулка-Хамидъ-ханъ, нашъ милостивый повелитель и отецъ (пусть Господь пошлетъ ему долгую жизнь и сдѣлаетъ могущественнымъ его царство) дѣлаетъ всѣ свои условія, чтобы утвердить начало равенства, братской любви, покоя, счастія и прогресса (?) своихъ подданныхъ, безъ различія расы и религіи, царству угрожаетъ *врагъ*, ко-

торый, прикрываясь мотивами, повидимому, великодушными, хочетъ положить препятствія его благороднымъ и высокимъ усиліямъ, хочетъ уничтожить ихъ и довести до конца свои разрушительныя стремленія противъ царства и его народовъ.

Но теперь, какъ и всегда, Богъ не допуститъ, чтобы правда была попрана ногами, и чтобы беззаконныя попытки торжествовали. Правительство его имп. велич. султана выйдетъ легко (?) изъ этого испытанія съ еще большей силой во славу царства оттоманскаго на счастіе и радость его народовъ (?). Чтобы придти къ этому результату, мы должны всѣ сплотиться около престола его имп. велич., одушевленные чувствами вѣрности и преданности и готовые не щадить никакихъ жертвъ. Народъ болгарскій въ особенности имѣетъ эту святую обязанность (?): въ своей безпристрастности и милосердіи императоры оттоманскіе удовлетворяли всегда его законнымъ требованіямъ (?).

По этому мы приглашаемъ васъ, любезные дѣти во Іисусѣ Христѣ, доказать любовь, вѣрность и преданность, которыми вы одушевлены къ вашему повелителю. И прежде всего, какъ христіане и какъ вѣрные дѣти православной церкви, возносите ваши горячія молитвы къ Милосердному Богу, чтобы Онъ послалъ здоровье и долгую жизнь его имп. вел. Мы приглашаемъ васъ молиться въ домахъ и церквахъ, чтобъ Богъ далъ силу и побѣду геройскимъ и славнымъ арміямъ оттоманскимъ, чтобы сдѣлавши напрасными усилія и попытки непріятеля, оттоманскія войска возстановили на прочныхъ основаніяхъ миръ и спокойствіе страны, такъ какъ

враги царства и его народовъ не упускаютъ средства произвести волненіе въ средѣ болгаръ, чтобы произвети холодность и вражду между нами и нашими соотечественниками мусульманами, чтобы ослабить такимъ образомъ императорское къ намъ благоволеніе. Мы приглашаемъ васъ усиленно отвергать наущенія злыхъ и не слушать ихъ льстивыхъ и вредоносныхъ извѣтовъ. Отвергайте точно также всѣ слухи распространенные съ цѣлію возбудить въ васъ боязнь передъ грядущими событіями и не увѣренность въ полнѣйшей безопасности, которой вы пользуетесь (?), имѣйте полное довѣріе къ правительству, которое немедлило никогда, не смотря на тяжесть обстоятельствъ, принимать самыя строгія мѣры для нашей жизни, имущества и чести (?).

Любите одинъ другаго, живите въ мирѣ и согласіи съ вашими сосѣдями-мусульманами, которые суть наши братья и дѣти одного отечества. Вѣрные подданные султана, одушевленные любовью къ славѣ и спокойствію общаго отечества, не жалѣйте никакой жертвы, чтобы сохранить этотъ покой и славу. Исполняя всѣ эти наставленія, мы будемъ достойны отечества и царства, мы дадимъ императорскому правительству возможность съ честью и славой пережить тяжелыя обстоятельства и утвердить навсегда и на всемъ пространствѣ царства мира и спокойствія, столь необходимыя для прогресса и счастія народа.

Пусть Богъ услышитъ наши молитвы и сохранитъ султана и его царство“.

Молитва экзарха болгарскаго, съ этимъ посланіемъ къ православнымъ болгарамъ, была гласомъ вопіющаго

въ пустынѣ или на константинопольскомъ ложе, а русакъ, погруженный во святое дѣло относительно своихъ братій-болгаръ, — могъ-бы юмористически отозваться на это посланіе, но видя его неумѣстнымъ въ настоящій моментъ, оставилъ это посланіе, высшаго духовнаго лица — въ пренебреженіи даже къ юмористическому взгляду, и круто взялся за политическую войну противъ подстрѣкателей и друзей Порты. — Такъ разъясненія австро-венгерской политики получалось совершенно не съ той стороны; съ которой ихъ можно было ожидать, а въ родѣ вышеписаннаго посланія экзарха болгарскаго. Напрасно было-бы искать ихъ въ газетахъ Вѣны или Пешта, почти постоянно впадавшихъ между собою въ рѣзкія противорѣчія, легко впрочемъ объяснявшія двумя противуположными направленіями, изъ которыхъ каждое имѣло своихъ вліятельныхъ представителей въ совѣтахъ императора Франца-Іосифа. Австро-Венгерская политика отъ этого, конечно, не выигрывала въ своей ясности экзарховской. Къ этимъ домашнимъ пререканіямъ присоединялись нѣкоторыя внѣшнія неудобства, мѣшавшія, — говорятъ, — гр. Андраши откровенно высказываться. — Въ высшей степени деликатное положеніе Австро-Венгріи между Германіей и Россіей, налагало на ея министра иностранныхъ дѣлъ чрезвычайную сдержанность, которую гр. Андраши простиралъ до крайности; этой сдержанностію объяснялось и то, что онъ въ то время непредставлялъ парламенту обычнаго сборника дипломатическихъ документовъ, равно какъ и его отчужденіе отъ оффиціозной печати, не получали отъ него ни какихъ внушеній.

Тѣмъ любопытнѣе представлялись намъ нѣкоторыя откровенія объ австро-венгерской политики, одновременно появившіяся во французской печати. Дѣло было объ опредѣленіи момента, при которомъ Австрія выступитъ на сцену въ дѣйствующей роли. Къ этому побуждали ее три случайности: вмѣшательство въ войну Сербіи, продолжительное прибываніе русскихъ войскъ въ Румыніи и, наконецъ, быстрыя рѣшительныя побѣды русской арміи, которыя заставятъ опасаться за судьбу Константинополя прежде чѣмъ успѣетъ вмѣшаться дипломатія (?). Во всѣхъ этихъ трехъ случаяхъ Австрія была готова дѣйствовать. Условія эти таковы, что во всякій желаемый моментъ они могли дать нужный предлогъ австро-венгерскому правительству. — Возьмемъ хоть среднее изъ нихъ. Болѣе нежели вѣроятно, что въ княжествахъ, по крайней мѣрѣвъ одномъ изъ нихъ, Валахіи, должны были оставаться русскіе отряды на все время компаніи для обезпеченія сообщеній русской арміи съ отечествомъ. Такимъ образомъ ближайшій поводъ къ вмѣшательству можно считать обезпеченнымъ съ самаго начала войны. Что касается опасенія за Константинополь, то до этого-было еще очень далеко. Болѣе близкой случайностію представлялась участь Сербіи, которая можетъ быть вынуждена къ войнѣ замышлявшимъ вторженіемъ въ нее турецкихъ войскъ. Это участіе почему-то предстовлялось Австріи столь опаснымъ, что ей предписывались планы занять тогда не только Боснію съ Герцеговиной, но и Сербское княжество.

Нужно быть очень наивнымъ, чтобы во вмѣшательствѣ Австріи, въ какой бы изъ перечисленныхъ момен-

товъ оно ни совершилось, видѣть союзное съ нами дѣйствіе. Турецкія провинціи, которыя предполагались ею занять, она взяла бы, какъ залогъ, долженствовавшій обезпечевать возвращеніе къ прежнему порядку вещей на Балканскомъ полуостровѣ, къ такъ называемому улучшенному *statu quo*, продолжавшему служить базисомъ для австро-венгерской политики въ восточномъ вопросѣ. Австрія замышляла явиться на сцену, чтобъ продиктовать намъ условія мира, вѣроятно въ смыслѣ сокращенныхъ требованій константинопольской конференціи или лондонскаго пресловутаго протокола, чтобы такимъ образомъ свести къ наивозможно меньшому результату войны для Россіи и христіанскихъ подданныхъ турецкаго султана? Съ этого момента, который едвали заставлялъ долго ждать себя, должна была начаться новая, болѣе важная, чѣмъ предшествовавшая, стадія восточнаго вопроса.

Было бы малодушіемъ думать, что въ настоящей войнѣ съ Турціею побѣды, какъ уже начались въ Малой Азіи, такъ въ послѣдствіи могутъ легко достаться намъ, или что за первымъ нашимъ большимъ успѣхомъ Порта смирится и исполнитъ всѣ справедливыя требованія Россіи. Ничего нѣтъ опаснѣе, какъ самообольщеніе. Напротивъ, мы должны были съ полною сдержанностію, самымъ строгимъ образомъ взвѣсить наши отношенія къ противнику обезпеченному друзьями; мы должны были вполнѣ понимать всю великость нашей національной задачи и вмѣстѣ всю трудность ея осуществленія. Только при крайне серьезномъ взглядѣ на дѣло, духъ народный крѣпнетъ и всѣ силы его получаютъ такую устойчи-

вость, что чѣмъ больше является преградъ, тѣмъ упрямѣе стремятся онѣ къ достиженію желаемой цѣли. Не въ легкомысленныхъ порывахъ молодечества и поверхностной самонадѣянности заключается залогъ успѣха, а въ спокойной твердости и въ могучей рѣшимости настоять на своемъ! Тогда никакія жертвы не будутъ намъ въ тягость и никакія временныя неудачи не испугаютъ насъ. Нужна вѣра въ самихъ себя. Необходимо помнить, что Россія—государство молодое, исполненное, болѣе чѣмъ другія, жизненныхъ задатковъ, что она еще не достигла апогея своего величія; ея внутреннія богатства неистощимы; народъ ея только недавно освобожденъ отъ крѣпостныхъ узъ; ему предстоитъ еще развить великія нравственныя силы, которыя съ особеннымъ напряженіемъ высказывается въ годины великихъ событій. За Россіею стоитъ вся будущность. Такіе цѣльные и молодые организмы, каковъ организмъ Россіи, не сокрушатъ никакіе внѣшніе враги, хотя бы они сплотились, по желанію экзарха, тѣсно между собою противъ страшащаго ихъ великана. Россія вытерпѣла не одинъ ударъ судьбы, но всѣ эти удары только возбуждали ее къ новой усиленной жизнедѣятельности, укрѣпляя подъемъ народнаго духа, слагая въ памяти народной драгоцѣнныя и неумирающія преданія, которыя питаютъ народное одушевленіе для новыхъ великихъ подвиговъ.

Въ Западной Европѣ держалось убѣжденіе, что надо, по мѣрѣ возможности, задерживать естественный ростъ Россіи. Крымская война показала, какъ ошибочно это убѣжденіе. Но англійскіе консерваторы отъ него не освободились еще. Составленный изъ ихъ партіи торій-

скій кабинетъ Биконсфильда хотѣлъ еще разъ испытать его на дѣлѣ, воздвигая для Россіи помѣхи въ Европѣ и Азіи. Нѣтъ сомнѣнія, что Порта служила въ этомъ случаѣ послушнымъ орудіемъ англійскаго правительства, а Австро-Венгрія давала ему право надѣется на содѣйствіе въ благопріятную минуту. Уже не была тайна, что Англія на свой счетъ и своими агентами поднимала на ноги Турцію и снаряжала ее на войну. Всѣ турецкія войска суть ни что иное, какъ старинныя наемныя дружины съ тою только разницей къ великой выгодѣ Англіи,—что они должны дѣйствовать въ своей землѣ и за своими укрѣпленіями. Порта, при участіи Англіи, нафанатизировала священною войною свои войска и мусульманское населеніе имперіи, обманываясь сама и обманывая народъ на счетъ истиннаго значенія той роли, которую Турція разыгрывала въ рукахъ Англіи. Въ сущности Турція являлась чѣмъ-то въ родѣ тарана, которымъ Англія намѣревалась нанести первый ударъ Россіи. Можно догадываться, что планъ Англіи состоялъ въ томъ, чтобы всѣми возможными средствами, не стѣсняясь даже международными приличіями и явно нарушая ихъ, поддержать мусульманскій востокъ въ борьбѣ его съ Россіею въ Европѣ и Азіи; въ случаѣ удачи Турціи — дѣйствовать смотря по обстоятельствамъ; въ случаѣ же неудачи — воспользоваться открыто своими силами, чтобы завладѣть: Константинополемъ, Критомъ и Египтомъ. Перспектива полнаго разрушенія Европейской Турціи не представлялась Англіи невозможностью, при томъ, конечно, условіи, что ни кому другому, какъ ей должна достаться лучшая доля падшей

имперіи; другая доля должна принадлежать Австріи (?); Россія же могла ограничиться возстановленіемъ независимости Болгаріи. На это отчасти указывали громадныя приготовленія Англіи, какъ во флотѣ, такъ и для сухопутныхъ войскъ. Снаряжались три громадныя боевыя эскадры изъ всѣхъ кораблей, какіе только могутъ быть вооружены; на Мальтѣ сдѣланы огромные запасы провіанта для трехъ армейскихъ корпусовъ; заготовлено было множество транспортныхъ судовъ, доставлялась многочисленная артиллерія и въ томъ числѣ осадныя орудія. Арсеналы въ самой Англіи работали усиленно день и ночь. Очевидно, Англія затѣевала крупный и рѣшительный шагъ, разсчитанный во всякомъ случаѣ на успѣхъ. Правительство и оппозиція были согласны въ этомъ планѣ, доказательствомъ чему служило то, что оппозиція въ парламентскихъ преніяхъ тщательно обходила молчаніемъ предусматриваемый случай паденія Турецкой имперіи и ни однимъ намекомъ не затрагивала вопроса, откуда кабинетъ Дэрби-Биконсфильда, почерпнулъ десятки милліоновъ фунтовъ стерлинговъ на пособіе Турціи и имѣлъ ли еще право дѣлать такое употребленіе изъ народныхъ денегъ? Какъ бы то ни было, Россіи вскорѣ приходилось стать лицомъ къ лицу съ Англіей. Но мы полагали, что захватъ Константинополя, Босфора и Дарданеллъ, Крита, Египта и прилегающихъ къ Суэзскому каналу земель поставитъ Англію неминуемо въ противорѣчіе съ Австріею, Италіею и Франціею, которыя, какъ прилегающія или всѣми своими берегами или половиною ихъ къ Средиземному морю, не могутъ быть равнодушными къ тому, чтобы Англія сдѣлалась

полновластною хозяйкою и повелительницею въ этомъ внутреннемъ общеевропейскомъ морѣ. Вотъ, гдѣ наша дипломатія могла имѣть для себя благодарную работу.

Впрочемъ, на расхищеніе турецкихъ владѣній, Англія могла рѣшиться только въ крайнемъ случаѣ. Сначала пыталась поддерживать существованіе Турціи съ помощію Австріи. И въ самомъ дѣлѣ, пока Россія ведетъ войну въ Болгаріи, Австрія заняла-бы Боснію и Герцеговину и по всему вѣроятію и Сербію. Она занимала ихъ вовсе не для того, чтобы совмѣстно съ Россіею ввести въ нихъ самоуправленіе, - объ этомъ благоразумно умалчивала Вѣна; она, какъ упомянуто выше, заняла-бы только съ дружелюбною цѣлью Россіи. Это дружелюбіе выражалось въ томъ, что всѣ турецкія войска изъ Босніи двинутся на Дунай противъ русскихъ. Оставлены будутъ только тѣ, которыя нужны для войны съ Черногоріею. Не надо было и сторожить Сербію: въ рукахъ Австріи она не шелохнулась-бы; а турки между тѣмъ, снабженные англійскими генералами, офицерами, инженерами, оружіемъ, деньгами, прикрытые крѣпостями и англійскою техникою должны сопротивлятся русскимъ, сначала одни, а потомъ, смотря по обстоятельствамъ, и въ открытомъ союзѣ съ англичанами. Угрожая русскимъ войскамъ съ фланга и съ тыла. Австрія обѣщала тогда войти въ соглашеніе съ Россіею: объ огражденіи австрійскихъ интересовъ въ виду случайностей, которыя могли повлечь за собою счастливое веденіе войны Россіи въ Болгаріи (?). Другими словами, Австрія обѣщала предписать Россіи условія, которыми должны ограничиваться успѣхи рус-

скаго оружія надъ Турціею и потребовать еще себѣ за то вознагражденія. Можно было расчитывать, что Англія и Австрія, стоя во всеоружіи и окружая русскую армію - одна спереди, т. е. отъ Балкановъ, и съ боку, т. е. отъ Чернаго моря; другая съ противуположной стороны, т. е. изъ Босніи, Сербіи и Герцеговины, и съ тылу т. е. изъ Трансильваніи, — не преминули-бы предложить Россіи остановиться на полупути и удовольствоваться ничтожнымъ лондонскимъ протоколомъ. Надо присоединить къ этому возможность диверсіи со стороны турецкихъ войскъ изъ Добруджи черезъ Дунай на наши сообщенія съ Бессарабіею. Эта диверсія отвлекла бы большія силы отъ арміи, предназначенной дѣйствовать въ Болгаріи. Надо было всегда предполагать худшее, но тѣмъ не менѣе вѣроятное. Понятно, что Россія послѣ столькихъ жертвъ деньгами и кровью ея сыновъ не могла возвращаться ни къ какимъ дипломатическимъ сдѣлкамъ, кромѣ той, которую предпишетъ ея оружіе. Въ недалекомъ будущемъ возможнымъ представлялось по этому столкновеніе съ Англіей и Австріей—съ послѣднею же еще и потому, что она по всему вѣроятію, кто-бы не одержалъ верхъ, потребуетъ вознагражденіе за „*дружественное*“ —одновременно для Турціи и Россіи— занятіи Босніи и Герцеговины и за прокормленіе бѣжавшихъ оттуда жителей, хотя бы въ видѣ уступки себѣ Босніи и значительной части Герцеговины. Россія, какъ держава европейская и вмѣстѣ славянская, ни коимъ образомъ не могла и не должна дозволять этого захвата.

Такое усложненіе враждебныхъ отношеній нисколько

не смущало русское общество. Напротивъ, серьезность положенія лишь только усилили рѣшимость предѣла дѣйствій, предопредѣленныхъ для Россіи ея историческою Великаго Петра задачею. Не нужно только забывать, что Англія всегда боится прямаго удара, гдѣ бы онъ ни былъ ей нанесенъ; а относительно Австріи, Россія должна быть всегда требовательною въ защиту австро-венгерскихъ славянъ.

Дружба Австріи никогда иначе не пріобрѣталась, какъ мечемъ. Западная русская армія могла заставить Австрію сдѣлаться правдиво дружелюбною къ Россіи, тогда Англія принуждена была-бы умѣрить свой воинственный пылъ, потому что безъ Австріи одна она безсильна; а очень возможное для русской закавказской арміи занятіе торговаго пути, идущаго черезъ Малую Азію, окончательно охладило-бы въ ней всякую ревнивость къ поддержанію развалинъ Оттоманской имперіи.

Уже болѣе полугода прошло, когда Москва первая удостоилась внимать державному слову своего Монарха, благоволившаго ей первой повѣдать свои царственныя думы и желанія, объемлющія судьбы христіанъ и нашихъ собратій, страждущихъ подъ мусульманскимъ игомъ. Съ той поры она была свидѣтельницею, какъ за ея отвѣтнымъ вѣрноподданническимъ выраженіемъ безпредѣльнаго довѣрія къ верховному Вождю и полной готовности всѣхъ сословій ея жертвовать жизнію и достояніемъ для охраненія чести и славы Россіи,— весь Русскій народъ, проникнутый единымъ помысломъ и чувствомъ, отозвался на державное слово, какъ еди-

ный человѣкъ, выражая твердую рѣшимость отстоять во что-бы то ни стало вѣру, права человѣчества и свободу братьевъ, столь нагло попираемыя поклонниками Магомета. — И Москва, и вся Россія отождествили дѣло турецкихъ христіанъ съ сознаніемъ своего государственнаго достоинства, съ требованіями чести народной, съ историческою задачею Россіи,—необращая вниманія на наглые взгляды подстрекателей Порты—Англіи и Австріи. Торжественна была та минута, когда Государь, подъ сѣнію многовѣковой святыни, въ стѣнахъ древняго Кремля, хранителя дорогихъ воспоминаній отечественной славы, являлся непосредственно передъ своими вѣрными москвичами, возвѣщая имъ о святомъ призваніи Россіи. Въ эту минуту совершалось воочію единеніе Царя и Его народа—залогъ несокрушимой силы, источникъ той духовной мощи, съ которою Россія готовилась предстать предъ Европою для прочнаго умиротворенія Востока или совокупными усиліями кабинетовъ, или же самостоятельнымъ образомъ дѣйствій!—Сбылось! не первое и послѣднее.

Изъ Кишенева донеслось до Москвы и облетѣло всю Россію другое слово Монарха, повелѣвавшаго своимъ доблестнымъ войскамъ вступить въ предѣлы упрямой Турціи, обогренной кровью неповинныхъ страдальцевъ. Возликовала при этомъ словѣ вся Россія; но не чувство войнолюбія увлекало ее, а сознаніе святости христіанскаго долга, повелѣвающаго „положить душу за други своя“.

И вотъ, Москва снова 22-го апрѣля встрѣчала своего Вѣнценосца—встрѣчала съ безграничнымъ восторгомъ,

какъ исполнителя велѣній неисповѣдимыхъ судебъ, указывающихъ Россіи ея высокій жребій быть передовою защитницею Креста и неотъемлемыхъ правъ человѣчества. Ополчаясь на святую брань во имя высшихъ началъ любви и правды Россіи, подъ руководительствомъ своего верховнаго Вождя, несла угнетеннымъ и порабощеннымъ братьямъ свѣточъ свободы, а чрезъ свободу и благословеніе мира.

То, что, какъ стихійная сила предвидѣнія, одушевляетъ многомилліонную массу русскаго народа; то, что сознательно движетъ просвѣтленными умами преданныхъ сыновъ Русской земли,—то же самое, какъ уже положительное и обязательное начало, управляло волею того, кому предоставлено руководительство. Передъ свершающимся общеніемъ верховной воли съ единомыслiемъ народнымъ должны изсякнуть всѣ козни недоброжелателей Россіи, еще недавно мечтавшихъ о какой-то мнимой разни между правительствомъ русскимъ и народомъ. Еще памятны глубоко оскорбительныя слова, произнесенныя истолкователемъ политическихъ мнѣній кабинета Биконсфильда, лордомъ Дэрби, въ засѣданіи англійскаго парламента 27-го января, а именно: „Я палагаю, что вопросъ о мирѣ и войнѣ зависитъ теперь отъ рѣшеній одной только державы или, вѣрнѣе, отъ одного только лица—Русскаго Царя. Что искренность миролюбивыхъ увѣреній его не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, въ этомъ я вполнѣ убѣжденъ; но мнѣ не извѣстно, на сколько Императоръ дѣйствуетъ согласно желаніямъ своего народа“.

Лорду Дерби оставались какъ бы неизвѣстными тѣ

безчисленные вѣрноподданническіе адресы изо всѣхъ губерній и уѣздовъ, отъ всѣхъ сословій, даже отъ крестьянскихъ сходовъ,—адресы, въ которыхъ весь русскій народъ всецѣло отдавалъ себя подъ волю своего Монарха.

Въ другомъ засѣданіи парламента, 10-го марта, Лордъ Дерби, отвѣчая Лорду Додлею, требовавшему, чтобы прежде всего Европа добилась отъ Порты гарантій въ улучшеніи управленія ея христіанскими подданными, замѣтилъ, что такое требованіе, если бы оно нашло себѣ поддержку въ общественномъ мнѣніи Англіи; „могло бы раздражить и возстановить Русскій народъ противъ политики мира, слѣдовать которой русское правительство къ чести своей, высказываетъ такую готовность".

Но умышленно лживые намеки на несуществовавшее раздвоеніе Россіи, разсчитанные на впечатлѣніе въ западной Европѣ и въ самой Россіи, вскорѣ послѣ Высочайшаго Манифеста 12-го апрѣля, окончательно разсѣялись безъ всякаго слѣда. Чѣмъ же инымъ могла быть правительственная Россія, какъ не выраженіемъ той же самой народной Россіи,—выраженіемъ, въ которомъ внутреннія народныя стремленія, обусловленныя историческою памятью народа и осмысленныя пониманіемъ совершающихся судебъ Востока, приведены въ средоточіе сознанія, а слѣдовательно и осязательной силы слова и дѣйствія. Вотъ откуда истекалъ и неуклонный долгъ Россіи—ея обязательная задача, установленная для нея вѣками и не измѣнными вѣрованіями, живыми преданіями и наклонностями ея народа. Для нея начертана разумомъ тысячилѣтней исторіи готовая программа, гдѣ есть свои пути и предѣлы, отъ кото-

рыхъ Европа должна встрѣтить на всѣ свои лукавыя поползновенія одинъ лишь единодушный всенародный отказъ и за нимъ на лицо въ полной готовности, всѣ матеріальныя и нравственныя средства Россіи.

Неизмѣнное вниманіе Государя къ первопрестольной столицѣ и древнему государственному и церковному средоточію, вокругъ котораго собиралась и крѣпла русская земля, поклоненіе святынямъ Московскаго Кремля и Троицкой Лавры, которыя равно чтитъ весь русскій народъ, во всѣхъ отдаленныхъ концахъ Русскаго царства; рѣчь, которую народъ восторженною душею воспринималъ непосредственно изъ устъ Самаго Монарха:— не служило-ли это достаточнымъ свидѣтельствомъ предъ цѣлою Европою, что между Русскимъ Царемъ и вѣрнымъ Его народомъ не бываетъ посредниковъ въ великія минуты отечественной жизни; что крѣпкая единодушіемъ и единомыслiемъ, вся русская земля пойдетъ и пошла вслѣдъ за своимъ Монархомъ, куда указалъ ей долгъ и честь ея. Великая идея любви, правды свободы и мира, которая не перестаетъ совершать свое побѣдоносное шествіе по пажитямъ человѣчества, звала опять Россію на поля Востока. Освобожденная отъ своихъ внутреннихъ закрѣпъ свободная Россія по повелѣнію своего *Царя-Освободителя*, двинулась на освобожденіе христіанъ и братьевъ, взывающихъ къ ней о помощи.

Дни, слѣдовавшіе за объявленіемъ войны, были наполнены заявленіями западно-европейскихъ кабинетовъ объ ихъ относительномъ къ войнѣ положенію. Изъ Лондона, Парижа, Вѣны, Рима и Берлина одно за

другимъ получались извѣстія о провозглашенномъ нейтралитетѣ. Казалось-бы, ничего лучшаго нельзя было желать. Невмѣшательство въ данномъ случаѣ, это—вѣрное средство сдѣлать войну наименѣе продолжительной и ограничить площадь ея. Къ сожалѣнію, не всѣ изъ объявлявшихъ себя нейтральными державъ, давали право на это разсчитывать. Провозглашенные двумя изъ нихъ нейтралитеты могли быть названы нейтралитетами выжидательными и весьма условными. Прежде всего это можно было сказать объ нейтралитетѣ Австро-Венгріи, судя по всему прошедшему австро-венгерской политики и тѣмъ недавнимъ объясненіемъ, которыя были даны правительствомъ въ обоихъ парламентахъ этого двойственнаго государства. Избѣжать европейскихъ усложненій и вліять на результаты войны въ смыслѣ огражденія интересовъ монархіи,—вотъ двойная задача, которую поставила себѣ австро-венгерская политика. Но никакія, а тѣмъ паче общеевропейскія усложенія не возникали сами собою; они происходили отъ столкновенія тѣхъ же интересовъ. Въ данномъ случаѣ, напримѣръ, большая или меньшая вѣроятность того усложненія, завѣсила между прочимъ отъ того, въ чемъ полагала Австро-Венгрія свои интересы на Востокѣ, которымъ она намѣревалась стремиться подчинить результаты войны.

Министры, дававшіе объясненія въ палатахъ, въ Вѣнѣ и Пештѣ, не сообщали по этому поводу никакихъ указаній, мало-мальски опредѣленныхъ. Обращаясь же за разъясненіями къ прошедшему, мы видѣли, что австро-венгерская политика понимала свои интересы на

Востокѣ далеко не такъ, какъ понимались русскимъ правительсвомъ интересы Россіи, вѣрнѣе говоря интересы христіанскихъ подданныхъ турецкаго султана. Припоминая изъ этого прошлаго два оффиціальныхъ разговора: австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ, гр. Андраши, которые имѣлъ онъ въ ноябрѣ 1876 года съ съѣхавшимся на константинопольскую конференцію англійскимъ уполномоченнымъ, марк. Салисбюри; и затѣмъ нѣсколько позднѣе съ англійскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ, сэромъ Бухананомъ. Первому изъ нихъ, онъ засвидѣтельствовалъ, о совершенномъ тождествѣ своихъ взглядовъ на улучшеніе участи балканскихъ христіанъ со взглядами англійскаго правительства на тотъ же предметъ. Второму онъ говорилъ еще болѣе опредѣленно о своихъ отношеніяхъ къ русской политикѣ на Востокѣ. Предложенный Россіею планъ реформъ въ Турціи онъ назвалъ „заслуживающимъ осужденія, какъ не имѣющій иныхъ цѣлей, кромѣ поощренія „панславистскихъ и русскихъ интересовъ“. Онъ считалъ его „чрезмѣрнымъ“ и полагалъ необходимымъ замѣнить „другимъ планомъ, болѣе скромнымъ“, который принялъ-бы за точку отправленія существующій порядокъ вещей въ Турціи и внесъ въ него нѣкоторыя улучшенія, не ограничивая центральной власти. Если австро-венгерская политика продолжала быть при тѣхъ же воззрѣніяхъ, если она полагала свои интересы въ возможно меньшемъ посягательствѣ на внутренніе порядки Турціи и хотѣла подчинить имъ результаты войны, то вотъ и поводъ для столкновенія, ибо жертвы, принесенныя Россіей не могли искупаться столь ничтожными пріоб-

рѣтеніями, какъ нѣкоторыя фискальныя реформы въ Турецкой имперіи, въ коихъ гр. Андраши желалъ видѣть всю суть преобразованій долженствовавшихъ облагодѣтельствовать и вполнѣ удовлетворить балканскихъ христіанъ, какъ онъ излагалъ это марк. Салисбюри въ вышепомянутомъ разговорѣ.

Въ теченіе этого времени австрійское правительство еще не видало достаточныхъ поводовъ, чтобы мобилизовать свою армію. И дѣйствительно было еще рано. Мобилизаціи пока добилась бы, когда дѣло косалось опредѣленія результатовъ войны. Разсчетъ—очевидный. Когда компанія въ военномъ отношеніи близилась бы къ концу, унеся у Россіи достаточно силъ и людьми, и средствами, когда зашла бы рѣчь о подведеніи итога въ войнѣ, тогда слѣдовало ожидать появленія Австро-Венгріи на сценѣ съ ея планомъ условій мирнаго договора, согласованнаго съ ея интересами. Къ этому моменту приготовляла себя и Англія, интересы которой сходились съ австро-венгерскими. Такимъ образомъ нейтралитетъ этихъ двухъ державъ слѣдовало считать вѣроятнымъ лишь до тѣхъ поръ, пока послѣдствія войны еще не начали опредѣляться.

Кромѣ этихъ интересовъ и приготовленій подстрекателей въ лицѣ двухъ державъ: Австро-Венгріи и Англіи, турецкая армія готовилась обогатиться *сномъ новыхъ витязей*.

Подтверждались извѣстія: о формированіи на счетъ константинопольскаго правительства *польскихъ легіоновъ*, поставляемыхъ подъ начальство г. Лангевича, бывшаго польскаго диктатора въ періодъ послѣдняго польскаго востанія 1861-го года. Еще живы на памяти у многихъ

театральные эффекты, которыми обставлялъ онъ каждый свой шагъ, какъ главнокомандующаго, съ первой минуты своего появленія на сценѣ возстанія. Памятны его фантастическіе смотры, производимые по почамъ, при лунномъ блескѣ; его появленіе въ столь же фантастическихъ костюмахъ передъ фронтомъ повстанцевъ, въ сопровожденіи весьма оригинальнаго адьютанта, въ лицѣ дѣвицы *Пустовойтовой*, если намъ не измѣняетъ память. Карьера этого воина была не продолжительна; она скоро окончилась весьма счастливымъ для него бѣгствомъ на австрійскую границу послѣ перваго столкновенія съ русскимъ отрядомъ генерала Чепгеры. Здѣсь онъ былъ обезоруженъ австрійскими властями и для приличія на нѣкоторое, весьма непродолжительное, время былъ подвергнутъ аресту. Будучи освобожденъ, онъ возвратился въ ту неизвѣстность, изъ которой на минуту былъ вынесенъ событіями дня; — всегдашній удѣлъ авантюристовъ, на какомъ бы поприщѣ они не появлялись, выдвигаемые случайнымъ сцѣпленіемъ обстоятельствъ. И вотъ г. Лангевичъ снова выходилъ на сцену.

Число поляковъ, предлагавшихъ свои услуги турецкому правительству, должны быть весьма значительны, если изъ нихъ имѣли въ виду образовать нѣсколько легіоновъ. Западная Европа богата польскими эмигрантами, проникнутыми ненавистью къ Россіи, ослѣпленными мечтой о возстановленіи Польши и готовыми предлагать себя для борьбы съ Русскими. Находись Россія въ войнѣ съ любой изъ европейскихъ державъ изъ-за интересовъ иного свойства, нежели вопросъ который привелъ насъ къ войнѣ съ Турціей, мы поняли

бы присутствіе поляковъ въ лагерѣ нашихъ противниковъ и конечно не изумилась бы этой встрѣчи. Но что сказать о польскихъ „*легіонерахъ*“, желавшихъ сражаться за угнетеніе ихъ единоплеменниковъ, за торжество надъ ними мусульманскаго ига, за палачей, ругающихся надъ истязуемыми, беззащитными жертвами? Мадьярская молодежъ, братающаяся съ турецкими софтами, и та не рѣшалась стать подъ мусульманское знамя, не смотря на кровное родство, соединяющее мадъяръ съ турками;— но поляки находили это возможнымъ и вполнѣ для себя пристойнымъ, послѣ тѣхъ милостей, которыя имъ не разъ оказывались Русскимъ Царемъ, а въ особенности въ 1873 году. Что же имъ сдѣлали: болгары, сербы Босніи или Герцеговины, за сохраненіе ярма подъ которыми они пошли драться, перенося на нихъ ненависть, питаемую къ Россіи? Неужели сердца этихъ отщепенцевъ славянской семьи до такой степени очерствѣли, что даже кровь, тысячами умерщвленныхъ, болгаръ, ихъ не только не трогала, но они хотѣли еще новыхъ жертвъ? Должно быть такъ, если намѣревались идти сражаться за продленіе турецкаго рабства надъ балканскими славянами.

Но это столь противуестественно, что не рѣшались допустить мысли, чтобъ предполагавшіе витязи-легіонеры, шедшіе на бой за мусульманское ярмо надъ христіанами, могли возбудить къ себѣ сочувствіе въ большинствѣ ихъ соотечественниковъ, конечно, далекихъ отъ такого нравственнаго падевія. Имъ только, этимъ паденіемъ, да развѣ еще доходившимъ до помраченія разсудкомъ, переставшимъ различать свойства

совершавшихъ дѣяній, и можно было объяснить себѣ готовившееся вступленіе въ турецкій лагерь польскихъ союзниковъ. Фактъ этотъ, тѣмъ не менѣе осуществился! Онъ имѣлъ въ себѣ такое поруганіе надъ святыней общеславянскаго дѣла, такое кощунство надъ нимъ, что было-бы слабостью оставить его безъ вниманія на всегдашнее поруганіе и возмездіе. Никто не могъ помѣшать польскимъ легіонерамъ сражаться за одно съ турками дѣло; но русскія военныя власти имѣли-бы полное нравственное право объявить ихъ состоящими внѣ закона военно-плѣнныхъ, благо они являлись еще и съ своимъ, польскимъ, знаменемъ.

Одинъ изъ польскихъ легіоновъ въ числѣ 300 человѣкъ изъ коихъ 100 чел. офицеровъ подъ командою венгерскаго гусарскаго маіора Горватъ, —отправился въ Шумлу, какъ сборное мѣсто всякихъ авантюристовъ. Въ составъ этого легіона входили: поляки, венгерцы, англичане, прусаки и пять или шесть французовъ. Французскій повѣренный въ дѣлахъ предупредилъ своихъ соотечественниковъ, что, по вступленіи ихъ подъ турецкія знамена, они перестаютъ быть французскими гражданами и потому посольство за нихъ болѣе не отвѣчаетъ. Мундиръ у легіонеровъ темносиній съ воротникомъ багроваго цвѣта. Константинопольское правительство по богатству своему не могло снабдить ихъ лошадьми, а потому каждый долженъ былъ запастись лошадью въ Шумлѣ. —Послѣдствія этого легіона весьма плачевны, какъ отозвалась „*Кельнская газета*“, „что „въ сущности онъ долженъ былъ образовать кавалерій„скій полкъ, нѣчто въ родѣ улановъ; но по недостатку

„лошадей, да и людей,—лишь на половину поляковъ,— „устроили пѣшую кавалерію и отправили ее въ Раз- „градъ. Такимъ образомъ, у турокъ была кавалерія;— „единственная въ мірѣ: *кавалерія безъ лошадей*".

Другой отрядъ польскаго легіона какъ видно было изъ Краковской газеты *Часъ*, что свое пресловутое назначеніе окончилъ горько-слезнымъ существованіемъ. Такъ какъ Аргуръ-бей, иначе сказать Циммерманъ, бѣжавшій въ Турцію изъ опасенія суда надъ собой за не совсѣмъ честное барышничество съ лошадьми, и г. Лисецкій, и Клапка, удовольствовавшіяся скромнымъ чиномъ подполковника, а послѣдній генерала, набрали всего на всего 23 офицера и солдатъ въ *польскій легіонъ на турецкой службѣ*, то сераскиръ порѣшилъ отдѣлаться отъ непріятныхъ гостей, и, дѣйствительно, самымъ не церемоннымъ способомъ выгналъ ихъ изъ казармы, гдѣ они помѣщались. Онъ просто на просто приказалъ одному турецкому офицеру, завѣдывающему казармой, увѣдомить ихъ, что раціоны имъ выдаваться больше не будутъ; когда же легіонеры начали протестовать, то офицеръ сказалъ имъ, чтобы они шли объясняться съ сераскиромъ. Такъ они и сдѣлали. Сераскиръ, заставилъ ихъ прождать нѣсколько часовъ у себя въ передней, наконецъ велѣлъ позвать ихъ и заявилъ имъ, что онъ ихъ не знаетъ и знать не хочетъ и что они могутъ убираться куда имъ вздумается. Далѣе посовѣтовалъ онъ легіонерамъ поскорѣе снять свои мундиры, иначе они будутъ стащены съ нихъ силою полиціи. Легіонеры бросились было искать защиты у Дамата-паши, но, получивъ и тамъ отказъ, по неволѣ

принуждены были очистить казарму и возвратить выданные имъ турецкимъ правительствомъ мундиры. Но куда они дѣвали свое знамя, съ бѣлымъ польскимъ орломъ, съ литовскимъ рыцаремъ и архангеломъ Михаиломъ,—не извѣстно, а такъ же неизвѣстно, куда скрылись вышеписанные вожди. Носились слухи, будто одинъ изъ нихъ вѣроятно Клапка, отправился къ Абдулъ-Керимy, заклиналъ его польской кровью, текущей въ его жилахъ, заступиться за легіонъ, съ которымъ такъ жестоко обошлись въ Константинополѣ.

Убѣдившись въ этихъ слезно-жестокихъ послѣдствіяхъ польскихъ витязей и легіоновъ, и вспомнивъ то, что турецкая армія, съ горяча, готова была обогатиться сонмомъ новыхъ витязей,—каждый здравомыслящій приходитъ къ тому убѣжденію, что турецкое правительство и турки, по сколько они не цивилизованы и аппатичны ко всему и самимъ себѣ,—а все-таки поняли, что значитъ такое полякъ и польскій легіонъ или мыльный пузырь, и, что національное свое званіе „полякъ“ въ средѣ прочихъ считаютъ въ родѣ ругательнаго слова, а потому существеннаго въ ихъ средѣ никогда и никто ничего не видалъ, да едва ли когда они могутъ осуществить свое желаніе.

Послѣ этихъ печальныхъ послѣдствій „польскаго легіона“ и упрочихъ друзей Порты притупились носы, что усматривалось изъ ноты, которою англійскій кабинетъ отвѣчалъ на депешу русскаго государственнаго канцлера, извѣщавшую его о переходѣ русскихъ войскъ за Турецкую границу а именно: „Съ глубокимъ сожалѣніемъ,— „писалъ гр. Дэрби,—правительство ея величества по-

„лучило это сообщеніе“. Нельзя не повѣрить искренности такихъ словъ. Англійская политика ошиблась въ разсчетѣ. Она вела себя слишкомъ самоувѣренно и, повидимому, до послѣдней минуты не допускала мысли, чтобъ русское правительство пошло дальше дорого стоющей Россіи и довольно безвредной для Турціи военной демонстраціи. Что она сохранила это убѣжденіе даже подписывая лондонскій протоколъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ ниже приводимая нота, въ которой заявлялось, что помянутый документъ далеко не преграждалъ возможности дальнѣйшихъ переговоровъ, даже въ томъ случаѣ, если-бы Порта отвергла самую мысль о реформахъ. Длить переговоры, конечно, было возможно,—возможно безъ конца, и на этой безконечной длительности построенъ былъ бы весь разсчетъ англійской политики. Министерство лорда Беконсфильда было убѣждено, что дальше словъ русское правительство не пойдетъ, что оно радо будетъ воспользоваться удобнымъ средствомъ къ отступленію, и на этой увѣренности основало всю свою игру. Откуда оно могло получить такое убѣжденіе? Говорили, что въ Лондонѣ очень не довольны были военнымъ агентомъ, находившимся въ Петербургѣ, донесенія котораго о военной приготовленности Россіи не вполнѣ, будто-бы, какъ оказалось, согласовалось съ дѣйствительностію. Не умышленно конечно, со словъ людей, въ кругу которыхъ ему приходилось вращаться, онъ представлялъ себѣ и изображалъ своему правительству, русскую военную организацію черезъ чуръ мрачными красками. Сообразовавшаяся съ такимъ донесеніемъ политика кабинета была вовлечена въ ошибку,

изъ которой выводили его, но къ сожалѣнію, уже поздны, были донесенія военнаго агента другой державы, сообщенны англійскому министру по его просьбѣ. Такова, увѣряли, была закулисная сторона той роли, въ которой видѣли англійскую политику на сценѣ. Если это такъ, то граафу Дэрби ничего не оставалось другаго, кромѣ „*глубокаго сожалѣнія*“ о своей ошибкѣ.

Англійская депеша не хотѣла признавать, что Порта своимъ отвѣтомъ на протоколъ устранила всякую надежду послѣдовать совѣтамъ Европы и отказывала въ гарантіяхъ. Въ чемъ видѣлъ гр. Дэрби эти гарантіи,—осталось темнымъ. Вскользь коснувшись этого предмета, онъ спѣшилъ перейти къ протесту противъ того мѣста въ депешѣ русскаго государственнаго канцлера, въ которомъ выражается увѣренность, что, прибѣгая къ принудительнымъ противъ Турціи средствамъ, Россія „дѣйствуетъ соотвѣтственно чувствамъ и интересамъ Европы“. Англійское правительство не желало такого общенія и говорило, „что рѣшеніе, принятое русскимъ правительствомъ, не изъ такихъ, которыя могли получать его содѣйствіе или его одобреніе“. Но достаточно прочесть даже бѣгло депешу кн. Горчакова, что бы видѣть, что въ ней вовсе не подразумѣваетъ чего-либо, похожаго на полномочіе, присвоиваемое себѣ Россіей. Въ ней лишь подтверждается, что тѣ цѣли, которыя Россія преслѣдовала путемъ дипломатическихъ переговоровъ, въ согласіи съ прочими европейскими державами, не исключая и Англію, и для достиженія которыхъ она нынѣ обнажила свой мечъ,что — эти цѣли признаны согласными съ интересами и чувствами Европы и не

могутъ, слѣдовательно, имъ противорѣчить, будучи достигнуты путемъ оружія.

На ноту гр. Дэрби можно бы, конечно, было построить цѣлую дипломатическую переписку; но время дипломатическихъ пререкеній, къ счастію, миновало и предсказывавшее со стороны Петербургскаго кабинета молчаніе было лучшимъ на нее отвѣтомъ.

Дотѣхъ поръ, пока все дѣло ограничивалось безвредными для Турціи и въ одинаковой степени безполезными для христіанскихъ подданныхъ турецкаго султана дипломатическими пререканіями, англійская оппозиція дѣйствовала согласно и послѣдовательно. Въ ея рядахъ не замѣчалось никакого разлада; газеты служившія ей органами, выражались опредѣленно, требуя отъ министерства болѣе прямой и настоятельной политики въ пользу балканскихъ христіанъ. Но пора словъ миновала; наступила пора дѣйствія, и англійская оппозиція заколебалась, какъ въ печати такъ и въ парламентѣ. Она заговорила инымъ языкомъ, уже менѣе твердымъ; понадобились оговорки тамъ, гдѣ еще недавно все представлялось до очевидности яснымъ и безповоротно установленнымъ. Оппозиціонная англійская печать, правда, еще не примирялась съ министерствомъ Лорда Биконсфельда и не становилась открыто на сторону Турціи, но замѣтно начинала пятиться и отъ турецкихъ христіанъ по направленію къ Портѣ. Брюзжа на политику торійскаго кабинета, она сводила съ нимъ все еще старые счеты за время, предшествовавшее войнѣ, уже запоздалые и продолжавшіеся для того только, чтобы замаскировать переходъ къ совершенному одобренію министерской политики.

Первый теноръ оппозиціоннаго хора, органъ либеральной англійской партіи газета *Daily News*, еще недавно не находившая словъ для достаточно сильныхъ порицаній министерства за его политику противудѣйствія въ вопросѣ объ улучшеніи участи балканскихъ славянъ, за его явное предпочтеніе, оказывавшее интересамъ мусульманства, считала возможнымъ союзъ Англіи съ той же Турціей.—Если наши интересы говорила газета, окажутся тождественными, то мы несомнѣнно будемъ ея союзниками. Но въ чемъ же эта тождественность могла сказаться? Пунктъ соприкосновенія былъ; на немъ сходилась либеральная оппозиція съ консервативнымъ министерствомъ и оба вмѣстѣ протягивали руку Портѣ; это—противодѣйствіе русскому вліянію. „Въ интересахъ Англіи—говорила памянутая газета,—чтобы христіанскія провинціи Турціи достигли самостоятельности и достаточно окрѣпли для этого противодѣйствія".

Такая падкладка симпатій въ либеральной части англійскаго общества къ балканскимъ словянамъ не должна была изумлять насъ. Англійскіе либералы готовы симпотизировать имъ, но только въ разсчетѣ заслонить Россію и стать на ея мѣстѣ. Эту мысль гораздо опредѣленнѣе нежели помянутая газета, высказалъ корифей англійскихъ либераловъ, самъ м-ръ Гладстонъ, ровно за мѣсяцъ до войны, въ засѣданіи палаты 11-го марта. Безъ всякихъ обиняковъ, онъ заявлялъ, что „смотрѣлъ бы съ величайшей подозрительностію и не доброжелательствомъ на распространеніе вліянія Россіи среди христіанскихъ племенъ Балканскаго полуострова". Его симпатіи къ балканскимъ славянамъ есть только сред-

ство противодѣйствовать Россіи; онѣ существовали, вѣрнѣе говоря онѣ заявлялись лишь потому, что была цѣль, которой онѣ служили и служатъ, и которой слѣдовательно должны подчиняться, будучи при этомъ дѣйствительны и живучи въ той только степени въ какой самая цѣль ими достигалась. Докажетъ опытъ ихъ непригодность,— и онѣ будутъ отброшены, какъ ошибка, долженствующая служитъ предупрежденіемъ на будущее время, предостерегать отъ возвращенія къ ней. Таковъ истинный смыслъ сочувствія, проявлявшаго извѣстной частью англійскаго общества къ славянамъ Турціи, истолкованный устами вліятельнѣйшаго представителя этой части. Но даже и въ томъ, узко-эгоистическомъ видѣ, въ какомъ понималъ г. Гладстонъ свои симпатіи къ христіанскимъ подданнымъ турецкаго султана, оппозиція не рѣшалась ихъ поддерживать, какъ это сказалось на судьбѣ, постигшей его резолюцію въ парламентѣ. Приговоръ надъ нею, какъ увѣрялъ лондонскій корреспондентъ. *le Temps*, былъ произнесенъ заранѣе, на предварительномъ совѣщаніи, происходившемъ у оффиціальнаго вождя оппозиціи, Марк. Гартингтона. Большинство старыхъ товарищей покинуло г. Гладстона, отказавшись слѣдовать за нимъ въ существеннѣйшей части его резолюціи, выражавшей порицаніе правительству султана за его дурное управленіе и гнетъ надъ христіанскими подданными. Относящіеся сюда параграфы были взяты назадъ. Покуда, русская политика не переходила отъ слова къ дѣлу, оппозиція толкала министерство идти съ ней за одно; но лишь только наступила пора дѣйствовать, — тактика измѣнилась и даже

союзъ съ Турціей для англійскихъ либераловъ не представлялся невозможнымъ.

Параллельно тому, какъ оппозиція стушевывалась, дерзость англійскихъ туркофиловъ росла неимовѣрно. Въ засѣданіи палаты общинъ 21-го апрѣля, нѣкто г. О'Клери заявилъ, что если резолюція Гладстона будетъ принята, то онъ О'Клери, предложитъ распространить заключающееся въ ней порицаніе султана и на русское правительство „за муки, угнетенія и преслѣдованія чинимыя имъ въ Польшѣ и въ другихъ провинціяхъ". Вотъ какъ! Россія передъ судомъ англійскаго парламента! Разсказывали, что на одномъ дипломатическомъ обѣдѣ, происходившемъ въ Петербургѣ, въ полномъ потокѣ своей рѣчи, резонировавшій англійскій дипломатъ обратился къ своему сосѣду съ такими словами: вы нападаете на турокъ, защищаете славянъ, но чтобы вы заговорили, еслибы мы указали вамъ на Польшу? — Мы заставили бы замолчать,—отвѣтили ему;—и разговоръ перешелъ на другой предметъ, къ той печальной участи, которая постигла „*польскій легіонъ*" въ Турціи и что самостоятельность дѣйствій Русскаго Царя начала выказываться на его обнаженномъ мечѣ въ защиту балканскихъ славянъ.

Въ промежутокъ этого времени 16-го, 17-го и 18-го апрѣля въ Малой Азіи, кавалерія наша, подъ начальствомъ Чавчавадзе, производила дальный обыскъ къ югу отъ Карса; отдѣльные отряды доходили до Личагирита, гдѣ имъ удалось уничтожить телеграфъ на протяженіи 10-ти верстъ. Выступившіе 16-го апрѣля изъ Карса на Эрзерумъ восемь турецкихъ баталіоновъ съ баттареею были

преслѣдуемы нашею конницею; при этомъ движеніе турокъ подъ командою Мухтаръ-паши, походило на бѣгство; турки потеряли отсталыхъ, вьюки и патронные ящики, а 18-го апрѣля кавалерія наша имѣла двухъ-часовую артиллерійскую перестрѣлку съ вышедшимъ изъ крѣпости непріятельскимъ отрядомъ, состоявшимъ изъ восьми баталіоновъ и полевой артиллеріи; у непріятеля было подбито одно орудіе. Вся наша потеря: нижнихъ чиновъ убитъ одинъ и ранено пять, плѣнныхъ взято болѣе ста человѣкъ. Генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ, кавалерію оставилъ у Визинъ-Кева, а остальными силами занялъ лагерь у Займа. Жители относились къ нашимъ войскамъ дружелюбно, получались безчисленныя просьбы о принятіи ихъ въ нашу службу и приступлено было къ формированію изъ нихъ коннаго полка.

По свѣденіямъ изъ „*Русскаго Инвалида*“, на азіятскомъ театрѣ войны, въ первой половинѣ апрѣля у Турціи находились слѣдующія войска, которыя, до открытія военныхъ дѣйствій были размѣщены: батумскій корпусъ, въ самомъ Батумѣ — 6 баталіоновъ; къ сѣверу отъ него, въ батумскомъ санджакѣ, на пространствѣ между Батумомъ и Гурійскою границею, въ сторонѣ Изургентъ, до 20-ти баталіоновъ, изъ которыхъ большая часть находилась у Цихедзири (на половинѣ прибрежнаго пути между Батумомъ и постомъ св. Николая); кромѣ того 8 баталіоновъ въ Александровскомъ санджакѣ, по долинѣ р. Аджаръ. Всего 34 баталіона, съ нѣсколькими полевыми баттареями, 3 роты саперовъ и крѣпостная артиллерія въ Батумѣ. Ардаганъ: 11 баталіоновъ пѣхоты (2 стрѣлковыхъ); 2 эскадрона кава-

леріи, 5 баттарей, рота саперовъ и крѣпостная артиллерія. *Карскій* отрядъ: 21 баталіонъ пѣхоты, 9 эскадроновъ регулярной кавалеріи, 8 баттарей, рота саперовъ и 4 роты крѣпостной артиллеріи. *Когызманъ:* 1 баталіонъ пѣхоты и 1 эскадронъ. *Баязетъ:* 8 баталіоновъ пѣхоты, 4 эскадрона кавалеріи и 4 баттареи. *Эрзерумъ:* 13 баталіоновъ пѣхоты (въ томъ числѣ 2 стрѣлковыхъ), 2 эскадрона регулярной кавалеріи, 10 полевыхъ и 3 горныхъ баттареи, 4 роты саперовъ, 2 баталіона волонтеровъ и до 2,000 крѣпостной артиллеріи. Всего, по приблизительному разсчету, вдоль русской границы отъ Батума до Баязета, т. е. отъ Чернаго моря до Персидской границы, и затѣмъ въ Эрзерумѣ, Ванѣ и другихъ пунктахъ азіатскаго театра войны собрано до 116 баталіоновъ пѣхоты (въ томъ числѣ 6 стрѣлковыхъ) 29-ть эскадроновъ кавалеріи, 23 полевыхъ и 8 горныхъ баттарей, 17 ротъ крѣпостной артиллеріи и 10 ротъ саперовъ. Да сверхъ того сынъ Шамиля, Мехмедъ-бей, отдалъ распоряженіе принимать соотечественниковъ Шамиля, въ корпуса волонтеровъ.

Наше движеніе впередъ къ Дунаю продолжалось безпрепятственно. Жители Румыніи встрѣчали войска сочувственно. Турецкія войска на Дунаѣ пока ничего не предпринимали противъ нашихъ войскъ, занимавшихъ прибрежные пункты на Нижнемъ Дунаѣ и нигдѣ не имѣли попытокъ переправиться черезъ Дунай.

По даннымъ достовѣрнымъ свѣденіямъ къ 21-му апрѣля находилось въ Румыніи 150,000 русскихъ, двѣ трети которыхъ было уже на Дунаѣ, остальная треть на пути и вскорѣ присоединилась. Состоявшіе уже на

Дунаѣ имѣли слѣдующее расположеніе: *въ Барбошъ* и окрестностяхъ—30,000, *въ Рени* и окрестностяхъ—25,000, *въ Измаилъ* и окрѣстностяхъ до *Килліи*—10,000, на пути *въ Бузео*—15,000, въ окрестностяхъ *Браилова*—10,000, между *Рени и Измаиломъ*—10,000. Остальные затѣмъ 60,000, вскорѣ присоединились и другіе корпуса, переходившіе границу. Сосредоточенные корпуса имѣли при себѣ всю артиллерію, весь военный матеріалъ, громадные запасы провіанта и пр. При Борбошскомъ корпусѣ уже имѣлось сверхъ того два парка осадной артилллеріи, значительное количество повозокъ для раненыхъ, два полевые лазарета, два понтонныхъ экипажа и 15 разработанныхъ конанирскихъ лодокъ. Предполагалось, лодки эти спустить на рѣку Серетъ.

По занятіи мѣстъ стоянокъ нашими войсками, корреспондентъ изъ Браилова сообщилъ, что самый городъ Браиловъ находится на высокомъ и крутомъ берегу Дуная и замаскированъ гребнемъ обрыва. Турецкій берегъ противъ Браилова—низменный; здѣсь отъ главнаго русла отдѣляется широкій, судоходный рукавъ, такъ называемый—Мачинскій; у раздѣла на самомъ берегу расположено небольшое турецкое село Гечети. 18-го апрѣля два турецкихъ военныхъ парохода пришли сверху и стали на якорь у Гечети. Наши артиллеристы попытались прогнать эти пароходы, что имъ и удалось какъ нельзя лучше. Дѣло происходило такъ: часовъ въ 12 дня два четырехъ-фунтовыхъ орудія выкачены были на самый гребень обрыва и ровно къ половинѣ перваго открыли огонь,—первый нашъ снарядъ перелетѣлъ надъ пароходами и ударился въ берегъ;

второй сдѣлалъ рикошетъ по водѣ,—не долетѣвъ до цѣли? третій снарядъ разорвался, какъ разъ надъ носомъ турецкаго парохода и снесъ ему бугъ-ипритъ;—пристрѣлка сдѣлана и всѣ остальные выстрѣлы падали аккуратно. Послѣ перваго выстрѣла на противуположенномъ берегу замѣтно было, даже невооруженнымъ глазомъ, сильное движеніе. Батальонъ турецкой пѣхоты разсыпался вдоль берега, нѣсколько конныхъ черкесовъ понеслись по песчаной береговой косѣ въ Мачинъ и изъ Гочетской кофаны выбѣжали моряки, спѣша на свои суда. Турецкіе пароходы стали отвѣчать послѣ шестаго нашего выстрѣла; первый ихъ снарядъ пролетѣлъ высоко надъ головами; второй далеко влѣво; ждали третьяго удачнаго, но этотъ третій оказался картечью, брызнувшей безполезно по водѣ, что вызвало громкій смѣхъ, какъ артеллеристовъ, такъ и всѣхъ присутвовавшихъ на берегу. Съ нашей стороны было сдѣлано всего 20 выстрѣловъ изъ четырехъ полевыхъ четырехъ-фунтовыхъ орудій; менѣе чѣмъ въ полчаса и оба парохода должны были отступить за островъ и скрылись въ Мачинскомъ рукавѣ; у нихъ снесены были борты,—значитъ была потеря и въ людяхъ,—и повреждено колесо. Турки еще разъ пытались выдвинуться изъ-за острова, но нѣсколько не менѣе удачно пущенныхъ снарядовъ заставили ихъ снова скрыться и на этотъ разъ уйти совсѣмъ. Судя по тяжелому и не ловкому ходу этихъ судовъ, поврежденія должны быть весьма серьезны.

Съ нашей стороны ни одного раненаго, ни убитаго. Жители Браилова, и въ томъ числѣ даже дамы наблюдали съ береговаго гребня за ходомъ перестрѣлки и ап-

плодировали нашимъ артиллеристамъ. На другой день ожидали еще сверху турецкихъ пароходовъ, и притомъ и мониторовъ: предполагали, что турки захотятъ мстить. Наши по этой причинѣ сильно заторопились окончаніемъ постройки береговыхъ баттарей. Кампанія на Дунаѣ значить начата. Въ Рени, какъ выше описано, турецкія суда пытались пройти съ низу, но были остановлены выстрѣлами съ нашихъ баттарей и повернули обратно къ устьямъ.

21-го апрѣля въ половинѣ двѣнадцатаго на Дунаѣ, нѣсколько ниже Рени, показался пароходный дымокъ, и наши баттареи приготовились къ встрѣчѣ; ровно въ полдень появился большой турецкій мониторъ и первый открылъ огонь по баттареямъ, выстроеннымъ на возвышенномъ берегу между Рени и устьемъ Прута; наши пушки тотчасъ же отвѣчали. Получивъ нѣсколько удачныхъ ударовъ, пароходъ отступилъ, но чрезъ четверть часа снова подошелъ на выстрѣлъ. Турецкое судно держало себя очень осторожно, боясь подводныхъ заграждeній, протянутыхъ черезъ рѣку, на высотѣ нашей позиціи; до четверти третьяго продолжалась перестрѣлка, послѣ которой мониторъ отступилъ совсѣмъ, съ сильными поврежденіями. Одновременно съ этимъ и противъ Браилова изъ Мачинскаго рукава показались пароходы и въ числѣ ихъ одинъ вчерашній, пострадавшій, какъ описано, не меньше своего товарища; туркамъ и здѣсь не удалось прорваться къ Галацу.

Корреспондентъ писалъ, что изъ оконъ гостинницы, въ которой онъ останавливался, видѣнъ весь заворотъ Дуная и мѣстечко Рени, можно было очень удобно

наблюдать за ходомъ боя; клубы пароховаго дыма видны были отчетливо, звукъ выстрѣловъ доносился, впрочемъ, довольно слабо. Въ Галацѣ вся и все переполошилось страшно, на крышахъ, на балконахъ, на всѣхъ возвышенныхъ пунктахъ видны были толпы любопытныхъ, наблюдавшихъ за перестрѣлкою; къ тремъ часамъ дня на томъ берегу, полузатопленномъ еще водою, показались группы болгарскихъ бѣглецовъ и нѣсколько повозокъ, запряженныхъ волами. Несчастные, бредя по поясъ въ водѣ, пробирались къ берегу Дуная; съ ними были и женщины. Отсюда послали лодки, чтобы ихъ принять; оно и кстати, потому что вдали, верстахъ въ десяти, уже было видно нѣсколько полковъ, — въ бинокль, даже очень ясно.

Самъ Галацъ собственно беззащитенъ — здѣсь не было береговыхъ баттарей, и турки, если-бы только могли прорваться у Браилова и у Рени, — могли бы почти безнаказанно бомбардировать городъ; но у Рени прорваться невозможно; тамъ сильная баттарея и, какъ уже сказано подводныя загражденія и линіи; у Браилова же работы предполагалось окончить дня черезъ два и съ мониторами, пока тягались наши полевыя орудія, какъ описано довольно успѣшно.

Жертвою этой перестрѣлки былъ на нашей сторонѣ только одинъ ребенокъ, — непріятельскій снарядъ случайно залетѣлъ въ городъ и, не разорвавшись, пробилъ стѣну одного дома, въ прибрежномъ кварталѣ.

У Рущука всѣ военныя приготовленія были окончены, войска уже расположены на земляныхъ укрѣпленіяхъ по

берегу Дуная въ различныхъ пунктахъ соединенныхъ между собою телеграфною проволокой. Вся турецкая боевая сила въ Рущукѣ и его окрестностяхъ достигала не болѣе 20,000, но на дняхъ, по полученію телеграммы изъ Стамбула, контингентъ этотъ увеличился прибытіемъ нѣсколькихъ батальоновъ изъ Виддина. Турки намѣрены были сосредоточить большую часть своей арміи въ Рущукѣ; по тѣмъ слухамъ, что изъ Виддина въ скоромъ времени должны прибыть сюда еще 30 батальоновъ. Турки, какъ видно, Рущукъ считали однимъ изъ важнѣйшихъ стратегическихъ пунктовъ на Дунаѣ. Дѣйствительно, Рущукъ, какъ центръ дунайскаго вилайета, имѣетъ большое значеніе въ стратегическомъ отношеніи; по взятіи Рущука, можно считать всю Болгарію уже въ рукахъ русскихъ; отсюда прямая дорога въ Варну, Софію, Адріонополь и Филипополь; такимъ образомъ, Рущукъ есть ключъ не только придунайской, но и забалканской Болгаріи. Ходили слухи, что султанъ въ скоромъ времени пріѣдетъ сюда, но этому вѣры недавали, такъ какъ объ его пріѣздѣ говорилось уже давно, а султана все нѣтъ и нѣтъ.... Хотя туркофильскія газеты возлагали всю надежду на воинственное настроеніе турокъ, но этому настроенію не придавали большаго значенія. Турки боятся русскихъ какъ огня и проклинаютъ людей, вызвавшихъ эту войну; какъ на главныхъ виновниковъ войны они указывали на болгаръ и ихъ революціонные комитеты, забывая при этомъ, что вовсе не болгары вызвали войну, а сами турки своими звѣрствами, постоянными разбоями и гибельнымъ управленіемъ страной... Турки,

нисколько не стѣсняясь, разсказывали въ кофейняхъ, что по переходѣ русской арміи въ Добруджу, они не замедлятъ увести съ собою всѣхъ болгаръ и ихъ скотъ въ плѣнъ въ Азію, а ихъ жилища предать огню, такъ что русскимъ — говорили они — Болгарія достанется въ видѣ пустыни; но этой болтавнѣ не придавали здѣсь никакого значенія. Нѣкоторые старожилы изъ болгаръ разсказывали про 29-й годъ, когда русскіе дошли до Адріонополя, что турки были въ такомъ ужасномъ страхѣ, что, растерявшись, бросали свои дома, имущество и скотъ и, взявъ съ собою лишь свои семьи, спѣшили добраться до морскаго берега и оттуда переселиться въ Азію. Многіе изъ нихъ въ торопяхъ забывали даже своихъ женъ и дѣтей, а о болгарахъ въ то время имъ и думать было нѣкогда. Теперь при одномъ имени „московъ-казакъ“ — не смотря на то, что русскія войска еще въ Румыніи — не одинъ турокъ блѣднѣетъ и принимаетъ самый жалкій и комическій видъ, схватываясь за бороду и раскачивая головой, — обычный у турокъ способъ выражать страхъ, когда разсказываютъ что-нибудь ужасное и сверхъ-естественное.

Что касается до укрѣпленія другихъ придунайскихъ городовъ Турціи, то преимущественно обращено вниманіе на городъ Туртукай, лежащій на правомъ берегу Дуная, противъ устья рѣки Ардыжъ. Въ этомъ городѣ находилось до 2,500 низамовъ, воздвигавшихъ земляныя укрѣпленія въ двухъ пунктахъ. Здѣсь находился также извѣстный опустошитель Болгаріи — Дели-Неджибъ (т. е. сумасшедшій Неджибъ); онъ въ прошломъ

году въ маѣ мѣсяцѣ, сжегъ Ново-Село, Боташево, Крывяникъ, Нову-Махалу, а также и женскій Боташевскій монастырь. Этотъ разбойникъ, проливтій столько невинной крови, опять назначенъ начальникомъ надъ черкескими ордами и успѣлъ уже навербовать для своего отряда до 8,000 черкесовъ. Въ болгарскихъ селахъ и деревняхъ черкесы грабили и убивали безпощадно, такъ что цѣлыми толпами болгары бѣжали къ берегу Дуная, а оттуда переселялись въ Румынію. Жители Кады-Кіой, послѣ недавняго опустошенія ихъ села, были принуждены переселиться въ Туртукай и Попину, лежащія, какъ извѣстно, на берегу Дуная. Въ Систовѣ турецкаго регулярнаго войска не болѣе двухъ батальоновъ. Турки вообще съ небрежностью относились къ систовскимъ укрѣпленіямъ. Какъ видно, они не очень охотно защищали этотъ пунктъ, это являлось также изъ того, что они съ особеннымъ стараніемъ укрѣпляли города и мѣстности около Балкановъ. Такъ, напримѣръ, въ Тырновѣ, отстоящемъ на 50 верстъ отъ Дуная, турки оставили восемь батальоновъ регулярнаго войска и одну горную баттарею и укрѣпили этотъ пунктъ гораздо лучше, чѣмъ Систовъ. Впрочемъ, Тырново, древняя столица болгарскихъ царей, хорошо укрѣпленъ и самой природой, благодаря своему мѣстоположенію: онъ помѣщается на скалистой и высокой горѣ въ Балканахъ, куда весьма трудно подняться въ повозкѣ. Турки думали здѣсь защищаться отчаянно, а въ случаѣ взятія русскими Тырнова, они удалятся въ Балканы, укрѣпленные поспѣшно.

Въ Балканахъ для перехода войскъ есть два удоб-

ные прохода: Шибкинскій, лежащій между Габровымъ и Шибкою, и Ханкіойскій, проходящій между Еленою и Ханкіой и ведущій на Ини-Зарга, въ нѣсколькихъ верстахъ ходьбы отсюда проходитъ желѣзная дорога, соединенная съ Андріонопольско-Филипопольской. Эти два прохода, по своей ширинѣ, представляютъ большое удобство для перехода любой арміи черезъ Балканы. Турки, зная это, еще въ 29-мъ году позаботились воздвигнуть три земляныхъ укрѣпленія въ Шибкинскомъ проходѣ, къ исполненію которыхъ уже приступлено. Въ Шибкѣ расположено 1,500 солдатъ, отправлявшихся ежедневно работать на укрѣпленіяхъ; въ Габрово прибыло также 600 солдатъ, размѣстившихся по домамъ. Изъ Тырнова отправлено 600 солдатъ въ Ханкіой для укрѣпленія Ханкіойскаго прохода, оставшагося въ 29 году безъ защиты.

Въ несчастной Болгаріи, замкнутой совсѣхъ сторонъ турецкими войсками, откуда съ трудомъ достигались до насъ свѣденія, черкесы и баши-бузуки продолжали совершать неистовства. Одинъ болгаринъ, переплывшій Дунай, ночью изъ Рущука въ Журжево, сообщилъ слѣдующія свѣденія о звѣрствахъ турокъ въ Болгаріи. Баши-бузуки и черкесы, вмѣстѣ съ турками сосѣднихъ деревень, напавъ на церковь села Трестеники, во время богослуженія, совершили ужасныя звѣрства: связавъ сперва руки и ноги мужчинамъ и поваливъ несчастныхъ на-полъ, злодѣи передъ ихъ глазами совершали самыя возмутительныя неистовства надъ ихъ женами и дочерьми, причемъ самымъ звѣрскимъ образомъ убили многихъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, пы-

тавшихся оказать имъ нѣкоторое сопротивленіе. Затѣмъ, какъ бы въ насмѣшку надъ христіанской религіей, на лбу у мужчинъ и на груди у женщинъ, они дѣлали своими ятаганами нарѣзы въ видѣ креста. По удовлетвореніи своихъ звѣрскихъ страстей, эти изверги начали издѣваться надъ иконами и священными сосудами: у всѣхъ святыхъ на образахъ выковыряли глаза и осквернили церковные сосуды. Наругавшись надъ святыней, они обобрали все, что только было цѣннаго въ церкви: сняли ризы съ образовъ, взяли поникадилы и церковныя ризы. Не забыли также снять съ убитыхъ и живыхъ жертвъ, лежавшихъ на полу, со связанными руками и ногами, одежду и даже рубашки; уложивъ все это въ мѣшки и навьючивъ на лошадей, злодѣи преспокойно удалились изъ села.

Одному священнику только удалось избѣжать ожидавшей его мученической смерти, благодаря двери, выходившей изъ алтаря прямо на дворъ, въ которую онъ и бѣжалъ. При этомъ прибавилъ разсказчикъ,— отчаенные вопли и крики несчастныхъ жертвъ, раздиравшіе душу прохожаго, были слышны на далекомъ разстояніи.

Жители села Двѣ-могилы, лежащаго въ близи Трестеника, узнавъ о совершенныхъ башибу-зуками звѣрствахъ въ этомъ селѣ, вооружили троихъ болгаръ и поставили ихъ въ своей церкви, чтобы стеречь отъ нападенія черкесовъ. Но сосѣди турки, пришли ночью къ старшинѣ, говоря ему что имъ поручено правительствомъ немедленно схватить спрятавшихся въ ихъ церкви „кометовъ“ и наказать мятежниковъ, а по этому

онъ долженъ пойти съ ними въ церковь и отпереть ее. Несмотря на старанія старшины убѣдить турокъ что это не мятежники, простые вооруженные сторожа, поставленные имъ въ церкви для защиты ея отъ нападенія разбойниковъ, они его потащили съ собой. Когда вооруженная толпа турокъ, сопровождаемая старшиною, появилась на церковномъ дворѣ, то изъ церкви раздался выстрѣлъ это былъ условленный между сторожами и селянами сигналъ, дававшій послѣднимъ знать, что они должны спѣшить къ первымъ на помощь. Этотъ выстрѣлъ еще больше раздражилъ турокъ они бросились, какъ хищные звѣри, въ дверь съ обнаженными ятаганами и стали ее ломать, но толстая дубовая дверь не легко подавалась; тогда разбойники схвативъ за шиворотъ старшину заставили его уговорить кометовъ отпереть имъ дверь. Старшина, послѣ долгаго убѣжденія сторожей, что турки имъ не сдѣлаютъ никакого вреда, наконецъ уговорилъ ихъ отпереть церковь; но лишь только дверь отворилась, раздалось залпомъ нѣсколько выстрѣловъ и трое несчастныхъ сторожей—пали мертвыми. Наконецъ прибѣжали и поселяне въ церковь на помощь, но, имѣя только однѣ дубины въ рукахъ, должны были удалиться. Хотя нѣкоторые изъ нихъ и ринулись въ церковь на помощь, но тутъ же были убиты турками на-повалъ. Церковь была усыпана трупами. Обобравъ церковь, злодѣи убили наконецъ старшину и удалились.

Еще фактъ. Въ городѣ Раховицѣ турки, напавъ на болгарскаго торговца Панайора, обобрали его отрѣзавъ при этомъ у него правое ухо. Разсказывали, что онъ положилъ свое ухо въ спиртъ, вмѣстѣ съ письмомъ

отправилъ его въ Рущукъ въ подарокъ англійскому консулу—Риду, чтобы тотъ видѣлъ, какъ поступаютъ съ болгарами его любимцы-турки, которыхъ консулъ считалъ невинными жертвами мнимой русской интриги.

Взрывъ турецкаго монитора „Литфи-Джелиль“ подъ Браиловымъ.

10-го апрѣля въ гавань крѣпости Сулины прибыли два большихъ турецкихъ монитора—„Летфи-Джелиль“ т. е. милость всевышняго и „Хывзи—Рахманъ“ т. е. заступникъ милосердый. Оба судна построены по одному типу и съ совершенно одинаковымъ вооруженіемъ „Хывзи—Рахманъ“ остался на низовьяхъ Дуная, а „Литфи“ направился вверхъ и дошелъ до Мачина—это тотъ самый мониторъ, что какъ описано выше проходилъ 12-го апрѣля мимо Галаца въ виду нашихъ войскъ, двигавшихся въ походномъ порядкѣ. Удобный моментъ нанести намъ ощутительный вредъ во время нашихъ первоначальныхъ передвиженій, когда лѣвый берегъ Дуная былъ совершенно безоруженъ, былъ турками упущенъ, вода рѣки начала уже спадать и большому судну, какъ покойный „Литфи-Джелиль“, не оставалось больше ничего, какъ попытаться прорваться снова къ морю. Попытки эти онъ уже дѣлалъ нѣсколько разъ, но все неудачно. Дѣло ограничивалось всегда легкими перепалками съ нашими береговыми баттареями.

29-го апрѣля, въ два часа пополудни, дали знать съ баттарей, что за островомъ Мачиномъ видны труба и дымъ приближающихся турецкихъ мониторовъ. Артил-

лериcты приготовились. Множество офицеровъ всѣхъ частей войскъ и даже посторонних зрителей собралось по близости баттарей. Въ три часа передній мониторъ показался изъ-за острова, прошелъ нѣсколько десятковъ сажепей по дунайскому форватеру и раскрылъ бортъ—это былъ „Литфи“—красивое трехъ-мачтовое судно, грозно выпускавшее изъ своей широкой приземистой трубы густые клубы чернаго дыма. За нимъ, не выдвигаясь изъ-за острова, виднѣлись еще два судна подъ парами, задержавшія ходъ. На первый выстрѣлъ съ борта „Литфи“ отвѣчала наша 24-хъ-фунтовая баттарея. Нѣсколько нашихъ бомбъ легли очень близко отъ монитора, всплески воды взлетали почти у самаго борта, артиллеристы сердились не на шутку, совершенно забывая о томъ, что они и сами служили мишенью для турецкихъ снарядовъ. „Литфи“ снова тронулся впередъ, — пожалуй, на этотъ разъ ему и посчастливилось бы прорваться. Тогда съ нашей второй мортирной баттареи тоже открыли огонь по непріятелю. Первые два выстрѣла не долетѣли и легли много ближе цѣли; было уже отдано приказаніе остановить безполезную трату снарядовъ, когда третій выстрѣлъ легъ даже дальше цѣли, взбороздивъ воду у самаго противуположнаго берега, эти три пробные выстрѣла дали возможность провѣрить дистанцію и бить на вѣрняка. Совершенно одновременно раздалось два выстрѣла — одинъ изъ 24-хъ фунтовой пушки и другой изъ мортирной, оба снаряда ударились въ „Литфи“ и черезъ мгновеніе надъ водою поднялся громадный столбъ пламени, сверкнувшій даже не смотря на то, что день былъ ясный и солнечный. Черные клубы

дыма сплошнымъ облакомъ совершенно окутали „Литфи“; ударъ былъ глухой и короткій: длинныя волны, образовавшіяся отъ этого чудовищнаго всплеска, докатились даже до нашего берега, всколыхнувъ вереницу мирныхъ судовъ и рабочихъ лодокъ. У насъ на баттареяхъ и въ толпѣ зрителей царствовало въ это мгновеніе глубокое молчаніе. Но когда черезъ нѣсколько секундъ, эту дымовую тучу отнесло вѣтромъ и на поверхности воды, на томъ мѣстѣ, гдѣ только что стоялъ грозный броненосецъ, не осталось ничего кромѣ торчащей верхушки мачты съ краснымъ флагомъ—на баттареяхъ грянуло громкое „ура“, подхваченное всѣми, даже посторонними присутствовавшими. Это была страшная мгновенная катастрофа. Могучее трехмачтовое судно съ пятью колосальными орудіями, съ 219-ю человѣкъ экипажа—все это разомъ погибло отъ удачно попавшей бомбы, пробившей палубу и разорвавшейся, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ бомбовой камерѣ.

Со всѣхъ русскихъ баттарей было замѣчено, что въ турецкій броненосецъ попало разомъ и почти въ одну точку два русскихъ снаряда. Одинъ изъ этихъ снарядовъ выпущенъ былъ изъ мѣдно-заряжающаго съ казенной части орудія, прицѣливаніе котораго непосредственно передъ взрывомъ было особенно тщательно вывѣрено, поручикомъ Самойло. Второй попавшій снарядъ выпущенный изъ единорога, былъ наведенъ завѣдывавшимъ работами на 1-й баттареи саперным поручикомъ Романовымъ, который между прочимъ интересовался также стрѣльбой. Поручикъ Самойло, дворянинъ Смоленской губерніи, имѣетъ всего 23 года отъ роду и всего

годъ и девять мѣсяцевъ, какъ состоитъ на дѣйствительной службѣ. Поручикъ 7-го сапернаго батальона Романовъ—21 года родомъ Подольской губерніи и состоитъ всего восемь мѣсяцевъ на дѣйствительной службѣ. Ему поручена была постройка баттареи № 1-й, и онъ продолжалъ производить работу и во время самой стрѣльбы, помогая при этомъ „изъ любви къ искусству“ и въ прицѣливаніи орудій. Честь уничтоженія турецкаго монитора „Литфи“ принадлежитъ по праву обоимъ офицерамъ.

„Литфи-Джелиль“, по разсказамъ единственнаго человѣка, котораго удалось спасти изо всего экипажа, имѣлъ задачею вмѣстѣ съ другими турецкими мониторами очистить отъ русскихъ баттарей и загражденій теченіе Дуная между Браиловымъ и Рени. За тѣмъ предполагалось бомбардировать: Браиловъ, Галацъ и Рени и превратить ихъ въ груду развалинъ. Тотчасъ послѣ катастрофы, два другихъ турецкихъ судна поспѣшно обратились въ бѣгство, не заботясь не мало о спасеніи тѣхъ, которыхъ еще можно было спасти; а потому первая мысль, первое движеніе чувства послѣ минутъ, невольно отданныхъ торжеству побѣды, у русскихъ была забота объ участи погибавшихъ матросовъ взорваннаго судна. Испросивъ разрѣшеніе генерала Салова, полковникъ Струковъ, капитанъ 1-го ранга Рогуля, лейтенантъ Дубасовъ, есаулъ Дукмасовъ и еще нѣсколько морскихъ офицеровъ бросились на три паровыя шлюпки и на всѣхъ парахъ пустились къ мѣсту катастрофы. Первою шла шлюпка „Олавъ“ съ лейтенантомъ Дубасовымъ и Дукмасовымъ; въ 150 саженяхъ отъ него шелъ лейтенантъ

черноморскаго флота Шестаковъ, а въ третьей шлюпкѣ, на такомъ же разстояніи плыли гг. Струковъ, Рогуля, Персонъ и др. Всѣ они держа направленіе къ Гечету, обогнули затопленный островъ и, войдя въ Мачинскій рукавъ, прослѣдовали мимо Гечетскихъ окоповъ, за которыми видна была турецкая пѣхота, не дававшая однако по шлюпкамъ ни одного выстрѣла; какъ видно, паника турокъ была слишкомъ велика и они не успѣли еще придти въ себя отъ сильнаго впечатлѣнія взрыва; пѣхотинцы эти, молча и не подвижно, смотрѣли на плывущія мимо ихъ лодки, на которыхъ не развѣвалось даже бѣлаго парламентерскаго флага, такъ какъ за спѣшностію отхода шлюпокъ его не успѣли захватить съ собою.

Наконецъ наши пришли на мѣсто гибели корвета. Но тамъ, за исключеніемъ мачты, торчавшей изъ воды, не было уже не малѣйшаго слѣда только что совершившихся ужасовъ. Ни гдѣ вокругъ — ни одного трупа, ни одного обломка, все изчезло безслѣдно на днѣ Дуная. Турецкіе мониторы были со всѣмъ на виду; отъ нашихъ шлюпокъ оставалось до нихъ не болѣе трехъ *кабельтовыхъ*, но мониторы, также точно какъ турецкая пѣхота, и не подумали дать по своимъ врагамъ ни одного выстрѣла, равно какъ раньше нашего прибытія не подумали и о томъ, чтобы спустить шлюпку на помощь утопавшимъ товарищамъ.

Лейтенантъ Дубасовъ подплылъ къ мачтѣ и снялъ съ нея флагъ, доставшійся намъ единственнымъ,—но достойнымъ трофеямъ этой побѣды. Всѣ поиски нашихъ шлюпокъ остались тщетными. Онѣ уже возвращались

назадъ, когда съ гечетскаго берега донесся слабый страдальческій стонъ. Тотчасъ же причалили къ берегу и высадились изъ одной шлюпки. Здѣсь на берегу нашли матеріалы для телеграфа, который турки намѣревались было проводить въ этомъ мѣстѣ; часть проволоки и фарфоровые болваки забрали съ собою, а часть потопили; за тѣмъ, продолжая поиски, услышали снова тотъ же стонъ и вскорѣ наткнулись въ невысокихъ камышахъ на лежавшаго турка. Руки и ноги его были страшно обожжены и опалено все платье. Его подняли и перенесли въ лодку. Сначала онъ былъ ужасно испуганъ, весь дрожалъ и онѣмѣлъ отъ страха, но его тотчасъ же постарались успокоить ласковымъ обращеніемъ, и несчастный мало по-малу пришелъ въ себя и пріободрился на столько, что по доставкѣ его въ браиловскій военно-временной госпиталь могъ уже отвѣчать на вопросы. Оказалось, что весь страхъ его происходилъ отъ того, что начальство турецкое распространило между матросами и солдатами убѣжденіе, будто русскіе всѣхъ своихъ плѣнныхъ тотчасъ же сажаютъ по-турецки на колъ, и онъ думалъ, что такая же участь неизбѣжно предстоитъ и ему; но когда увидѣлъ на дѣлѣ столь заботливый уходъ за собою и такое человѣческое обращеніе, то начиная уже поправляться, съ искреннымъ чувствомъ сознался, на сколько всѣ его собратья заблуждаются въ „Московѣ“ и говорилъ, что впередъ уже не только самъ не пойдетъ, но и дѣтямъ, и роднымъ, и всему дальнѣйшему своему будущему потомству закажетъ воевать противъ „Москова“. Отъ этого плѣннаго узнали, что взорванный корвертъ на-

зывался „Литфи-Джелиль“, и что за нѣсколько секундъ передъ послѣдними выстрѣлами съ русскихъ баттарей, отъ турецкаго корверта отчалила въ Мачинъ восьми-весельная шлюпка съ адмираломъ Буюкъ-паша.

Когда въ Кишиневѣ, часовъ около 7 1/2 вечера, получена была главнокомандующимъ первая вѣсть о взрывѣ броненосца, отправленная по телеграфу тотчасъ же послѣ произшествія, Его Высочество вышелъ изъ кабинета въ пріемную залу, гдѣ оставалось еще послѣ обѣда нѣсколько чиновъ главной квартиры и воскликнулъ: „Слушай, ребята!“ прочелъ эту телеграмму.

Громкое и единодушное „ура“ тотчасъ же огласило весь домъ Великаго Князя и чрезъ минуту было подхвачено на бульварѣ, гдѣ противъ квартиры Его Высочества всегда, бывало, стояла толпа народа.

Черезъ четверь часа уже весь городъ зналъ и радостно толковалъ объ этомъ счастливомъ для русскаго оружія началѣ.

Его Высочество тотчасъ же отправилъ къ командиру 11-го корпуса, князю Шаховскому, слѣдующую отвѣтную телеграмму.

„Отъ всей души поздравляю тебя и войско со слав-„нымъ результатомъ стрѣльбы нашей артиллеріи. При-„кажи объявить тому наводчику, который вѣрнымъ „выстрѣломъ взорвалъ броненосецъ, что Я его жалую „знакомъ военнаго ордена. Пришли Мнѣ его имя и фа-„милію, и фамилію офицера, который командовалъ ору-„діями. Объявить артиллеристамъ мое большое спасибо!“

Кромѣ вышеписанныхъ офицеровъ командовавшихъ орудіями, наводчиками были: строеваго отдѣла осадной

артиллеріи рядовые: Романъ Давыдюкъ и Иванъ Помпарю. Первый изъ нихъ былъ подъ наблюденіемъ поручика Самойло,—наводилъ 24-хъ фунтовое орудіе, а второй—мортиру, подъ руководствомъ поручика Романова.

Въ періодъ этого времени, въ Черномъ морѣ, турецкая эскадра въ числѣ 20 пароходовъ, хотя и крейсировала въ виду Ѳеодосіи, Ялты, Севастополя, Евпаторіи и другихъ прибрежныхъ пунктовъ, но не безпокоила нашихъ береговъ Крыма, а обратила непріятельское дѣйствіе на Сухумскій отдѣлъ, гдѣ 30-го апрѣля, турецкій флотъ, подъ защитою своихъ мониторовъ, высаживалъ въ различныхъ мѣстахъ отдѣла цѣлыя массы иррегулярныхъ войскъ, главнымъ же образомъ абхазцевъ, выселенныхъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ русскимъ правительствомъ въ Турцію; затѣмъ появлялась и турецкая пѣхота, даже артиллерія. Мѣстное абхазское почти сплошь магометанское населеніе,—половина его недавно выкрещена и держится христіанской вѣры лишь номинально—не оставалось равнодушнымъ къ призыву своихъ бывшихъ единовѣрныхъ соплеменниковъ и соединялась съ ними. Турецкіе броненосцы разрушали не только беззащитный Сухумъ, но и другія совершенно ничтожныя поселенія, при чемъ своихъ не различали отъ враговъ, какъ напримѣръ въ Гудаутахъ, гдѣ большая часть лавокъ принадлежала турецкимъ торговцамъ и стоимость всѣхъ построекъ наврядъ-ли даже окупали цѣну истраченныхъ на ихъ разрушеніи дорогихъ снарядовъ. Пылали мирныя деревни и дачи, опустошались сады и виноградники.

4-хъ тысячный отрядъ генералъ-маіора Кравченко, уничтоживши передовую партію десанта въ самомъ Сухумѣ, разбивши затѣмъ четыре раза абхазскія турецкія скопища, не считая мелкихъ схватокъ, совершилъ, наконецъ, отступленіе изъ возмутившейся страны, чтобы избѣжать безполезной траты людей въ борьбѣ съ чрезмѣрно превосходившимъ его силы непріятелемъ, а также не быть отрѣзаннымъ отъ всякой помощи и запертымъ въ бездорожной, гористой мѣстности. Отступленіе это онъ совершилъ благополучно, не смотря на то, что оно было почти невѣроятно по своей трудности: отряду, окруженному буквально со всѣхъ сторонъ, пришлось пройдти въ теченіи 4-хъ сутокъ болѣе 50-ти верстъ, въ дождливое время, по горамъ и лѣсамъ, черезъ разлившіяся рѣки, безъ всякихъ дорогъ, имѣя съ собою до 70 раненыхъ, 200 слишкомъ больныхъ и 150 семействъ болгаръ, грековъ и иныхъ поселенцевъ, всего 1200 человѣкъ, которымъ иначе угрожала бы неминуемая гибель, и, понесъ потерю за все это время лишь 110 человѣкъ убитыми и ранеными. Хотя приблизительное понятіе о характерѣ этого отступленія можетъ составить себѣ лишь тотъ, кто знакомъ лично съ этими дѣвственно-густыми южными лѣсами и картинными пропастями, роскошная природа которыхъ на каждомъ шагу представляетъ прикрытіе непріятелю, съ дѣтства пріученному пользоваться всѣми выгодами мѣстности. И черезъ такія мѣста, гдѣ нельзя иначе двигаться, какъ пѣшкомъ и которыя составляли половину всего пути, отряду приходилось буквально перетаскивать больныхъ и раненыхъ. Наконецъ 19-го

мая сухумскій отрядъ вступилъ въ предѣлы вѣрной намъ Самурзакани и вошелъ въ составъ кутайскаго отряда генералъ-маіора Алхазова.

Вотъ въ краткихъ чертахъ описаніе тѣхъ блестящихъ турецкихъ побѣдъ въ Сухумѣ, о которыхъ кричали иностранныя газеты и за которыя султану преподнесенъ пышный титулъ „побѣдоноснаго“.

Безспорно, что турки удачно выбрали сухумскій отдѣлъ театромъ своихъ дѣйствій на Кавказѣ; да иначе и не могло быть, такъ какъ на всемъ Кавказѣ нѣтъ другаго пункта, который представлялъ бы для нихъ такія очевидныя и важныя выгоды. На кавказскомъ берегу Чернаго моря сѣверная часть сухумскаго отдѣла есть единственная мѣстность, населенная значительнымъ (45 т. душъ абхазцевъ), магометанскимъ населеніемъ и притомъ, благодаря мѣстнымъ условіямъ, почти совершенно отчужденнымъ отъ русскаго и вообще христіанскаго вліянія. Вслѣдствіе близости моря, у абхазцевъ несравненно болѣе тяготѣнія къ турецкимъ берегамъ, съ которыми они и имѣютъ постоянныя, не только торговыя, но и вообще близкія родственныя связи, чѣмъ внутрь страны, куда нѣтъ никакихъ даже дорогъ. Подчиненные такимъ образомъ родному и близкому для нихъ турецкому вліянію, еще болѣе усилившемуся со времени выселенія части ихъ въ Турцію, они имѣютъ весьма малое понятіе о могуществѣ Русскаго государства. Самый актъ объявленія войны долженъ былъ произвести на нихъ впечатлѣніе побѣды турокъ надъ русскими, такъ какъ съ этого момента русскіе теряли море, не смѣли показываться на немъ, а турецкій флотъ безпрепятственно крейсировалъ у бе-

реговъ. Абхазское населеніе, необыкновенно впечатлительное, замиренное всего въ 1866 г., весьма еще воинственное, не могло не возстать, когда сзади его явились пришедшіе изъ Турціи самые знаменитые, вліятельные абхазскіе представители, такъ напримѣръ сынъ Шамиля „Кози-Магометъ“ и др. въ лицѣ англичанъ и австрійцевъ пропитанные упорною ненавистью къ Россіи. Они во имя Магомета, а также обѣщая своимъ собратіямъ милость ихъ всемогущаго падишаха, готоваго, по ихъ словамъ, пролить за нихъ послѣднюю каплю крови, предложили абхазцамъ помочь имъ истребить русскихъ, которые такъ немногочисленны, и вернуть себѣ эти, потерянныя при выселеніи въ Турцію, дивно-прекрасныя родныя ихъ мѣста. И это повторялось бы каждый разъ при войнѣ съ Турціей, пока Черное море не сдѣлается русскимъ моремъ, пока на немъ не будетъ нашего флота. Иначе для удержанія въ покорности береговаго магометанскаго населенія и отраженія турецкаго десанта, нужно было-бы употреблять весьма значительныя военныя силы, размѣщая ихъ по укрѣпленнымъ лагерямъ, снабженныхъ всѣмъ необходимымъ и прежде всего провести хоть какія-нибудь дороги внутри страны, а также въ Кубанскую область и Мингрелію, такъ какъ до настоящаго времени во всемъ отдѣлѣ, кромѣ вьючныхъ, не было никакихъ другихъ дорогъ. Система же собственно береговыхъ укрѣпленій и загражденій, при отсутствіи русскаго флота и значительныхъ сухопутныхъ силъ „наврядъ ли можетъ принести здѣсь какую-либо существенную пользу вслѣдствіе слишкомъ большой длины береговой линіи и разбросанности прибрежныхъ поселеній и дачъ.

Съ открытіемъ дѣйствій, отряда генералъ-маіора Алхазова начался новый фазисъ войны на черноморскомъ берегу, такъ какъ отрядъ этотъ значительно больше бывшаго Сухумскаго и не запертъ въ бездорожней и возмутившейся странѣ, а имѣлъ базисомъ Самурзаканъ. Но и Сухумскій отрядъ, честно выполнилъ свою не легкую задачу — отступилъ съ честью передъ несравненно сильнѣйшимъ врагомъ и, не смотря на всю трудность этого отступленія, увелъ съ собою 1,200 человѣкъ беззащитнаго христіанскаго населенія. При этомъ отступленіи болѣе чѣмъ гдѣ-либо выказалъ себя этотъ все перенесшій и незамѣнимый русскій солдатъ, конечно и здѣсь онъ умеръ бы геройскою смертью, не справляясь, противъ сколькихъ враговъ приходилось сражаться ему одному, еслибы отъ этого могла быть хоть какая-нибудь польза.

Неравенство силъ нападенія и обороны, вызвавшее присоединеніе мѣстнаго абхазскаго населенія на сторону сильнѣйшаго, т. е. нападавшихъ турокъ, сдѣлалось чрезъ возстаніе еще болѣе значительнымъ и ставило малочисленный сухумскій отрядъ въ довольно тяжелое положеніе.

Ему необходимо было усилить защиту селеній: Ольгинскаго и Цебельдинскаго, а также селеній: Анастасьевскаго, Георгіевскаго и Александровскаго, гдѣ жили греческіе и болгарскіе поселенцы, и наконецъ, обезпечить себѣ путь сообщенія въ Самурзакань, но, главное, не допустить непріятеля овладѣть селеніемъ Ольгинскимъ, гдѣ былъ весь провіантъ и боевые припасы, такъ какъ тогда стоявшему подъ Сухумомъ незначительному отряду генерала Кравченко, части котораго

охраняли всѣ вышеупомянутые пункты, пришлось-бы, продержавшись подъ Сухумомъ нѣсколько дней, — остаться безъ продовольствія и путей отступленія, потерять съ разу весь край и погубить все христіанское населеніе, и потому отрядъ немедленно двинулся на Ольгинское. Укрѣпившись въ Ольгинскомъ, отрядъ занялъ всѣ нужные пункты и началъ наступательныя дѣйствія на непріятеля, узнавая черезъ лазутчиковъ о его скопищахъ и разбивая ихъ, причемъ непріятель, благодаря превосходнымъ качествамъ нашихъ войскъ, при ничтожныхъ потеряхъ съ нашей стороны, несъ постоянно,—особенно въ дѣлахъ при селеніяхъ: Оранды и Александровскомъ,—весьма значительный уронъ.

Но когда были получены достовѣрныя свѣденія объ отправленіи въ Сухумъ изъ Константинополя еще 10 тыс. регулярныхъ войскъ съ 5-ю баттареями, то въ виду бездорожья и соединенной съ нимъ невозможности быстраго подкрѣпленія отряда изъ Кутайской губерніи, ему посланъ былъ приказъ отступить немедленно въ Самурзакань. Отступленіе это необходимо было произвести съ величайшею скоростью, такъ какъ отрядъ имѣлъ при себѣ госпиталь и семьи поселенцевъ до 1,200 человѣкъ мирныхъ гражданъ, которымъ, какъ сказано, предстояла неминуемая гибель; нужно было отступить раньше, чѣмъ могъ высадиться въ Сухумѣ новый турецкій десантъ и стать на путь отступленія. Поэтому нельзя было воспользоваться сравнительно удобной, но болѣе открытой дорогой на Ноа, и отряду пришлось совершить неимовѣрно трудный путь черезъ Багадскій мостъ.

Нельзя не отдать полной справедливости и предусмотрительности начальства, отдавшаго приказъ объ отступленіи изъ Цебельды, и не посредственнымъ исполнителямъ, столь быстро и энергически выполнявшимъ это приказаніе, такъ какъ насколько могло сдѣлаться затруднительнымъ положеніе сухумскаго отдѣла, это видно уже изъ того, что вскорѣ по выходѣ его изъ Цебельды возстаніе охватило и ту часть страны, которая отдѣляетъ Цебельду отъ Самурзакани, и даже вдвое сильнѣйшей, соединенный кутайско-сухумскій отрядъ ген. Алхазова, несмотря на два успѣшныя дѣла съ непріятелемъ, на р. Кодарѣ и при Илори, все-таки нашли болѣе разсчетливымъ отступить временно на югъ.

Какъ-бы то ни было, но моментъ, когда непріятель, въ союзѣ съ измѣной населенія и недоступностью страны могъ, при извѣстномъ сгруппированіи силъ, дѣйствительно уничтожить нашу горсть войскъ, прошелъ, и мы вышли совершенно благополучно изъ этой западни.

Конечно, трудно было предсказать, сдѣлается-ли Абхазія, въ свою очередь, западней для непріятеля, такъ какъ послѣдній имѣлъ въ своемъ распоряженіи флотъ, а потому всегда располагалъ возможностью очистить страну; но что касалось до серьезности, которую онъ хотѣлъ придать своимъ дѣйствіямъ въ этой странѣ, то для этого пока невстрѣчалось никакихъ данныхъ, такъ какъ на сѣверъ отъ него находился пустынный Черноморскій округъ, въ которомъ нѣтъ не только дружественнаго ему населенія, но даже продовольствія для

его дессантовъ, съ юга ему угрожалъ сильный отрядъ генерала Алхазова, а на востокѣ его отдѣляли отъ Кубанской области горы, перебравшись черезъ которыя, онъ удалился-бы отъ моря и подвергнулся опасности быть совершенно уничтоженнымъ, такъ какъ появленіе его тамъ уже не могло быть непредвидѣннымъ.

Такимъ образомъ, повидимому, непріятелю приходилось удовольствоваться лишь временнымъ обладаніемъ оставленной нами ничтожной части береговой полосы, удерживая которую, ему необходимо было имѣть возлѣ нея постоянно и безъ всякой особенной для себя пользы, какъ вредный намъ на Черномъ морѣ турецкій флотъ; и самая уступка этого ничтожнаго пункта, который иначе потребовалъ бы съ нашей стороны несоразмѣрнаго съ его значеніемъ количества силъ и жертвъ, особенно, когда она совершается современно и занимаетъ у непріятеля извѣстныя силы, которыми онъ могъ бы съ несравненно большимъ успѣхомъ воспользоваться на другомъ пунктѣ, такая уступка, по справедливости, не можетъ равняться неуспѣху.

Такова возможно полная оцѣнка факта, оставленія нами Абхазіи и дѣйствій сухумскаго отряда генерала Кравченко.

Къ числу этому относились дѣйствія наши въ Азіятской Турціи, гдѣ колонны нашихъ войскъ, постепенно сближаясь, входили между собою въ непосредственную связь и вводили русское управленіе въ занятыхъ ими округахъ.

Александропольскій корпусъ, занимая центральную позицію у Займа, высылалъ сильные кавалерійскіе отряды по обѣ стороны Карса для рекогносцировокъ, а

также съ цѣлью затруднить сообщеніе крѣпости съ Эрзерумомъ и для введенія русскаго управленія въ окрестныхъ округахъ. Такъ, 24-го апрѣля, летучіе отряды, направленные съ двухъ сторонъ,—отъ Кульпъ, графа Граббе и отъ Визинкева, генералъ-маіора Лорисъ-Меликова, всего, въ составѣ трехъ конныхъ полковъ, заняли городъ Кагызманъ, находящійся въ 55 верстахъ къ югу отъ Карса и ввели тамъ русское управленіе. Два дня спустя, другой поискъ былъ произведенъ къ сѣверо-западу отъ Карса отрядомъ генерала Шереметьева, состоявшимъ изъ одного драгунскаго полка и трехъ сотенъ казаковъ. Этотъ небольшой кавалерійскій отрядъ, при обратномъ слѣдованіи, имѣлъ горячее дѣло съ непріятелемъ, высланнымъ изъ Карса, на перерѣзъ нашей кавалеріи, колону изъ всѣхъ трехъ родовъ оружій (четыре баталіона, баттарея и нѣкоторое число конницы). Въ этомъ дѣлѣ, употребленіе кавалеріею, пѣшаго строя и скорострѣльныхъ ружей, которыми вооружены драгуны и казаки, принесло большую пользу: часть кавалеріи спѣшилась и огнемъ своимъ удержала непріятеля до тѣхъ поръ, пока отрядъ прошелъ мимо занятой турками позиціи.

Съ этимъ Александропольскимъ корпусомъ, успѣлъ войти въ сообщеніе Ахалцыхскій отрядъ, который подошелъ къ Ардагану (откуда идетъ прямая дорога на Ольти и Эрзерумъ) и произвелъ осмотръ мѣстности.

Рекогносцировка, бомбардированіе и штурмъ Ардагана.

Извѣстно, что Ардаганъ имѣетъ весьма важное стратегическое значеніе, придаваемое ему его положеніе на

пересѣченіи дороги изъ Батума въ Карсъ съ тою, которая ведетъ отъ Ахалцыха къ Ольтѣ. Въ виду этого значенія турки постарались укрѣпить этотъ пунктъ на столько, что сверхъ прежней ардаганской цитадели, сдавшейся въ минувшую войну безъ боя, ими возведено въ окрестностяхъ Ардагана множество укрѣпленій и передовыхъ фортовъ.

Ахалцыхскій отрядъ подъ начальствомъ генерала Девеля, уже стоялъ подъ Ардаганомъ; но чтобы усилить этотъ отрядъ и нанести Ардагану рѣшительный ударъ, изъ главныхъ силъ дѣйствующаго корпуса отдѣленъ былъ отрядъ, который подъ личнымъ начальствомъ командующаго корпусомъ генерала Лорисъ-Меликова, выступилъ 28-го апрѣля изъ Зайскаго лагеря и направился чересъ Джелаусъ и Омеръ-Ага къ Ардагану. 1-го мая этотъ отрядъ прибылъ къ мѣсту своего назначенія, и командующій корпусомъ тотчасъ же отправился на рекогносцировку, разрѣшивъ лицамъ, составлявшимъ его штабъ и слѣдовавшимъ за нимъ сопутствовать ему, если они того пожелаютъ.

Около 11-ти часовъ утра командующій корпусомъ выѣхалъ изъ лагеря у сел. Гельгали, сопровождаемый своимъ штабомъ, сотнею терскихъ казаковъ и незначительнымъ числомъ мѣстныхъ милиціонеровъ. Корреспондентъ этого описанія высказывалъ, что они подымались все въ гору, наводя почти ежеминутно бинокли на укрѣпленія Геляверды, грозно смотрѣвшія на нихъ съ высоты. Они должны были взобраться на высоты, лежащія почти въ одномъ уровнѣ съ этими передовыми укрѣпленіями, и съ гребня этихъ высотъ осмотрѣть расположеніе всѣхъ вообще ардаганскихъ укрѣпленій.

Городъ Ардаганъ лежитъ въ цвѣтущей долинѣ рѣки Куры, у того мѣста, гдѣ долина эта примыкаетъ къ тѣсному ущелью рѣки Куры, спертому съ обѣихъ сторонъ довольно значительными горами, подступающими къ самой рѣкѣ. Городъ расположенъ амфитеатромъ на лѣвомъ берегу Куры, фронтомъ къ долинѣ. Цитадель примыкаетъ къ нему съ восточной стороны. Съ пункта наблюденій могли видѣть лишь незначительную часть города и цитадели. Остальныя части закрыты были высотами, усѣянными укрѣпленіями. Видна была часть этихъ укрѣпленій и вся ардаганская равнина.

У Ардагана р. Кура, вступая въ свою тѣснину, образуетъ поворотъ почти прямымъ угломъ. Со всѣхъ сторонъ, за исключеніемъ западной; тутъ толпятся бугры и высоты, господствующіе надъ городомъ и ущельемъ Куры. На большой части этихъ бугровъ и высотъ турками возведены форты, и въ эти форты нагромождено множество орудій всякаго калибра. Еще прошлою зимою, по словамъ жителей, сюда привезено изъ Карса 12 круповскихъ большаго колибра („запряженныхъ 70-ю паръ быковъ и буйволовъ", какъ увѣряли мѣстные жители).

Важнѣйшимъ укрѣпленіемъ несомнѣнно слѣдуетъ считать фортъ Рамазанъ, построенный на горѣ Магласе, къ сѣверу отъ Ардагана, и господствующій не только надъ городомъ, но и надъ большею частію, если не всѣми, ардаганскими укрѣпленіями. Со стороны Ардагана онъ неприступенъ, такъ какъ гора Магласе, возвышается надъ равниной почти отвѣсною скалою. Единственный доступъ къ Рамазану — со стороны горы Гюргуна, еще и

теперь покрытой снѣгомъ, прегражденъ тѣмъ; что фронтъ укрѣпленій обращенъ именно въ эту сторону, а не къ городу или ущелью. Очевидно, турки, боясь занятія русскими горы Магласе, построили фортъ Рамазанъ съ единственною цѣлью воспротивиться такой попыткѣ.

У подножья г. Магласе, какъ разъ на Ахалцыхской дорогѣ, возведено укрѣпленіе Кара-ташь-чухуръ, въ 700 саженяхъ отъ Ардаганской цитадели. Гораздо ближе къ ней возведены, на лѣвомъ берегу Куры, на возвышенности, господствующей надъ Ардаганомъ, два укрѣпленія Кая-Баши №№ 1 и 2, первое въ 150 саженяхъ отъ цитадели, а второе—въ 200 саж. На правомъ берегу Куры построены укрѣпленія Ахали-Табіэ, Казъ-Тапаси и Сингеръ, всѣ трое на значительной высотѣ. Всѣ эти форты и укрѣпленія оберегаютъ Ардаганъ съ сѣвера, востока и юга. Независимо отъ нихъ, въ долинѣ р. Куры, на низменности, стоятъ укрѣпленія Дюзъ, Мехрабъ и Кудіанъ-Чиприъ, господствующія надъ дорогами въ Ольту и Батумъ. На правомъ же берегу Куры, съ восточной стороны Ардагана возвышаются форты Чума-Кеннъ и Гюля-Верди. Послѣдній господствуетъ надъ всѣми безъ исключенія ущеліями, ведущими къ Ардагану съ восточной, южной, и даже отчасти съ сѣверной стороны, и построенъ на громадной высотѣ, видной за 15-ть верстъ въ окрестностяхъ.

Ближайшее изъ укрѣпленій праваго берега отстоитъ отъ ардаганской цитадели на 500 саженей. Отдаленнѣйшее и вмѣстѣ съ тѣмъ важнѣйшее — Гюля-Верди — на 4 версты.

Въ такомъ положеніи Ардаганъ представлялся силь-

нѣйшимъ образомъ укрѣпленной позиціею. Его цитадель окружена со всѣхъ сторонъ отдаленными передовыми укрѣпленіями, большею частью возведенными на значительномъ возвышеніи.

Наши войска подступили къ Ардагану около 20-го апрѣля, съ сѣверо-восточной стороны. Ахалцыхскій отрядъ генерала Девеля расположенъ былъ лагеремъ въ Чегестанѣ и Ольгенѣ. Подошедшая же 1-го мая часть главныхъ силъ дѣйствующаго корпуса расположилась лагеремъ съ юго-восточной стороны, сперва подъ Бурдосаномъ, а затѣмъ близь Алагеза, чѣмъ она отрѣзала Ардаганъ отъ Карса.

1-го мая, какъ только отрядъ дѣйствующаго корпуса прибылъ къ Бурдосану, командующій корпусомъ генералъ Лорисъ-Меликовъ, предпринялъ рекогносцировку ардаганскихъ укрѣпленій, какъ сказано около 11 часовъ утра кромѣ упомянутой милиціи и казаковъ терскихъ съ нимъ вмѣстѣ ѣхали: начальникъ его штаба С. М. Духовскій, начальникъ пѣхоты дѣйствующаго корпуса генералъ Гейманъ, корпусный хирургъ Я. И. Малининъ, полковникъ П. Ф. Семеновъ и большая часть лицъ составлявшихъ корпусный штабъ. Генералъ Гейманъ, то отставалъ отъ колонны, чтобы осмотрѣть иные пункты, то присоединялся къ ней. Его всюду сопровождалъ начальникъ кавалерійской дивизіи отряда генералъ Шереметьевъ. Всѣ взбирались на возвышенность, стоящую какъ разъ противъ Гюля-Верди, почти на одномъ съ нимъ уровнѣ, въ $2^1/_4$ версты отъ этого укрѣпленія. Чтобы судить о высотѣ этихъ пунктовъ, удостовѣряетъ то, что снѣгъ еще уцѣлѣлъ частями на нихъ, и стѣны укрѣ-

пленій, какъ и гребень той высоты, на которую взбирались, оттѣнялся значительными залежами уцѣлѣвшаго снѣга. Гора же Гюргуна, господствующая надъ Рамазанскимъ фортомъ, какъ и весь хребетъ, къ которому она примыкаетъ, также покрыта была толстымъ слоемъ снѣга.

На полупути заяцъ перебѣжалъ дорогу шедшей колоннѣ, передъ самою головою ея. У многихъ присутствовавшихъ по тѣлу забѣгали мурашки, но никто не сказалъ ни слова. Мертвое молчаніе, когда многимъ, очевидно, хотѣлось вспомнить русское народное повѣрье, лучше всего свидѣтельствовало, что никто не въ духѣ былъ острить или смѣятся.

Когда взобрались на гребень, передъ всѣми открылась чудная картина; большая часть ардаганской равнины лежала точно на ладони. Кура вилась по ней свѣтлою змѣйкою, оттѣняя своими блестящими каскадами ея изумрудную зелень, рѣзко бросающуюся въ глаза, благодаря блѣдно коричневому цвѣту всѣхъ сосѣднихъ возвышенностей и всего пройденнаго пути. Деревни и мѣстечки толпились по берегамъ рѣки, испещренной въ добавокъ множествомъ мельницъ и отдѣльныхъ строеній. Во всѣ стороны вились грунтовыя дороги, обнаруживавшія богатѣйшій черноземъ всей долины. Эта свѣтлая зелень, эта—хрустальная змѣйка рѣки и черныя ленточки дорогъ увѣнчены были по обѣимъ сторонамъ снѣгомъ, лежавшимъ на темнозеленыхъ высотахъ хребтовъ, окаймляющихъ эту чудную долину. Для вящаго эффекта, на право возвышалась гора Магласе, вся темно-коричневаго цвѣта, съ укрѣпленіями, такого же

колорита. Все это, освѣщенное яркими лучами солнца, переносило мысль и воображеніе въ область чистыхъ поэтическихъ наслажденій, весьма отдаленныхъ отъ цѣли поѣздки.

Прямо, противъ рекогносировавшихъ возвышалась высота Гюля-Верди, усѣянная крѣпостными стѣнами, орудіями и массою любопытныхъ турокъ, высыпавшихъ на валъ поглядѣть на отрядъ и прозрѣть помышленія рекогнасцировавшихъ. Впереди главнаго возвышенія выставлялось другое, нѣсколько менѣе значительное, на которомъ красовалась оттоманская военная публика и видны были какія-то земляныя работы, но безъ пушекъ, рвовъ и каменныхъ стѣнъ. Еще дальше къ сѣверу, на отлогости третьей возвышенности, бѣлѣлись палатки, межъ которыми сновали турецкіе солдаты. Все это было близко, точно рукою подать и въ бинокль видны были почти всѣ движенія „осаждаемыхъ“.

Въ добрый часъ, всѣ смотрѣли спокойно любуясь необычайной прелестью вида и удивляясь апатическому положенію турецкихъ силъ, — поминутно у всѣхъ срывалось съ языка: отчего нестрѣляютъ въ отрядъ? что это значитъ?

Въ то время, когда главнѣйшія лица штаба подошли къ гребню горы и принялись внимательно разсматривать турецкія укрѣпленія, свитѣ командующаго корпусомъ и его конвою дано было приказаніе держаться поодаль, подъ прикрытіемъ гребня горы. Кромѣ того лицамъ допущеннымъ къ гребню, сказано было держаться не кучками, и въ разбросъ. Поэтому каждый держался въ одиночку, кромѣ не большой группы, окружавшей командующаго корпусомъ по обязанности службы.

Наконецъ, все было осмотрѣно и отрядъ тронулся въ обратный путь по гребню и частію подъ его прикрытіемъ. Съ противоположной стороны гребня ѣхалъ къ отряду мѣрными шагами генералъ Гейманъ, сопутствуемый генераломъ Шереметьевымъ и пятью казаками. Фигуры этихъ всадниковъ ярко очерчивались всѣмъ корпусомъ, надъ гребнемъ горы, высокія, стройныя и мужественныя. Онѣ какъ будто вызывали крупповскія орудія форта на выстрѣлъ.

По приближенію къ отряду Геймана, вдругъ послышался глухой гулъ, какого-то взрыва. Прошло нѣсколько секундъ и раздался шипящій свистъ, точно самъ звукъ шелъ поспирали. Описывающій это корреспондентъ, поднялъ голову, чтобы разглядѣть гранату, но, конечно, ничего не увидѣлъ въ воздухѣ. За то въ пятнадцати или много въ двадцати шагахъ отъ Геймана, почти у хвоста лошади послѣдняго казака его свиты, послышался другой взрывъ и вдругъ изъ земли поднялся громадный букетъ осколковъ гранаты, кусковъ земли и спугнутыхъ птичекъ. Желтоватый дымъ служилъ фономъ этого букета.

Ни для кого изъ присутствующихъ не было ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что за первымъ выстрѣломъ послѣдуютъ и другіе. Не менѣе ясно было, что турецкіе артиллеристы великолѣпные стрѣлки: попасть такъ мѣтко въ линію, почти въ ту самую точку, на которой въ моментъ выстрѣла находилась группа Геймана, и попасть на разстояніи 1,100 саженей,—что ни говорите, а это не мало. Всѣ понимали, что второй выстрѣлъ, или слѣдующій за нимъ, направлены

будутъ въ командующаго корпусомъ, и были увѣрены, что второй выстрѣлъ перелетитъ, черезъ его голову, чтобы задѣть его многочисленный конвой, скрывавшейся за гребнемъ. Но прошло съ добрыхъ полчаса, а выстрѣла не раздавалось. Генералъ Лорисъ-Меликовъ совѣщался на гребнѣ, противъ форта, съ Гейманомъ, Духовскимъ и генераломъ Девелемъ; только что прибывшимъ послѣ выстрѣла, изъ ахалцыхскаго отряда. Всѣ они помнутно смотрѣли на укрѣпленія въ бинокль, разворачивали и разсматривали карты и планы фортовъ, провѣряя ихъ съ дѣйствительностью, и показывая другъ другу руками на тотъ или другой выгодный пунктъ нападенія. Если-бы турки были слѣпы, и тогда бъ они должны были понять, что предъ ними не простые туристы или офицеры, а наивысшіе начальники осаждавшихъ войскъ. Но группа командующаго корпусомъ нетрогалась. Она высокомѣрно выставляла себя мишенью турецкихъ орудій. Всѣ сознавали, что вотъ вся эта группа будетъ превращена въ порошокъ. Такъ прошло слишкомъ полчаса. Наконецъ, увидѣли струю дыма на стѣнѣ форта. Черезъ нѣсколько секундъ раздался снова гулъ, повидимому, сильнѣе перваго. Снова пронесся свистъ, долгій, пранзительный, рѣзкій, и снова послышался взрывъ гранаты, далеко позади всѣхъ, по направленію къ конвою. Мурашки забѣгали по кожѣ отъ одной мысли, что человѣкъ двадцать уже погибло отъ этого мѣткаго выстрѣла. Любопытство тянуло каждаго къ мѣсту взрыва гранаты, но отвращеніе къ виду крови и ожиданіе новыхъ выстрѣловъ, направленныхъ къ гребню, удержало каждаго на прежнемъ мѣстѣ,

близь этого гребня. И дѣйствительно, не прошло и двухъ минутъ, какъ передъ самою группою командующаго корпусомъ съ грохотомъ разорвалась также граната, осыпавшая, какъ показалось, своими осколками весь главный штабъ. Но сдѣлавъ нѣсколько поспѣшныхъ шаговъ по направленію къ группѣ видно было, что всѣ цѣлы и невредимы. Скоро потомъ всѣ спустились къ тому мѣсту, гдѣ разорвало вторую гранату. Она разорвалась въ дребезги передъ сотнею Моздокскаго Гребенскаго полка. Осколокъ ея задѣлъ шею одной изъ лошадей, среди строя, и, пролетѣвъ ей черезъ шейные позвонки, мигомъ уложилъ ее на мѣстѣ. Всѣ же прочія остались цѣлы.

Спустившись по горѣ, отправились въ обратный путь, также тихо, шагомъ, останавливаясь, какъ пришли.

Рекогносцировка, чуть было не превратилась въ трагедію, но кончилось девертисментомъ во вкусѣ стародавнихъ драмъ. Отрядъ приходилъ понюхать пороху и ушелъ обратно. Казалось-бы тутъ и дѣлу конецъ. Такъ нѣтъ-же! На возвратномъ пути, и на томъ же мѣстѣ, гдѣ заяцъ перебѣжалъ дорогу, — снова выскочилъ заяцъ, быть можетъ, тотъ-же самый. Онъ полетѣлъ стремглавъ впередъ, закинувъ длинныя свои уши на спину и высоко задравъ свое бѣлое подобіе хвоста. За нимъ помчалась собака полковника князя Эристова, пріѣхавшаго съ генераломъ Девелемъ. Поднялись веселые крики „ату его, ату его“ и бѣдный заяцъ скоро палъ жертвою похода на Ардаганъ. Его принесли съ тріумфомъ къ хозяину собаки и запрятали въ сумку сопровождавшаго его казака. На этотъ

разъ появленіе зайца вызвало со всѣмъ не то чувство, какъ въ первый разъ, и суевѣры могли удостовѣриться воочію, что народныя повѣрья сплошь и рядомъ оказываются вздорными.

Въ самомъ дѣлѣ, быть предъ носомъ непріятеля, стоящаго въ фронтахъ за дальнострѣльными орудіями, получить по четкому адресу три гранаты, разлетѣвшіяся въ клочки среди того количества народу и ограничиться потерею одной лишь лошади,—да! можетъ ли быть, что-нибудь счастливѣе этого?

Наши войска, подошли къ Ардагану съ двухъ сторонъ. Ахалцыхскій отрядъ подошелъ съ сѣверо-востока, а часть главныхъ силъ дѣйствующаго корпуса—съ юго-востока.

1-го мая генералъ Лорисъ-Меликовъ произвелъ описанную выше рекогносцировку укрѣпленій. 2 и 3-го мая употреблены были на подготовленіе аттаки и на подвозъ артиллеріи, въ особенности осадной, привезенной чрезъ Ахалкалаки и Ольченъ. Ночью съ 3-го на 4-е мая установлены были инженеръ-полковникомъ Бульмерингомъ наши баттареи на высотахъ обстрѣливаемыхъ непріятелемъ, т. е. доступныхъ огню его фортовъ. Какъ провозъ осадной артиллеріи изъ лагеря Ахалцыхскаго отряда въ нашъ лагерь у Алагеза, такъ и установленіе баттареи, могли встрѣтить сильнѣйшее сопротивленіе со стороны турокъ. Но и то, и другое было сдѣлано ночью, съ замѣчательною ловкостью и осторожностью съ нашей стороны, при непонятномъ невниманіи непріятеля. Турки, вообще говоря, пропускали мимо своихъ фортовъ наши отдѣльныя колонны,

не тревожили ихъ своими выстрѣлами, не смотря на то, что онѣ проходили на разстояніи ближе пушечнаго выстрѣла. Все время до открытія бомбардированія турки стрѣляли вяло и скупо, быть можетъ съ цѣлью, приберечь снаряды про критическія минуты. Слѣдуетъ ли приписать этому разсчету то обстоятельство, что турецкіе форты не воспрепятствовали сооруженію нашихъ баттарей, или дѣло объясняется просто тѣмъ, что турки въ темнотѣ не замѣтили нашихъ работъ. Во всякомъ случаѣ фактъ тотъ, что наши войска безъ всякаго препятствія со стороны непріятеля успѣли установить всѣ свои баттареи. Только разъ, когда батальонъ Эриванскаго полка, подкрѣпленный за тѣмъ батальономъ Тифлисскаго, занялъ высоты подъ селеніемъ „Гурджи-бекъ“, въ него пущено было изъ Геляверды до 24-хъ или 30-ти гранатъ, непричинившихъ особеннаго вреда войскамъ. Эти высоты господствуютъ надъ городомъ и надъ правобережными передовыми его укрѣпленіями, хотя и обстрѣливаются съ Геляверды и съ Казъ-Тапасъ Тутъ установлена была одна изъ нашихъ баттарей, изъ трехъ девятифунтовыхъ орудій и двухъ мортиръ. Къ сожалѣнію мортиры не могли быть подвезены на высоту въ желаемое время. Разсвѣтъ засталъ ихъ на ея склонѣ.

Другая баттарея, еще важнѣе этой, какъ по своему составу, такъ и по значенію, возведена была на возвышенности, надъ дер. Бурдосанъ, противъ Геляверды, на томъ самомъ мѣстѣ, откуда командующій корпусомъ производилъ рекогносцировку 1-го мая, и куда долетали непріятельскія гранаты, направленныя въ него. Эта баттарея должна была громить Геляверды и сосѣднія

съ ними укрѣпленія, лежащія значительно выше ея самой. За тѣмъ съ южной стороны отъ села Саписхеви почти до Гурджибека заложены были на склонѣ Алагеза 4 баттареи на различныхъ мѣстахъ и высотахъ частію полевыя, частью же осадныя. Эти послѣднія баттареи должны были бомбардировать городъ и ближайшіе форты праваго берега — Казъ-Тапаси, Слигеръ, Дюзъ и Ахали-Табіэ.

Всѣ наши баттареи, какъ сказано, возведены были на высотахъ, доступныхъ артиллерійскому огню — непріятельскихъ фортовъ, что несомнѣнно говоритъ въ пользу строителей ардаганскихъ укрѣпленій, съумѣвшихъ затруднить аттаку этой важной позиціи.

4-го мая, рано утромъ, большая часть баттарей готовы были открыть огонь. Но для того чтобы отвлечь вниманіе непріятеля отъ баттарей еще не вполнѣ установленныхъ, — генералу Девелю, начальнику Ахалцыхскаго отряда, поручено было открыть съ сѣвера перестрѣлку. Съ этою цѣлью генералъ Девель придвинулъ къ укрѣпленіямъ свои войска и открылъ канонаду Кубанскою конною баттареею. Ему отвѣтили изъ Геляверды непрерывнымъ рядомъ залповъ, и съ этой сѣверной стороны артиллерійская перестрѣлка тянулась довольно долго, безъ особенныхъ, впрочемъ, результатовъ.

Около 7-ми часовъ утра командующій корпусомъ объѣхалъ Алагезскія баттареи, измѣнилъ отчасти ихъ расположеніе, выдвинувъ нѣкоторыя изъ нихъ на нѣсколько сотъ саженъ впередъ. Ровно въ 8 часовъ была пущена сигнальная ракета и всѣ наши баттареи, полукругомъ опоясывавшія съ юго-востока Ардаганъ и всѣ

его укрѣпленія, одновременно открыли огонь. Пальба производилась на каждой баттареи по очереди, съ промежуткомъ около двухъ минутъ между выстрѣлами. Особенно громки были выстрѣлы нашихъ новыхъ двухъпудовыхъ мортиръ, бьющихъ въ цѣль почти на 6 верстъ. Въ отвѣтъ на первые же наши выстрѣлы загудѣли форты: Слигеръ, Казъ-Тапаси и Геляверды, и даже самъ Рамазанъ пустилъ въ пространство нѣсколько гранатъ, очевидно для очищенія совѣсти, такъ какъ его выстрѣламъ недоступны были наши баттареи, да и всѣ вообще городскія укрѣпленія. Первые выстрѣлы непріятеля ложились въ цѣлой верстѣ отъ нашихъ баттарей, тогда какъ наши орудія свободно забрасывали гранатами рвы и стѣны ардаганскихъ укрѣпленій. Но съ теченіемъ времени гранаты все болѣе и болѣе начали приближаться, канонада съ обѣихъ сторонъ велась усердно, и чѣмъ далѣе, тѣмъ съ большимъ оживленіемъ.

Часовъ въ 11-ть командующій корпусомъ, сопутствуемый его штабомъ, двинулся къ главной баттареи, возведенной на возвышенности надъ Бордосаномъ. Тутъ гранаты летали, какъ градъ, падая межъ орудіями и зарядными ящиками. Здѣсь штабъ остался за пригоркомъ вплоть до самаго начала штурма.

Нужно отдать справедливось турецкой артиллеріи,— она стрѣляла мѣтко. Въ теченіе двухъ часовъ, съ 11-го до 1-го, какъ высказываетъ корреспондентъ, что при его глазахъ, въ нѣсколькихъ шагахъ разорвалась не одна дюжина гранатъ. Другія перелетали тутъ же неподалеку, разлетаясь въ дребезги. А между тѣмъ ни одна изъ лопнувшихъ гранатъ не убила и не ранила

никого рѣшительно, ни людей, ни лошадей. Одна изъ гранатъ упала буквально въ 4—5 шагахъ отъ казака, стоявшаго съ лошадью. Онъ пригнулся, граната разлетѣлась съ грохотомъ и казакъ сейчасъ же всталъ, живъ и невредимъ. Этой странности повѣрить нельзя, еслибы кто-нибудь разсказывалъ, замѣчаетъ корреспондентъ, но онъ самъ видѣлъ собственными глазами, — подобную счастливую случайность.

Между тѣмъ со стороны Ахалцыхскаго отряда поведена была аттака противъ передовыхъ эполементовъ, защищавшихъ лагерь, расположенный къ сѣверу-востоку отъ Геляверды, на одномъ изъ отроговъ той группы возвышенностей, къ которой принадлежитъ самъ Геляверды. Солдатики шли на штурмъ со стройностью изумительною въ людяхъ, въ первый разъ видящихъ огонь. Молодые мало чѣмъ отличались отъ старыхъ ветерановъ: одинъ изъ совершенно молодыхъ солдатъ Елисаветпольскаго полка, почти еще ребенокъ, выскочилъ передъ рядами, увидя направленныя къ нимъ ружья турецкихъ солдатъ и закричалъ: „за мной ребята! я этому турку въ ротъ пулю всажу“, и всадилъ! увлекши за собою всю свою роту.

По окончаніи штурма, этого солдатика командиръ его полка, кн. Амираджиби, привелъ къ командующему корпусомъ. Генералъ Лорисъ-Меликовъ обнялъ солдата передъ цѣлымъ полкомъ, три раза поцѣловалъ его и навѣсилъ ему на грудь, отъ имени Великаго Князя,—знакъ отличія военнаго ордена, солдатскій Георгіевскій крестъ. Корреспондентъ внимательно разсматривалъ, и очень долго, фигуры солдатъ 2-го баталіона Эриванскаго полка князя Путятина, въ то

время, когда они собирались перейдти чрезъ гребень горы и начать штурмъ. Всѣ физіономіи были оживленныя, довольныя, глаза сіяли, и въ рядахъ слышались слова „наконецъ-то доберемся до нихъ“. Старикъ знаменщикъ этого баталіона 73 хъ-лѣтняго возраста, Василій Колесовъ, который еще въ прошломъ году ѣздилъ добровольцемъ въ Сербію, и, вернувшись вновь записался на службу. Онъ шелъ съ 1-мъ баталіономъ, но дряхлыя кости отказывались служить, и онъ отсталъ отъ своей части. Тогда онъ упросилъ Христомъ-Богомъ командира 2-го баталіона взять его на штурмъ И онъ шелъ впередъ, какъ могъ, еле-еле передвигая ноги, поддерживаемый кучею солдатъ, восторженно смотрѣвшихъ на него.

Докторъ Я. И. Малининъ разсказывалъ корреспонденту, что больные отказывались сказаться больными, чтобы только не прозѣвать штурма. Къ нему на перевязочный пунктъ привезли раненаго, которому еще за четыре дня слѣдовало записаться въ госпиталь. Докторъ спросилъ его, отчего же ты до сихъ поръ не пришелъ въ госпиталь? „Да ваше в—діе, я этого дня давно ждалъ“. О подобныхъ фактахъ разсказывали очень многіе очевидцы, но всѣхъ случаевъ, такого молодечества перомъ не описать. Интересно также поведеніе раненыхъ: почти не слыхать, не смотря на тяжелыя раны.—Раненъ?—„Раненъ!“ Куда?—„Въ ногу или въ руку“, и покуриваетъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало. Одному солдату осколокъ гранаты оторвалъ нѣсколько реберъ, обнаживъ съ лѣвой стороны грудную полость. Его перевязываютъ, въ это время онъ говоритъ доктору. „Нѣтъ, ты лучше того лѣчи, кто легче

раненъ,—а мнѣ видно умирать надо Безъ костей, безъ мяса, безъ груди, какъ тутъ жить!“ И ни вздоха, ни слова болѣе. Такое равнодушіе къ жизни, такое хладнокровіе передъ смертью трудно представить себѣ. Не даромъ сказано про этихъ солдатъ:

„Безъ наслажденья онъ живетъ,
И безъ сожалѣнья умираетъ!“

Понятно, что съ такими солдатами чудеса можно дѣлать!

Пока елисаветпольцы, предводимые своимъ храбрымъ командиромъ кн. Амираджиби, брали штурмомъ одну укрѣпленную позицію за другою,—съ южной стороны наши баттареи „жарили“ фортъ Геляверды, осыпая его мѣтчайшими выстрѣлами. Наконецъ около 1-го часу пополудни къ командующему корпусомъ прискакалъ ординарецъ генерала Девеля, съ извѣстіемъ, что слѣдуетъ подкрѣпить его колонны аттакою, а штурмъ съ южной стороны. Наши колонны давно ждали этого момента. Генералъ Гейманъ сѣлъ на коня, и повелъ эриванцевъ и бакинцевъ на штурмъ. Приходилось пройти подъ выстрѣлами непріятельскихъ баттарей $2^{1}/_{4}$ версты, между тѣмъ вмѣсто гранатъ отъ баттарей во всякую минуту могли шарахнуть въ войска картечью. Войска бодро шагали, разсыпавшись въ розницу и только одна группа шла сомкнутымъ строемъ, вызывая выстрѣлы, своею численностью и значкомъ, гордо развѣвавшимся за начальникомъ пѣхоты, генераломъ Гейманомъ. Геляверды, впрочемъ, продолжало стрѣлять въ нашу баттарею, но когда штурмующія дошли до основанія высоты, выстрѣлы прекратились. Наши баттареи

тоже замолчали, чтобы не попасть въ своихъ. Сердце у всѣхъ билось какъ въ лихорадкѣ, и казалось, что выстрѣлы турокъ пріостановлены только для того, чтобы перемѣнить гранатные снаряды на картечные. Но оказалось, что въ этихъ предположеніяхъ ошиблись. Въ это время, какъ узнали въ послѣдствіи, елисаветпольцы подходили штурмомъ къ форту, и, конечно, осажденнымъ было уже не до нашей баттареи.

Елисаветпольцы уже вломились въ укрѣпленіе, когда эриванцы и бакинцы подошли къ нему съ юга. Непріятель же бѣжалъ, какъ только наши солдаты подошли ко рвамъ, не успѣвъ взять съ собою ни орудій, ни снарядовъ, ни даже заклепать пушки. Остались до послѣдней крайности и бились до смерти одни лишь артиллеристы, это лучшее оружіе турецкаго войска. Они усѣяли своими трупами рвы, крѣпости и платформы своихъ баттарей.

Вскорѣ послѣ этого генералъ Лорисъ-Меликовъ двинулся съ своимъ штабомъ въ укрѣпленіе. Войска встрѣтили его восторженно, оглася воздухъ несмолкаемыми криками „ура“ и бросая вверхъ шапками. Командующій корпусомъ поблагодарилъ ихъ за службу, сказалъ, что они „первые обрадовали Царя и матушку Россію“, что вызвало трудно вообразимый энтузіазмъ. На глазахъ многихъ,—какъ солдатъ, такъ и повыше,—замѣтны были навертывавшіяся слезы. Но отъ великаго до смѣшнаго—одинъ лишь шагъ: въ строю Елисаветпольскаго полка стоялъ плѣнный турецкій низамъ, который въ тактъ съ нашими солдатами кричалъ „ура“, блѣдный какъ полотно, и тоже въ тактъ

съ ними подбрасывалъ свою красную феску! Фортъ Рамазанъ, безмолвно взиравшій издалека на это торжество, долженъ былъ покраснѣть за измѣну турецкаго военноплѣннаго. Но онъ впрочемъ, и безъ того достаточно красенъ!

Корреспондентъ замѣчаетъ, что онъ, объѣзжая укрѣпленія Геляверды, невольно былъ пораженъ мѣткостью и силою нашихъ выстрѣловъ. Почти всѣ снаряды попали въ баттареи или передъ ихъ прикрытія. Вся крѣпость изрыта и изрѣшетчата была гранатами. Земляной блиндажъ казематовъ на половину свалился. Трупы валялись искалѣченные, обезображенные, обезглавленные, посинѣлые. У входа въ казематъ сидѣлъ, поджавъ подъ себя ноги, сложивъ на груди руки и свѣсивъ голову, закрытую башлыкомъ, — раненный турецкій солдатъ, весь истекавшій кровью; другіе раненые лежали или валялись тамъ и сямъ. Солдаты наши съ любопытствомъ осматривали военно-плѣнныхъ....

По лицамъ убитыхъ или плѣнныхъ и бѣглыхъ было видно, что турецкія войска, въ Азіатской Турціи, терпѣли всевозможныя лишенія и страданія: они блѣдны, тощи, со впалыми до ужаса глазами, съ апатическимъ выраженіемъ лица, оборваны, общипаны, босы и наги.

Вскорѣ по взятіи Геляверды, командующій корпусомъ вернулся въ лагерь. Когда проѣзжали въ $4^1/_2$ верстахъ отъ Слингера, у подошвы горы А. А., надъ нашими головами съ необычайнымъ свистомъ пролетѣли одна послѣ другой три гранаты, визгъ которыхъ заставилъ плясать нашихъ лошадей. Гранаты зарылись въ землю далеко выше насъ.

Паденіе Ардагана.

Взятіемъ Гелявердинскихъ укрѣпленій, — которыя, какъ оказывается, турки величали именемъ укрѣпленій Эмиръ-Оглу, —была выполнена лишь часть задачи, но до главной цѣли было еще далеко. На 5-е мая предполагалось лишь продолжать бомбардированіе остальныхъ укрѣпленій. Что же касается до употребленія открытой силы, т. е. штурма, опредѣленіе его момента зависѣло отъ результатовъ бомбардированія. Утромъ 5-го мая наши баттареи установлены были на взятой Геляверди, значительно ниже турецкихъ укрѣпленій, занятыхъ наканунѣ, по скату горы къ Ардагану. Здѣсь поставлены были двѣ баттареи, каждая изъ восьми, девяти-фунтовыхъ орудій. Эти баттареи составляли правое крыло аттакующихъ. Въ центрѣ, на высотѣ горы, окрещенномъ именемъ „пунктъ А. А.“, осталась баттарея, дѣйствовавшая тутъ на канунѣ и составленная изъ четырехъ осадныхъ девяти-фунтовыхъ орудій. Часть этихъ орудій, наканунѣ направленная противъ Геляверди, повернута была въ сторону города. На лѣвомъ флангѣ, по скатамъ горы Алагезъ, расположены были четыре баттареи, изъ которыхъ одна вооружена была тремя шести-дюймовыми мортирами, другая—двумя такими же мортирами, а двѣ остальныя — девяти-фунтовыми полевыми орудіями, по восьми въ каждой. Баттареи алагезскаго склона были спущены и установлены гораздо ниже тѣхъ высотъ, гдѣ они стояли наканунѣ и несравненно ближе къ городскимъ укрѣпленіямъ. Такимъ образомъ всѣ названныя выше наши баттареи

обхватывали полукругомъ оставшіяся укрѣпленія Ардагана.

Позади этихъ баттарей, довольно далеко отъ расположенія ихъ зарядныхъ ящиковъ, стояла въ безопасномъ мѣстѣ пѣхота, скрытая отъ непріятеля неровностями пригорокъ.

Цѣлое утро прошло въ выжиданіи отвѣта ардаганскихъ жителей, на сдѣланное имъ предложеніе—сдаться безъ дальнѣйшаго боя. Но турецкія власти предложили такія условія сдачи, что принять ихъ было невозможно: онѣ требовали, чтобы войскамъ дано было право выступить изъ укрѣпленій, вывезти оружіе, запасы, орудія, имущество и т. п., и удалиться безъ всякихъ обязательствъ съ ихъ стороны. Вслѣдствіе этого, въ 3 часа пополудни началась кононада города и его правобережевыхъ укрѣпленій. Наша артиллерія мѣткостію своей стрѣльбы въ этотъ день превзошла всѣ ожиданія. Снаряды ея сыпались градомъ въ ограду укрѣпленій и разрывались съ ужасающимъ громомъ среди артиллерійской прислуги непріятеля. Внутреннее пространство этихъ укрѣпленій буквально изборожденно и взрыто нашими снарядами и масса грудою валявшихся тутъ труповъ непріятеля свидѣтельствовала объ убійственности снарядовъ. Съ своей стороны, турки отвѣчали изъ всѣхъ своихъ укрѣпленій, за исключеніемъ Рамазана, хранившаго упорное молчаніе и тѣмъ сильно интриговавшаго всѣхъ участниковъ аттаки. Укрѣпленія Кая-Баши, Слигеръ-Дюзъ, Ахали-Табіе и Мехрабъ безъустанно забрасывали гранатами наши баттареи, но вреда отъ ихъ выстрѣловъ причинялось очень мало, потому что большая

часть снарядовъ не долетала до баттарей и ложилась у валовъ прикрывавшихъ наши орудія. Но съ продолженіемъ бомбардировки, непріятельскіе форты все болѣе и болѣе ослабляли огонь своихъ орудій, и это ослабленіе сочтено было наилучшимъ доказательствомъ дѣйствительности нашего артиллерійскаго огня. Почва штурма показалась достаточно подготовленною, и не смотря на то, что было уже довольно поздно, и что до сумерекъ оставалось всего лишь два часа; — въ 6 часовъ вечера командующій корпусомъ генералъ Лорисъ-Меликовъ далъ сигналъ къ штурму.

Ахалцихскій отрядъ, отличившійся наканунѣ при взятіи штурмомъ Гелявердскихъ укрѣпленій, не принималъ ни малѣйшаго участія въ штурмѣ 5 мая. Онъ расположенъ былъ къ сѣверу отъ Гелявердъ, — на обоихъ берегахъ нижняго теченія Куры. Правый флангъ аттакующихъ составлала колонна генерала Геймана, изъ двухъ батальоновъ 1-го и 4-го Эриванскаго полка и 4-й роты перваго сапернаго батальона. Въ резервѣ эта колонна имѣла батальонъ 2-й того же Эриванскаго полка. Во главѣ колонны, какъ и наканунѣ, ѣхалъ генералъ Геймапъ; съ инженеръ-полковникомъ Бульмерингомъ, понедшимъ на штурмъ, не смотря на то, что онъ былъ не только главнымъ, но и единственнымъ инженеромъ отряда. За ними слѣдовалъ кучкою штабъ генерала Геймана, съ его синимъ значкомъ. Пѣхота этой колоны, шедшая стрѣлковыми цѣпями, слѣдовала сначала по балкѣ, идущей отъ Гелявердскихъ высотъ по направленію къ укрѣпленію Слигеръ, составляющему, благодаря новѣйшимъ работамъ, одно

укрѣпленіе съ прежнимъ отдѣльнымъ люнетомъ Казъ-Тапаси. По другой балкѣ и тѣмъ же высотамъ, и потому же направленію, и также разсыпнымъ строемъ, подвигались два батальона Бакинскаго полка. Стоявшія на тѣхъ же высотахъ двѣ баттареи Кавказской гренадерской артиллерійской бригады въ началѣ штурма, участили свои выстрѣлы въ укрѣпленіе Слигеръ; но вскорѣ послѣ начала аттаки онѣ снялись и пошли впередъ на помощь штурмующихъ.

Въ центрѣ, по балкамъ Алагезскаго ската, выдвинулись два батальона Тифлискаго полка, направившіеся къ укрѣпленіямъ Дюзъ и Ахали-Табіэ. Эти батальоны тоже двигались разсыпнымъ строемъ, перебѣгая отъ одного прикрытія къ другому и представляя видъ нѣсколькихъ стрѣлкокыхъ цѣпей.

На лѣвомъ флангѣ между деревнями Сазора и Санисъ-хеви, выступилъ 4-й батальонъ Тифлисскаго же полка, имѣвшій цѣлью предмостное укрѣпленіе Мехрабъ, послѣднее изъ правобережныхъ укрѣпленій Ардагана. Въ подспорье этому батальону двигалась кавалерія, изъ дивизіона Тверскаго драгунскаго полка и двухъ сотенъ казаковъ при двухъ орудіяхъ конной Кубанской артиллеріи, стоявшей на высотахъ противъ деревни Чунчури и подвигавшейся по Ольтинской дорогѣ.

Съ начала штурма непріятель напрегъ всѣ свои усилія: онъ принялся стрѣлять изъ орудій картечью, и открылъ ружейный огонь гораздо раньше подступленія нашихъ силъ на ружейный выстрѣлъ. О степени смущенія непріятеля можно было судить по безпорядочности его огня: цѣлые залпы картечи перелетали черезъ

головы пѣхоты, вредя лишь немногимъ стрѣлкамъ, десятки тысячъ ружейныхъ патроновъ растрѣлены были даромъ безъ малѣйшаго ущерба для нашихъ солдатъ. Удивительнѣе всего то, что наши молодые солдаты, могшіе растеряться въ эти горячія минуты, сохранили полное спокойствіе духа; они шли медленно, не открывая огня, покрайней мѣрѣ, въ теченіи цѣлаго получаса, несмотря на сильный и непрерывный огонь непріятеля, направленный въ нихъ. Но когда они дошли до близости ружейнаго выстрѣла, они принялись стрѣлять методично, пригибая колѣно и мѣтя внимательно въ цѣль. Это замѣчательное и, неожиданное хладнокровіе нашихъ солдатъ, принесло громадную пользу штурму. Наши патроны не пропадали даромъ, пѣхота не горячилась и твердо выполнила возложенную на нее задачу; непріятель же, страдавшій отъ мѣткаго огня нашихъ стрѣлковъ и видя упорный натискъ людей, которыхъ какъ будто даже и смерть не беретъ, все болѣе и болѣе терялъ голову. Онъ угощалъ выстрѣлами, не заботясь объ ихъ мѣткости, такъ что въ иные моменты валы укрѣпленій освѣщались непрерывнымъ и сплошнымъ пламенемъ и застилались цѣликомъ густымъ облакомъ пороховаго дыма. Если бы турки въ эти моменты стрѣляли спокойно и въ прицѣлъ, нѣтъ сомнѣнія, что наши стрѣлки пострадали бы жестоко, и Богъ знаетъ, каковы бы были результаты аттаки. Но турки съ горяча палили, точно грохотомъ ружейныхъ выстрѣловъ, они хотѣли не ослабить аттакующихъ, а разсѣять свой же собственный страхъ. Какъ бы то ни было, ихъ пальба не давала серьезныхъ результатовъ. Брустверы ихъ

укрѣпленій освѣщались сплошнымъ пламенемъ ружейныхъ и картечныхъ выстрѣловъ; полагали, что цѣпь нашей пѣхоты легла костьми отъ такого количества снарядовъ,—но глядь, стрѣлки перебѣгаютъ, пригибаясь осторожно, пользуясь мертвымъ пространствомъ и неровностями пути. Отъ залповъ, долженствовавшихъ уложить сотни двѣ солдатъ, погибали или падали по три, по четыри или по пяти человѣкъ.

Такимъ образомъ медленно и одновременно подвигались всѣ эти колонны, все болѣе и болѣе окружая своею цѣпью правобережныя укрѣпленія Ардагана. И чѣмъ ближе приближались онѣ къ непріятелю, тѣмъ сильнѣе становился ихъ огонь. По мѣрѣ приближенія ко рвамъ, колонны становились гуще и цѣпь превращалась въ кучки. Видя такое неопредѣленное наступленіе нашихъ войскъ, видя, что они скоро ударятъ въ штыки, непріятельская пѣхота побросала оружіе и амуницію, и стремглавъ пустилась въ бѣгство на лѣвый берегъ Куры, наводя ужасъ и панику на городскихъ жителей и на гарнизоны бережныхъ укрѣпленій. Турецкіе артиллеристы остались немного дольше; но часть ихъ была заколота, а остальная бѣжала, не успѣвъ даже заклепать множество превосходныхъ и драгоцѣнныхъ орудій, которыми вооружены были въ избыткѣ всѣ ардаганскія укрѣпленія.

Такимъ образомъ правобережныя укрѣпленія были заняты аттакующими. Предстояло переправиться на лѣвый берегъ, штурмовать лѣвобережныя укрѣпленія, и въ особенности два главныя: Кая-Баши и Рамазанъ.

Городъ Ардаганъ дѣлится Курою на двѣ не ровныя

части. На правомъ берегу стоитъ нѣсколько домовъ зажиточныхъ жителей, жилище паши, инженерная канцелярія, госпиталь, казармы, пороховой погребъ и не много убогихъ хатъ и землянокъ; остальная часть города, съ цитаделью, караванъ-сараемъ, торговыми рядами и со множествомъ частныхъ и казенныхъ зданій помѣщается на лѣвомъ берегу. Два моста соединяютъ обѣ эти части, одинъ близъ укрѣпленія Михрабъ, а другой между Силигеромъ и Кая-Баши. Первый мостъ устроенъ безъ всякихъ сводовъ, изъ круглыхъ брусьевъ, продолженныхъ по каменнымъ быкамъ. Второй же мостъ предназначенъ лишь для пѣшихъ и устланъ въ родѣ подмостокъ, поставленныхъ на козлы лубочной работы. Замѣчательное дѣло, что ни одно изъ орудій, ни одного изъ множества ардаганскихъ укрѣпленій не обстрѣливало ни одинъ изъ этихъ мостовъ! Но когда наши войска приблизились къ городу, Кая-Баши выслалъ свой гарнизонъ впередъ къ крутому спуску Куры, какъ разъ подъ вторымъ мостомъ, и этотъ гарнизонъ оттуда открылъ по нашей колоннѣ, подходившей къ мосту, сильный штуцерный огонь, причинившій не мало вреда. Но дальнѣйшее наступленіе колонны эриванцевъ навело панику и на этотъ гарнизонъ. Какъ только эриванцы перешли мостъ и начали подыматься въ гору, гарнизонъ Кая-баши бѣжалъ, предоставивъ артиллерійскую прислугу ея горькой судьбѣ.

Между тѣмъ гарнизонъ правобережныхъ укрѣпленій успѣлъ отчасти взобраться на первый обширный мостъ, чтобы по немъ бѣжать въ городъ и за городъ. Подлетѣвшая къ тому времени казачья конная артиллерія пус-

тила въ толпу, спасавшихся бѣгствомъ, нѣсколько картечныхъ выстрѣловъ, и масса солдатъ полетѣла въ воду. Остальной части отступавшихъ отрѣзанъ былъ путь къ мосту тифлисцами, занявшими его. Цѣлые батальоны турокъ, побрасавъ оружіе, бросились въ рѣку, чтобы переплыть ее вплавь. Наши солдаты и тутъ преслѣдовали ихъ, и вся эта масса турокъ потонула въ Курѣ. Часть же гарнизона, спасшаяся въ госпиталѣ и сосѣднихъ казармахъ и принявшаяся стрѣлять въ наши войска изъ оконъ, была перебита или переколота солдатами Тифлисскаго полка.

Тифлисцы перебрались на лѣвый берегъ позже кавалеріи, которая пущена была для преслѣдованія бѣжавшихъ. Вслѣдъ за нею переправилась пѣхота. Перестрѣлка, впрочемъ весьма не долгая, продолжалась на улицахъ города. Но вскорѣ все успокоилось: успѣхъ нашихъ уже не оспаривался, и турки бѣгствомъ своимъ предоставили побѣдителю право распоряжаться, какъ укрѣпленіями, такъ и орудіями, запасами, снарядами и т. п.

Бѣгство турокъ было неправильное отступленіе, не спасеніе оставшихся солдатъ, а безпорядочное, одиночное и паническое разрушеніе турецкихъ войскъ: оружіе все было побросано, люди спасались кому какъ пришлось и куда ни попало. Раненые скоро поумерали въ окрестныхъ селеніяхъ. Наша кавалерія преслѣдовала бѣглецовъ на протяженіи 18-ти верстъ. Темнота ночи, не дозволявшая разглядѣть непріятеля, заставила ее вернуться назадъ въ городъ съ военноплѣнными, схваченными дорогою.

Какъ уже сказано, что упорное молчаніе Рамазанскихъ укрѣпленій приводило въ недоумѣніе всѣхъ на-

шихъ. Поминутно ожидалось, что онъ вотъ-вотъ шарахнетъ гранатами по нашимъ войскамъ. И дѣйствительно, когда колонна эриванцевъ придвигалась къ Слигеру, изъ Рамазана выкатили одно орудіе, поставили его ниже укрѣпленій, на косогоръ, и пустили изъ него въ солдатъ нѣсколько картечныхъ выстрѣловъ. Но этимъ и ограничилась вся роль этой неприступной твердыни: орудіе скоро перестало стрѣлять, такъ какъ солдаты наши, подошедшіе къ валамъ Слигера, скрыты были отъ дѣйствія рамазанскихъ орудій, и выкаченная пушка такъ и осталась на косогорѣ. Послѣ взятія лѣваго берега, на Рамазанъ отряжено было два батальона Эриванскаго полка, съ приказаніемъ взойти на гору, пользуясь темнотою ночи, и къ разсвѣту аттаковать гарнизонъ. Эриванцы, подошедшіе къ Рамазану, увидѣли, что фортъ оставленъ турками, бросившими въ немъ оружіе, запасы, снаряды, и даже не докушанный супъ, и немедленно же заняли его, разумѣется, безъ выстрѣла.

При занятіи Слигера случайно столконулись инженеры, строившіе турецкіе форты и руководившіе работами, направленными противъ нихъ. Въ Слигерѣ убитъ строитель фортовъ, въ тотъ самый моментъ, когда инженеръ-полковникъ Бульмерингъ подходилъ къ валамъ Слигера во главѣ штурмовавшихъ эриванцевъ.

Командующій корпусомъ генералъ Лорисъ-Меликовъ, лично направлявшій аттаку, слѣдилъ за ея результатами со склона Алагеза, подвигаясь шагъ за шагомъ, со всѣмъ своимъ штабомъ вслѣдъ за движеніемъ штурмующихъ колоннъ. Онъ вступилъ въ городъ вслѣдъ за нашими войсками, и распорядился насчетъ призрѣнія ране-

ныхъ и приведенія въ извѣстность непріятельскихъ запасовъ и орудій. Когда наши проходили по улицамъ города, онѣ буквально завалены были трупами турокъ. Тутъ валялись не только тѣ, что убиты были при штурмѣ, но и убитые разрывами нашихъ снарядовъ, градомъ падавшихъ въ городѣ еще съ 4-го мая. Нашихъ же труповъ на улицахъ города видно было очень мало. Бѣжавшій непріятель, очевидно, уже пересталъ думать объ оборонѣ, съ тѣхъ поръ, какъ наши солдаты вступили на мостъ.

Въ сущности побѣда, по приведеніи въ извѣстность всего добытаго съ боя и по тщательномъ осмотрѣ укрѣпленій, оказывается въ высочайшей степени замѣчательною.

Наши войска взяли не фортъ какой-нибудь, не рядъ укрѣпленій, а первоклассную крѣпость, отлично выстроенную и вооруженную, съ громадными запасами, могшими продлить сопротивленіе гарнизона на цѣлые мѣсяцы. Гарнизонъ этой крѣпости былъ многочисленный, продовольствіе его было обезпечено, но чѣмъ же объяснить то, что не большая часть нашего войска смогла взять такую крѣпость съ такою быстротою, при сравнительно ничтожныхъ потеряхъ съ нашей стороны?

На этотъ любопытный вопросъ корреспондентъ заявлялъ, что изъ направленія фасовъ почти всѣхъ ардаганскихъ укрѣпленій, въ особенности главнѣйшихъ, видно, что турки ожидали нападенія русскихъ лишь съ одной стороны,—со стороны Ахалцыха или Ахалкалака, съ сѣвера или съ сѣверо-востока. Главнѣйшія укрѣпленія направлены именно въ эту сторону. Сюда же глядѣли всѣ крупнѣйшія орудія, крѣпостныя

и береговыя. Повернуть ихъ не легко было въ 2 — 3 дня. И дѣйствительно, когда мы подходили къ Ардагану и даже послѣ рекогносцировки 1-го мая, общее мнѣніе спеціалистовъ заключалось въ томъ, что аттаку Ардагана слѣдуетъ начать съ нападенія на Рамазанъ, съ высотъ, господствующихъ надъ нимъ, съ тѣхъ самыхъ высотъ, въ которыя направлены изумительно прочныя трехъ-ярусные верки этого форта. Но это мнѣніе не было принято, и ключемъ Ардагана выбранъ былъ, генераломъ Лорисъ-Меликовымъ, фортъ Геляверди, а наступательною линіею — высоты, господствующія надъ Ардаганомъ съ юго-восточной стороны. Съ этой же стороны турки не предвидѣли нималѣйшей аттаки, это видно изъ слабости, конечно, сравнительной, фортовъ, направленныхъ противъ этихъ высотъ: Ахали-Табіэ, Дюзъ, Мехрабъ, были ничто иное, какъ люнеты довольно скромныхъ размѣровъ. Увидя, что наши войска подходятъ со стороны Карса, турки бросились укрѣплять и усиливать эти послѣднія укрѣпленія; въ два — три дня они вырыли рвы и насыпали валы для соединенія отдѣльныхъ южныхъ люнетовъ въ одно цѣлое и для придачи имъ новой силы, возвели новые люнеты и редуты, словомъ, дѣлали всѣвозможныя усилія для укрѣпленія ахилесовой пяты своей позиціи. Но все оказалось тщетнымъ. Съ этой именно стороны, съ которой турки, по ихъ же словамъ, никогда не ждали нападенія, наши войска быстрымъ и энергическимъ натискомъ, произведеннымъ съ полнымъ спокойствіемъ и хладнокровіемъ, заняли шагъ за шагомъ всѣ ардаганскія укрѣпленія; пресловутому Рамазану неудалось сдѣлать даже

десятка залповъ, хотя бы только для очищенія совѣсти. Какъ только наши войска вступили въ городъ, туда же проникли и карапапахи, недавніе подданные султана, слѣдовавшіе за нашими войсками съ просьбою зачислить ихъ въ нашу службу.

Подобно собакамъ, бросающимся терзать тѣло павшаго собрата, эти карапапахи, стоявшіе во время штурма на почтительной дистанціи, неустрашимо бросились на побѣжденныхъ, какъ только эти послѣдніе прекратили огонь. Никакая сила уже не въ состояніи была удержать ихъ хищническіе инстинкты. Они разбивали окна, выбивали двери, грабили, разрушали все, и, нагрузивъ своихъ лошадей точно стогъ сѣна, сами вели ихъ подъ уздечку въ лагерь.

Но солдаты наши цѣлыми батальонами стояли въ сторонѣ отъ грабившихъ, не принимая нималѣйшаго участія въ этомъ безобразіи. Хотя въ военной практикѣ большинство полководцевъ допускали разграбленіе городовъ, взятыхъ штурмомъ, но Лорисъ-Меликовъ, узнавши о грабежахъ, распорядился прекратить ихъ. Сдѣлать это, однакожъ, было не легко для нашего слишкомъ немногочисленнаго штаба. Лишь на слѣдующій день сдѣлалось возможнымъ осилить нагайками хищническіе инстинкты карапапахъ, и даже вознаградить нѣкоторыхъ изъ пострадавшихъ возвращеніемъ того, что можно было розыскать и выдачею червонцевъ-полуимперіаловъ. Впрочемъ, это обстоятельство, вызвавшее во всемъ нашемъ штабѣ и во всѣхъ нашихъ офицерахъ справедливое и благородное негодованіе, послужило съ одной стороны и въ пользу: къ подготовленію серьезныхъ

мѣръ для предупрежденія подобныхъ безобразій въ будущемъ, когда войскамъ нашимъ приходилось брать штурмомъ прочіе укрѣпленные города Малой Азіи.

Ахалцыхскій отрядъ, окончивъ дѣло съ паденіемъ Ардагана, присоединился къ главнымъ силамъ дѣйствующаго корпуса. Для охраненія Ардаганской провинціи и обороны нашихъ границъ сформированъ ардаганскій отрядъ, подъ начальствомъ полковника Комарова. Гражданское управленіе уже организовано и наши войска направились далѣе къ главному своему объекту.

Кромѣ того объ Ардаганѣ слѣдуетъ сказать, что Ардаганъ или правильнѣе Артаанъ, одинъ изъ древнихъ городовъ страны. Полагаютъ, что упоминаемый Птоломеемъ Артанисса, есть названіе именно этого города. Въ дни армянскихъ Аршакидовъ, Ардаганъ входилъ въ составъ древне-армянской провинціи Гугаркъ. Съ паденіемъ Анійскаго царства Багратидовъ, этотъ городъ съ окрестностями отошелъ къ Грузіи и находился въ такъ-называемой Верхней Карталиніи. Въ XIII вѣкѣ городомъ владѣли особые эристави, называемые Артанскимъ и Колосскимъ. Въ XVI столѣтіи онъ взятъ турками и съ того времени находится въ ихъ рукахъ. Въ этихъ мѣстностяхъ турки съ особою настойчивостью и насиліемъ превращали христіанское населеніе въ магометанство. До 1829 г. Ардаганъ входилъ въ составъ, бывшаго Ахалцыхскаго пашалыка, за тѣмъ по настоящее время считался особымъ округомъ подъ управленіемъ особаго паши.

Городъ Ардаганъ расположенъ на высотѣ 5,400 футовъ у рѣки Куры, при впаденіи въ нее рѣчки Арда-

ганъ. Крѣпость его когда-то считалась неприступною. Извѣстно, что 22-го іюля 1828 года графомъ Паскевичемъ-Эриванскимъ былъ взятъ Карсъ, а 15-го августа русскія войска вступили въ Ахалцыхъ. Разбитые подъ этимъ городомъ турецкія войска бѣжали по направленію къ Ардагану. Между тѣмъ на выручку турокъ спѣшилъ съ значительными силами Мушскій паша. Узнавъ объ этомъ генералъ Берхманъ отрядилъ изъ Карса небольшой отрядъ подъ командою полковника князя Бековича-Черкасскаго, который и встрѣтилъ пашу 17-го августа недалеко отъ Ардагана, въ тѣснинахъ и, сразившись освободилъ мирныхъ жителей—христіанъ болѣе чѣмъ изъ 20 деревень, которыхъ турки гнали въ Эрзерумъ. Паша отступилъ въ Ардаганъ, но, не смѣя здѣсь остановиться, бросилъ городъ и двинулся къ Эрзеруму. Между тѣмъ 20-го августа направились къ Ардагану изъ Ахалцыха отрядъ генерала Муравьева, и изъ Карса, 21-го августа—отрядъ генерала Берхмана. Муравьевъ однако встрѣтилъ затрудненія при переходѣ хребта Улгарь, такъ что въ четверо сутокъ отрядъ его едва прошелъ 70 верстъ.

22-го августа 1828 года отрядъ генерала Берхмана былъ у Ардагана; при появленіи русскихъ, жители города встрѣтили ихъ за нѣсколько верстъ и поднесли ключъ крѣпости. 31 орудіе и значительные артиллерійскіе запасы были трофеями русскаго войска. Въ день сдачи города отрядъ Муравьева находился въ 25 верстахъ. Наконецъ 18-го сентября вступилъ въ городъ и главнокомандующій графъ Паскевичъ.

Однако главный отрядъ не долго здѣсь оставался,

такъ какъ въ войскахъ показалась чума. Въ 1829 году Ардаганъ возвращенъ Турціи.

Въ 1853 году, съ открытіемъ компаніи, турки сосредоточили въ Ардаганѣ большія силы и отсюда ворвались и подошли къ Ахалцыху. Однако, когда 24-го мая 1855 года войска наши выступили противъ главныхъ силъ Анатолійской арміи, то турки отступили изъ Ардагана и 31-го мая отрядъ генерала Ковалевскаго безъ боя взялъ Ардаганскую крѣпость и разрушилъ ея стѣны. Въ іюлѣ 1856 года наши войска вновь оставили турецкую территорію.

Въ послѣдніе годы на Ардаганъ обращено турками особое вниманіе. Англійскіе инженеры воздвигли вокругъ и въ окрестностяхъ города сильныя укрѣпленія. Одинъ изъ такихъ слѣдуетъ считать воздвигнутое уселенія Геляверды, находящагося примѣрно въ пяти верстахъ отъ города, къ сѣверо-востоку, у рѣчки, впадающей въ Куру у крѣпостцы Уръ.

Ардаганъ имѣетъ до 200 домовъ жителей, большую частью армянъ и принявшихъ мусульманство грузинъ. Дома построены на скатѣ горы, на вершинѣ которой красуется крѣпость. Есть нѣсколько христіанскихъ древностей въ городѣ, въ томъ числѣ древній храмъ съ куполомъ.

Ардаганскій округъ имѣетъ свыше 120 селеній, съ смѣшаннымъ съ христіанскимъ и турецкимъ населеніемъ. Въ окрестностяхъ города богатыя дубовыя рощи, въ послѣдніе годы безпощадно истреблявшіяся.

Отъ этихъ блестящихъ началъ дѣйствія русскаго оружія у друзей порты начали проявлятся лихорадоч-

ные параксизмы, что видно изъ резолюціи Гладстона продолжавшей служить предметомъ преній въ англійскомъ парламентѣ. Телеграфъ передавалъ сущность двухъ рѣчей произнесенныхъ въ засѣданіи палаты общинъ 28-го апрѣля. Одна изъ нихъ должна была привести въ ужасъ англійскихъ туркофиловъ. Ораторъ доказывалъ, что англійское правительство поступило бы благоразумнѣе, если-бы оно, вмѣсто того чтобы поддерживать Турцію,—содѣствовало ея распаденію. „Если-бы Англія предложила Германіи говорилъ онъ, совмѣстное соглашеніе съ Россіей по Восточному вопросу, то война была-бы предотвращена". Онъ основывалъ эту увѣренность на томъ соображеніи, что мѣстную автономію въ Герцеговинѣ и въ Босніи было-бы не труднѣе ввести, чѣмъ нѣкогда въ Румыніи и Греціи. О Болгаріи ораторъ почему-то не упомянулъ; быть можетъ, онъ относитъ свои соображенія къ тому моменту, когда все дѣло ограничивалось еще герцеговинскимъ возстаніемъ и дипломатическими переговорами, къ которымъ оно послужило поводомъ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что возможность устранить войну была—и не прибѣгая къ столь родикальному средству, какъ разложеніе Турціи. На первыхъ порахъ достаточно было не многаго, чтобы избѣжать вооруженнаго столкновенія. Даже автономія для Босніи, Герцеговины, требовалась не Богъ знаетъ какая,—и вопросъ, вѣроятно, былъ-бы отсроченъ. Но почтенный ораторъ, требовавшій политическаго умерщвленія Турціи руками англичанъ, вѣроятно позабылъ, что помѣхою реформамъ, сначала въ Босніи и Герцеговинѣ, а за тѣмъ и

въ Болгаріи, служили великія трудности ихъ примиренія. При нѣкоторомъ искренномъ согласіи державъ, онѣ были-бы легко преодолѣны. Но къ сожалѣнію, этихъ реформъ столько же не захотѣла Турція, сколько не хотѣла ихъ прежде всего Англія. Какъ реактивъ противъ ошибокъ министерства, ораторъ рекомендовалъ своимъ соотечественникамъ союзъ съ Россіей. Но для этого необходимо, чтобы англійская политика взяла назадъ все то, что ею до того времени было сдѣлано въ восточномъ вопросѣ. Конечно, не кабинетъ лорда Беконфильда взялъ-бы на себя такую задачу самоотреченія. Да! и что могло побуждать его къ этому? Оппозиція очень прытка на словахъ; но и только, Это подтвердилось на той-же резолюціи Гладстона по поводу которой произнесена была запальчивая рѣчь г. Кортней? Самыя существенныя части этой резолюціи были взяты назадъ. А что они значили, въ сравненіи съ тѣмъ радикальнымъ средствомъ разрѣшенія вопроса, которое предлагалъ ораторъ, взывавшій къ разрушенію Турціи! Англійскіе либералы отказывались даже выразить порицаніе правительству султана за управленіе вообще и гнетъ надъ христіанами въ особенности. А г. Кортней совѣтывалъ союзъ съ Россіей! Вѣроятно, онъ одинъ въ этомъ союзѣ и останется.

Другой ораторъ, Форстеръ, порицалъ правительство за вышеписанный намъ отвѣтъ гр. Дэрби на депешу русскаго государственнаго канцлера. Онъ находилъ этотъ отвѣтъ опаснымъ по скрывающимся въ немъ тенденціямъ, а высказанное въ немъ осужденіе русскаго правительства за вооруженное вмѣшательство—недѣй-

ствительнымъ при отсутствіи общеевропейскаго согласія, взглядовъ на этотъ предметъ. Въ Петербургѣ на депешу гр. Дэрби взглянули болѣе снисходительно, въ ней не усмотрѣли ничего опаснаго, и гораздо болѣе нежели ей, повидимому, придавали значенія объявленному Англіи нейтралитету. Покрайней мѣрѣ причисляли его къ симптомамъ, разрѣшающимъ натянутость политическаго положенія, въ связи съ другими признаками, и между прочимъ съ внутреннимъ состояніемъ Турціи, для которой борьба оказалась затруднительною.

Чѣмъ меньше сопротивленія въ силахъ оказывали-бы турки, тѣмъ меньше понадобилось-бы жертвъ съ обѣихъ сторонъ. Но нейтралитетъ Европы, локализующій войну, оставался въ своей силѣ, до тѣхъ поръ когда настанетъ время подводить результаты войны, которыми должны быть искуплены тягости, поднявшія Россіей, только въ предвидѣніи этихъ результатовъ, долженствовавшихъ уравновѣсить приносимыя для войны жертвы?

Впечатлѣніе произведенное въ Европѣ депешей гр. Дэрби въ отвѣтъ на ноту русскаго государственнаго канцлера отъ 7-го апрѣля, заключавшую въ себѣ сообщеніе объ объявленной Турціи войнѣ, было равносильно тому, какое нислучалось-бы отъ вѣсти о послѣдовавшемъ разрывѣ между Россіей и Англіей. Депешу иначе и не истолковывали, какъ въ смыслѣ предвѣстника этого разрыва, за которымъ должно было послѣдовать выступленіе Англіи въ качествѣ открытаго союзника Порты;—до такой степени тонъ и содержаніе депеши гр. Дэрби казались рѣзкими и даже вызывающими. Такъ оцѣнивали этотъ дипломатическій доку-

ментъ и въ Берлинѣ, и въ Парижѣ и въ Вѣнѣ, одинаково находя его опаснымъ для локализаціи войны. Полагали, что с.-петербургскій кабинетъ потому уже не могъ отвѣчать на него, что единственнымъ отвѣтомъ могло бы служить объявленіе войны. Въ Парижѣ депеша гр. Дэрби произвела панику; биржа долгое время была въ сильной тревогѣ, для успокоенія которой нѣкоторыя газеты поспѣшили заявить, что французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, герцогъ Деказъ, обращался, будто бы, въ Лондонъ съ чѣмъ-то въ родѣ протеста по поводу того мѣста англійской депеши, въ которомъ графъ Дэрби произносилъ приговоръ надъ Россіей, какъ будто по уполномочію Европы. Въ Вѣнѣ туркофильскія газеты рукоплескали и, принимая на себя роль органовъ австро-венгерской политики, поздравляли Англію съ имѣющимся у нея союзникомъ. Но нигдѣ, конечно, депеша графа Дэрби не произвела такого восторга, какъ въ Константинополѣ. Въ турецкой столицѣ въ честь англійскаго правительства устраивались небывалыя овацiи. Палата вотировала адресъ министерству лорда Биконсфильда; султанъ благодарилъ всѣхъ,—и англійское правительство во всемъ его составѣ, и автора депеши графа Дэрби, и новаго англійскаго посланника г. Лейярда, въ отдѣльности. Недоставало одного, чтобы была отправлена въ Лондонъ спеціальная депутація, на подобіе той, которая передъ этимъ ѣздила въ Пештъ. Еслибы непослѣдовало изъ Лондона предупрежденія,—можно быть увѣреннымъ, что энтузіазмъ дошелъ бы до этой степени и подобная мысль уже возникала-бы.

Депеша гр. Дэрби пришлась для турецкаго правительства, какъ нельзя болѣе кстати.

Но по всѣмъ приходившимъ изъ Константинополя извѣстіямъ, послѣ краткаго возбужденія, которымъ сопровождалось начало войны, тамъ настало совершенное уныніе, котораго не скрывали даже газеты, преданныя Турціи.

Чрезвычайныя мѣры, къ которымъ прибѣгало правительство, въ родѣ поголовнаго привлеченія жителей къ исполненію работъ по сооруженію оборонительныхъ линій, что равнялось новому поголовному налогу, свидѣтельствовало о крайнемъ недостаткѣ средствъ, для пополненія котораго правительство намѣревалось, по нѣкоторымъ признакамъ, наложить руку на имущества, принадлежащія мечетямъ, съ каковою цѣлью, говорили, что султанъ принялъ титулъ „защитника вѣры“. Извѣстія съ театра войны не могли ободрительно дѣйствовать ни на министровъ, ни на народъ, если только послѣднему они сообщались.

На театрѣ военныхъ дѣйствій въ Малой Азіи, какъ описано выше по взятіи Ардагана, паденіе Карса представлялось неизбѣжнымъ; усилія воспрепятствовать переходу русскихъ войскъ черезъ Дунай, на первыхъ же порахъ стоили туркамъ потери одного изъ своихъ наилучшихъ мониторовъ „Литфи“. При такихъ обстоятельствахъ отвѣтная на русскій циркуляръ депеша гр. Дерби подоспѣла, какъ нельзя болѣе во время, чтобы поднять общій упадокъ духа надеждой на вѣрную помощь отъ Англіи, которой помянутая депеша служила предвозвѣстникомъ.

Будущность должна показать насколько вѣрно впечатлѣніе, произведенное въ Европѣ этимъ дипломати-

ческимъ документомъ и оправдаются ли надежды, возлагавшія на него въ Константинополѣ. Пока можно было замѣтить, что значеніе депеши гр. Дэрби, независѣло отъ ея содержанія и тона, а усиливалась обстоятельствами, предшествовавшими ея составленію. Говорили, что она явилась результатомъ продолжительной борьбы, которую долженъ былъ вынести глава министерства, лордъ Биконсфильдъ, съ нѣкоторыми изъ своихъ товарищей по управленію. Побѣда, имъ одержанная, тѣмъ болѣе знаменательна, что на министерскомъ совѣтѣ, на которомъ текстъ депеши вырабатывался, онъ заявилъ имъ, какъ увѣряли, что не остановится передъ могущими возникнуть послѣдствіями этого шага. Молчаніе с.-петербургскаго кабинета, на англійскую депешу, — отняло у этой послѣдней рискъ непосредственной опасности, которую она могла бы породить для мира западной Европы, будучи раздражительно принята русскимъ правительствомъ. Это молчаніе предоставляло сентъ-джемскому кабинету самому выбирать по его усмотрѣнію моментъ для болѣе осязательнаго выраженія своего „неодобренія“ образу дѣйствій Россіи.

Моментъ, который вывелъ бы Англію изъ ея нейтралитета, послужитъ, какъ неоднократно заявлялось англійскими министрами въ парламентѣ, — нарушеніе англійскихъ интересовъ. Но въ чемъ эти интересы заключаются — объ этомъ, какъ уже помянуто высказывалось англійское правительство; въ засѣданіи палаты общинъ, 25-го апрѣля министръ внутреннихъ дѣлъ, г. Кроссъ, формулировалъ ихъ въ трехъ пунктахъ: цѣлость и независимость Египта, сообода и

безопасность Суэзскаго канала и независимость Константинополя, или, какъ выражался министръ, неприкосновенность трактатовъ, обусловливающихъ проходъ чрезъ Дарданеллы. О неприкосновенности Турціи и о полнотѣ власти турецкаго султана, надъ его христіанскими подданными не было рѣчи. Это само по себѣ уже была важная уступка со стороны англійской политики, дававшая нѣкоторую надежду, что прочное улучшеніе участи христіанъ Балканскаго полуострова, составляющее ближайшую цѣль войны, не встрѣтитъ противодѣйствія со стороны англичанъ. Но если такъ, то какой же смыслъ имѣла двуличная политика лорда Биконсфильда за время, предшествовавшее войнѣ, политика, въ которой константинопольское правительство почерпало твердость для своего упорства? Развѣ во все время переговоровъ заходила когда-нибудь рѣчь: о притязаніяхъ Россіи на Египетъ, Суэзскій каналъ или на исключительное обладаніе Дарданеллами?

Телеграфъ передавалъ содержаніе письма помѣщеннаго въ брюсельской газетѣ. Письмо это было писано изъ Петербурга и, надо думать, имѣло въ виду успокоеніе нѣкоторыхъ взволнованныхъ европейскихъ политиковъ на счетъ истинныхъ цѣлей, преслѣдуемыхъ Россіей въ настоящей войнѣ. Подтвердивъ еще разъ, что единственной для нея цѣлью служило улучшеніе быта христіанскихъ подданныхъ турецкаго султана, авторъ письма замѣчалъ, что если Россія, по окончаніи борьбы, потребуетъ болѣе дѣйствительныхъ гарантій для этого улучшенія, т. е. какъ надо догадываться, болѣе дѣйствительныхъ, нежели тѣ, какія

предъявлялись, когда была надежда на дипломатическое разрѣшеніе вопроса, то Европа не должна ее заподозрѣвать въ честолюбивыхъ замыслахъ. Но неужели же можно было воевать за результаты константинопольской конференціи, или за лондонскій протоколъ? Кто же могъ усумниться, что войной пріобрѣтаются новыя права, о которыхъ могло и не заходить рѣчи въ то время, когда на сценѣ дѣйствовали миролюбивые способы, но которыя предъявляются, будучи добыты мечемъ! Слѣдующимъ, логическимъ, за войною моментомъ кажется должно бы служить не толкованіе, которое, можетъ быть, придано этимъ правамъ, а удержаніе этихъ правъ за собою, если разъ они добыты. Такъ, кажется, бывало во всѣхъ войнахъ, особенно въ позднѣйшихъ, которыя сохранились на памяти у современниковъ. Взявъ Севастополь, союзники не поцеремонились отнять у насъ Черное море, часть Бессарабіи, исключительный протекторатъ надъ княжествами, надъ славянскими подданными Турціи, предоставивъ намъ разсуждать, какъ хотимъ, объ руководившихъ ими замыслахъ. Еще менѣе на этотъ счетъ церемонилась, сначала Пруссія, вытолкнувъ Австрію изъ состава германскаго союза, а затѣмъ Германія, разгромила французовъ. Зачѣмъ же мы должны изображать подобіе двуликаго Януса, и, обнажая мечь одной рукой, прижимать къ сердцу другую, въ знакъ нашей глубокой кротости и совершенной невинности въ какихъ-либо свойственныхъ людямъ побужденіяхъ.

Петербургскій корреспондентъ брюссельской газеты, кого-то ублажалъ увѣреніями, что „Россія послѣ войны

снова докажетъ свою умѣренность (?) тѣмъ, что пригласитъ державы къ совмѣстному обсужденію условій? долженствующихъ быть постановленными Турціи для предупрежденія новыхъ неистовствъ". Но эти условія— будущій результатъ войны; это тѣ самыя права, которыя имѣютъ быть добыты оружіемъ. Неужели пріобрѣтаемыя цѣною стольких жертвъ, они будутъ подлежать вопросу? По словамъ корреспондента выходило такъ. Принявъ его увѣренія за правду, можно опасаться новой конференціи, которая приметъ въ свои руки то, что добыто будетъ русской кровью и русскимъ достояніемъ, и распорядится этимъ по своему усмотрѣнію? Мысль высказанная авторомъ письма—не новая; она неоднократно встрѣчалась въ иностранной печати. Ничего нѣтъ мудренаго, что она имѣла своихъ друзей и въ Петербургѣ, принимавшихъ, надо полагать, свои иностранныя мечтанія за сложившіеся уже планы русской политики.

Война! укажетъ дипломатіи! какъ нужно будетъ ей дѣйствовать, зачѣмъ и куда идти. Въ ожиданіи этихъ указаній не слѣдуетъ забывать урока, только что даннаго намъ. Уступчивость русской политики, простиравшаяся въ періодъ предшествовавшихъ войнъ нескончаемыхъ дипломатическихъ переговоровъ, принесла-ли что-либо въ награду за наше миролюбіе? Она лишь поощряла упорство всѣхъ, съ кѣмъ мы имѣли дѣло, и въ концѣ концовъ привела къ войнѣ начавшейся въ Малой Азіи, на Черномъ морѣ и съ придѣловъ Румыніи на Балканскомъ полуостровѣ гдѣ, какъ сказано выше, что войска наши были уже на берегахъ Дуная и не

доѣзжая Текуча, вправо и влѣво отъ дороги, на обширной, слегка волнистой, равнинѣ расположились лагеремъ, на двѣ версты въ длину и версту въ глубину, лицомъ по направленію къ Дунаю, котораго впрочемъ изъ лагеря не было видно, такъ какъ онъ скрытъ отчасти городомъ Галацемъ и крутизною обрывистаго берега. Лагерь былъ распланированъ весьма правильно, довольно просторно, такъ что отыскать требуемую часть очень легко и удобно. У самой дороги, какъ разъ въ центрѣ лагеря, помѣщались лазаретные обозы, надъ ними развивался большой бѣлый флагъ съ краснымъ крестомъ; длинные ряды высокихъ лазаретныхъ фуръ перемежались рядами коновязей и палаточками санитаровъ.

Отсюда къ правому флангу тянулись полковыя колонны пѣхоты, расположенныя тремя линіями; солдаты укрывались отъ дождя и солнца подъ низенькими палатками, тентабри, французскаго образца; въ каждой такой палаткѣ помѣщалось по шести человѣкъ, они же и носятъ съ собою свою палатку, разобранную на шесть же частей; разборка и уборка такой палатки не занимала и десяти минутъ времени; стоять въ такой палаткѣ, конечно, невозможно и сидѣть-то въ ней нужно согнувшись, за то лежать удобно, а главное — тепло и дождемъ не мочитъ, — чего же еще лучше? Люди спали не на голой землѣ, а на соломѣ. Между линіями палатокъ стояли ряды ружейныхъ козелъ, вдоль передней линіи, на довольно значительномъ разстояніи отъ фронта лагеря разставлена была цѣпь часовыхъ. Далѣе на правомъ флангѣ позиціи, раскинулась бивуаками

кавалерія; здѣсь не всѣ полки имѣли палатки и, большинство помѣщалось въ оригинальныхъ импровизированныхъ шалашахъ, устроенныхъ изъ соломы на пикахъ. Лошади въ коновязяхъ, длинные ряды пикъ, воткнутыхъ вертикально тупымъ концомъ въ землю, придавали бивуакамъ въ высшей степени воинственный, оригинальный характеръ, словно все поле ощетинилось—выраженіе это сюда подходитъ, какъ нельзя болѣе. Самый правый флангъ занимали кубанцы и терцы; ихъ бивуаки только и напоминали иррегулярный характеръ своихъ обитателей. Рослыя фигуры нашихъ кавказцевъ, ихъ смуглыя, горбаносыя, бородатыя лица, косматыя бурки, высокія папахи съ краснымъ верхомъ обращали на себя общее вниманіе, давно уже не видавшихъ русскихъ, здѣшнихъ жителей, и около этого бивуака можно было всегда видѣть толпу зѣвакъ, со страхомъ и любопытствомъ поглядовавшихъ на это лихое и грозное воинство. Влѣво отъ центра позиціи тянулись пѣхотные батальоны въ колоннахъ, а за ними артиллерія на походномъ положеніи, т. е. орудія не сняты съ передковъ и стояли на тѣсныхъ интервалахъ. Вдоль всей задней линіи лагеря расположены кухни и ротныя повозки, а сзади всего ямы для нечистотъ вырыты на разстояніи далеко изрядномъ, что можетъ быть не такъ удобно для солдатъ, да за то сохраняла чистоту и здоровость лагернаго воздуха.

Солдаты довольствовались одной горячей варкой въ день, но за то въ достаточномъ количествѣ—сухари превосходные, ржаные съ пріятною кислотою, общій видъ людей здоровый и веселый. Лошади, хотя и успѣли

подтянуться, но это не была бѣда, потому что подтянувшаяся лошадь выносливѣе и сильнѣе, что и доказывало наглядно этими небывалыми, чуть не стоверстными переходами нашей кавалеріи.

Офицеры всѣхъ родовъ оружія помѣщались въ полаткахъ такого же образца, какъ и солдатскія—не много только выше, и покрайней мѣрѣ большинство имѣли желѣзныя складныя кровати; послѣ полуторонедѣльныхъ маршей и передвиженій, состояніе здоровья не ухудшалось.

Къ этому времени русскими войсками были заняты румынскія города: Барбошъ и Браиловъ, а другія направлялись черезъ Марасещи, Фокшаны и Рымникъ, въ Бузео и Плоешти, гдѣ назначена главная квартира Главнокомандующаго.

Каждый день на станціи желѣзной дороги въ Бухарестѣ, въ ожиданіи прибытія русскихъ войскъ, собиралась такая густая толпа народа, что сквозь нихъ невозможно протѣсниться. Жители оказывали самый радушный пріемъ русскимъ войскамъ, угощали ихъ водкой и всѣмъ, что только могли найти лучшаго, прося взамѣнъ всего этого только кусокъ чернаго хлѣба, который имъ очень нравился. Въ особенности хорошо встрѣчали русскихъ солдатъ румынское духовенство; оно оказывало имъ самый радушный пріемъ и напутствовало своимъ благословеніемъ и пожеланіями побѣдъ надъ врагами. Русскія войска были бодры и веселы—только и слышались ихъ шутки, громкій смѣхъ и пѣсни, чему не мало дивились румынскіе солдаты, не понимавшіе, какъ могутъ русскіе съ радостію идти на вѣрную смерть, ожидав-

шую многихъ изъ нихъ, по переходѣ черезъ Дунай; но гдѣ долженъ совершиться переходъ, въ то время никто не могъ опредѣлить. Судя по направленію, принимавшему сосредоточеніемъ русскихъ войскъ, можно было предполагать, что главная операція перехода произойдетъ у Зимницы.

Мимо Яссъ проходили отъ 8 до 10 военныхъ поѣздовъ, направлявшихся въ Плоешти, Питешти, Слатину и Корбу. Отъ Слатины войска направлялись пѣшкомъ къ Зимницу, гдѣ сосредоточили большія массы. По достовѣрнымъ извѣстіямъ туда двигалось 52,000 чел. пѣхоты, 7,400 чел. кавалеріи и 12 баттарей. На Браиловъ—Драганешты также направлялись безостановочно значительныя боевыя силы; до 6-го мая въ Зимницѣ назначено было сосредоточить до 90,000 чел. войска съ многочисленной артиллеріей.

Зимница расположена на лѣвомъ берегу Дуная на противъ турецкой крѣпости Систово; поэтому было основаніе заключить, что главный переходъ произойдетъ между этими мѣстечками. Вслѣдствіе чего на нѣкоторыхъ пунктахъ Дуная русскими были опущены тарпеды и съ той цѣлью, чтобы воспрепятствовать плаванію турецкихъ мониторовъ, которые уже нѣсколько дней дѣлали попытки бомбардировать румынскіе придунайскіе города.

О пріѣздѣ Августѣйшаго Главнокомандующаго въ Бухарестъ.

1-го мая въ 12 часовъ дня, прибылъ въ Бухарестъ Августѣйшій Главнокомандующій. Такъ какъ о пріѣздѣ

его было еще наканунѣ объявлено во всѣхъ мѣстныхъ газетахъ, то съ ранняго утра громадная толпа народу сдѣлала почти не проходимымъ весь путь отъ дворца до вокзала; у этихъ же двухъ мѣстъ, а въ особенности у вокзала, собралось до 10,000 народу и болѣе 1,000 экипажей. На вокзалѣ начали еще около десяти часовъ утра собираться мѣстныя начальствующія лица и члены румынской палаты и сената, а около 11 часовъ прибылъ на вокзалъ и князь Карлъ съ супругой, въ сопровожденіи довольно многочисленной свиты. Ровно въ 12 часовъ прибылъ экстренный поѣздъ съ Главнокомандующимъ и его свитой. Князь Карлъ вышелъ на платформу и, привѣтствуя Главнокомандующаго, обнялся съ нимъ. Представивъ затѣмъ Его Императорскому Высочеству всю свою свиту, князь Карлъ вышелъ съ Великимъ Княземъ изъ вокзала, и картежъ двинулся слѣдующимъ порядкомъ: въ первой коляскѣ помѣстился Главнокомандующій съ румынской княгиней Елисаветой; во второмъ—князь Карлъ съ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ Младшимъ; въ третьемъ—начальникъ штаба дѣйствующей арміи, генералъ-адьютантъ Непокойчицкій съ румынскимъ министромъ Братіано, и, наконецъ, за ними болѣе 1,000 экипажей съ встрѣчавшей публикой.

Во дворцѣ встрѣтилъ Августѣйшаго гостя почетный караулъ съ знаменемъ и музыкой. Принявъ здѣсь завтракъ, во время котораго постоянно играли два хора музыки; Великій Князь опять въ сопровожденіи князя и княгини румынскихъ и нѣкоторыхъ высшихъ членовъ своего штаба, отправился въ 3 часа, осмотрѣть въ окрѣстности Бухареста расположенныя части только что

прибывшихъ въ этотъ день войскъ, и около 6 часовъ вечера изволилъ отправиться съ цѣлой свитой въ Плоешти,—мѣстопребыванія главной квартиры, куда прибылъ въ половинѣ девятаго утра, 2-го мая. Трудно въ Плоешти описать восторженную встрѣчу Главнокомандующаго: на станцію собрался весь городъ и восторженные клики привѣтствовали Его Высочество. Великій Князь со станціи поѣхалъ въ открытой колескѣ, которую мѣстныя дамы буквально забросали цвѣтами. За Его Высочествомъ ѣхалъ конвой, и впереди его казакъ везъ собственное знамя Великаго Князя: бѣлое, съ крестомъ и съ подписью „съ нами Богъ“. Знамя это всюду возится за Главнокомандующимъ и указываетъ его мѣстопребываніе. Такія же знамена, но меньшихъ размѣровъ, присвоены и начальникамъ отдѣльныхъ частей: корпусные командиры имѣютъ красныя знамена, начальники дивизіи — синія, а бригадные камандиры — малиновыя.

Въ тотъ же день пріѣхалъ въ Плоешти князь Карлъ, котораго Великій Князь, со свитой, встрѣтилъ на станціи желѣзной дороги. Встрѣча была самая дружественная: Великій Князь обнялъ и поцѣловалъ своего высокаго гостя; затѣмъ онъ представилъ ему начальника штаба Непокойчицкаго, гг. Масальскаго Деппа и помощника начальника штаба *Левицкаго*. Почетный караулъ при князѣ Карлѣ былъ отъ дружины болгарскихъ волонтеровъ, расположенный около Плоешти. Князь пробылъ здѣсь два часа и затѣмъ возвратился въ Бухарестъ. На другой день, 3-го мая, Великій Князь отдалъ ему визитъ.

Плоешти—небольшой, очень красивый городокъ, на-

поминающій своей внѣшностью маленькіе итальянскіе города: дома каменные, улицы мощеныя, зелени очень много.

Войска проходили черезъ Плоешти каждый день, направлялсь въ различныя мѣстности по Дунаю. Великій Князь лично встрѣчалъ части и пропускалъ ихъ мимо себя. Войска, какъ уже сказано, имѣли молодцеватый бодрый видъ, который порожалъ всѣхъ, особенно если принять во вниманіе, что они прошли пѣшкомъ уже болѣе 400 верстъ, неся на себѣ небольшую ношу. Несмотря на бивачное расположеніе, больныхъ и отсталыхъ было очень мало.

Въ Плоешти пребываніе главной квартиры предполагалось до пріѣзда въ армію Государя, т. е. до 25 или 26-го мая. Затѣмъ она предназначалась въ Бухарестъ или еще ближе къ Дунаю. Сосредоченіе русскихъ войскъ на Дунаѣ производилось весьма поспѣшно, такъ что въ первыхъ числахъ іюня ожидали рѣшительныхъ дѣйствій. Движенію войскъ много препятствовали дожди, безпрерывно портившіе дороги.

Какъ уже сказано, что наши войска всюду принимались весьма радушно и надо отдать имъ полную справедливость, что армія вела себя безукоризненно въ предѣлахъ Румыніи, такъ что 28-го апрѣля князь Карлъ послалъ, черезъ графа Штакельберга, благодарность Русскому Императору за примѣрное поведеніе русскихъ войскъ въ Румыніи. Консулъ въ Яссахъ говорилъ, что къ нему не поступало рѣшительно ни одной жалобы, на какое-либо предосудительное дѣйствіе нижняго чина выражавшееся въ той или другой неблаговидной формѣ.

До прихода русскихъ войскъ въ предѣлы Румыніи, въ Бухарестѣ, въ княжескомъ дворцѣ, былъ созванъ большой совѣтъ, въ которомъ участвовали всѣ министры и знаменитѣйшіе политическіе дѣятели Румыніи, подъ предсѣдательствомъ князя Карла. Предметомъ преній былъ вопросъ о томъ: какое положеніе должна занять Румынія въ виду ожиданныхъ событій?

Главный вопросъ, предложенный на обсужденіе совѣта, заключался въ слѣдующемъ: „должна ли Румынія, въ случаѣ войны Россіи съ Турціей, оказать сопротивленіе туркамъ въ занятіи ими нѣкоторыхъ пунктовъ румынской территоріи, и съ кѣмъ слѣдуетъ заключать ей союзъ: —съ русскими или съ турками?“ На этотъ вопросъ послѣдовалъ почти единодушный отвѣтъ членовъ совѣта, что азіятскимъ варварамъ, смотрящимъ на всѣхъ христіанъ, какъ на гяуровъ, вносящихъ съ собою смерть и раззореніе всюду, куда они проникаютъ, — Румынія не должна дозволить занять и пяди своей земли; что же касается Россіи, сдѣлавшей столь много для блага и свободы Румыніи, то съ нею необходимо заключить прочный и искренній союзъ, такъ какъ это предписывается собственными интересами Румыніи. Противъ этого рѣшенія подали голоса только два закоренѣлые туркофила: князь І. Гика и Димитрій Стурдза. Эти личности предложили союзъ съ Турціей противъ Россіи.

Послѣ продолжительныхъ преній вопросъ этотъ былъ рѣшенъ въ пользу союза съ Россіей большинствомъ 16 голосовъ противъ двухъ. За тѣмъ, князь Карлъ, поблагодарилъ совѣтъ за такое счастливое рѣшеніе столь важнаго для страны вопроса, произнесъ: „*пока я живъ*,

ни одинъ турокъ не ступитъ на почву нашего княжества".

Вслѣдствіе этого министръ иностранныхъ дѣлъ, Когальничано, внесъ въ палату депутатовъ конвенцію заключенную 4 го апрѣля между Румыніей и Россіей. Въ силу этой конвенціи, румынскій князь гарантировалъ русскому войску свободный проходъ, а также ручался за такой образъ дѣйствій относительно него, какой подобаетъ оказывать вооруженнымъ силамъ дружественнаго народа; Россія же, согласно съ трактатами обязалась уважать права и цѣлость Румыніи.

Румынской палатой, 7-го мая, была единогласно провозглашена независимость Румыніи, по предложенію депутата г. Флеви. Не подавали голоса только два вышеписанные депутата и бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ Н. Іоанеску; румынскіе туркофилы даже удалились изъ собранія, въ эту торжественную минуту. Тѣмъ не менѣе торжество было полное, и великое дѣло провозглашенія независимости Румыніи, открывающее для нея новую эру существованія, сопровождалось восторженными кликами и выраженіями неописаннаго энтузіазма присутствовавшихъ. Къ довершенію этому румынская палата постановила —250,000 рублей, которые Румынія ежегодно платила въ видѣ дани Портѣ, прибавить къ военному бюджету. Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшено — установить знакъ отличія „румынская звѣзда". И всѣ молдованскія войска были сосредоточены за рѣчкой Ольтой, такъ какъ, они должны образовать правое крыло русской арміи.

Пока русское войско шло для освобожденія Болгаріи,

изъ подъ гнёта турецкаго, то изъ оной получались весьма прискорбныя извѣстія. Въ Бухарестъ прибыли нѣсколько бѣглецовъ изъ Тульчанскаго округа и вотъ что они разсказывали о новыхъ звѣрствахъ турокъ и черкесовъ.

Отъ города Бабадая вплоть до Тульчи не осталось ни одной деревни, которая ни была бы опустошена, разграблена и раззорена турками и черкесами. Болгарская деревня Башъ-Кюю возстала первая, и рѣшилась защищаться съ оружіемъ въ рукахъ противъ этихъ варваровъ. Къ ней присоединились и жители окрестныхъ деревень, сознававшіе, что имъ иначе не избѣжать участи деревень, уже разоренныхъ турками и черкесами. Они всѣ собрались въ Башъ-Кюю и укрѣпили ее довольно крѣпкими шанцами и другими сооруженіями. Несчастные болгары надѣялись, что, укрѣпившись такимъ образомъ, они будутъ въ состояніи отражать нападенія черкесовъ и баши-бузуковъ до перехода русскихъ войскъ черезъ Дунай въ Добруджу; но они горько ошиблись въ своихъ надеждахъ. Нѣсколько дней спустя, на нихъ напала шайка изъ 300 человѣкъ черкесовъ. Произошло кровопролитное, ожесточенное побоище, въ которомъ черкесы потеряли 80 человѣкъ убитыми, болгары же — только двоихъ. Дикая орда черкесовъ обратилась въ бѣгство; но на другой день явилась вновь, и уже въ числѣ 800 человѣкъ. Они окружили со всѣхъ сторонъ Башъ-Кюю и, такъ какъ у болгаръ не было достаточнаго и надлежащаго оружія для обороны, успѣли проникнуть въ деревню. Всѣ находившіеся въ ней люди были избиты, а самая деревня сожжена; безчеловѣчные варвары не пощадили ни женщинъ, ни дѣтей, ни стар-

цевъ; словомъ въ Башъ-Кюю повторились всѣ ужасы, которымъ подвергался въ 1876 году Батакъ и къ которымъ способны только турки и черкесы.

Въ запустѣлой Добруджи рыскали на просторѣ одни только черкесы да баши-бузуки. Жившіе тамъ татары сами сожгли свои деревни и перебрались съ семействами въ Шумлу и Варну. Болгарское населеніе изъ деревень: Хамамдуши, Дольна-Чамурли, Горна-Чамурли, Шотуръ, Кара-Пасупъ, Гаргалакъ, и проч. бѣжало на близь-лежащій островъ на Черномъ морѣ, не подалеку отъ того мѣста, гдѣ ожидали перехода русскихъ войскъ черезъ Дунай. Этотъ островъ простирается отъ Махмудія почти до самой Кюстенджи. Тамъ бѣглецы были въ безопасности, такъ какъ турки и черкесы не могли на него переправиться за неимѣніемъ лодокъ, къ тому же онъ, когда дуютъ южные вѣтры, дѣлается, по случаю большаго разлива, положительно, неприступнымъ. Оставленныя ими деревни всѣ сожжены; словомъ Добруджа превращена въ пустыню.—

Бѣглецы съ того берега прибывали въ Галацъ ежедневно и по одиночкѣ, и болѣе значительными партіями. Большинство изъ нихъ, конечно, болгары изъ окрестныхъ деревень, разбросанныхъ по всей низменной полосѣ праваго берега. Турки стянули всѣ свои регулярныя войска къ крѣпостямъ и балканскимъ подножьямъ. Добруджа была почти очищена отъ регулярныхъ войскъ, тамъ ихъ оставалось не болѣе 6000 человѣкъ, страна предоставлялась въ полное распоряженіе голодающимъ шайкамъ черкесовъ и баши-бузуковъ.

Каждый день съ возвышенныхъ пунктовъ Галаца,

откуда весь противоположный берегъ видѣнъ верстъ на тридцать, какъ на ладони, можно было наблюдать за этимъ отчаяннымъ бѣгствомъ; прежде нѣсколько дней тому назадъ, видны были и преслѣдователи, не рисковавшіе впрочемъ близко подъѣзжать къ берегу и останавливавшіеся всегда за чертою втораго разлива рѣки, внѣ выстрѣла съ лѣваго румынскаго берега. Съ тѣхъ поръ же, какъ начали высылать съ нашей стороны маленькія казачьи команды для прикрытія бѣглецовъ, черкесовъ больше въ виду не показывалось. Ночью обыкновенно несчастные болгары оставляли свои жилища, захвативъ съ собою свои плачевные остатки добра и подъ прикрытіемъ темноты брели по болотамъ, вязли по колѣно въ грязи, а то и въ плавь переправлялись черезъ болѣе значительныя водныя затопи, выбирая дорогу по прямѣе и по ближе къ цѣли— къ разсвѣту они уже достигали берега Дуная.... Сердце болѣло и ныло, когда наблюдали за этими, медленно двигающимися человѣческими фигурами; въ сильный бинокль различали даже нѣкоторыя подробности, женщинъ съ дѣтьми на рукахъ, ряса священника, и проч.

Въ Галацѣ, полиціи и береговымъ командамъ было вмѣнено въ обязанность имѣть всегда на готовѣ лодки для перевозки этихъ страдальцевъ. Завидѣвъ такую партію, лодка отчаливала и шла къ нимъ, забирала ихъ на свою палубу и черезъ полтара, много два часа бѣглецы уже внѣ всякой опасности,—но въ какомъ отчаянномъ положеніи! Это уже не люди изъ плоти и крови,—а какія-то страшныя тѣни, едва-едва сохранившія образъ человѣческій ... Вмѣсто щекъ—глубо-

кія сухія впадины, носъ завостренъ, какъ у труповъ, въ волившихся глазахъ огонь горячки и изнурительной лихорадки, намокшія, грязныя до нельзя, а то и окровавленныя лохмотья, увѣчное, израненое тѣло.... какой-то несвязный лепетъ вмѣсто рѣчи и боязливое вздрагиванье при каждомъ рѣзкомъ звукѣ, при каждомъ не ожиданномъ прикосновеніи.

„Болгарамъ, жителямъ прибрежныхъ деревень, до которыхъ доходили воды дунайскаго разлива, удавалось добывать кое-какія лодченки, и на этихъ щепкахъ, рискуя пойдти ко дну, они переплывали Дунай, борясь съ его быстрымъ волнистымъ теченіемъ, которое неся такую несчастную лодку внизъ, швыряя изъ стороны въ сторону, пока ее не выручало подоспѣшее съ противоположнаго румынскаго берега, — болѣе солидное судно. Кромѣ этихъ рискованныхъ переправъ бѣглецовъ, какъ то изъ-за зеленой осоки и густой заросли молодаго плавника появился даже цѣлый плотъ, связанный изъ бревенъ и настланный плетнями; на этомъ плоту тѣснилось нѣсколько семей, человѣкъ двадцать, съ волами и овцами; по срединѣ стоялъ церковный престолъ съ книгамии и сосудами, узелъ съ ризами и самъ священникъ, сѣдой, совсѣмъ дряхлый старикъ, въ изношенной, побурѣвшей отъ времени суконной рясѣ, вмѣсто пояса подхваченный веревкою, босой и съ крестовъ въ рукахъ, деревяннымъ, околоченнымъ жестью. Тутъ же торчали хоругви и большой церковный крестъ, снятый съ крыши даже колоколъ, маленькій впрочемъ, захватили съ собой раззоренные въ конецъ бѣглецы... Этотъ плотъ медленно вытягивался на бограхъ изъ за-

тоновъ, вошелъ въ Дунай и уже на веслахъ переправился на румынскую сторону. Съ колокольни галацкой болгарской церкви тоже должно быть замѣтили эту плавучую группу и встрѣтили ее звономъ своихъ колоколовъ и открытыми дверями для пріема и помѣщенія всѣхъ спасенныхъ священныхъ предметовъ".

Эти несчастные случаи, а въ особенности жестокости турокъ надъ болгарами,—въ русскомъ войскѣ зародило горячее нетерпѣніе скорой переправы черезъ Дунай въ Болгарію и выручить угнетенныхъ собратовъ отъ ига турецкаго, которое отравляетъ существованіе не однимъ подвластнымъ ей славянскимъ племенамъ, находящимся въ непосредственномъ подданствѣ Турціи, или въ вассальныхъ къ ней отношеніяхъ. Положеніе Греціи, напримѣръ, во многомъ тождественно съ положеніемъ въ которомъ была Сербія весною прошлаго года и которое вынудило ее къ войнѣ. Пограничныя съ Грецiей, обширнѣйшія турецкія провинціи, каковы Эпиръ и Фессалія, населены въ значительнѣйшей степени греками, не говоря объ островахъ Эгейскаго архипелага. До двухъ милліоновъ грековъ считаются въ непосредственномъ подданствѣ Турціи. Большинство ихъ, особенно въ провинціяхъ, прилегающихъ къ границамъ Греческаго королевства, естественно смотритъ на это послѣднее какъ на свое отечество, отъ котораго греки Турціи лишь временно отторгнуты, но въ лоно котораго рано или поздно они должны возвратиться. Такое же тяготѣніе къ нимъ обнаруживается и со стороны Греціи, которая чувствуетъ себя неполной и незаконченной, безъ областей, по племенному сродству

ей придлежащихъ и лишь отъ нея отдѣленныхъ. Движеніе, обнаруживавшееся въ какой-либо изъ греческихъ провинцій, или на какомъ-либо изъ греческихъ острововъ, принадлежащихъ Турціи, всегда сообщалось грекамъ королевства, возбуждая къ нимъ сочувствіе и вызывая поддержку. Критское возстаніе 1866 года, изумившее всѣхъ своей живучестью и упорствомъ, было энергически поддерживаемо греками королевства, доставлявшими на островъ не мало оружія и волонтеровъ. Прошлогоднія майскія избіенія не коснулись собственно греческихъ провинцій; но уже одна близость ихъ привела грековъ въ большое напряженіе, и правительство не безъ труда удержало націю въ ея порывахъ принять участіе въ сербско-турецкой войнѣ. Вооруженное вмѣшательство Россіи пробудило съ новою силой патріотическія и національныя стремленія грековъ, которые требовали отъ своего правительства участія въ войнѣ, считая себя столько-же въ правѣ вступаться за своихъ единоплеменниковъ находящихся подъ игомъ Турціи, сколько Россія за своихъ. Греческое правительство, уступая этому давленію, выходило изъ своего колеблющаго положенія и несомнѣнно готовиться дабы могущая возникнуть неизбѣжность войны – не застала его въ расплохъ.

Сербія, хотя и утомленная недавней непосильной борьбой, видимо тяготилась и тяготится бездѣйствіемъ, на которое осуждена. Отрывочно приходившія изъ Бѣлграда извѣстія, не оставляли однако сомнѣнія, что партія войны, чувствовавшая себя побѣжденной послѣ дюнишскаго погрома, снова становилась и становится на ноги.

Уже было нѣсколько извѣстій сообщавшихъ, что въ совѣтѣ министровъ обсуждался вопросъ: о вмѣшательствѣ Сербіи и былъ поставленъ очень рѣзко для самого князя. Упоминалось при этомъ о какихъ-то пререканіяхъ Сербскаго правительства съ русскимъ консуломъ въ Бѣлградѣ, достигшихъ будто бы такой степени, что сербскому агенту въ Петербургѣ поручено просить объ удаленіи русскаго консула, г. Карцева. Во всемъ этомъ, можетъ быть, и несомнѣнно, есть своя доля преувеличенія. За несомнѣнное можно было признавать одно, что Сербія находилась въ положеніи, болѣе трудномъ, чѣмъ то, въ какомъ она была предъ войной съ Турціей. Боснія и Герцеговина по прежнему въ возстаніи; Черногорія продолжала войну; Греція къ ней готовилась; наконецъ изъ-за Дуная на турокъ надвигалась русская армія, одной Сербіи суждено было оставаться въ бездѣйствіи въ столь важный моментъ для славянскаго мира. Много нужно самообладанія, чтобы остаться нейтральнымъ княжеству и не обнажить меча за общественное дѣло, котораго Сербія была передовымъ бойцомъ.

Всѣ эти симптомы не пугали Турцію. Она имѣла не безъосновательныя причины не страшиться разширенія войны, на Балканскомъ полуостровѣ, но даже желать таковаго, особенно со стороны сербскаго княжества. Не смотря на туманъ, которымъ облекала себя австровенгерская политика, и который не разсѣялся послѣ недавнихъ объясненій ея въ вѣнскомъ и пештскомъ парламентахъ, — косвеннымъ путемъ, при посредствѣ статей, внушенныхъ изъ Вѣны нѣкоторымъ органамъ печати, на этотъ разъ французской, выяснились нѣкоторые

пункты этой политики, очерчена такъ называемая сфера дѣйствія и вліянія Австро-Венгріи, переступивъ за которую, событія могли побудить эту державу къ вмѣшательству. Въ эту заповѣдную орбиту почему-то включена была Сербія, вѣрнѣе говоря,—ея нейтралитетъ. Вмѣшательство Сербскаго княжества въ русско-турецкую войну, по авторитетнымъ толкованіямъ австро-венгерской политики, почему-то считалось вопросомъ до такой степени важнымъ и грознымъ для существованія монархіи Габсбурговъ, что эта послѣдняя не останавливалась ни передъ какими соображеніями; даже самое занятіе Бѣлграда не показалось бы ей рискованнымъ и она готова была на него рѣшиться. Въ Константинополѣ не могли не знать этого чувствительнаго мѣста въ австро-венгерской политики и старались, конечно, эксплоатировать напряженное положеніе, въ которомъ находилась Сербія, эксплоатировать въ томъ смыслѣ, чтобы разрѣшить его войной и этимъ вызвать на сцену дѣйствія новаго участника, и уже сообщалось объ угрожающей нотѣ, полученной сербскимъ правительствомъ отъ турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ. Не удивились бы и тому, если бы за нею послѣдовали и другіе шаги въ такомъ же родѣ, имѣющіе цѣлью вызвать Сербію на нарушеніе нейтралитета. Такіе же планы руководили Портой и относительно Греціи, къ которой она обращалась съ протестомъ по поводу ея вооруженій, съ той разницей, что здѣсь имѣлось въ виду вмѣшательство Англіи относительно ея интересовъ на Востокѣ; но въ чемъ собственно заключались эти интересы, казалось, что вопросъ этотъ уже разъясненъ; въ одномъ изъ недавнихъ засѣданій

палаты общинъ министръ внутреннихъ дѣлъ Кроссъ опредѣлилъ интересы англійской политики на Востокѣ, а именно неприкосновенностью трехъ пунктовъ,—Египта, Суэзскаго канала и Дарданельскаго пролива. Доколѣ на театрѣ военныхъ дѣйствій не произойдетъ ничего, что угрожало бы какими-либо измѣненіями существующаго по отношенію къ этимъ пунктамъ порядка вещей, англійская политика не выйдетъ изъ занятаго ею нейтральнаго положенія, относительно воюющихъ сторонъ, и не вмѣшается въ опредѣленіе результатовъ войны, если они не коснутся перечисленныхъ трехъ условій сохраненія англійскаго нейтралитета. Объясненія г. Кросса были такъ точно формулированы, что не оставляли ни малѣйшаго недоразумѣнія о томъ, какъ слѣдуетъ понимать англійскіе интересы въ Восточномъ вопросѣ. Но послѣ этого формулированія въ недавнемъ времени и въ той же палатѣ общинъ, товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ, г. Буркъ, при обсужденіи резолюціи Гладстона, значительно измѣнилъ толкованіе этихъ интересовъ.

Правительство, сказалъ онъ, желаетъ до послѣдней крайности сохранять обсолютный нейтралитетъ; но оно не будетъ безстрастно присутствовать при зрѣлищѣ разчлененія Турціи. Рамки англійскихъ интересовъ въ устахъ г. Бурка значительно расширились. Это уже не то, что говорилъ Кроссъ. Подъ разчлененіе Турціи подводили всякую существенную реформу, которая предоставляла бы административную самостоятельность любой изъ турецкихъ провинцій. Но кромѣ этого, провозглашеніе, напримѣръ, независимости Румыніи, можетъ

быть, совершенно свободно подводилось подъ категорію явленій, опредѣлявшихъ разчлененіе Оттоманской имперіи. Рѣчь г. Бурка возвращала насъ опять къ тому времени, когда цѣлость и независимость Турціи провозглашалась догматами англійской политики, и служила единственнымъ критеріумомъ англійскихъ интересовъ на Востокѣ.

Останавливаясь на подобныхъ противорѣчіяхъ, англійскую политику не разъ упрекали въ непослѣдовательности, ставя ей въ вину разногласія, замѣчаемыя порою въ томъ, что говорили ея оффиціальные представители. Но въ сущности эта непослѣдовательность только кажущаяся; она не шла далѣе внѣшней стороны. Въ существѣ, политика лорда Биконсфильда осталась неизмѣнной. Она противъ всякихъ радикальныхъ преобразованій на Балканскомъ полуостровѣ и если переносила вооруженное вмѣшательство Россіи, то потому только, что въ моментъ дѣйствій не имѣла средствъ помѣшать ему. Съ другой стороны, еще неизвѣстны итоги начавшейся войны и тѣ преобразовательные результаты, въ которыхъ они должны выразиться; не извѣстно, слѣдовательно, въ какой степени могли быть поколеблены основы государственнаго устройства Оттоманской имперіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и англійскіе интересы, на нихъ-же покоющіеся. Г. Россъ намѣтилъ наиболѣе осязательные изъ нихъ, тѣ, которые могли быть названы и точно формулированы. Но они не исключали интересовъ болѣе общаго свойства, при которыхъ перечисленные выигрываютъ въ своей устойчивости. Слова г. Бурка доказывали, что англійское правительство не упускало изъ виду этихъ общихъ интересовъ, заключавшихся въ воз-

можно меньшемъ нарушеніи государственнаго строя Турціи, и не намѣренно было отказываться отъ заботы о его сохраненіи.

Эти пренія въ англійскомъ парламентѣ, какъ сказано, поповоду резолюціей Гладстона готовы были послужить поводомъ для другой дипломатической компаніи, задуманной, какъ увѣряли въ Берлинѣ, для совмѣстнаго съ Россіей исполненія. Предпринималось своего рода наступательное дѣйствіе на Англію, съ цѣлью пригласить ее высказаться—въ чемъ именно она полагала свои жизненные интересы, неприкосновенностью которыхъ она обусловила свой нейтралитетъ? Изъ вышесказаннаго мы знали, что разъ они были уже довольно точно формулированы въ палатѣ общимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, въ видѣ трехъ пунктовъ, которыми особенно дорожатъ англичане. Вмѣсто этихъ трехъ пунктовъ неприкосновенности, къ которымъ свели англійскіе интересы на Востокѣ - гг. Кроссъ и г. Стаффордъ. Норскоттъ распространилъ ихъ на цѣлость Турціи, другими словами—возвратилъ англійскую политику къ ея заповѣдному принципу охранять неприкосновенность Оттоманской имперіи, вѣрнѣе говоря, неприкосновенность ея государственнаго порядка отъ мало-мальски существенныхъ въ немъ измѣненій. Притомъ же, постановленные г. Кроссомъ условія нейтралитета Англіи онъ обобщилъ, превратить въ опезпеченіе пути въ Индію. Но если извѣстно, гдѣ этотъ путь оканчивается, то далеко нельзя было сказать, гдѣ этотъ путь, по мнѣнію англійскаго правительства, долженъ начинаться и чрезъ какіе пункты долженъ пролегать. Выраженіе, употребленное оффи-

ціальнымъ ораторомъ „каковъ-бы этотъ путь ни былъ“, не только не опредѣляло этого направленія, но давало понять, что такихъ путей прохожденія, нѣсколько и, что обеспеченіе всѣхъ ихъ входило въ англійскіе интересы.

При столь общемъ опредѣленіи условій своего нейтралитета, англійская политика отнимала у послѣдняго двѣ трети его значенія и тѣмъ самымъ локализацію войны дѣлала вопросомъ, который ежеминутно могъ разрѣшиться самымъ прискорбнымъ для общеевропейскаго мира способомъ. Чтобъ выйти изъ этого неблагопріятнаго для локализаціи войны политическаго положенія, создававшаго крайне условнымъ и неопредѣленнымъ нейтралитетомъ Англіи, и предпринимавшимъ относительно ея, какъ увѣрялъ, вышепомянутый коллективный шагъ, имѣвшій цѣлію побудить англійскую политику къ точному опредѣленію,—въ чемъ именно она полагала свои жизненные интересы на Востокѣ, неприкосновенностью которыхъ могло быть обезпечено ея не вмѣшательство въ русско-турецкую войну. Иные шли еще дальше и въ програмну этого дипломатическаго дѣйствія вводили установленіе разграничительной между Россіей и Англіей линіи, по обѣимъ сторонамъ которой обѣ державы, безъ обоюднаго стѣсненія, обезпечивали бы свои интересы. Пренія въ англійскомъ парламентѣ, все время вращавшіяся на англійскихъ интересахъ, имѣли послужить исходнымъ пунктомъ для предполагавшей дипломатической компаніи, къ открытію которой, какъ увѣряли, уже все было подготовлено при недавнемъ свиданіи русскаго посла въ Лондонѣ гр. Шувалова съ канцлеромъ Германской имперіи.

Если шагъ, подобный предсказанному, могъ совершиться, и если онъ не имѣлъ въ виду перейти въ ультиматумъ, то много предстояло условій, чтобъ онъ проложилъ путь къ установленію при помощи одной дипломатіи, мирнаго сосѣдства англійскихъ и русскихъ интересовъ на Востокѣ. Первое и главное изъ нихъ, это искренность англійской политики,—качество, которымъ она менѣе всего отличалась, говоря *одно и дѣлая другое*; второе не менѣе существенное, что требовалось-бы отъ нея,—это пожертвованіе принципомъ неизмѣнности государственнаго строя Турціи и ея цѣлостью въ пользу широкой автономіи народностей, непосредственно подвластныхъ султану. За этимъ шли уже болѣе тѣсные интересы Англіи, которые могли быть опредѣленно обозначены и служить предметомъ переговоровъ. Чтобы сойтись въ подробностяхъ, предварительно слѣдовало условиться въ общемъ. Но могли ли мы питать надежду, что Англія готова была быть откровенной и способна промѣнять существованіе Турціи на независимость славянскихъ племенъ, ее составляющихъ, въ силу однихъ дипломатическихъ убѣжденій, не говорило-ли все прошедшее англійской политики вопреки этому, и не заставляло-ли думать все настоящее о ея твердости на этомъ пути?

У англійскаго правительства нашлись бы выходы изъ того казавшагося затруднительнаго положенія, въ которое, быть можетъ, помышляли его поставить. На вопросъ о своихъ жизненныхъ интересахъ оно могло отвѣтить вопросомъ же объ интересахъ тѣхъ, которые его спрашивали. Разъ эти послѣдніе были-бъ изложены

и опредѣленно формулированы, — для Англіи не было бы ничего лучше, какъ перенести на нихъ сужденіе прежде чѣмъ подвергать таковому же свои. Вѣдь употребляла же она такой точно маневръ послѣ константинопольской конференціи и призывала на судъ не Турцію, а русскую политику по отношенію къ ней. При одинаковомъ положеніи, какъ тогда, такъ и при начавшихся военныхъ дѣйствіяхъ, переговоры рисковали привести къ тому же самому, къ чему привели не за долго предъ этимъ, когда Англія адвокатировала за турокъ, т. е. къ *разрыву*.

Участіе, фактически принятое въ войнѣ Румыніей, производило болѣе сильное впечатлѣніе въ туркофильскихъ кругахъ, нежели можно было ожидать. Чувствительнѣе всего въ этомъ отношеніи оказывались мадьяры, которые со дня объявленія войны находились и находятся въ какомъ-то нервномъ безпокойствѣ, какъ будто прозрѣвая, что на берегахъ Дуная предрѣшалась также и ихъ участь. Въ независимости Румыніи еще только-что провозглашенной, они приводили опасный для себя прецедентъ. „Дуэль до первой крови между Россіей и Турціей, — писали изъ Пешта, могла оставить ихъ внимательными, но еще бездѣйствующими зрителями? между тѣмъ, какъ война для разрушенія Оттоманскаго государства живо затрогивала ихъ жизненные интересы, сходные съ англійскими. Независимостью Румыніи уже сдѣланъ первый шагъ къ разложенію Турціи; завоеванная при помощи Россіи, независимость эта послужила сигналомъ къ упраздненію оттоманской власти въ Европѣ; Сербія, Боснія, Герцеговина, греческія провинціи

будутъ не болѣе, какъ провинціями Россіи". Поверхъ все этого, передъ напуганнымъ воображеніемъ мадьяръ носился призракъ панславизма увлекающій за собою всѣ славянскія племена. Въ Аграмѣ уже играли русскій національный гимнъ; въ Прагѣ чешскіе студенты записывались волонтерами, чтобы идти на борьбу съ полумѣсяцемъ, — что будетъ, восклицалъ мадьярскій корреспондентъ, если русскіе аванпосты явятся передъ Бѣлградомъ, Сараево или Скутари? Но даже если-бъ это и случилось, что могло произойти для жизненныхъ интересовъ Австро-Венгріи? Отвѣчать на это очень трудно, такъ какъ эти жизненные интересы понимались разно въ Австро-венгерской монархіи. Для мадьяръ жизненный интересъ во всемъ сходился съ таковымъ же интересомъ для Турціи и Англіи На совершенномъ безправіи славянъ держался государственный строй Оттоманской имперіи; на близкомъ къ этому положенію тѣхъ же славянъ построена была система австро-венгерскаго дуализма, ради которой славянскіе интересы принесены въ жертву мадьярамъ въ одной половинѣ имперіи и нѣмецкому меньшинству въ другой. Но эти принесенные въ жертву славянскіе интересы австро-венгерской монархіи, конечно, иначе смотрѣли на свое положеніе въ восточномъ вопросѣ и иначе понимали и понимаютъ его. Для нихъ съ разложеніемъ Турціи откроется новая жизнь вмѣсто того давленія, которое они переносятъ. Это не будетъ, конечно, непосредственнымъ результатомъ эмансипаціи славянъ Балканскаго полуострова, но однимъ изъ ея ближайшихъ послѣдствій. Австро-венгерскому правительству могла предстать задача, для благополучнаго

разрѣшенія которой пришлось бы пожертвовать его мадьярскими симпатіями и удѣлить нѣкоторую долю изъ нихъ въ пользу славянъ во имя тѣхъ же жизненныхъ интересовъ, но понимаемыхъ иначе, нежели понимали ихъ въ Пештѣ.

Легко объяснимо безпокойство мадьяръ за судьбу Турціи и понятенъ ихъ безсильный гнѣвъ на Россію. Еслибъ отъ нихъ зависѣло, они не на минуту бы не поколебались объявить намъ войну и съ отчаяніемъ дрались бы за общее для нихъ, съ турками, дѣло. Но, къ несчастію, не одни они живутъ въ Австро-Венгріи; присутствіе славянъ въ манархіи Габсбурговъ чувствуется нынѣ настолько, что въ Вѣнѣ не рѣшаются сдѣлать имъ вызовъ, который рисковалъ-бы превратить восточный вопросъ изъ вопроса внѣшней австро-венгерской политики въ вопросъ внутренній. Въ Пештѣ понимали трагизмъ, такого положенія и утѣшали себя мыслью, что если австро-венгерская монархія и не двинется противъ Россіи, или, какъ выражались мадьяры, противъ панславизма, то она не приметъ участія въ войнѣ и противъ Турціи, за одно съ Россіей. Это считалось неоспоримымъ, неопровержимымъ! Въ интересахъ локализаціи войны нельзя было желать лучшаго, какъ еслибъ Австро-Венгрія выдержала такую роль до конца, и еслибъ въ Вѣнѣ поняли, что не препятствія, воздвигаемыя освобожденію болканскаго славянства, могутъ укрѣпить вѣрность габсбургскому дому въ его славянскихъ подданныхъ.

Эти услуги и предположенія дипломатіи неостанавливали рѣшительнаго дѣйствія русскаго оружія; наши войска заняли Ольтеницу и смѣнили стоявшія здѣсь румынскія.

Наши баттареи устраивали позиціи на берегу Дуная.

Эта смѣна баттарей произошла чрезвычайно быстро, въ виду у турокъ, которые почему то невоспользовались удобнымъ для нихъ моментомъ и не пустили ни одного снаряда. Всѣ главнѣйшія выгоды и пріимущества боевыхъ позицій между Ольтеницею и Туртукаемъ, конечно, были въ пользу турокъ. Занятый нами берегъ, отъ самыхъ крайнихъ домиковъ Ольтеницы, разстилается широкою, низменною полосою, не прикрытой даже никакою растительностью; только у самой воды тянутся низкія заросли, сгущаясь вправо у впаденія Аржиса. Позиція наша опиралась правымъ флангомъ на этомъ Аржисъ и совершенно была обезпечена какъ разливомъ самого притока, такъ и лежащимъ за нимъ большимъ, воднымъ затокомъ, образовавшимся отъ половодья; влѣво виднѣлось тоже что-то въ родѣ селенія и высокая башня,—это карантинъ.

Въ прошлую компанію турки перешли сами на румынскій берегъ, заняли карантинъ, и на его болотистыхъ окружинахъ дали намъ бой, гдѣ не мало пострадали наши Якутскій и Селенгинскій полки, недостигнувъ никакихъ результатовъ. Наши баттареи, какъ сказано, были расположены на самомъ берегу, войска прикрывались самимъ городомъ и стояли внѣ выстрѣловъ. Инженерная работа окончена и орудія хорошо замаскированы. По ту сторону Дуная берегъ поднимается круто и довольно высоко, скаты его покрыты деревьями и кустарниками; нѣсколько правѣе, т. е. выше, въ небольшой сѣдловинѣ видны между зеленью красныя черепичныя крыши Туртукая, его двѣ—три мечети и колокольня православной церкви;

надъ этимъ на самомъ гребнѣ бѣлѣли ряды полатокъ турецкаго лагеря,—подальше немного еще видны палатки и тянется сѣроватая полоска бруствера турецкой баттареи. Кромѣ того, нѣсколько ниже, уступомъ видпѣлась еще насыпь; къ баттареямъ, отъ города наискосъ пересѣкая береговой скатъ, идетъ дорога; въ бинокль можно было ясно различить по ней движеніе и даже отдѣльныя группы... Перестрѣлка, и довольно жаркая въ то время, гдѣ стояли румыны, стоившая этимъ послѣднимъ, какъ извѣстно,—нѣкоторыхъ жертвъ, съ занятіемъ же этой позиціи русскими войсками, перестрѣлка поддерживалась самая незначительная... Наши орудія отвѣчали иногда на задираніе турокъ, чаще же хранили молчаніе,—не стоитъ молъ пока тратить зарядовъ... Развѣ только, когда замѣчали гдѣ-либо скопленіе войскъ или рабочихъ на брустверахъ *), тогда посылали двѣ—три гранаты и это оказывалось совершенно достаточнымъ, чтобы помѣшать работѣ и на нѣсколько часовъ разгонятъ рабочихъ. Нѣсколько нашихъ гранатъ лопнули чрезвычайно удачно на самомъ брустверѣ. Одна изъ нихъ ударилась, какъ разъ посреди довольно густой толпы рабочихъ, разорвалась и видно было, какъ отъ мѣста катастрофы бѣжали во всѣ стороны турки и прятались въ ложементахъ **); офицеры увѣряли, что есть и оставшіеся на мѣстѣ, что они даже видѣли тѣла.

Ольтеница очень хорошенькій, чистенькій, румынскій городъ, чрезвычайно просторно выстроенный, раздѣленный громадными зелеными площадями, служащими вмѣ-

*) Земляная насыпь, для прикрытія отъ выстрѣловъ.

**) Ложементъ: ровъ съ брустверомъ для прикрытія стрѣлковъ.

стѣ и пастбищами для скота; вокругъ низенькихъ, одноэтажныхъ домиковъ, крытыхъ серебристою жестью, раскинулись красивыя группы садиковъ; посреди города православная церковь, единственная, очень оригинальной архитектуры, около церкви тоже густой тѣнистый садъ и въ этомъ саду подъ старыми тополями видѣнъ насыпной холмъ и на немъ большая мрамарная плита съ надписью: *„Павшіе въ сраженіи съ турками подъ с. Ольтеницею 23-го октября 1853 г. нижніе чины полковъ, Селингинскаго и Якутскаго, пѣхотныхъ, 11-й артиллерійской бригады баттарей, баттарейной № 2-го и легкой № 5-й— пріидетъ часъ въ онь-же вси сущіе во гробѣхъ услышатъ гласъ Сына Божія и услышавши оживутъ“*. Въ головахъ у этой плиты видѣнъ другой памятникъ, по выше съ начертанными на немъ именами нашихъ офицеровъ: *Жаворонкова, Прохоровича, Зиненка и Орѣхова*—все это жертвы неудачной попытки аттаковать карантинъ, 25 лѣтъ тому назадъ. Здѣсь у этихъ памятниковъ почти ежеминутно можно видѣть группы нашихъ солдатъ и казаковъ, а посреди ихъ одного граматѣя, вслухъ читающаго надпись; — люди благоговѣйно крестятся и цѣлуютъ крестъ, высѣченный въ заголовкѣ надписей, и собирались поминать павшихъ героевъ по всей формѣ и отслужить здѣсь панихиду.

Корреспондентъ высказывалъ, что когда онъ подходилъ къ Ольтеницѣ—его поразила пустыня, безлюдныя улицы города, запертыя ставни оконъ и дверей, отсутствіе всякаго движенія внутри домовъ и на дворахъ, и опустѣлые навѣсы сараевъ. Сперва онъ думалъ, что всѣ еще спятъ, потому что было довольно рано, часовъ

5 утра, но вотъ солнце поднялось выше, стало даже сильно пригрѣвать; давнымъ давно ожили русскіе бивуаки, а городъ все еще былъ тихъ и безлюденъ... Оказалось, что почти всѣ жители, уже двѣ недѣли тому назадъ, выбрались отсюда въ окрестности, болѣе покойныя и удаленныя отъ боевыхъ опасностей, оставивъ свои жилища подъ охрану замковъ и запоровъ; въ городѣ оставалась открытою только единственная, довольно, впрочемъ, сносная гостинница и небольшой ресторанъ, гдѣ можно порядочно пообѣдать.

Войска наши стояли лагеремъ по правую и лѣвую сторону ведущей въ городъ дороги, и, какъ уже описано расположены на просторныхъ площадяхъ. Здѣсь царствовалъ самый строгій, чисто боевой порядокъ—всюду видны часовые и группы отдѣльныхъ карауловъ, по берегу и его окрестностямъ видны были постоянные разъѣзды, казачьи аванпосты выставлялись далеко вправо по Аржису и влѣво по теченію Дуная, за карантиномъ. Все, что только могло служить орудіемъ переправы, каждый крохотный рабочій челнокъ; все забиралось, причаливалось къ берегу и тщательно охранялось; а на томъ берегу, у пристани Туртукая, видны были какія-то большія лодки, увѣряли, что тамъ были и мониторы; тѣ двѣ канонирки, стрѣлявшія по румынскимъ баттареямъ, ушли въ Силистрію, а больше не было военныхъ судовъ, кромѣ транспортныхъ барокъ... На сколько можно было наблюдать въ сильныя зрительныя трубы, въ Туртукаѣ тоже было пусто, и кромѣ движенія военнаго, частной жизни не было замѣтно. Съ того берега, доходили извѣстія весьма печальнаго свойства:

говорили, что турки просто на просто дорѣзали туртукайскихъ болгаръ. Въ турецкій лагерь подъ Туртукаемъ прибыло на дняхъ два табора мутегафиза, народнаго ополченія — кавалеріи у турокъ здѣсь почти не было. Въ это время, Дунай, начавшій было входить въ свои нормальные берега и только что пріостановился, снова прибылъ не много. Причиною тому трехсуточные дожди, лившіе все это время безъ промежутковъ. Солдаты и офицеры, большіе и малые, съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидали перехода на тотъ берегъ, но эта главная тайна нашего штаба была задернута самымъ непроницаемымъ покровомъ, но уже въ воздухѣ чуелась близость чего-то рѣшительнаго, потому что русскія войска не сосредоточивались на Дунаѣ большими массами и такимъ образомъ тщательно скрывали свой планъ до тѣхъ поръ, пока не соберутся всѣ войска, назначенныя для перехода черезъ Дунай, равно, какъ пока не прибылъ весь боевой матеріалъ и съѣстные припасы. Въ какомъ пунктѣ предполагалась самая крупная операція переправы?—не всѣ знали даже и въ большомъ военномъ совѣтѣ русскаго Главнокомандующаго.

Пароходъ „Константинъ“.

Эта тайна военной тактики на берегахъ Дуная не останавливала дѣйствіе русскаго оружія въ прочихъ мѣстахъ, а именно изъ Севастополя писали, что винтовой пароходъ „*Константинъ*“, снабженный почти исключительно минным вооруженіемъ (на немъ всего четыре небольшихъ орудія), покинувъ въ первый разъ

севастопольскій рейдъ, отправился въ море 28-го апрѣля. Въ открытомъ морѣ ему на каждомъ шагу грозила опасность повстрѣчаться съ броненосцами турецкой эскадры, которая находясь на стоянкѣ въ Батумѣ, выслала оттуда отряды для бомбардировки русскихъ портовъ. Случай однако же благопріятствовалъ „*Константину*“: ему удалось совершенно счастливо добраться до Поти, куда онъ прибылъ черезъ двое сутокъ, еще до захода солнца.

Батумскій рейдъ былъ отсюда всего въ двухъ-часовомъ разстояніи. Дождавшись сумерокъ, „*Константинъ*“ направился къ рейду и, остановившись въ нѣсколькихъ миляхъ, дождался ночи. Ночь была темная, благопріятствовавшая задуманному предпріятію. Въ 10-ть часовъ были спущены на воду четыре миноносные катера: *Чесма*, *Минеръ*, *Синопъ* и *Наваринъ*. Каждый изъ нихъ находился подъ управленіемъ офицера съ пятью или шестью матросами судовой команды. На одномъ изъ нихъ, именно на катерѣ „*Минеръ*“ находился и самъ капитанъ парохода, лейтенантъ Макаровъ. Всѣ четыре катера направились ко входу въ Батумскій рейдъ. Здѣсь съ величайшими предосторожностями пробравшись среди минныхъ заграждений, они вслѣдъ одинъ за другимъ вошли въ бухту. Роли были распредѣлены, нападеніе должно было произойти въ такомъ порядкѣ: первенствующая роль, какъ лучшему ходоку, была предоставлена катеру „*Чесма*“ находившемуся подъ управленіемъ опытнаго минера, лейтенанта Зацаревскаго. Между тѣмъ, какъ три другіе катера держались при входѣ въ бухту. *Чесма* отважно сталъ подвигаться впередъ. Скоро на катерѣ увидѣли

сторожевой турецкій пароходъ, который, неся на себѣ красный и зеленый огни, стоялъ подъ парами первымъ въ рейдѣ. Зажженные огни доказывали, что онъ маневрировалъ вокругъ эскадры, стоявшей на якорѣ. Къ этому пароходу направилась *Чесма*, осторожно подкрадываясь къ лѣвому борту. Скоро ей удалось совершенно незамѣченной скользнуть вдоль борта этого громаднаго колеснаго парохода и обогнуть его съ носа. Между тѣмъ матросы, находившіеся на катерѣ, по командѣ лейтенанта Зацаревскаго, произносившейся, разумѣется, шопотомъ,—принялись за свою таинственную работу. Минная металлическая трубка, снабженная особаго рода поплавкомъ, была погружена въ воду, и съ помощью особыхъ проволочныхъ проводовъ въ палецъ толщиною, её начали подводить подъ самое дно носовой части судна. Легкій шумъ, который произошелъ при этомъ, привлекъ вниманіе турецкаго часоваго, ходившаго съ ружьемъ по борту. Раздался его гортанный своеобразный окликъ: „кто гребетъ“? Чтобы отдалить непріятельскую тревогу, хотя на нѣсколько секундъ, пока мина будетъ окончательно подведена, ему отвѣчали съ катера такимъ же гортаннымъ окликомъ, поддѣлываясь подъ турецкій говоръ. Но эта хитрость не удалась. Часовой схватилъ ружье, перегнулся за бортъ, нацѣлился и выстрѣлилъ. Однако находившіеся на катерѣ не потеряли присутствія духа. Благодаря темнотѣ ночи, выстрѣлъ въ нихъ не попалъ. Съ удвоенною таинственностью и поспѣшностью мина вскорѣ была подведена окончательно, слышно было, какъ она стукнулась о дно судна. Осталось только погрузить въ гальваническую

баттарею, находившуюся на катерѣ, цинковую пластинку, прикрѣпленную къ обоимъ концамъ приводовъ,— и взрывъ долженъ былъ послѣдовать.

На *Чесмѣ* въ эту минуту были такъ увѣрены, что аттакованный пароходъ моментально вслѣдъ за этимъ взлетитъ на воздухъ, что у одного изъ бывшихъ тутъ матросовъ зачесался языкъ поострить надъ турецкимъ часовымъ, поднявшимъ тревогу. „Что, турка, не будешъ больше кофій пить“? Но взрыва—не послѣдовало.

Трудно было съ точностію опредѣлить причины такой неудачи. Слѣдуетъ замѣтить однако же, что на этотъ разъ была пущена въ ходъ мина *) совершенно своеобразной, новѣйшей системы, какая доселѣ еще нигдѣ не была въ употребленіи. Очень можетъ быть, что новизна дѣла и сравнительная сложность конструкціи помѣшали на первый разъ успѣшности смѣлаго предпріятія.

Послѣ неоднократныхъ попытокъ исправить встрѣтившуюся погрѣшность, препятствувавшую взрыву, нельзя уже было долѣе мѣшкать. *Чесмѣ*, а вслѣдъ за нимъ и другимъ катерамъ, стала грозить гибельная опасность. Съ аттакованнаго парохода взлетѣла сигнальная ракета, и вслѣдъ затѣмъ весь рейдъ освѣтился фальшвейрами **). Одновременно турки открыли картечный огонь съ побережныхъ баттарей и съ броненосцевъ. Катеру *Чесма* пришлось особенно плохо, онъ былъ всего въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ надвигавшагося на него заднимъ ходомъ турецкаго парохода. Пришлось моментально бросать мину и рубить проводы, запутавшіеся въ коле-

*) a) Подкопъ или снарядъ для взрыва Мина. b) Подземная галлерея.

**) Бумажныя трубки, набитыя ярко-горящимъ составомъ.

сахъ парохода. Только благодаря быстротѣ своего хода и находчивости командира, ему удалось невредимымъ выйти изъ рейда и соединиться съ остальными катерами. „*Константинъ*“ между тѣмъ, не дожидаясь своихъ катеровъ, спѣшилъ уйти отъ грозившей и ему опасности. Такъ какъ сторожевой турецкій пароходъ пустился въ погоню за катерами, осыпая ихъ ружейными выстрѣлами, между тѣмъ какъ съ береговъ имъ грозилъ картечный огонь, то они всѣ четыре пустились въ разсыпную, что бы затруднить погоню. Эта уловка оказалась спасительною. Имъ удалось спастись всѣмъ четыремъ. „*Минеръ*“ и „*Наваринъ*“ совершенно благополучно добрались до „*Константина*“, который, принявъ ихъ, и тотчасъ же направился въ Севастополь; за то двумъ другимъ, „*Чесмѣ*“ и „*Синопу*“, пришлось таки побѣдствовать прежде чѣмъ добрались они до Поти. Но благодаря мужеству, находчивости и самоотверженію отважныхъ нашихъ моряковъ, и имъ удалось миновать всѣ опасности, хотя на первый взглядъ гибель ихъ казалась неизбѣжна. Ихъ прибытіе въ Поти ознаменовалось восторженной радушной встрѣчей: ихъ встрѣтили какъ истинныхъ героевъ....

Кромѣ этихъ отважныхъ дѣйствій, пароходъ „*Константинъ*“, командиръ, лейтенатъ Макаровъ снова вышелъ изъ Одессы и въ это время имѣлъ на буксирѣ шесть паровыхъ катеровъ, вооруженныхъ минами; вслѣдъ за нимъ вышелъ пароходъ „*Владиміръ*“ для поддержки въ случаѣ надобности. Пріостановившись у Змѣинаго острова (Фидонаси), пароходъ „*Константинъ*“ послѣ полуночи двинулся къ Сулину въ надеждѣ встрѣтить крейсерующіе здѣсь обыкновенно по ночамъ турецкіе

броненосцы; на этотъ разъ, однако, они стояли на Сулинскомъ рейдѣ. Лейтенантъ Макаровъ, подойдя къ Сулину на пять миль, въ 2 часа ночи пустилъ впередъ миноносные котеры противъ 4-хъ непріятельскихъ броненосцевъ, изъ которыхъ три стояли на якорѣ, четвертый же былъ на ходу. Буксиры не медленно отдали, и катера пошли впередъ двумя колоннами. Черезъ полчаса они были въ такомъ положеніи, что огонь сулинскаго маяка приходился съ лѣвой стороны, но непріятельскихъ судовъ еще не было видно. Всѣ катера выстроились тогда во фронтъ и, держась очень близко одинъ отъ другаго, пошли впередъ. На катерѣ № 2-й *), машинная рубка была прикрыта брезентами **), щели, пропускавшія свѣтъ на глухо затянуты; команда размѣщена по рубкамъ и катеръ двинулся впередъ самымъ малымъ ходомъ. Работа машины была еле слышна. Черезъ нѣсколько минутъ катеръ „*Чесма*“ командиръ Зацаренный приблизился къ № 2-му и сообщалъ, что видитъ непріятельское судно съ лѣвой стороны. Перекинувшись нѣсколькими словами, „*Чесма*“ повернула направо, желая обойти турецкое судно, и скрылась въ темнотѣ. Вскорѣ на носу катера № 2, саженяхъ въ 80-ти, стали ясно обрисовываться очертанія большаго двухмачтоваго бро-

*) Кромѣ Лейтенанта Рождественскаго, на катерѣ № 2-й были: механикъ Алексѣй Канцеровъ, машинистъ Самуилъ Ветцель, минеръ-матросъ Соколовскій и волонтеръ Владиміръ Обручевъ, отставной артиллерійскій офицеръ; вольнонаемные охотники: матросъ Павелъ Коваленко и кочегары Степанъ Шпаченко и Иванъ Желтовъ. Вмѣстѣ съ Лейтенантомъ Пущинымъ на катерѣ № 1 были машинистъ Иванъ Морозовъ и вольнонаемные охотники: матросъ и Димитрій Самотванъ и кочегары Максимъ Конатовъ и Іосифъ Непомнящій.

**) Толстыми парусинами.

неносца съ большимъ выдающимся тараномъ *). Пріостановивъ работу машины, катеръ № 2-й нѣсколько минутъ поджидалъ „*Чесму*“ и затѣмъ двинулся впередъ самымъ тихимъ ходомъ. Справа обогналъ катеръ Рождественскаго,—катеръ Пущина. Механикъ Канцеровъ спросилъ его тихо: Видите ли вы влѣво турецкое судно? Пущинъ отвѣчалъ: „Вижу“ и скрылся. Вслѣдъ за этимъ съ катера № 2 увидѣли турецкое судно, выходившее изъ-за маяка въ море, и съ лѣвой стороны катера показались очертанія еще двухъ броненосцевъ. Всѣ три стояли въ одну линію передъ входомъ въ Сулинскій портъ, куда, по причинѣ малой глубины между моллами **) глубоко сидящіе броненосцы не входятъ. Слышно было, какъ часовые эскадры перекликались; огни на всѣхъ судахъ были погашены или прикрыты, но они стояли подъ парами; катеръ прибавилъ ходу и двинулся въ аттаку. По мнѣнію коменданта катера, было-бы безопаснѣе аттаковать крайнѣе къ югу судно, но положеніе катера относительно крайняго къ сѣверу монитора, стоявшаго у него, такъ сказать „на носу“, было такъ соблазнительно, что Рождественскій рѣшился не перемѣнять цѣли и приказалъ опустить шестъ съ миной въ воду; при аттакѣ шестовая мина опускается въ воду на глубину $8^1/_2$ футовъ, съ такимъ разсчетомъ, чтобы ударъ приходился въ подводныя части корпуса монитора, не прекрытыя броней.

Зная о близости остальныхъ шлюпокъ и опасаясь ихъ повредить, а также, чтобы лучше видѣть по сторонамъ,

*) Древняя стѣнобитная машина.

**) Насыпь при входѣ въ гавань, защищающая корабли въ гавани.

Рождественскій не закрывалъ крышки боевой рубки, гдѣ помѣщается командиръ миноноснаго катера и гдѣ находятся гальваническія баттареи и рулевой аппаратъ. Въ десяти саженяхъ отъ броненосца раздался окликъ часоваго, который немедленно выстрѣлилъ изъ ружья. Вслѣдствіе этого произвола, тревога на рейдѣ и со всѣхъ судовъ, начался частый ружейный огонь. По заранѣе составленной программѣ, съ момента перваго выстрѣла катеръ прибавилъ ходу, чтобы до удара быть подъ ружейнымъ огнемъ какъ можно меньше времени. Въ это время было почти два часа ночи. У самаго борта броненосца почти въ упоръ произошелъ автоматическій взрывъ, но о результатахъ трудно было судить сейчасъ же, во первыхъ по адской темнотѣ, а во вторыхъ потому обстоятельству, что глубина Сулинскаго рейда не превышаетъ 25—30 футовъ и мониторъ, сидящій 20 футовъ, не можетъ погрузиться въ воду совершенно. Часть столба воды, поднявшагося отъ взрыва мины и отраженнаго отъ борта броненосца, попала въ катеръ и наполнила рулевое отдѣленіе на три фута. Это обстоятельство, какъ увидимъ ниже, спасло катеръ отъ неминуемой гибели. Такъ какъ катеръ имѣетъ непроницаемыя переборки, то отъ воды онъ не пострадалъ. Въ самый моментъ взрыва мины раздался первый пушечный выстрѣлъ, который ярко освѣтилъ поднявшійся столбъ воды. Снарядъ пролетѣлъ высоко надъ головами нападавшихъ. Дали полный задній ходъ и начали удаляться отъ броненосца подъ усиленнымъ ружейнымъ огнемъ съ судовъ. Но тутъ оказалось, что катеръ не можетъ управляться, такъ какъ колесо штурвала отскочило отъ переборки,

къ которой было прикрѣплено. Оставался еще одинъ штурвалъ *) на верху, но и онъ недѣйствовалъ: цѣпочки ходили по блокамъ и руль не поворачивался. Рождественскій вмѣстѣ съ Канцеровымъ начали перевязывать цѣпочки руля веревками и когда ихъ стянули, то руль подѣйствовалъ. Затѣмъ, Канцеровъ съ минеромъ Соколовскимъ бросились рубить проводники и отвинчивать гайки миннаго шеста, который былъ сломанъ и могъ сильно затруднить ходъ впередъ. Все это дѣлалось подъ градомъ ружейныхъ и картечныхъ пуль. Сбросивъ шестъ, катеръ далъ полный ходъ впередъ, старался уйдти отъ погнавшагося за нимъ сосѣдняго монитора. Во время выступленія опять былъ моментъ весьма щекотливый: внезапно въ котлѣ упавъ паръ. Съ гнавшагося броненосца открыли даже ружейный огонь и мониторъ почти настигалъ миноносецъ; механику Канцерову пришла счастливая мысль, бросить въ топку до 5 пуд. сала и, благодаря этой находчивости, удалось поднять паръ до надлежащаго давленія, и вскорѣ броненосецъ, началъ отставать, а потомъ и перемѣнилъ курсъ.

Уходя, Рождественскій далъ знать Пущину приняться за тотъ же броненосецъ. Пущинъ не заставилъ себя долго ждать, направилъ миноносецъ къ броненосцу, но что далѣе произошло—неизвѣстно, потому что Пущинъ взятъ въ плѣнъ. Съ турецкихъ судовъ стрѣляли безпрестанно; среди этого былъ ясно замѣченъ взрывъ снаряда миноносца Пущина и новый столбъ воды. Разсматривать не было времени: катера и одинъ минопо-

*) Штурвалъ—рулевое колесо.

сецъ поспѣшили къ пароходу „*Константинъ*“, гдѣ и ожидали Пущина нѣсколько времени; наконецъ, заботясь о безопасности, поспѣшили отправиться къ Одессѣ.

На пути въ Одессу въ катерѣ была замѣчена прибыль воды. На другой день его вытащили на элингъ *) и, при осмотрѣ, оказались слѣдующія поврежденія: въ носовой части, близь киля, ослабѣли и лопнули 16 заклепокъ; посрединѣ на килѣ **) замѣтны ясные слѣды тренія о какое-то твердое тѣло; въ кормѣ желѣзная поддѣлка на киль, находящаяся на $1^1/_2$ фута ниже линіи киля, согнута въ правую сторону и назадъ; нижняя часть руля помята и одно изъ перьевъ винта согнуто назадъ, кромѣ того видны глубокія выбоины отъ картечныхъ пуль, а дымовая труба пробита картечью на сквозь. Всѣ эти поврежденія заставляли достовѣрно предполагать, что турецкіе броненосцы въ Сулинѣ стояли за боннымъ загражденіемъ и что катеръ № 2-й, а вѣроятно, и катеръ Пущина, незамѣтно для себя перескочили черезъ бонъ, о который № 2 й и повредилъ себѣ килевую наддѣлку, руль и винтъ. Ударомъ руля о бонъ достовѣрно объясняется и поломка штурвала въ носовой рубкѣ, едва не поставившая катеръ № 2-й въ безвыходное положеніе при отступленіи. Такимъ образомъ, несомнѣнно, что катеръ № 2-й перескочилъ черезъ бонъ изъ бревенъ. Это дало, можетъ быть, не совсѣмъ вѣрное направленіе удара мины и взрывъ пришелся, можетъ быть, въ защищенную броней часть корпуса. Но, перескочивъ черезъ бонъ, катеръ № 2-й

*) Элингъ—наклонный помостъ для спуска судна въ воду.

**) Киль четырехгранный брусъ вдоль судна.

былъ въ весьма критическомъ положеніи и подвергался опасности быть утопленнымъ, или захваченнымъ (что и случилось съ катеромъ № 1-й Пущина), потому что выбраться обратно за наружную сторону бона онъ могъ, только благодаря счастливой случайности катера № 2-го и отчасти своей 70-ти футовой длинѣ. Полагать надо, что столбъ воды, упавшій въ носовую часть катера № 2-го, послѣ взрыва и наполнившій носовую часть водою, поднялъ корму, и это дало возможность при полномъ заднемъ ходѣ выскочить изъ загражденій. Сами участники не могли дать себѣ яснаго отчета, какъ все это произошло, и не мудрено, при сильно возбужденномъ состояніи духа, въ которомъ они, вѣроятно, находились въ моменты, послѣдовавшіе за взрывомъ мины. Они говорили только, что столкновеніе было мягкое, а это даетъ поводъ думать еще, что ударъ пришелся въ сѣтку, спущенную съ монитора или въ такъ называемый — кринолинъ. О послѣдствіяхъ нападенія миноносца на турецкій мониторъ узнали только 1-го іюня изъ депеши командира 36-й дивизіи Веревкина, который донесъ, что турецкій мониторъ сильно поврежденъ и долженъ быть вычеркнутъ изъ списковъ турецкаго флота.

Ни на пароходѣ, ни на катерѣ лейтенанта Рождественскаго не было потери, кромѣ царапины на лбу, полученной минеромъ Соколовскимъ отъ разбившагося во время взрыва мины стекла иллюминатора, всѣ были здравы и невредимы.

Для розыска катера лейтенанта Пущина посланъ былъ пароходъ „*Аргонавтъ*“, который доходилъ до устьевъ Дуная, но возвратился не отыскавъ ни какихъ слѣдовъ

катера. По показаніямъ казаковъ, стоявшихъ на постахъ по Килійскому рукаву, и жителей селенія Жебріени, слышны были выстрѣлы къ сторонѣ Сулина въ ночь, слѣдовавшую послѣ ночной аттаки нашихъ миноносцевъ и въ это время лейтенантъ Пущинъ съ прочими при немъ былъ захваченъ турками, и дѣйствительно, 4-го іюня сестра Пущина г жа Горлова, получила отъ Гобарта-паши телеграмму: „лейтенантъ Пущинъ въ плѣну здѣсь, онъ здоровъ и хорошо содержится“ 6-го числа была получена другая депеша отъ самого Пущина: „Я наскочилъ на бонъ. Ботъ разбитъ. Меня и команду взяли изъ воды“. По полученіи первой телеграммы содержаніе ея было передано морскому министру, который телеграфировалъ объ этомъ Государю Императору и Германскому послу въ Константинополѣ принцу Рейссу *).

Взрывъ турецкаго броненосца Хивзи-Рахметъ.

До сихъ поръ думали, что катеръ Пущина погибъ, или отъ взрыва собственной мины, почему-либо взорвавшейся не во время и не въ должномъ положеніи, или вслѣдствіе столкновенія съ бономъ или другой какой-либо преградой. Оказывается, что ни то, ни другое предположеніе не оправдалось на дѣлѣ. Мина взорвана какъ слѣдуетъ и катеръ отошелъ и началъ отступать,

*) Черезъ Германскаго посла, между Россіей и Портой велись переговоры о размѣнѣ плѣнныхъ. Русскому правительству особенно желательно было освободить изъ плѣна лейтенанта Пущина, и въ обмѣнъ за него оно предлагало 16-ть офицеровъ взятыхъ въ плѣнъ въ Азіи. Турція однако не соглашалась, къ немалому неудовольствію посредника принца Рейсса.

но къ несчастію въ машинѣ его оказалось поврежденіе, которое заставило храбраго лейтенанта Пущина потопить катеръ собственными средствами и броситься съ командою вплавь до ближайшаго берега. Такова истинная исторія катастрофы, которая долго оставалась загадкой. Изъ этого ясно видно, какая значительная доля этой славы принадлежитъ лейтенанту Пущину и его храбрымъ товарищамъ, томящимся въ плѣну въ Константинополѣ.

Случайное взятіе въ плѣнъ лейтенанта Пущина и его команды, турецкому Габарту-паши не дешево обошлось. Не за долго передъ этимъ случаемъ, на Черномъ морѣ, нашими моряками, въ виду Браилова, въ Мачинскомъ рукавѣ Дуная былъ взорванъ турецкій броненосецъ „*Хивзи-Рахметъ*“. Дѣло это было такъ: ровно въ четыре минуты перваго часа ночи съ тринадцатаго на четырнадцатое мая, когда шелъ проливной дождь, Дубасовъ, испросивъ согласіе капитана Рагули и разрѣшеніе генерала Салова, отваливъ отъ браиловской пристани и съ четырьмя паровыми катерами направился въ Мачинскій рукавъ Дуная, съ цѣлью отыскать мѣсто стоянки турецкихъ судовъ и попытаться взорвать посредствомъ мины, хотя одно изъ нихъ. Въ составѣ этой рискованный экспедиціи участвовали катеры: „*Цесаревичъ*“, взятый отъ румынскаго правительства, на немъ: Дубасовъ, Муржеско и 14-ть матросовъ; на разстояніи двадцати саженъ отъ него катеръ „*Ксенія*“ съ лейтенантомъ Шестаковымъ, Петровымъ и 9-ю матросами; на такомъ же разстояніи отъ нея „*Джигитъ*“ съ мичманомъ Персинымъ и 8-ю матросами и „*Царевна*“ съ Балемъ

и 9-ю матросами. Всѣ катеры въ половинѣ третьяго часа вышли на видъ трехъ турецкихъ судовъ, занимавшихъ слѣдующую позицію: въ срединѣ Мачинскаго рукава стоялъ одинъ мониторъ, вправо впереди его во мглѣ ненастной ночи обрисовывалась темная масса другаго монитора, влѣво отъ средняго — двухтрубный военный пароходъ. Лейтенантъ Дубасовъ рѣшившись аттаковать средній, какъ самый большой, приказалъ лейтенанту Шестакову быть готовымъ къ нападенію, остальнымъ же шлюпкамъ поддерживать нападеніе. Взявъ направленіе въ лѣвую кормовую раковину монитора, Дубасовъ сталъ приближаться къ нему. На окликъ часоваго на мониторѣ, Дубасовъ на удачу отвѣчалъ извѣстный ему турецкій отзывъ: „*сызына-дамъ*“, что значитъ: „*вашъ человѣкъ*“, но произнесъ не правильно. Непріятель сразу понялъ фальшивый отзывъ и далъ по шлюпкѣ ружейный выстрѣлъ, что сдѣлали и остальныя судна, но ни одинъ выстрѣлъ не попалъ въ цѣль. Тогда часовой средняго судна хватился за ударный снуръ девятидюймоваго орудія.... осѣчка. Второй, третій разъ— тоже. На палубахъ трехъ судовъ, встревоженныхъ выстрѣлами, поднялась суматоха. Въ это время Дубасовъ нанесъ монитору ударъ правою носовою миной въ лѣвый бортъ, выше лѣвой кормовой раковины. Отъ взрыва поднялся большой водяной столбъ, вода наполнила катеръ Дубасова, онъ приказалъ машинисту дать задній ходъ, а командѣ откачивать воду, и крикнулъ: Шестаковъ подходи! Послѣдній подъ убійственнымъ ружейнымъ и пушечнымъ огнемъ со всѣхъ трехъ судовъ, подойдя къ монитору, сильно осѣвшему кормой, но державшемуся

еще на поверхности, нанесъ второй ударъ въ тотъ же лѣвый бортъ. Судно окончательно погрузилось. Въ промежутокъ времени между первымъ и вторыми ударами минъ, продолжавшійся десять минутъ, всѣ шлюпки остались подъ самымъ бѣглымъ огнемъ. Шестаковъ послѣ взрыва, запутавъ свой винтъ въ обломкахъ монитора, очищалъ его почти у самаго непріятельскаго борта и отстрѣливался изъ револьвера, съ помощію четырехъ матросовъ, отъ штуцернаго огня, направленнаго изъ башни погружавшагося монитора. Катеръ Персина получилъ пробоину въ кормѣ ядромъ и всплескомъ другаго снаряда былъ залитъ. Принужденный отправиться къ берегу для того, что бы заткнуть пробоину, катеръ этотъ запуталъ винтъ въ кустахъ, и долго не могъ высвободиться.

Востокъ сталъ быстро заниматься зарею, можно было различать предметы вблизи и вдали, почему огонь турецкихъ судовъ усилился. Дубасовъ приказалъ шлюпкамъ отступать; всѣ они вмѣстѣ двинулись въ Браиловъ. Ни убитыхъ, ни раненыхъ не было „Только воля Всемогущаго Провидѣнія“, говорилъ Дубасовъ, „могу объяснить тотъ фактъ, что мы вышли невредимыми изъ неистоваго огня, который турки открыли по насъ и поддерживали по крайней мѣрѣ двѣнадцать минутъ“.

Во все время боя офицеры и команда выказали полное самообладаніе и истинно геройское мужество. Во время боя не слышно было даже ни одного громкаго возгласа, только дружное, торжественное „*ура*“ вырвалось у всѣхъ одновременно, когда мониторъ окончательно погрузился въ воду. На другой день 15-го мая за зав-

тракомъ у Великаго князя присутствовалъ капитанъ Рагуля, прибывшій въ Плоэшти. Великій князь провозгласилъ при этомъ тосты за здоровье нашихъ молодцовъ-моряковъ, за того кто устроилъ имъ такія лодки и за здоровье капитана Рагули. Къ обѣду у Великаго князя прибыли вызванные по телеграфу лейтенанты: Дубасовъ и Шестаковъ, которые по волѣ Государя, приславшаго телеграмму, были украшены знаками ордена св. Георгія 4-й ст. Великій князь лично повѣсилъ тому и другому свои Георгіевскіе кресты и за обѣдомъ предложилъ тостъ въ честь этихъ первыхъ въ настоящую войну георгіевскихъ кавалеровъ офицерскаго ранга и за здорьвье всего русскаго флота.

Изъ этого видно, что въ то время, когда войска наши, какъ описано выше, еще только приближались къ предѣламъ Болгаріи, русскіе моряки на Черномъ морѣ и на Дунаѣ — не упускали случая показать врагу и его друзьямъ, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло? Въ свою очередь храбрые русскіе воины, не медлили своими дѣйствіями и въ Азіятской Турціи.

Рекогносцировка вокругъ Карса.

По взятіи *Ардагана* и возвращеніи ардаганскаго отряда въ Заимъ, генерелъ Лорисъ-Меликовъ далъ своимъ войскамъ три дня отдыха, и затѣмъ, 15-го мая, выступилъ подъ Карсъ съ частью главныхъ силъ дѣйствующаго корпуса, поручивъ эту часть командѣ генерала Геймана, и оставивъ всѣ прочія войска въ Заимѣ подъ начальствомъ генерала Девеля. Командующаго корпу-

сомъ, какъ всегда, сопровождалъ начальникъ его штаба. генералъ-маіоръ Духовской, съ нѣкоторыми изъ чиновъ корпуснаго штаба. Отрядъ направился черезъ Халифъ-Оглу, Визинкевъ, Орлокъ, Хаджи-халиль и Ардостъ, къ дорогѣ изъ Карса въ Эрзерумъ. Расположившись 18-го мая лагеремъ на лѣвомъ берегу Карсъ-чая, между Ардостомъ и Катанлы, и выславъ кавалерію къ Бегли-Ахмету, нашъ отрядъ отрѣзалъ Карсъ отъ Эрзерума, по крайней мѣрѣ состоронъ главнѣйшихъ путей сообщенія между этими двумя городами. Остальные пути сообщенія, ведущіе изъ Карса въ Эрзерумъ, чрезъ Пеникъ и Ольты, прорваны были 22-го мая, когда нашъ отрядъ расположился лагеремъ у сел. Качалы, а кавалерія его занявшая посты на всѣхъ дорогахъ радіусами, исходящими изъ Карса, съ тѣмъ вмѣстѣ установила правильное и постоянное сообщеніе нашего отряда съ тѣмъ, который остался въ Заимѣ. Съ 23-го мая Карсъ можно было считать вполнѣ отрѣзаннымъ отъ остальнаго міра.

Корреспондентъ говорилъ, что онъ въ первый разъ увидѣлъ Карсъ изъ Халифъ-Оглы и замѣтилъ, что современныя укрѣпленія черезчуръ мало похожи на то представленіе о крѣпостяхъ, которое слагается въ нашихъ головахъ, на основаніи произведеній батальной живописи. При словѣ крѣпость, мы невольно воображаемъ себѣ городъ, обведенный со всѣхъ четырехъ сторонъ высокими стѣнами, верхушки которыхъ зубцами своими напоминаютъ графскія короны стариннаго фасона. Дѣйствительность, увы, не подтверждаетъ такого представленія. Въ Ардаганѣ еще можно было съ сильною натяжкою фантазіи принять старинную цитадель, съ ея

зубчатыми стѣнами, за крѣпость, какъ мы обыкновенно её представляемъ себѣ. Но въ Карсѣ и этого уже нѣтъ. Карсъ городъ—какъ городъ. Издали онъ очень красивъ. Онъ расположенъ по обоимъ берегамъ Карсъ-чая, и раскинутъ отчасти на плоскости праваго берега, отчасти же амфитеатромъ, на отлогости холмовъ, усѣвающихъ лѣвый берегъ рѣки. Невооруженный глазъ ясно различаетъ издали массу здоровенныхъ, каменныхъ построекъ, нѣсколько высокихъ минаретовъ и множество мелкихъ зданій, въ срединѣ которыхъ отчетливо отдѣляются бѣлыя строенія, съ виду похожія на геометрическія фигуры изъ папье-маше: это—старинная карская цитадель, скромно слившаяся теперь съ остальнымъ городомъ. Человѣкъ, не имѣющій понятія о современныхъ крѣпостяхъ, долго будетъ стоять въ виду этого города, и задавать себѣ и другимъ вопросъ: —„а гдѣ же пресловутая грозная карская крѣпость? Ея вѣдь не видно! Ужъ не выдумка ли это нашихъ журналистовъ?“

Её дѣйствительно не видно. Но на холмикахъ и на возвышенностяхъ, окружающихъ Карсъ съ сѣвера, съ запада и съ юга, видны едва замѣтныя черныя ленточки на зеленомъ фонѣ. Эти черныя ленточки, то представляютъ подковообразную фигуру, то составляютъ четвероугольники, либо замысловатые зигзаги съ выдающимися во всѣ стороны углами. Такія же ленточки замѣтны и на плоскости, къ востоку отъ Карса. Это-то и есть укрѣпленія, совокупность, которыхъ образуетъ крѣпость Карсъ.

Карсъ лежитъ ровно въ 60-ти верстахъ отъ Александрополя, и точь-въ точь въ такомъ же разстояніи отъ Ардагана и Саганлугскаго укрѣпленнаго лагеря.

Всѣмъ извѣстно, что стратегическое значеніе Карса не подвержено ни малѣйшему сомнѣнію. Онъ служитъ ключемъ къ Эрзеруму и къ цѣлой Малой Азіи, потому что замыкаетъ важнѣйшій путь изъ Закавказья въ центральную долину Анатоліи. Карсъ выстроенъ у подножія террасъ, составляющихъ послѣдніе восточные отроги Чалгаурскихъ горъ: передъ нимъ къ востоку простирается плоская возвышенность, скатертью растилающаяся вплоть до нашей границы, и мѣстами усѣянная отдѣльными возвышенностями, которыя съ Чалгаурскихъ горъ похожи на сахарныя головы, разставленныя на полу, съ большими промежутками. За то западная сторона имѣетъ видъ чисто гористый рядъ высотъ полукругомъ возвышается надъ самою террасою, у подножія которой стоитъ Карсъ. Эти высоты, замѣчательно болѣе возвышенныя, чѣмъ сама терраса, спускаются во всѣ стороны довольно обрывистыми склонами, образуя нѣсколько отдѣльныхъ столовыхъ горъ.

За этимъ первымъ рядомъ возвышенностей, тянутся также полукругомъ, параллельно съ ними, другія, гораздо менѣе высокія, тамъ и сямъ, точно нарочно, разставленныя на довольно широкой плоскости, отдѣляющей первыя возвышенности отъ главныхъ отроговъ Чалгаурскихъ горъ. Эти второстепенныя возвышенности почти всѣ имѣютъ видъ генеральской (продолговатой) палатки, и хребты почти всѣхъ ихъ тянутся радіусами отъ высотъ перваго ряда. Затѣмъ, еще далѣе къ западу и къ сѣверо-западу, верстахъ въ 6-ти отъ этого ряда, начинаются отроги главныхъ Чалгаурскихъ горъ, хребетъ которыхъ отстаетъ верстъ на 12-ть отъ Карса.

Рѣка Карсъ-Чай, какъ сказано дѣлитъ городъ на двѣ части. Она протекаетъ тутъ по глубокой трещинѣ, имѣющей почти совершенно отвѣсные спуски и въ чертѣ самаго города извивается въ формѣ французской буквы S. Терраса лѣваго берега переходитъ отчасти и на правый, восточный берегъ Карсъ-Чая. Она образуетъ тутъ „языкъ земли", отвѣсно спускающійся къ плоскости съ трехъ своихъ сторонъ, съ востока, юга и запада (съ послѣдней стороны она спускается, впрочемъ, къ рѣкѣ). Эта правобережная терраса прикрываетъ городъ съ сѣверной стороны. Главнѣйшая же часть города, расположенная на плоскости праваго берега, и у подножія террасъ обоихъ береговъ Карсъ-Чая, прикрывается къ западу и сѣверо-западу обрывами лѣвобережной террасы. Такимъ образомъ, городъ Карсъ закрытъ съ сѣвера и запада отвѣсомъ террасъ, сходящихся прямымъ угломъ. Во входящемъ углѣ, у изгиба рѣки, на ея лѣвомъ берегу, красуется бѣлая цитадель, возвышающаяся высоко надъ городомъ. Самый же городъ расположенъ на право и на лѣво отъ цитадели, такъ что обѣ стороны города сходятся къ цитадели, тоже подъ прямымъ угломъ. Къ этому слѣдуетъ добавить, что обѣ эти стороны, расположенныя, какъ уже сказано вначалѣ — амфитеатромъ, у подножія террасъ, сверхъ того еще подымаются по мѣрѣ приближенія къ цитадели, что передъ городомъ разстилается необозримая равнина,—это описаніе составляетъ довольно сносное представленіе о городѣ Карсѣ.

Теперь слѣдуетъ обратить вниманіе къ укрѣпленіямъ, начавъ съ сѣвера.

На террасѣ, прикрывающей городъ съ сѣвера, возве-

дено весьма значительное укрѣпленіе Карадахъ, обстрѣливающее плоскость къ сѣверо-востоку отъ Карса. Оно имѣетъ два ряда валовъ и рвовъ, первая линія которыхъ возведена надъ восточнымъ обрывомъ террасы.

Эта терраса носитъ названіе Карадахской горы. Къ сѣверо-западу отъ Карадахскаго укрѣпленія она образуетъ возвышеніе, господствующее надъ нимъ. На этомъ возвышеніи, надъ западнымъ обрывомъ террасы, возведено укрѣпленіе Арабъ, обращенное къ сѣверу. Оба эти укрѣпленія возведены съ небольшимъ въ верстѣ отъ цитадели.

Рядомъ съ Арабомъ, но уже на лѣвомъ берегу Карсъ-Чая, и тоже надъ самымъ обрывомъ лѣвобережной террасы, выстроено укрѣпленіе Мухлисъ, направленное противъ сѣвера. Оно съ трехъ своихъ сторонъ защищено, независимо отъ своихъ собственныхъ валовъ, отвѣсными обрывами террасы, образующей тутъ небольшой выступъ. Съ этого мѣста терраса ровно и отлого спускается къ западу, образуя плоскость въ $1\frac{1}{2}$ версты шириною. Она называется Чахмахскими горами. Такъ какъ на этой плоскости нѣтъ выдающихся возвышенностей, то турки укрѣпили небольшой бугорокъ, лежащій очень близко отъ города; укрѣпленіе это называется Инглисъ. На другомъ такомъ же бугрѣ, тоже недалеко отъ города, расположено болѣе значительное укрѣпленіе Вели-паша-Табіэ, оброщенное своимъ фронтомъ уже къ западу. Въ сѣдловинѣ между двумя этими буграми недавно выстроено небольшое укрѣпленіе Блюмъ-паша-Табіэ, направленное къ западу. Въ одномъ кругѣ съ этими тремя ближайшими къ городу укрѣпленіями

находится, у самаго входа Карсъ-Чая въ городъ, укрѣпленіе Чимъ, обращенное лицомъ къ югу-западу, а противъ него, уже на правомъ берегу рѣки, строилось укрѣпленіе Сувари. Всѣ эти мелкія укрѣпленія: Инглисъ, Блюмъ-паша, Вели-паша, Чимъ и Сувари составляютъ первую, ближайшую линію Карскихъ укрѣпленій.

Вторая, непосредственно болѣе важная и отдаленная линія карскихъ укрѣпленій, состоитъ, на ряду съ Карадахомъ, Арабомъ и Мухлисомъ, изъ фортовъ, возведенныхъ на Шорахскихъ горахъ, примыкающихъ къ Карсу съ юго-западной стороны: Лазъ-Гаписи (направлено къ сѣверо-западу) Ай-Габіэ, Тихъ-Тапаси (направлено къ западу) и Гохмасъ (обращенное къ юго-западу). Это тѣ самыя Шарахскія высоты, которыя Паскевичъ занялъ въ 1828 г. безъ сопротивленія, и откуда онъ разгромилъ стѣны Карса. Съ этой же стороны подступилъ къ Карсу въ 1855 г. и Муравьевъ, но уже далеко не съ тѣмъ успѣхомъ... Передъ ними въ $1^1/_2$ верстѣ, и даже ближе, отъ стѣнъ укрѣпленія, возвышаются холмы, оставленные непріятелемъ безъ всякихъ укрѣпленій, потому, вѣроятно, что они обстрѣливаются всѣми Шараховскими фортами... Нашъ теперешній лагерь былъ расположенъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ этихъ холмовъ.

Далѣе съ восточной стороны Карса, на плоскости, расположены укрѣпленія Канлы и Хафисъ-паша обстрѣливающія всѣ дороги, ведущія къ Карсу съ юговостока и съ востока. Изъ этихъ послѣднихъ укрѣпленій Хафисъ-паша имѣетъ громадные размѣры. Онъ, какъ

и рѣшительно всѣ укрѣпленія второй, отдаленной линіи; имѣетъ весьма значительные профили, и сверхъ главныхъ своихъ валовъ, снабженъ, опять-таки, какъ и всѣ прочіе форты, большимъ количествомъ передовыхъ укрѣпленій, ложементовъ для стрѣлковъ, траншей и т. п. Названныя укрѣпленія образуютъ вокругъ Карса площадь, имѣющую около 5 верстъ въ діаметрѣ. Говорятъ, что они были вооружены дальнострѣльными орудіями выстрѣламъ которыхъ доступна обширная площадь на 20 верстъ въ діаметрѣ. Само собою разумѣется, что брустверы ихъ имѣютъ огромные размѣры, и что на нихъ явственно рисуются громадныя пушки, направленныя во всѣ стороны горизонта. Валы фортовъ *), какъ вездѣ кажутся черными. На основаніи ихъ чуть-ли не до половины ихъ высоты, въ бинокль казалось бѣлымъ. Вѣроятно это происходило отъ того, что рвы укрѣпленій, и здѣсь, какъ въ Ардаганѣ, высѣчены въ скалистомъ грунтѣ.

До паденія Ардагана, въ Карсѣ возлагались чрезвычайныя надежды на гарнизонъ и вооруженіе этой твердыни. Какъ Карскія власти, такъ войска и населеніе этого города совершенно убѣждены были, что русскіе никогда не овладѣютъ ардаганскими укрѣпленіями, возведеніе которыхъ стоило громадныхъ денегъ и производилось *важными иностранными инженерами*. Кромѣ того, въ Карсѣ всѣ лично знали одного изъ защитниковъ Ардагана,—Миралая, т. е. полковника Кафтаръ-Бека, родомъ черкесъ. Онъ извѣстенъ былъ въ Карсѣ, какъ

*) Фортъ—отдѣльное укрѣпленіе.

одинъ изъ образованнѣйшихъ турецкихъ офицеровъ, а личная его храбрость, энергія и распорядительность заслужили ему довѣріе войскъ и населенія. По этому когда въ пятницу 6-го мая, въ Карсъ пришло извѣстіе о взятіи Ардагана русскими, никто рѣшительно не повѣрилъ этой новости. Но въ воскресенье 8-го мая, въ Карсъ пріѣхали ардаганскіе жители, разсказавшіе подробности о взятіи русскими Ардагана. Они говорили, что русскіе поставили пушки на горахъ, и оттуда стрѣляли въ укрѣпленія и въ самый городъ, что многіе изъ жителей погибли отъ русскихъ бомбъ и что войска не въ состояніи были удержаться, такъ много было у русскихъ пушекъ и войскъ. Жители, дома ихъ, были разграблены, корапапахами; но когда пришли русскія власти, онѣ пригласили жителей и увѣрили ихъ, что никто ихъ трогать не будетъ. Карское населеніе пришло отъ этого извѣстія въ такое уныніе, что многіе громко говорили: „*дай Богъ, чтобы русскіе поскорѣе взяли Карсъ, кончивъ дѣло однимъ ударомъ; по крайней мѣрѣ меньше будемъ страдать отъ лишеній*“. Начальствующія лица, видя, что народъ упалъ духомъ, созвали войска и объявили имъ, что „правда, русскіе взяли Ардаганъ, но за то и мы, турки, овладѣли Ахалцыхомъ; здѣсь же въ Карсѣ, мы будемъ держаться крѣпко и храбро, разобьемъ русскихъ“. Но ихъ словамъ почти никто не повѣрилъ. Всѣ понимали, что взятіе Ахалцыха выдумано въ Карсѣ, потому что гонца съ такимъ извѣстіемъ никто не видѣлъ. Въ городѣ сейчасъ же начали толковать, что если палъ Ардаганъ, гдѣ находились лучшія войска, арабистанцы, то Карсъ не долго можетъ дер-

жаться. Съ этихъ поръ почти все населеніе Карса убѣждено, что русскіе не сегодня, такъ завтра, непремѣнно возьмутъ Карсъ.

О томъ же убѣжденіи карскихъ жителей свидѣтельствовали и слѣдующіе факты. Одинъ изъ александропольскихъ армянъ, болѣе десяти лѣтъ торговавшій въ Карсѣ, собрался выѣхать изъ него; когда узналъ, что его подозрѣваютъ въ доставленіи свѣденій русскимъ властямъ. Сосѣди и знакомые упрашивали его не дѣлать этого. „Когда русскіе возьмутъ Карсъ“, говорили они ему, „вы поведете насъ къ нимъ, и выхлопочите, чтобы насъ не трогали и не убивали“. Еще характернѣе другой случай. Разбойникъ Мехрали захватилъ 12 нашихъ маркитантовъ съ ихъ запасами. Одинъ изъ пашей подарилъ ему и его товарищамъ по шайкѣ все захваченное имущество. Но гражданскій губернаторъ Карса потребовалъ, чтобы подаренное имущество было отобрано, или, по крайней мѣрѣ, чтобы ему составлена была опись. „Когда русскіе войдутъ въ Карсъ, заявлялъ губернаторъ, они потребуютъ отъ насъ вознагражденіе маркитантамъ, и если теперь же не будетъ составлена опись, то они взыщутъ слишкомъ много, въ десять разъ болѣе чѣмъ было“ (хитёръ губернаторъ для своей же пользы). Если карскія власти дѣйствительно, говорили такія вещи, то не удивительно, что населеніе—плохо вѣрило въ успѣхъ обороны руководимой англичанами.

Турецкія власти дѣйствительно занимались подготовленіемъ обороны съ помощію друзей ихъ англичанъ. Не говоря о прежнихъ работахъ по сооруженію карскихъ укрѣпленій, съ марта мѣсяца нынѣшняго 1877 года,

вокругъ города шла работа днемъ и ночью. Вырывались рвы, возводились валы, копались ямы и. т. п. Въ апрѣлѣ, кромѣ бывшихъ, пріѣзжали въ Карсъ *англійскіе инженеры* для осмотрѣнія всѣхъ укрѣпленій. Они сказали, что только два укрѣпленія вообще хорошо устроены,—Тохмасъ и Карадагъ; не одобрили остальныхъ; а объ укрѣпленіи Инглисъ (Тиздаль-табіэ) они сказали, что это „врагъ Карса, что русскіе легко могутъ взять его, а если они возьмутъ Инглисъ, то другія укрѣпленія имъ взять будетъ легко. Съ пріѣзда этихъ знатаковъ англійскихъ инженеровъ, работы пошли еще дѣятельнѣе. Они пробыли въ Карсѣ не болѣе 5-ти дней, а потомъ уѣхали въ Ардаганъ и болѣе въ Карсъ уже не возвращались, боясь выказать свою неопытность!

Когда русскія войска показывались съ какой-либо стороны, то всѣ турецкія войска, разставленныя гарнизономъ въ укрѣпленіяхъ Карса, переводились въ тотъ фортъ, со стороны котораго показывались русскіе. Въ прочихъ же фортахъ оставались одни лишь артиллеристы. Орудія размѣщенныя въ фортахъ, постоянно перевозились изъ форта въ фортъ, неизвѣстно съ какою цѣлью. Передвиженіе ихъ происходило большею частью по ночамъ.

Въ укрѣпленіяхъ было много новыхъ и большихъ орудій, привезенныхъ въ Карсъ прошлую зимою. Между ними находились мѣдныя, и стальныя. Ихъ подвозили на волахъ и буйволахъ, и въ каждое орудіе запряжено было по 20-ти и 40 паръ рогатаго скота.

Не смотря на постоянныя хлопоты турецкихъ властей, все населеніе Карса убѣждено было, что паши проданы русскимъ, и что они только по этому не дерутся съ

русскими войсками, прохаживающимися вокругъ Карса. Главнаго пашу Ферика или генералъ-лейтенанта, Гуссейнъ-Али-пашу обвиняли въ трусости; онъ даже въ городѣ выходилъ не иначе, какъ сопровождаемый стражею 25 и болѣе человѣкъ. Народъ и особенно женщины, не давали ему прохода. Его осаждали упреками, отчего онъ не выходитъ съ войскомъ сражаться противъ русскихъ. Толпы народа часто осаждали его домъ и бросали въ окна камни, крича, чтобы онъ вывелъ войска противъ русскихъ. Эти толпы преимущественно состояли изъ женщинъ, которыя неистовствовали и ругались на чемъ свѣтъ стоитъ. Оскорбительныя ругательства женщинъ, заставили Мухтаръ-пашу выйдти изъ Карса, когда кавалерія кн. Чавчавадзе производила свой извѣстный дальній поискъ къ Саганлугскимъ горамъ.

Что касается до войскъ въ Карсѣ, то они состояли большею частію изъ редифовъ. Регулярныхъ войскъ низама въ Карсѣ набиралось не болѣе 9—10-ти тысячъ человѣкъ. Вмѣстѣ съ кавалеріею, редифами и нестроевыми, въ Карсѣ имѣлось около 20,000 человѣкъ, такова, по крайней мѣрѣ, цифра людей продовольствовавшихъ карскимъ интендантствомъ. Всей кавалеріи въ Карсѣ имѣлось отъ 800 до 1000 человѣкъ. Въ томъ числѣ регулярной кавалеріи, сувари, лишь 400 человѣкъ, остальная кавалерія состояла изъ нашихъ горцевъ переселенцевъ отъ 200 до 300 всадниковъ, и изъ городскихъ жителей, записавшихся на службу послѣ объявленія войны. Ни арабистанскихъ батальоновъ, ни заптій, т. е. жандармеріи,—въ Карсѣ вовсе не имѣлось.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Рекогносцировка вокругъ Карса.

(Продолженіе).

Солдаты низама жаловались, что штыки и сабли еще не были отточены, и что имъ не приказывали точить оружіе. Но солдаты вообще не охотно шли на службу, особенно, когда ихъ посылали противъ русскихъ, внѣ укрѣпленій. Когда русскія войска проходили вблизи укрѣпленій и когда начальство созывало турецкія войска, то приходилось разыскивать солдатъ по лавкамъ и кофейнямъ, гдѣ они любили прятаться отъ необходимости идти на сраженіе. Проходило много времени, пока соберутъ по одиночкѣ большинство войска; многіе такъ и оставались не отысканными, до миновенія опасности. Солдаты, быть можетъ, и охотно шли бы на бой, но ихъ развращалъ примѣръ начальства, которое само оставалось позади войска, командуя солдатамъ идти впередъ. При малѣйшей опасности офицеры, оставшіеся позади, пускаются въ бѣгство. Солдаты, видя это, разумѣется, въ свою очередь спасаются, кто куда сможетъ.

Ни солдаты, ни офицеры не получали жалованья уже болѣе 10-ти мѣсяцевъ. Чиновники, врачи и начальствующіе получали жалованье бумажными деньгами, которыхъ никто не бралъ по курсу. При размѣнѣ прихо-

дилось терять половину цѣнности, да и то, когда находились охотники брать бумажки. Только одни телеграфисты, да врачи изъ иностранцевъ получали жалованье золотомъ.

Личный составъ офицеровъ не отличался ни чѣмъ особеннымъ; учившихся съ Константинополѣ офицеровъ почти вовсе не было въ войскахъ. Но почти всѣ начальники „*табіе*“, т. е. укрѣпленій,—получили образованіе не только въ Константинополѣ, но и въ „Марселіи“ — сирѣчь за границею. Они считаются учеными, числятся въ генеральномъ штабѣ и рѣдко приходятъ въ городъ. Между медиками имѣлось нѣсколько человѣкъ французовъ. Одинъ изъ нихъ получалъ 80 лиръ, или болѣе 500 руб. сер. въ мѣсяцъ. Большинство медиковъ состояло изъ грековъ и армянъ. Артиллеристовъ-офицеровъ въ Карсѣ тоже считали учеными, но такихъ, было не много, или вѣрнѣе ихъ въ Карсѣ мало видно, такъ какъ артиллеристы находились въ „*табіяхъ*“.

Между офицерами въ Карсѣ было распространено мнѣніе, что русскіе сперва возьмутъ Эрзерумъ, а потомъ придутъ брать самый Карсъ. Офицеры говорили въ городѣ, что русскихъ войскъ здѣсь вообще мало; хотя ихъ видимо было много, но это видны все повозки да арбы, а солдатъ молъ очень мало. Про солдатъ русскихъ они говорили, что это народъ молодой необузданный и непослушный, что русское начальсто не знаетъ, какъ съ ими справляться и пр.

Начальники увѣряли въ Карсѣ, что не смотря на то, что русскихъ вокругъ Карса „видимо не видимо“, ихъ насчитывастся не болѣе 40,000 человѣкъ. Но турецкіе

солдаты и карскіе жители говорили, что на Карсъ идетъ болѣе 100,000 русскихъ.

О русскихъ начальникахъ въ Карсѣ имѣли хорошее понятіе. Въ Карсѣ всѣ знали и помнятъ „Лорисъ-Меликова“, который былъ начальникомъ, или правителемъ области въ минувшую войну. Жители говорили: „еслибы нашъ паша былъ хотя на $^1/_{10}$ такъ уменъ, какъ Лорисъ-Меликовъ, то Карсъ никогда не могъ быть взятъ русскими, и русскіе были бы разбиты“. Изъ прочихъ русскихъ генераловъ въ Карсѣ знали только одного Чавчавадзе начальника нашей кавалеріи. Про него говорили всѣ, что онъ „очень храбрый и добрый начальникъ“. Ни о комъ изъ прочихъ генераловъ въ Карсѣ и не спрашивали. Вообще же про русскихъ говорили, что они жителей не трогаютъ и за все платятъ хорошія деньги. Такъ говорили въ Карсѣ жители тѣхъ деревень, чрезъ которыя проходили русскія войска.

Турки въ Карсѣ особенно боятся русскихъ драгунъ, которыхъ они называютъ „мѣдными головами“, потому что на ихъ киверѣ имѣются мѣдныя украшенія. О драгунахъ они говорятъ, что они ничего не боятся и лѣзутъ впередъ, на орудія, не смотря на огонь и выстрѣлы. Сувари пускались въ бѣгство, какъ только завидятъ издали „мѣдныя головы“.

Изъ всѣхъ турецкихъ войскъ, расположенныхъ въ Карсѣ, одинъ только отрядъ разбойника Мехрали, часто выходилъ изъ укрѣпленій и дѣлалъ набѣги на окрестныя селенія, гдѣ кромѣ грабежа захватилъ 12 маркитантовъ. Разнесся въ городѣ слухъ, что Мехрали разбилъ русскихъ, взялъ въ плѣнъ 500 человѣкъ и убилъ столько

же. Весь городъ выходилъ къ нему на встрѣчу, но оказалось, что плѣнныхъ только 12 человѣкъ и столько же арбъ. Толпа хотѣла побить каменьями плѣнныхъ, но паша приказалъ войскамъ не давать ихъ въ обиду, и ихъ спасли отъ смерти. Но передъ тѣмъ взятъ былъ въ плѣнъ одинъ черкесъ, раненый въ дѣлѣ 16-го мая, по снятіи допроса отъ паши, его вели въ какую-то казарму, но толпа горожанъ окружила его и побила каменьями.

Вообще говоря, на горскую кавалерію, составленную изъ переселившихся черкесовъ, въ Карсѣ возлагались большія надежды. Особенныхъ побѣдъ ждали отъ Мусса-паши Кондухова, который былъ русскимъ генераломъ. 17-го мая Мусса-паша Кондуховъ, пріѣхалъ въ Карсъ изъ Соганлугскихъ укрѣпленій, сопровождаемый 5-ю черкесами, и сказалъ, что русскіе показались подъ Карсомъ, что онъ ихъ разобьетъ своею кавалеріею, оставленною въ Бегли-Ахметѣ, и просилъ коменданта дать ему пѣхоту и артиллерію. Въ Карсѣ говорили, что комендантъ былъ имъ не доволенъ. „Мы шесть мѣсяцевъ стоимъ здѣсь, говорилъ паша, а онъ (Кондуховъ) вчера пришелъ, и хочетъ сейчасъ же отличиться“. Ему отказали въ просьбѣ, не дали пѣхоты, дали только двѣ маленькія пушки съ нѣсколькими артиллеристами, которые, не умѣли стрѣлять изъ этихъ пушекъ. Кромѣ этого, къ отряду Кондухова, присоединилось нѣсколько сотъ горцевъ, и расположились у Бегли-Ахмета.

18-го мая наша кавалерія подъ начальствомъ князя Чавчавадзе, узнавъ объ этомъ отрядѣ, — перешла въ бродъ Карсъ-чай и въ три часа пополуночи, аттаковала

Кондухова съ трехъ сторонъ и разбила его, который послѣ этаго погрома — бѣжалъ къ Саганлугу. Карскіе жители узнавъ объ этомъ очень опечалились, и обвиняли пашу, что онъ погубилъ Кондухова, будучи самъ преданъ русскимъ. Вслѣдствіе этого на него посыпались новыя ругательства, и онъ не пользовался ни чьимъ довѣріемъ.

Разбойникъ Мехрали, кромѣ вышеписаннаго буйства, еще сдѣлалъ набѣгъ на село Игназоръ и поймалъ тамъ Хаджи-Вали-Ага, почетнаго и богатаго жителя. Мехрали забравъ себѣ весь скотъ и все имущество Хаджи-Вали-Аги, у котораго въ карманѣ было 90 турецкихъ лиръ (рублей) Вали-Ага предлагалъ Мехрали отдать ему эти 90 руб., въ видѣ выкупа. Мехрали взялъ деньги, но Вали-Агу не отпустилъ, а привезъ въ Карсъ. Вали-Агу обвинили въ томъ, что онъ научилъ русскихъ, какою дорогою имъ идти на Ардаганъ. По этому Вали-Агу рѣшили повѣсить, что и совершили 20-го мая. Подъ Карадахскими высотами, въ предмѣстье Бэйрамъ-паши, стояла постоянная висѣлица. Туда повезли Вали-Агу на бѣломъ катерѣ. Когда его поставили подъ висѣлицею, черезъ его голову перебросили сперва курицу, а потомъ пѣтуха. Если бы пѣтухъ запѣлъ, это, по мнѣнію турецкихъ властей, обозначало бы, что казнимый невиненъ, и въ такомъ случаѣ Хаджи-Вали-Ага — отпущенъ былъ бы на свободу. Но пѣтухъ не запѣлъ и Вали-Ага былъ повѣшенъ.

Корреспондентъ описывая эти случаи, — высказываетъ, что въ день его выѣзда изъ Карса должны были повѣсить армянина Симона Адамова, жителя селенія Бегли-

Ахметъ. Онъ обвинялся въ томъ, будто указалъ дорогу кавалеріи князя Чавчавадзе, когда онъ дѣлалъ свой дальній поискъ къ Соганлугу. Жители селенія Бегли-Ахмедъ сильно хлопотали о своемъ сосѣдѣ, и власти Карса, наконецъ заключили съ нимъ условіе: Адамовъ долженъ былъ быть освобожденъ, когда бегли-ахмедцы принесли бы карскимъ властямъ 50 арбъ самана и пригнали бы 15 штукъ рогатаго скота. Бегли-ахмедцы пригнали скотъ 16-го мая, но въ этотъ день подъ Карсомъ вновь показались русскія войска, ушедшія изъ Визинкева въ концѣ апрѣля. Приготовленный *саманъ* взятъ былъ русскою кавалеріею, и поэтому, а также, чтобы напугать подгородныхъ крестьянъ паша, рѣшилъ повѣсить Адамова.

Вообще въ Карсѣ были частыя казни: вѣшали и разстрѣливали солдатъ, за неповиновеніе или бѣгство, и мѣстныхъ жителей, по подозрѣнію въ лазутничествѣ.

Рекогносцировка карскихъ укрѣпленій съ сѣверо-западной стороны.

27-го мая приказано было генералу Гейману сдѣлать рекогносцировку карскихъ укрѣпленій *Лазъ-тапэ* и *Тахмасъ-табіе*. Для этого Гейманомъ ночью на 27-е число были посланы охотничьи команды для занятія одного каменнаго гребня горы и развалины башни въ 2-хъ верстахъ отъ этихъ укрѣпленій; охотники исполнили свое дѣло такъ искусно, что турки до 8-ми часовъ утра и не предполагали, что передъ ихъ носомъ си-

дятъ, за камнями 300 человѣкъ русскихъ отчаянныхъ головъ. Генералъ Гейманъ, взявъ 2-й и 3-й батальоны Эриванскаго полка, въ 7 часовъ утра двинулся на рекогносцировку; стрѣлки въ разсыпную заняли продолженіе гребня, лѣвѣе охотниковъ. Тутъ пошла потѣха; турки всполошились, начали стягивать въ эти укрѣпленія и пѣхоту, и кавалерію, а ихъ баттареи открыли частый огонь изъ 24-хъ фунтовыхъ орудій и мортиръ; но, благодаря Бога и выбранной мѣстности, снаряды ихъ разрывались или впереди ротъ или сзади и хотя въ очень близкомъ разстояніи (около 5-ти и даже 3-хъ шаговъ), но осколками никого не задѣвало; потомъ турки, въ свою очередь, выслали постепенно впередъ въ ложементы до 4-хъ батальоновъ; тогда между нашими охотниками, и стрѣлками и засѣвшими турками завязалась усиленная перестрѣлка изъ ружей. Наши стрѣляли рѣдко, но вѣрно, мѣтко и разстояніе было до 1,200 шаговъ (наши ружья бьютъ до 1,500 шаговъ). Перестрѣлка эта продолжалась два часа, пока топографъ не снялъ подробный планъ мѣстности, а саперы сдѣлали трансировку нашихъ будущихъ укрѣпленій; въ промежутокъ этого времени турки пытались идти въ наступленіе, и крикнувъ ура (по-русски), одинъ батальонъ выскочилъ изъ ложемента, но наши участили огонь и турки опрометью бросились назадъ въ свое закрытіе. До отступленія у насъ было только двое раненыхъ; когда же дали приказаніе отступать, то опять посыпались на насъ бомбы и гранаты; солдатики отступили въ порядкѣ, а наши казаки (была одна сотня) успѣли отбить даже скотину въ числѣ 70 ти штукъ. Рапе-

ныхъ у насъ оказалось всего 9 человѣкъ; изъ нихъ трое контужены и не выходили изъ строя, значитъ раненыхъ всего 6 человѣкъ; изъ коихъ двое тяжело, одинъ въ бедро и пуля тамъ засѣла; другой въ ногу съ раздробленіемъ кости. Однимъ словомъ, быть такъ близко и потерять только 6 человѣкъ, — это чисто Богъ спасалъ.

Рекогносцировка рѣчки Кинтриши.

Турки очень удивлялись, что русскіе въ силахъ перевозить артиллерію по столь пересѣченной мѣстности, оврагами и горами, какъ около рѣчки Кинтриши.

Прежде, чѣмъ были наведены мосты и переправлены войска на ту сторону рѣки, съ 15-го на 16-е мая была произведена рекогносцировка Кинтриши. Для ясности слѣдуетъ очертить топографическія мѣстности по обоимъ берегамъ вышеназванной рѣки. Приходилось выбирать пунктъ для обсерваціи мѣстности. Стали на высокую гору, командующую надъ окрестностью въ 6-ти верстахъ на юго-западъ отъ р. Ачкуа; у подошвы и по скатамъ этой рѣчки шелестила богатѣйшая растительность. Теперь же выжжена. На вершинѣ оставлены лишь нѣсколько престарыхъ клёновъ, надъ которыми промчалась, быть можетъ, не одна историческая буря. Здѣсь найдены были еле-еле замѣтные остатки древняго христіанскаго храма. Съ бывшаго мѣста расположенія храма, по направленію къ морю, вдали, тянется нѣсколько параллельныхъ не высокихъ горныхъ хребтовъ, покрытыхъ лѣсомъ, въ направленіи сѣверо-западномъ. Особенно

крутыхъ скатовъ нѣтъ; видъ вершинъ куполообразный. Въ геологическомъ отношеніи эти горы, безъ сомнѣнія нептуническаго происхожденія. Грунтъ глинистый, не очень затрудняющій трансировку дорогъ, но за то способный скоро насытиться влагой во время дождя, отчего дороги дѣлаются подчасъ непроходимыми. На скатахъ одного изъ хребтовъ, составляющаго боковую вѣтвь главнаго хребта и понижающагося постепенно къ морю въ сѣверо-западномъ направленіи, былъ выстроенъ сильно укрѣпленный турецкій лагерь.

Позади него расположилась у моря, не видная для зрителя, приморская, сильная отъ природы крѣпость Цихисъ-Дзири. Взглянувши ближе, видно въ широкой ложбинѣ, между горъ бѣлой лентой вьющійся Кинтриши, имѣющій тоже сѣверо-западное направленіе. Въ верхнемъ теченіи онъ поворачиваетъ на сѣверо-востокъ. Берега не круты, и не покрыты густыми лѣсами. Ложбина расширяется вѣерообразно и переходитъ въ обширную болотистую низменность, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ безлѣсную, ближе къ морю поросшую молодымъ лѣсомъ и высокимъ папоротникомъ. Вырвавшись на свободу изъ горъ, Кинтриши привольно мчится по этой равнинѣ и въ $3^1/_2$ верстахъ, южнѣе приморскаго городишки Чурукъ-Су или Нижніе Кабулеты, вливается въ море.

На томъ берегу Кинтриши подымается параллельно направленію рѣки первый рядъ лѣсистыхъ высотъ, очень важныхъ въ тактическомъ отношеніи и отданныхъ намъ турками почти безъ выстрѣла. На этихъ высотахъ были расположены наши авангардныя войска, въ районѣ ар-

тиллерійскаго огня съ турецкихъ баттарей. На окопечностяхъ гребней выглядываютъ изъ лѣсной чащи, мусульманскіе дома, съ красными черепичными крышами, красивые издали, на зеленомъ фонѣ, какъ шикарные коттеджи *). Если же взглянуть дальше, то передъ глазами вооруженными биноклемъ, въ разстояніи 6—7 верстъ, развернется амфитеатрально укрѣпленный Цихисъ-дзирскій, турецкій лагеръ. Издалека желтѣли баттареи, траншейныя укрѣпленія, люнеты и флеши **), о свойствахъ которыхъ съ точки зрѣнія фортификаціи можно сообщить, что турки, благодаря; конечно, *англійскому инженерному глубокомыслію*, воспользовались мѣстностью отлично. Укрѣпленія ихъ тянулись по скоту хребта, въ сѣверо-западномъ направленіи, на протяженіи 5—6-ти верстъ, на правомъ флангѣ загибая дугою. Всѣ маломальски важныя въ отношеніи обороны возвышенности были изрыты и взбугорожены.

Нѣкоторыя баттареи и флеши, были одѣты дерномъ, такъ, что издали трудно ихъ подмѣтить. Казалось, что всѣ укрѣпленія можно было подвести къ категоріи гарнизонныхъ укрѣпленій. На послѣднихъ имѣлось по 8—5 орудій—и даже по 2 по 1 орудію. Изъ нихъ много, безъ сомнѣнія, круповскихъ. Въ промежуткахъ между баттареями виднѣлись стрѣлковые и резервные ложементы. Мѣстность отъ всѣхъ этихъ желчныхъ затѣй, имѣла какой-то угрюмый, могильный характеръ. Позади турецкихъ шанцевъ ***) бѣлѣли сотней бѣлыхъ точекъ палатки

*) Загородные дома.

**) Укрѣпленіе по угламъ гласиса.

***) Земляныхъ окоповъ.

низамовъ; за ними, на длинной вершинѣ, состоящей изъ нѣсколькихъ выгнутыхъ и изогнутыхъ дугъ большаго радіуса, видны были блѣдные силуэты одинокихъ деревьевъ, а дальше — синева моря, перепутанная съ облаками и тихо качающійся на зыби, караулящій броненосецъ. Для рекогносцировки рѣки Кинтриши, были назначены: 3-я сотня 1-го Пластунскаго баталіона, 16-ть охотниковъ изъ другихъ пластунскихъ сотенъ, 12-ть саперъ при офицерѣ и одна рота 4-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона, служившая прикрытіемъ рекогносцирующему отряду. Обязанность сапернаго офицера была снять мѣстность до рѣки Кинтриши и изслѣдовать свойства той же рѣки. — Выступили въ 5 часовъ вечера съ 15-го на 16-го мая. Мѣстность была благополучно снята вплоть съ постовъ, занимавшихъ Гурійской дружиной, расположившейся вправо отъ дороги, ведущей къ Кинтриши. Дальнѣйшимъ работамъ помѣшалъ дождь. Каждую минуту нашимъ смѣльчакамъ невидимый врагъ могъ послать залпъ. Было еще свѣтло. Къ счастію попался не разрушенный турецкій домъ, раньше уже занятый гурійцами. Угрюмое строеніе, словно тоскующее по бѣглецамъ-хозяевамъ, утопало въ зеленѣ. Прикрытіе и пріютъ, словомъ, оказались, какъ нельзя, лучше. Къ дому примкнули рекогносцирущіе. Еще не стемнѣло и пока нельзя было дѣлать промѣровъ безнаказанно и скрыто. Въ это самое время были посланы для развѣдокъ 3 казака при одномъ урядникѣ вправо, по Кинтриши, и другіе 3 казака тоже при урядникѣ влѣво. Чрезъ два часа развѣдчики вернулись и доложили, что никого не видно, что спускъ къ Кинтриши, крутой и

что рѣка раздѣляется на 2 рукава. Казаки, высланные вправо, видѣли пасущуюся бѣлую лошадь и понедалеку стоящую группу турокъ. Изъ словъ казаковъ оказалось, что съ самаго Кинтриши идетъ колесная дорога, что правый берегъ очень крутъ и что, по всей вѣроятности, рѣка не очень глубока. Время между тѣмъ шло и офицерскіе хронометры оказывали 10-ть часовъ. Уже стемнѣло. Безотлагательно было приступлено къ изслѣдованію рѣки. Оказалось, что средняя глубина $1^1/_2$ фута, ширина 10—12 саженъ; русло каменистое, усѣянное щебнемъ, теченіе, какъ вообще въ гористыхъ потокахъ, быстрое. При промѣрѣ ширины шнуромъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ измѣрялось лотомъ глубина, отчего получилась сумма абсциссъ и ординатъ, могущая дать понятіе о профели рѣки.

Взятіе высотъ Зинити и Самеба.

Лишь только была произведена рекогносцировка Кинтриши, саперы немедленно приступили къ заготовкѣ матеріала для мостовъ и затѣмъ къ наводкѣ ихъ.

17-го мая, при высокомъ уровнѣ воды, былъ наведенъ мостъ съ досчаной настилкой, въ направленіи къ позиціи Самеба, на 9-ти русскихъ козлахъ, высота которыхъ 3—4 аршина. Быстрота теченія на мѣстѣ наводки отъ 5—10 фут. въ секунду.

24-го мая, въ разстояніи $^1/_2$ версты отъ перваго моста, сѣверозападнѣе, внизъ по теченію, былъ наведенъ второй, совершенно такой же мостъ; послѣ занятія высотъ вправо отъ Самеба, по ту сторону Кинтриши

нашимъ авангардомъ 25-го мая, подъ прикрытіемъ цѣпи былъ построенъ третій съ жердевой настилкой въ полуверстѣ отъ предыдущаго. Одновременно съ наводкой мостовъ были проводимы дороги отъ позиціи Хуцъ-Убани, (уже занятой нашими войсками 29-го апрѣля), къ мостамъ и отъ лѣваго берега Кинтриши къ высотамъ Самеба. Трансировка этихъ дорогъ въ мѣстности столь пересѣченной и гористой стоила большаго труда и усилій!

Взятіе высотъ Самеба и Зинити 16-го мая происходило въ мѣстности, состоящей изъ ущелій, крутыхъ горъ и скатовъ. Чтобы рельефно охарактеризовать мѣста этихъ двухъ схватокъ слѣдуетъ выразиться мѣткими словами одного туриста: „*горы и на горахъ опять горы*“.

Рано утромъ двѣ колонны выступили съ цѣлью отрѣзать кабулетцевъ отъ турецкихъ войскъ, расположенныхъ въ Цыхисдзырскомъ лагерѣ. Кабулетское населеніе было разбросано по лѣвому берегу Кинтриши, скрывшемуся въ горныхъ трущобахъ. Правая колонна, подъ начальствомъ полковника Козелкова, состоящая изъ 1 и 2 сотни 1-й Гурійской дружины, 1-го пластунскаго батальона, 7 ротъ Севастопольскаго полка и 1-й роты саперъ съ 4-мя горными орудіями, 6-ти баттарей 41 артиллерійской бригады съ Деннбековскаго кургана, Хуцъ Убани, перейдя Кинтриши въ бродъ, двинулись впередъ.

Передъ войсками открылся видъ на длинный Самебскій хребетъ, идущій въ сѣверо-западномъ направленіи и состоящій изъ ряда вершинъ, все болѣе и болѣе понижающаяся къ сѣверо-западу. Пришлось аттаковать

самую высокую вершину съ крутымъ скатомъ къ сѣверу и съ длиннымъ, менѣе крутымъ гребнемъ, подымающимся къ вершинѣ въ юго-западномъ направленіи. Сѣверный скатъ безлѣсенъ; тамъ и сямъ лишь торчатъ уединенные, лишенные вѣтвей, орѣховые стволы. Прежде, должно быть, былъ здѣсь виноградникъ. Внизу горы, въ балкѣ, растетъ густой лѣсъ. За горой виднѣется на второмъ планѣ синій силуэтъ; лѣвѣе, немного южнѣе, зеленѣетъ громаднѣйшая, величавая гора высокаго хребта, покрытая сплошнымъ лѣсомъ. Правѣе отъ вышеписанной вершины подымаются крутыя лѣсистыя террасы, съ глубокимъ ущельемъ впереди. Дорогъ никакихъ не было. Артиллерію перевезли съ большимъ трудомъ на вьюкахъ.

Шелъ мелкій дождь. Гурійцы и пластуны были встрѣчены огнемъ кабулетцевъ, засѣвшихъ на Самеба и въ саклях. Наступающіе бросились впередъ и въ 3 часа утра заняли высоты. Кабулетцы убѣжали. Одновременно съ гурійцами и пластунами съ лѣваго фланга взошли на вершину по югозападному гребню Севастопольцы. Съ высотъ открылся въ южномъ направленіи видъ на балку, рѣки Кинтриши и расположившуюся у нея прекрасную деревню Самеба, занятую вскорѣ нашими войсками. Находившаяся позади рота саперъ, приступила безотлагательно къ постройкѣ дорогъ и укрѣпленію позицій, что было исполнено, по обыкновенію блистательно. Одновременно выступала въ 3 часа утра лѣвая колонна, подъ начальствомъ маіора Меликова, въ составѣ 4-го Кавказскаго стрѣлковаго батальона, 3 и 4 сотни 1-й Гурійской дружины, одной роты Ленкоранскаго полка

и взвода горныхъ орудій, 6 бат. 41 артиллерійской бригады. Колонна приняла влѣво, вверхъ по теченію Кинтриши, въ восточномъ направленіи.

Среди темноты, въ неизвѣстной и страшно пересѣченной мѣстности, колонна ради предосторожности была окружена круговою цѣпью, кромѣ обыкновенныхъ предосторожностей—арріергарда и авангарда. Цѣлью движенія было обезпечить тылъ правой колонны, если бы жители вздумали воспрепятствовать занятію Самеба.

На разсвѣтѣ наши войска подошли къ мечети, пріютившейся въ живописномъ уголкѣ у Кинтриши. Какъ разъ въ это время движеніе нашихъ войскъ было подмѣчено непріятелемъ, занявшимъ высоты Зинити, и открывшимъ по насъ рѣдкій огонь. Выстрѣлы противника заставили лѣвую колонну выстроиться въ боевомъ порядкѣ. На длинномъ гребнѣ, идущемъ почти въ перпендикулярномъ направленіи въ Кинтриши, съ крутизнами со стороны этой рѣки, покрытыми бурьяномъ, войска расположились слѣдующимъ образомъ. На лѣвомъ флангѣ, на отдѣльной вершинѣ стала первая рота 4-го стрѣлковаго батальона, въ центрѣ 2-я рота, въ резервѣ стала 4-я рота и на правомъ флангѣ 2-й сотни гурійцевъ, поддерживаемыя 3-й ротой стрѣлковъ. Лѣвѣе же мечети расположились горныя орудія. Напротивъ нашихъ войскъ подымались Зенитскія высоты, командующія надъ нашей позиціей, со скатами въ 20^0, 25^0. Особенно крута была мѣстность напротивъ гурійцевъ. Подъ прикрытіемъ рѣдкаго огня стрѣлковъ правый флангъ и центръ, двигаясь, очутились отъ Зинити на разстояніи 600—700 шаговъ. Войска здѣсь остано-

вились, пока не подоспѣлъ лѣвый флангъ. Горныя орудія угостили врага 10-ю мѣткими картечными гранатами. Однако же противникъ, не смотря на гранаты, да на учащенный огонь въ цѣпи, продолжалъ отстаивать свою позицію. На поддержку нашимъ на лѣвой флангъ, къ 1-й ротѣ была послана 4-я рота стрѣлковъ, съ цѣлью сдѣлать обходное движеніе противъ праваго фланга кабулетцевъ, направившихъ свой огонь съ особой силой противъ нашего лѣваго фланга. Въ это же самое время гурійцы подъ сильнымъ перекрестнымъ огнемъ бросились на „ура“. Не удержимой волной помчались ихъ группы. Противникъ не выдержалъ и отступилъ.

Его позиціи были заняты нашими.

Дождь между тѣмъ полилъ проливной. Почва промокла и по скользкимъ скатамъ ходьба стала чрезвычайно затруднительна. А дѣло еще предстояло впереди, такъ какъ кобулетцы заняли слѣдующую позицію, параллельно потерянной. Новая позиція состояла на лѣвомъ ихъ флангѣ изъ нѣсколькихъ небольшихъ отроговъ, расположенныхъ параллельными террасами и отдѣлённыхъ другъ отъ друга глубокими оврагами, изобилующими колючкой; посединѣ позиція имѣла болѣе или менѣе характеръ отлогаго, открытаго ската; на правомъ же флангѣ противника подымались крутизны, сходящіяся въ одну вершину. Лѣвая оконечность Зинити отдѣляется отъ вышесказанной вершины глубокимъ оврагомъ. Правѣе послѣдняго по ровной мѣстности шла дурная, узкая турецкая дорога. Съ новой позиціи врагъ, по всей вѣроятности получившій подкрѣпленіе, открылъ жестокій

огонь. Дождевой и свинцовой ливни помѣшали отдохнуть солдатамъ. Цѣпь наша на сильный, но безвредный огонь отвѣчала сначала рѣдко. Послѣ, постепенно, выстрѣлы нашихъ стрѣлковъ превратились въ бѣглый огонь.

На нашемъ лѣвомъ флангѣ очутилась 2-я рота стрѣлковъ, противъ которыхъ противникъ дѣйствовалъ съ особенной энергіей. Въ центрѣ у насъ были: 4-я и 1-я роты стрѣлковъ и, въ видѣ маленькаго резерва, полувзводъ отъ 5-й роты. На правомъ же флангѣ кучками наступали 2 сотни гурійцевъ, поддерживаемые 3-мя полувзводами отъ 3-й роты стрѣлковъ. Въ особенности въ сильномъ огнѣ очутились 2-я стрѣлковая рота и затѣмъ 4-я. Отъ того-то и наши потери падали главнымъ образомъ на эти роты. Непріятель очевидно старался сбить или обойти нашъ лѣвый флангъ. Но кобулетцы плохіе тактики, и не съумѣли исполнить своего плана, идея котораго зародилась, быть' можетъ, въ головѣ какого-нибудь вліятельнаго невѣжды, имѣвшаго храбрость взять на себя обязанность, распоряжаться дѣйствіями своихъ фанатизированныхъ и озлобленныхъ земляковъ. Военный диллетантизмъ ужасно развитъ между кобулетцами....

Что бы поддержать нашъ лѣвый флангъ, была направлена сюда 1-я рота стрѣлковъ, занявшая позицію лѣвѣе 2-й роты, на столько удобную, что можно открыть по противнику анфиладный огонь. Съ фронта, одновременно, наши съ удвоенной энергіей стали сбивать врага мѣткими пулями съ его крѣпкихъ позицій. Горныя орудія не стрѣляли, ибо не возможно было

ихъ подвезти на Зенитскія крутизны. Въ 4 часа послѣ обѣда перестрѣлка совершенно прекратилась. Дождь и нависшіе туманы, сросшіеся съ тучами, не позволяли ничего видѣть впереди.

Роты и сотни расположились на отдыхъ и къ вечеру были смѣнены 2-мъ батальономъ Ленкоранскаго полка.

Исторія русскихъ войнъ богата, фактами, свидѣтельствующими о выносливости русскаго солдата. Безъ всякаго преувеличенія, поведеніе солдата 16-го мая можетъ быть подведено подъ категорію этихъ же фактовъ.

Послѣ безсонной ночи, безъ пищи, ибо про нее и позабудешь подъ пулями, подъ ливнемъ дождя пронизывавшаго до костей, русскій солдатъ шелъ да шелъ впередъ по скользкимъ кручамъ и держался стойко и бодро 13-ть часовъ. При столь тяжелыхъ условіяхъ въ войскахъ замѣтенъ былъ даже энтузіазмъ. Раненые, напримѣръ, подымались съ носилокъ и изъявляли желаніе вернуться назадъ въ цѣпь; санитары не стѣснялись дѣлать перевязку въ районѣ сильнѣйшаго огня и проч. Въ этомъ дѣлѣ былъ раненъ Эксанъ-ханъ-Нахичеванскій, сдѣлавшій, за нѣсколько минутъ до этого, перевязку одному раненому стрѣлку. Занятіе Самеба и Зинити немного повліяло къ лучшему на слѣпое упорство кобулетцевъ. Спустя нѣсколько дней послѣ этого явились къ намъ въ лагерь на Ачкуа, гдѣ расположился штабъ командующаго войсками приріонскаго края и штабъ начальника Кобулетскаго отряда, около ста кобулетцевъ, молодежи и стариковъ, съ повинною. Какъ

разъ въ это же самое время находился князь Святополкъ-Мирскій. Князь вышелъ къ покорившимся. Передъ нимъ образовалась живописная группа туземцевъ въ самыхъ разнообразныхъ, изношенныхъ костюмахъ, такъ и просившихъ карандаша Доре. Много было въ нихъ оригинальнаго и фантастическаго. Головы были забинтованы въ башлыки, на загорѣлыхъ лицахъ, не много грустныхъ, изъ-подъ-космъ навислихъ волосъ, блестѣли глаза лихорадочнымъ, какимъ-то безпокойнымъ блескомъ. Между физіономіями попадались старческія лица, всѣ въ морщинахъ, но скулистыя и энергическія, словно у сицилійскихъ стариковъ-бандитовъ. Изъ группы рѣзко выдѣлялся мулла въ бѣлой чалмѣ. Всѣ производили на всякаго цивилизованнаго человѣка тяжелое впечатленіе. Физіономистъ легко угадалъ бы по одному выраженію лицъ, что являвшіеся съ повинной, полудикіе индивидуумы, съ самымъ примитивнымъ міросозерцаніемъ и еще, при этомъ, пропитанные на сквозь мусульманскимъ фанатизмомъ. Князь Мирскій обратился къ случайнымъ представителямъ населенія турецкой Гуріи съ дѣльною рѣчью. Онъ говорилъ имъ, что русскіе считаютъ законнымъ драться лишь съ султанскимъ регулярнымъ войскомъ, но отнюдь не съ населеніемъ. Не сражайся кобулетцы противъ русскихъ ихъ сакли и сады были бы даже не тронуты солдатской рукой. Кромѣ этого было сказано, что русская армія вошла въ предѣлы турецкихъ владѣній съ лозунгомъ: *вѣротерпимость*, *гуманность*, *освобожденіе угнетенныхъ и справедливость*, что и теперь свобода и вѣра явившихся съ повинною нисколько не стѣсняется, что пусть идутъ, куда имъ

угодно, — или на свои пепелища строить новые дома, или въ русскую Гурію, гдѣ для нихъ найдется гостепріимный пріютъ. Рѣчь эта, конечно, была высказана болѣе простымъ и удобнымъ для кобулетцевъ языкомъ. Группа тронутыхъ слушателей съ угрюмымъ муллой во главѣ все время наклоняли голову въ знакъ полнѣйшаго согласія. Оказано имъ было тутъ же пособіе золотой монетой. За тѣмъ часть бывшихъ нашихъ враговъ отправилось въ Озургенты, часть въ свои, гдѣ-то въ горахъ расположенные аулы.

Голосъ народа о дѣйствіи русскаго оружія.

Успѣхи русскаго оружія въ Азіатской Турціи естественно привлекали вниманіе нашего общества къ мѣстности театра военныхъ дѣйствій. Взятіе Ардагана, Баязета и другихъ крѣпостей въ начальное короткое время, равно, какъ успѣшныя дѣйствія подъ Карсомъ, давали основаніе надѣется, что въ не далекомъ будущемъ турецкая Арменія, уже давно знакомая нашимъ войскамъ, снова подчинится русскому владычеству. Въ то время нельзя было, безъ сомнѣнія, сказать, останется ли завоеванная страна въ нашихъ рукахъ, или же будетъ возвращена, по примѣру прежнихъ лѣтъ, — Турціи? Задачи начавшейся войны всего менѣе лежали въ расширеніи нашей территоріи. Но если бы главная цѣль войны, освобожденіе турецкихъ славянъ, была ранѣе достигнута и за тѣмъ возникъ вопросъ о матеріальномъ вознагражденіи Россіи, то присоединеніе турецкой Арменіи, рѣшило бы этотъ вопросъ, согласно съ справедливостью и къ обо-

юдной выгодѣ, какъ для Россіи, такъ и присоединяемой страны.

Турецкая Арменія, какъ уже извѣстно, два раза въ теченіе одного настоящаго столѣтія была покоряема русскимъ оружіемъ, сначала въ 1829 году, а за тѣмъ, какъ описано выше, въ значительной долѣ, въ послѣднюю турецкую войну. Если этой странѣ снова суждено будетъ испытывать силу нашихъ войскъ, то едва ли возможно будетъ спорить противъ правъ Россіи на нее, правъ основывающихся на многократномъ завоеваніи. Хотя право завоеванія, какъ показывалъ примѣръ послѣднихъ войнъ Германіи, считается само по себѣ даже и въ нашъ вѣкъ достаточнымъ основаніемъ для присоединенія новыхъ областей, но въ настоящемъ случаѣ на сторонѣ нашего отечества есть цѣлый рядъ и иныхъ аргументовъ, кромѣ матеріальной силы. Христіане составляющіе большинство населенія турецкой Арменіи, не менѣе страдаютъ отъ притѣсненій оттоманскаго правительства, чѣмъ другіе христіанскіе подданные Порты, какъ это ясно доказывается собственнымъ ихъ заявленіемъ во время константинопольской конференціи и донесеніемъ англійскаго консула, напечатаннымъ въ только что вышедшей „*Синей книгѣ*“. Армяне уже давно обращали свои взоры на Россію, которая дружелюбно пріютила у себя и ихъ церковь, и ихъ національное просвѣщеніе. Эта нравственная связь наглядным образомъ проявилась въ знаменитомъ фактѣ уже въ 1829 году. Послѣ того, какъ небольшая часть завоеванной Арменіи была присоединена къ Россіи, а вся остальная страна возвращена Портѣ, началась эмиграція армянъ

изъ Турціи въ Россію; въ короткое время число переселившихся достигло 200,000 человѣкъ; изъ одного Эрзерума ушло въ Россію — до 6,000 армянскихъ семействъ. Эта громадная эмиграція, слѣды которой до сихъ поръ ясно чувствуются въ обезлюденной Арменіи, конечно, несравненно вѣрнѣе и яснѣе свидѣтельствуетъ о дѣйствительномъ настроеніи страны, чѣмъ какіе-бы то ни были подтасованные плебесциты, которыми завоеватели нашихъ дней такъ любятъ подкрѣплять право захвата. Радушный пріемъ, встрѣчаемый, судя по извѣстіямъ съ театра войны, нашими войсками въ Арменіи, показываетъ, что дружественныя чувства, проявившіяся за полстолѣтіе, предъ нашимъ временемъ, и до сихъ поръ поддерживаются въ той же силѣ. Такимъ образомъ мы едва-ли ошибемся, утверждая, что присоединеніе турецкой Арменіи къ Россіи будетъ совпадать съ дѣйствительными желаніями тамошняго населенія, а слѣдовательно опираться на самое сильное изъ основаній, какія только могутъ быть приведены въ пользу подобнаго факта.

Съ точки зрѣнія интересовъ Россіи, турецкая Армснія съ прилегающей къ ней частью Черноморскаго побережья отъ Батума до Трапезунда была-бы, конечно, драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ. Этой прирѣзкой прежде всего достигалось бы округленіе нашей юговосточной границы, которая столь не выгоднымъ образомъ искривлена и растянута въ настоящее время, благодаря тому, что въ нее со стороны моря острымъ угломъ врѣзывается турецкая территорія. Но что еще важнѣе, эта прирѣзка доставила бы русскому Закавказье необ-

ходимый для него прямой и удобный исходъ къ Черному морю. Несчастье нашего Закавказья заключается именно въ томъ, что оно не имѣетъ хорошихъ портовъ на Черномъ морѣ, ибо, не смотря на громадныя затраты, сдѣланныя правительствомъ на улучшеніе Поти, этотъ портъ все-таки представляетъ такъ мало безопаспости для судовъ, что при первой бурѣ послѣднія вынуждены бываютъ отправляться въ сосѣдній Батумъ. Прибавка новой области обогатила бы Закавказье двумя превосходными портами, Батумомъ и Трапезундомъ, съ которыми уже и теперь Россія ведетъ обширную торговлю.

Но значеніе области, о которой идетъ рѣчь, простирается гораздо далѣе однѣхъ мѣстныхъ выгодъ Закавказья. Арменія съ Черногорскимъ побережьемъ представляетъ страну богато снабженную дарами природы. Прорѣзывающія её во всѣхъ направленіяхъ горы изобилуютъ минеральными произведеніями, особенно серебромъ и мѣдью, а многочисленныя долины служатъ пріютомъ для земледѣлія и скотоводства, при чемъ превосходный климатъ даетъ возможность заниматься здѣсь самыми прибыльными отраслями сельскаго хозяйства. Хотя при турецкомъ управленіи эта страна сдѣлала слишкомъ мало промышленныхъ успѣховъ, но даже и при настоящемъ положеніи дѣлъ ея милліонное населеніе можетъ послужить весьма важнымъ рынкомъ для сбыта русскихъ издѣлій. Важность этого рынка выяснится еще болѣе, если мы броспмъ взглядъ на его роль въ всемірной торговлѣ. Чрезъ Трапезундъ и Эрзерумъ направляется главный токъ европейско-персидскаго обмѣна. Изъ Тра-

пезунда идетъ караванный путь въ Тавризъ, сдѣлавшійся въ послѣднее время главнымъ торговымъ центромъ Персіи. Такъ какъ мануфактуры востока постепенно падаютъ подъ давленіемъ европейской конкуренціи, то черезъ Трапезундъ ввозится въ Персію и въ прилегающія страны центральной Азіи громадное количество европейскихъ фабричныхъ издѣлій, и вывозится въ Европу мѣстное сырье. Уже въ 60-хъ годахъ ввозъ однихъ хлопчато-бумажныхъ издѣлій черезъ Трапезундъ оцѣнивался въ 50 милліоновъ франковъ; вся же торговля Трапезунда доходила въ то время до 200 милліоновъ франк. Эрзерумъ, лежащій въ пунктѣ соединенія главныхъ дорогъ, направляющихся изъ Трапезунда, Закавказья, Персіи, Месопотаміи и Малой Азіи, служитъ складочнымъ мѣстомъ для торговли между Европой и центральной Азіей. Обороты Эрзерума исчисляются не менѣе какъ въ 25 мил. таллеровъ. Правда, проведеніе Поти-тифлисской желѣзной дороги отвлекло часть персидскаго транзита въ Закавказье, но во всякомъ случаѣ значительнѣйшая его доля и до сихъ поръ направляется по прежнему пути. Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что уже и въ настоящее время разсматриваемая мѣстность отличается обширнымъ торговымъ движеніемъ; но не нужно забывать, что этимъ она обязана единственному своему географическому положенію. Турецкое правительство почти ничего не сдѣлало для улучшенія путей, соединяющихъ Трапезундъ съ главными его рынками. Караванный путь отъ Трапезунда до Тавриза требуетъ до сихъ поръ около 40 дней и подверженъ во многихъ пунктахъ опасностямъ со стороны окрест-

ныхъ кочевниковъ. Самъ Трапезундъ лишенъ большей части тѣхъ приспособленій, которыя считаются необходимыми въ современныхъ приморскихъ городахъ, и сверхъ того находится въ полной торговой зависимости отъ Константинополя. Русское владычество, конечно, положило бы конецъ такому положенію дѣлъ, и тѣмъ дало бы новый толчокъ торговлѣ съ центральной Азіей, на которую теперь обращены взоры всей Европы.

Такимъ образомъ пріобрѣтеніе турецкой Арменіи съ прилегающею частью малоазіатскаго побережья Чернаго моря способно усилить значеніе Россіи на этомъ морѣ и создать новые выгодные пути для ея торговли. Но какъ не важны для нашего отечества эти цѣли, онѣ тѣмъ не менѣе должны уступить мѣсто великимъ задачамъ, во имя которыхъ предпринята настоящая война, и появиться на сцену лишь въ томъ случаѣ, когда будетъ достигнуто прочное обезпеченіе турецкихъ славянъ. Слѣдуетъ надѣется, что геній войны поставитъ наше отечество въ возможность добиться и того и другаго.

Дипломатическая переписка касательно войны.

Въ Лондонѣ 11-го іюня, было обнародовано дополненіе къ „*Синей книгѣ*“, оно состояло изъ двухъ писемъ; первое — графа Дэрби; въ немъ опредѣлялись британскіе интересы, которые должны были заставить Англію выйдти изъ нейтралитета, въ случаѣ, если они будутъ затронуты, второе — князя Горчакова, составлявшее отвѣтъ русскаго правительства. Вотъ текстъ этихъ писемъ.

I.

Графъ Дэрби къ Графу Шувалову.

24-го апрѣля 1877 г.

„Г.. посланникъ.

„Имѣю честь увѣдомить о полученіи письма вашего превосходительства отъ 24-го апрѣля, въ которомъ вы сообщаете мнѣ, что вы отъѣзжаете въ Россію вслѣдствіе отпуска.

„Такъ какъ ваше превосходительство будете, конечно, имѣть случай лично совѣщаться съ вашимъ правительствомъ, то я пользуясь этимъ обстоятельствомъ, чтобъ представить нѣсколько соображеній, необходимыхъ для поддержанія въ будущемъ добраго согласія между Великобританіей и Россіей.

Правительство ея величества неимѣетъ намѣренія разсматривать вопросъ о справедливости или необходимости настоящей войны; оно уже высказало свои взгляды на этотъ предметъ, и всякое новое обсужденіе его былобы совершенно излишне. Оно приняло на себя обязательства, налагаемыя на него состояніемъ войны, и не замедлило о своемъ нейтралитетѣ. Оно съ самаго начала увѣдомило Порту, что послѣдняя не должна расчитывать на англійскую помощь; что оно рѣшилось безпристрастно слѣдовать этой политикѣ, пока въ войнѣ будутъ замѣшаны одни лишь турецкіе интересы.

Одновременно съ этимъ британское правительство считаетъ нужнымъ не оставлять никакого недоразумѣнія касательно принятаго имъ положенія и касательно его намѣреній. Если настоящая война, къ сожалѣнію, рас-

ширится, то интересы, которые британское правительство обязано и рѣшилось защищать, могутъ подвергнуться опасности, а потому желательно точнѣе опредѣлить, насколько это можно сдѣлать при самомъ началѣ войны, наиболѣе выдающіеся изъ этихъ интересовъ.

Важнѣйшій изъ нихъ, это,—необходимость сохранить открытымъ, неповрежденнымъ и непрерывнымъ сообщеніе между Востокомъ и Европой посредствомъ Суэзскаго канала. На попытку блокировать этотъ каналъ, вмѣшаться въ дѣла его управленія или занять его входы, будутъ смотрѣть какъ на угрозу противъ Индіи и на важный ущербъ всемірной торговли. Всякая попытка этого рода,—хотя правительство ея величества твердо увѣрено, что ни одна изъ воюющихъ сторонъ не имѣетъ такого намѣренія, будетъ — сочтена несовмѣстной съ сохраненіемъ пассивнаго нейтралитета.

Торговые и финансовые интересы европейскихъ націй столь серьезно замѣшаны въ томъ, что происходитъ въ Египтѣ, что къ нападенію на эту страну или занятіе ея, даже временному, съ военною цѣлью, нейтральныя державы едвали могутъ отнестись равнодушно;? во всякомъ случаѣ Англія не отнесется такъ.

Весьма важное значеніе Константинополя съ военной, съ политической и торговой точки зрѣнія слишкомъ понятно, что-бы требовало еще объясненія. Слѣдовательно, едва-ли необходимо заявлять, что правительство ея величества вовсе не расположено быть равнодушнымъ зрителемъ того, какъ переходитъ отъ одного монарха къ другому столица, занимающая такое особенное и преобладающее положеніе.

Существующія соглашенія, установленныя съ одобренія Европы и регулирующія судоходство по Босфору и Дарданеламъ, считаются правительствомъ ея величества весьма мудрыми и благодѣтельными; по его мнѣнію, какія-либо перемѣны въ ихъ существенномъ содержаніи должны встрѣтить серьезныя возраженія и по этому не должны имѣть мѣста.

„Правительство ея величества считаетъ настоящій случай весьма удобнымъ, чтобъ откровенно высказать свои взгляды. Ходъ событій можетъ указать еще другіе интересы, которые оно обязано охранять,—напр. Персидскій заливъ. Но оно полагаетъ, что достаточно указало вашему превосходительству предѣлы, въ которыхъ, какъ оно надѣется, будетъ удержана (?) война, или, во всякомъ случаѣ, предѣлы, которые на сколько настоящія обстоятельства позволяютъ составить опредѣленное мнѣніе, поставятъ британское правительство въ возможность сохранить политику воздержанія и нейтралитета.

Правительство ея величества полагаетъ, что Императоръ Всероссійскій оцѣнитъ ея желаніе—объяснить свою политику въ началѣ войны и отвѣчать такимъ образомъ на увѣренія, сдѣланныя Его Величествомъ въ Ливадіи, когда Императоръ далъ честное слово, что Россія не имѣетъ намѣренія овладѣть Константинополемъ, и что если необходимость заставитъ Россію занять часть Болгаріи, то это будетъ временной мѣрой, пока не будетъ возстановленъ миръ и обезпечена безопастность христіанскихъ населеній.

Правительство ея величества лучше и неможетъ выказать свое довѣріе къ заявленіямъ Его Император-

скаго Величества, какъ попросивъ ваше превосходительство передать Императору и русскому правительству это откровенное изложеніе англійской политики, которое я имѣю честь вамъ представить „Дэрби".

II.

Князь Горчаковъ графу Шувалову. (Сообщено графу 27-го мая Дэрби графомъ Шуваловымъ).

С.-Петербургъ 18 мая 1877 г.

Графъ.

Лордъ Дэрби поручилъ вамъ передать мнѣ содержаніе письма, излагающаго виды англійскаго кабинета относительно вопросовъ, которые могутъ быть замѣшаны въ настоящую войну и могутъ касаться интересовъ, которые Англія должна защищать.

Его Величество узналъ содержаніе письма съ живѣйшимъ интересомъ и цѣнитъ откровенность объясненій, цѣль которыхъ—избѣжать недоразумѣній между двумя правительствами.

Нашъ Августѣйшій Монархъ повелѣлъ мнѣ отвѣчать полною взаимностію и поставить васъ въ возможность изложить съ такою же откровенностію и съ такою же ясностію наши взгляды, какъ на пункты, упомянутые лордомъ Дэрби, такъ и на пункты, касающіеся интересовъ, которые, съ своей стороны, Его Императорское Величество считаетъ своимъ долгомъ охранять.

Императорскій кабинетъ не хочетъ ни блакировать Суэзскаго канала, ни вредить и прерывать его навигаціи. Онъ смотритъ на него, какъ на международное

достояніе, интересующее торговлю всего міра и долженствующее оставаться внѣ всякихъ покушеній.

Египетъ составляетъ часть Оттоманской имперіи и его контингенты фигурируютъ въ турецкой арміи. Слѣдовательно, Россія можетъ считать себя состоящей съ нимъ въ войнѣ. Однакожъ, Императорскій кабинетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, не оставляетъ безъ вниманія ни европейскихъ интересовъ, сопряженныхъ съ этою страною, ни интересовъ Англіи въ особенности. Онъ не включитъ Египетъ въ районъ своихъ военныхъ операцій.

Что касается до Константинополя; то, не предрѣшая хода и исхода войны, Императорскій кабинетъ повторяетъ, что пріобрѣтеніе этой столицы не входитъ въ виды Его Величества Императора. Онъ признаетъ, что во всякомъ случаѣ участь Константинополя—вопросъ интересующій всѣ державы, вопросъ которой можетъ быть рѣшимъ лишь съ общаго согласія, и что если обладаніе этимъ городомъ должно стать вопросомъ, то этотъ городъ не можетъ принадлежать никакой европейской державѣ.

Что же касается проливовъ, то хотя оба ихъ берега принадлежатъ одному монарху, но они образуютъ выходъ двухъ обширныхъ морей въ которыхъ заинтересованъ весь міръ. Поэтому, очень важно для всеобщаго мира и вообще равновѣсія, чтобъ этотъ вопросъ былъ регулированъ съ общаго согласія, на основахъ справедливости и дѣйствительныхъ гарантіяхъ.

Лордъ Дэрби сдѣлалъ намекъ еще на другіе британскіе интересы, могущіе быть затронутыми возможнымъ расширеніемъ войны,—напр. Персидскій заливъ и до-

рогу въ Индію. Императорскій кабинетъ заявляетъ, что онъ не расширитъ войну дальше того, сколько требуетъ открыто и ясно высказанная цѣль, для которой Его Величество принужденъ былъ взяться за оружіе. Онъ будетъ уважать британскіе интересы, упомянутые лордомъ Дэрби, пока Англія будетъ оставаться въ нейтралитетѣ.

Онъ вправѣ ожидать, что, съ своей стороны, англійское правительство, равнымъ образомъ приметъ въ соображеніе частные интересы, изъ-за-которыхъ Россія вступила въ войну, и изъ-за-которыхъ она наложила на себя столь великія жертвы.

Эти интересы заключаются въ абсолютной необходимости положить конецъ печальному положенію христіанъ подъ господствомъ турокъ и постояннымъ кризисамъ, которые вызываютъ это господство.

Этотъ порядокъ вещей и насилія, которыя его сопровождаютъ, возбуждаютъ въ Россіи волненіе коренящееся въ христіанскомъ чувствѣ, очень глубокомъ въ русскомъ народѣ, и узахъ вѣры и племеннаго родства, соединяющихъ его съ большею частію христіанскихъ населеній Турціи. Императорское правительство тѣмъ болѣе обязано принимать это во вниманіе, что такое народное возбужденіе воздѣйствуетъ одинаково на внутреннее и внѣшнее положеніе Имперіи. Въ каждый изъ такихъ кризисовъ его политику подозрѣваютъ и обвиняютъ; его международныя отношенія, его торговля, его финансы, его кредитъ—все страдаетъ отъ этого.

Его Величество Императоръ не можетъ оставить Россію безконечно подверженной этимъ пагубнымъ случайностямъ, которые мѣшаютъ ея мирному—развитію

и причиняютъ ей неисчислимый ущербъ. Дабы изсушить источникъ этихъ золъ, Его Императорское Величество рѣшилъ обременить свою страну тягостями войны.

Эта цѣль можетъ быть достигнута только въ томъ случаѣ, если христіанскія населенія Турціи будутъ поставлены въ положеніе, въ которомъ ихъ существованіе и ихъ безопасность будутъ дѣйствительно гарантированы противъ несносныхъ злоупотребленій турецкой администраціи. Этотъ жизненный интересъ для Россіи нисколько не противорѣчитъ ни одному изъ интересовъ Европы, которая, съ своей стороны, тоже страдаетъ отъ невозможнаго положенія дѣлъ на Востокѣ.

Императорскій кабинетъ старался осуществить свою цѣль при содѣйствіи дружественныхъ и союзныхъ державъ. Принужденный преслѣдовать свою цѣль Одинъ, нашъ Августѣйшій Монархъ рѣшился не класть оружія, прежде чѣмъ не обезпечитъ ее полнѣйшимъ и надежнѣйшимъ образомъ.

Благоволите изложить эти соображенія лорду Дэрби и сказать ему, что Императорскій кабинетъ вправѣ надѣяться, что правительство ея британскаго величества оцѣнитъ ихъ съ тѣмъ же чувствомъ справедливости, которое заставляетъ насъ уважать интересы Англіи, и что оно почерпнетъ въ нихъ тоже убѣжденіе, какъ и мы, т. е. что во взглядахъ, которыми обмѣнялись оба правительства съ обоюдной откровенностію, нѣтъ ничего такого, что не могло бы быть примирено съ поддержаніемъ ихъ добрыхъ отношеній и мира на Востокѣ и въ Европѣ“.

„*Горчаковъ.*“

Дальнѣйшій ходъ событій, какое-бы ни принялъ направленіе, какова-бы ни была развязка начатой драмы, въ которой пока Россія одна играла активную роль,— остальные же присутствовали лишь въ качествѣ посторонникъ, хотя и сильно заинтересованныхъ зрителей,— однако не сомнѣнно, что отношеніе Англіи выяснилось уже какъ нельзя лучше. И политика ея правительства и языкъ органовъ печати, такъ или иначе представлявшихъ различные оттѣнки англійскаго общественнаго мнѣнія становились гораздо проще и откровеннѣе въ послѣднее время, чѣмъ были до начала войны, что видно изъ изложеннаго письма графа Дэрби.

Молва и правительство наконецъ сбросили маску, которую они пробовали было надѣть на себя, пока еще сохранялась малѣйшая надежда, что Россія, не пойдетъ до конца, поддавшись дипломатической игрѣ, въ которую еѣ всѣми силами втягивали, друзья Порты, сойдетъ съ прямаго пути уклониться отъ своей исконной политики, столь же ясной и чистой, какъ руководящіе ею интересы. Какъ только стало ясно, что никакія дипломатическія условія друзей Порты болѣе не помогли, какъ только Россія сказала наконецъ-то „*довольно*," на которое такъ долго напрашивалась англійская дипломатія, —тотчасъ-же и тонъ англійскаго правительства, и тѣ взаимныя отношенія партіи, которыя повидимому раздѣляли все англійское общество на два непримиримые лагеря, измѣнились по мановенію руки. Ожесточенная борьба, какой можно было ожидать, повидимому, въ парламентѣ, по поводу восточной политики правительства, разразилась нѣсколькими запросами оппозиціи,

отъ которыхъ легко отдѣлывались самыми неудовлетворительными въ сущности объясненіями; а весьма умѣренныя по содержанію вышеписанныя резилюціи Гладстона привели только къ развитію его партіи и къ усиленію противной.

Между тѣмъ, какъ министерство Биконсфильда торжествовало побѣду, посылая дружественнымъ державамъ вызывавшія ноты и, дѣлая воинственныя демонстраціи передвиженіемъ флота и войска,—англійская печать также рѣзко измѣнила прежній тонъ. Куда дѣвались порицанія, сыпавшіяся на голову министерства, за то, что оно втягивало Англію въ компрометтирующую её войну? Гдѣ то благородное негодованіе, которое возбуждалось въ нѣжныхъ сердцахъ англійскихъ публицистовъ угнетеніемъ несчастныхъ болгаръ и равнодушіемъ къ нимъ англійской дипломатіи? Ожесточенная критика дѣйствій правительства оказалась такой же комедіей, какъ и оппозиціи въ парламентѣ, а негодованіе въ пользу угнетенныхъ славянъ обратилось противъ тѣхъ, кто сдѣлалъ первый рѣшительный шагъ къ дѣйствительному облегченію ихъ участи. Забывъ все, что говорилось наканунѣ, большинство органовъ, выражавшихъ мнѣніе филантропической націй, набросились на Россію за то только, что она взяла на себя одну—тяжелую роль исполнителя желаній, раздѣлявшихъ, повидимому, всей Европой, не исключая и Англіи. Если повѣрить тому залпу обвиненій, которымъ встрѣтила англійская печать русскій манифестъ о войнѣ,—то можно было подумать, что Россія напала на Турцію совершенно неожиданно для всѣхъ, что война была объявлена ни

съ того, ни съ сего, что несчастная Турція вела себя, какъ нельзя лучше и сдѣлалась невинной жертвой коварныхъ и корыстныхъ замысловъ Россіи?

Что же заставляло англійскую прессу примиряться съ политикой министерства, нисколько не измѣнявшейся, а напротивъ еще болѣе утверждившейся въ своемъ прежнемъ направленіи; какая сила бросала публицистовъ, до этого времени такъ горячо нападавшихъ на политику, въ совершенно противуположную сторону и заставила ихъ даже опередить въ своемъ рвеніи правительство? До такой степени потерять голову и хладнокровіе,—какъ это случилось даже съ почтеннымъ органомъ лондонскаго сити,—можно только въ одномъ случаѣ: это—будучи жестоко обманутымъ въ своихъ ожиданіяхъ. Говорили, что англійское правительство было введено въ заблужденіе ложными свѣденіями, которыя присылались ему изъ Россіи относительно положенія нашей арміи. Очень можетъ быть, что и органы англійской прессы пребывали на этотъ счетъ въ такомъ же пріятномъ заблужденіи и, заступаясь за славянъ, въ то же время были увѣрены, что дѣло окончится миромъ, и что въ результатѣ за англійской націей оставалась та заслуга, что она потратила для облегченія участи турецкихъ христіанъ много, очень много?... хорошихъ словъ и пожеланій.

Ожиданія эти однако же не сбылись. Всѣ усилія оказались тщетны; конференція была сорвана самою же Турціей, и участвовавшій въ ней благородный англійскій маркизъ напрасно подвергался непріятности быть публично уличеннымъ въ завѣдамо шулерскомъ способѣ дѣй-

ствій. Эта-то неожиданность и заставляла наконецъ Англію дѣйствовать проще и высказаться откровеннѣе. Съ началомъ войны, всѣ соображенія отступили на задній планъ передъ однимъ: и правительство, и пресса заняты были исключительно охраненіемъ „англійскихъ интересовъ!..“ Къ этому пункту сводили всѣ стремленія, на немъ сходились и мирились всѣ партіи. И сохраненіе мира въ Европѣ, и локализація войны, и улучшеніе участи христіанъ, — рѣшеніе всѣхъ этихъ общеевропейскихъ вопросовъ, должно было имѣть исходнымъ пунктомъ, драгоцѣнные интересы англійскихъ фабрикантовъ!

Къ несчастію, до сихъ поръ однакоже и по отношенію къ этому, повидимому весьма осязательному, обстоятельству замѣчалось странное недоразумѣніе. Относительно этихъ пресловутыхъ интересовъ, красовавшихся на знамени англійской политики, по сіе время еще не установилось опредѣленнаго понятія въ самой Англіи. По крайней мѣрѣ въ прессѣ мнѣнія объ этомъ предметѣ расходились такъ рѣзко, что одни сводили эти интересы къ скромному и совершенно законному желанію охранять границы англійскихъ владѣній, тогда какъ другіе расширяли предѣлы англійскихъ интересовъ до того, что малѣйшее движеніе русской арміи, гдѣ-бы оно не производилось грозило неизбѣжной опасностью Англіи. Даже находили это понятіе слишкомъ эластичнымъ и сознавались, что если не будутъ установлены для него болѣе точные предѣлы, то можно дойти до того, что всѣ державы, усиливающійся во флотъ, напримѣръ, или владѣющія хорошо укрѣпленными приморскими пунктами, окажутся даже въ мирное время, смертель-

ными врагами Англіи, и послѣдней оставалось одно,— ежеминутно дрожать за свое существованіе.

Но, какъ ни былъ благоразуменъ повидимому, такой образъ мысли почтеннаго органа „сити“, тѣмъ неменѣе онъ же поспѣшилъ энергически протестовать при первыхъ слухахъ о предполагавшихъ переговорахъ съ цѣлью ограниченія театра враждебныхъ дѣйствій между Россіей и Турціей. Считали невѣроятнымъ, чтобы англійское правительство приняло какое бы то ни было предложеніе въ этомъ смыслѣ. Это по мнѣнію англійской печати или молвы, было невозможно, потому что „такое соглашеніе повело-бы къ допущенію всего того, что прямо не запрещено“. Такое соображеніе становилось совершенно понятно для всякаго, кто зналъ, что англійскіе интересы въ восточномъ вопросѣ гораздо болѣе опредѣленны, чѣмъ это могло казаться съ перваго взгляда. Всѣ казавшіяся недоразумѣнія относительно этого пункта являлись возможными только потому, что англійская пресса боялась быть откровенной до конца и сознаться, что главный интересъ Англіи въ то время и въ настоящее—*полная неприкосновенность Турціи*. Для всѣхъ совершенно было ясно, что дѣйствительное улучшеніе быта подвластныхъ Турціи населеній повлечетъ за собою неизбѣжно разложеніе государства, влачившаго до сихъ поръ свое существованіе лишь при помощи того безобразнаго порядка вещей, который заботливо охранялся, къ стыду Европы, во имя энергическихъ интересовъ одной Англіи. Она, какъ паразитъ, питалась заживо разлогающимся организмомъ Турціи, безпрепятственно хозяйничая въ немъ,—и убѣдившись, что живой трупъ, пожалуй,

ускользнетъ изъ ея рукъ преждевременно,—не стыдилась выставлять подобные интересы девизомъ своей политики.

Но выступая на защиту своихъ интересовъ, Англія забыла, что милліоны ни въ чемъ неповинныхъ людей, испытывавшихъ на себѣ горькіе плоды англійской политики, имѣли по крайней мѣрѣ такое же на существованіе, какое англійскіе торгаши желали сохранить для увеличенія своихъ капиталовъ на чужой счетъ. Полезно было бы помнить также и то, что выступая на защиту своихъ интересовъ, нужно прежде всего быть увѣреннымъ въ возможности самому отстоять ихъ. До сихъ поръ, какъ и извѣстно, Англія защищалась гораздо менѣе собственными средствами, чѣмъ искусствомъ заставлять другихъ загребать жаръ. Шансы на послѣднее, въ настоящее время значительно понизились для Англіи. Можно, конечно, утѣшаться, какъ это англійская печать, разсужденіями о томъ, что, кромѣ англичанъ, въ судьбахъ различныхъ частей турецкой территоріи заинтересованы еще и другія державы; можно, конечно, напоминать Австріи, что для нея очень важна дальнѣйшая участь Болгаріи; можно выражать увѣренность, что князь Бисмаркъ никогда не допустилъ бы захвата устьевъ Дуная. Но всѣ эти будущіе союзники Англіи фигурировали въ качествѣ таковыхъ пока только на столбцахъ англійскихъ газетъ, да и то лишь подъ тѣмъ условіемъ, что Россія непремѣнно должна нарушить ихъ интересы. А для этихъ интересовъ, облегченіе участи турецкихъ христіанъ и обузданіе турецкаго безобразія далеко можетъ быть не такъ опасно, какъ для интересовъ великой англійской націи...

Въ Константинополѣ въ это время готовилась новая перемѣна декораціи о производимыхъ тамъ волненіяхъ. На сценѣ снова появились софты, требовавшіе пока только смѣщенія нѣкоторыхъ министровъ, неспособностью которыхъ они объясняли—неудачное для Турціи начало войны. Отвѣтомъ на эту демонстрацію послужило давно ожидавшее провозглашеніе Константинополя на военномъ положеніи. До этого времени не слышно было еще о смѣщеніи ни одного изъ министровъ, правительство удерживало власть за собою; но на долго ли это было? Смущеніе, въ которое приведены были европейцы демонстраціями послѣднихъ дней, доказывало, что правительство не внушало къ себѣ особеннаго довѣрія; и что уличные бунтовщики могли оказаться сильнѣе его. Дѣйствительно, та дерзость, съ которой софты проникали въ парламентъ и та жалкая слабость, порожденная трусостью, съ которой они были приняты, выслушаны и допущены до переговоровъ съ правительствомъ, достаточно говоритъ уже о растерянномъ положеніи этого послѣдняго.

Съ весны 1876 года, когда константинопольская молодежь впервые выступила на политическую сцену въ роли не только дѣйствующаго, но и распоряжающагося на ней лица, софты служили орудіемъ въ рукахъ мѣстнаго мусульманскаго духовенства, которое или само руководило ими, или предоставляло ихъ къ услугамъ выходившей съ улемами въ соглашеніе придворной партіи. Значительную долю вліянія при этомъ приписывали иногда нѣкоторымъ дипломатамъ, объясняя, напримѣръ, сверженіе Абдулъ-Азиса происками англійской политики,

прибѣгнувшей, чрезъ своего посланника, къ этому средству, съ цѣлью помѣшать представленію берлинскаго меморандума. Но кто теперь руководилъ софтами? Характеръ послѣднихъ манифестацій до сихъ поръ еще не опредѣлился на столько, чтобы можно было съ достаточной правдоподобностью сказать, чего хотѣли бы стоящія за этой толпой люди отъ правительства, имѣющіе замѣнить собою нынѣшнихъ министровъ, если бы послѣдніе были свергнуты; — новаго ли плана военныхъ дѣйствій, или открытія переговоровъ о мирѣ? Приносимыя извѣстія заключали въ себѣ намеки и на то, и на другое.

Въ извѣстіяхъ изъ Константинополя, предшествовавшихъ манифестаціямъ софтъ, европейскіе друзья турокъ предувѣдомлялись, что скоро могли понадобиться для турецкаго правительства услуги европейской дипломатіи, которая поэтому должна быть на-готовѣ, и поспѣшить на помощь. Предувѣдомленія посылались конечно, въ предвидѣніи, что для Турціи настоящая война не по силамъ и что очень скоро она не въ состояніи будетъ продолжать ее, предоставленная самой себѣ. Константинопольскія волненія, производимыя съ этою цѣлью и можетъ быть подсказанныя изъ какой-нибудь дипломатической канцеляріи, могли послужить преддверіемъ къ услугамъ дипломатіи. Въ депешахъ послѣднихъ дней уже мелькали извѣстія въ томъ смыслѣ, что во вліятельныхъ кругахъ турецкой столицы все болѣе и болѣе освоивались съ мыслью о необходимости предупредить дальнѣйшее развитіе войны, которая, кромѣ бѣдъ, ничего не сулила Турціи. Такую программу прочили, будто бы, будущему турецкому правительству.

Но были признаки и другаго рода. Демонстраціи софтъ совпадали съ проповѣдями мусульманскаго духовенства, подготовлявшими умы къ поднятію знамени пророка и провозглашенію священной войны. Зеленое знамя пророка, которымъ мусульмане привыкли пугать христіанъ, если для кого-нибудь могло быть дѣйствительно страшнымъ, то это для безоружныхъ жителей христіанскихъ провинцій Турціи. Священная война могла бы превратиться въ избіеніе христіанъ, если къ этому времени наши войска не успѣютъ занять Балгарію. Въ этой области могли быть повторены неистовства, совершенныя въ прошломъ году, чтобы вызвать, которыя не прибѣгали къ знамени пророка. Далѣе предѣловъ Турціи знамя это не могло быть дѣйствительно, ибо между мусульманами нѣтъ уже прежней религіозной связи и *обрывокъ отъ полога любимой изъ женъ Магомета* потерялъ свою чудодѣйственную силу, которую онъ обнаруживалъ на умы правовѣрныхъ въ доброе старое время.

Событія въ Константинополѣ, какой-бы оборотъ ни приняли, отказывались мы думать, чтобъ они могли повліять на національныя задачи русской политики, поставленныя настоящей войной. Миролюбіе Порты, точно также какъ и ожесточеніе турокъ, не могли отдалять Россію отъ ея военныхъ цѣлей. Они могли вліять лишь на способы ихъ достиженія, сдѣлавъ войну болѣе ожесточенной, или же замѣнивъ ее военнымъ занятіемъ Турціи, обезпечивающимъ за нами результаты, которые предназначались быть достигнутыми силой оружія.

Какъ легко ни давалась, повидимому, кабинету Биконсфильда побѣда надъ аппозиціей, тѣмъ не менѣе, прежде чѣмъ торжествовать ее, главѣ англійскаго министерства предстояла нелегкая задача,—доказать, что онъ по праву одержалъ верхъ надъ своими противниками, и что роль, навязанная его политикой Англіи въ настоящемъ фазисѣ восточнаго вопроса, дѣйствительно и наилучшимъ образомъ обезпечивала тѣ англійскіе интересы, охраненіемъ которыхъ правительство оправдывало свой способъ дѣйствій. Быть можетъ почтенный лордъ, имѣвшій, какъ говорили, слабость считать себя *великимъ государственнымъ мужемъ* (?), питалъ несомнѣнную увѣренность, что будущія событія оправдаютъ блестящимъ образомъ начертанную имъ политику, пока было одно несомнѣнно, что между англійскими интересами и тѣми результатами, которыхъ удалось добиться англійской дипломатіи,—весьма мало общаго.

Очевидно было только одно,—что во многихъ и многихъ ближайшихъ расчетахъ англійской дипломатіи приходилось уже неоднократно разочаровываться, съ тѣхъ поръ какъ начались усложненія на Востокѣ. Всѣ ея маневры привели пока только къ тому результату, что Англія, упорно уклоняясь отъ взаимодѣйствія съ другими державами, втянула Турцію въ войну, которую могла предупредить, а сама очутилась въ изолированномъ положеніи по отношенію къ большинству европейскихъ державъ.

Вмѣсто того чтобъ, присоединившись своевременно къ другимъ, принять активное участіе въ общемъ дѣлѣ облеченія участи турецкихъ христіанъ, Англія сторо-

нилась отъ всякаго дѣйствительнаго соглашенія поэтому предмету, отстаивая неприкосновенность Турціи и собственную свободу дѣйствій, на случай нарушенія этой неприкосновенности. Въ результатѣ, однако-же, получалось только то, чего и слѣдовало ожидать; вооруженное вмѣшательство во внутреннія дѣла Турціи тѣмъ не менѣе произошло, хотя, помимо участія, и могло быть, вопреки желанію Англіи; а свою свободу дѣйствій она должна была ограничить, правда задорнымъ, дипломатическимъ протестомъ, къ которому однако же не присоединилась ни одна изъ державъ, не смотря на обращавшія къ нимъ въ этомъ смыслѣ предположенія.

Россія, подозрѣваемая во возможныхъ корыстныхъ цѣляхъ и себялюбивыхъ стремленіяхъ, осталась вѣрна своей задачѣ, и выступила одна для ея выполненія, между тѣмъ, какъ безкорыстной Англіи оставалось одно изъ двухъ: или свободная англійская нація должна явиться открытымъ защитникомъ деспотизма, въ самомъ отвратительномъ его проявленіи,—или же она должна была смотрѣть въ качествѣ *молчаливаго свидѣтеля*, какъ совершается именно то, въ предупрежденіе чего Англія не желала взять на себя, вмѣстѣ съ другими, дѣло, выполняемое одной Россіей.

Вотъ первые плоды политики министерства Биконсфильда, требующіе большой дозы самоувѣренности и оптимизма, чтобы считать ихъ хорошими для Англіи. Но создавъ для послѣдней не совсѣмъ удобное положеніе въ Европѣ, политика эта возбуждала весьма серьезные вопросы и опасенія далеко за предѣлами европейскаго материка.

Прямой и свободный путь въ Индію не даромъ считался въ то время самымъ существеннымъ интересомъ Англіи, а мѣры къ обезпеченію этого пути далеко не случайно сдѣлались одновременно съ возрожденіемъ восточнаго вопроса, предметомъ усиленныхъ заботъ британскаго правительства. Эти стремленія высказывались имъ неоднократно и находили себѣ подтвержденіе въ цѣломъ рядѣ мѣръ, имѣвшихъ очевидно цѣлью охраненіе Суэзскаго канала. На этотъ разъ путь въ Индію понадобился бы конечно не только въ видахъ торговли.

Нельзя отрицать, что подобныя заботы имѣли за себя весьма серьезныя основанія, если-бъ возможность открытаго столкновенія съ Россіей входила въ расчеты англійскаго кабинета. У всѣхъ на памяти, какія серьезныя опасенія заявлялись Англіей по поводу расширенія нашихъ владѣній въ средней Азіи.

Ни для кого не тайна также и то, что опасенія эти не могли принять форму болѣе существеннаго протеста только потому, что всякое сопротивленіе было-бы болѣе чѣмъ, рискованнымъ предпріятіемъ. Только этой невозможностью объяснялъ тотъ быстрый поворотъ въ англійскихъ воззрѣніяхъ на поступательное движеніе Россіи къ границамъ Индіи, — поворотъ, благодаря которому, Россія изъ опаснаго соперника мгновенно превратилась *въ благодѣтеля Англіи*, а ея войска еще незадолго угражавшія границамъ англійскихъ владѣній — вскорѣ явились въ глазахъ англичанъ исполняющими болѣе мирную миссію — приготовлять новыхъ потребителей для англійскихъ мануфактурныхъ издѣлій. Люди, менѣе склонные

къ подобнымъ оптимистическимъ толкованіямъ, смотрятъ на дѣло иначе. Не отрицая опасности, возникавшей для англійскихъ владѣній въ Индіи отъ близкаго сосѣдства Россіи, въ случаѣ враждебнаго столкновенія съ послѣдней, они не безъ основанія видѣли и усматриваютъ единственный способъ устраненія этой опасности—въ дружественныхъ отношеніяхъ между Россіей и Англіей.

И дѣйствительно, при всемъ желаніи видѣть вещи въ розовомъ свѣтѣ, не возможно не признать, что взаимныя отношенія двухъ державъ значительно измѣнились расширеніемъ нашихъ азіатскихъ владѣній. То, что считалось невозможнымъ 20 лѣтъ тому назадъ, начало представляться вполнѣ осуществимымъ.

Движеніе нашихъ войскъ къ индійской границѣ—теперь уже далеко не утопія. Не признавали также, что для Англіи представлялось въ высшей мѣрѣ опаснымъ, появленіе перваго русскаго отряда на границахъ ея владѣній. Военныя силы, предназначавшіяся для ихъ обороны, ничто въ сравненіи съ тѣмъ престижемъ могущества, который одинъ пока обезпечивалъ для Англіи безотвѣтную покорность туземнаго населенія, составлявшаго къ тому же главный контингентъ мѣстной англійской арміи,—контингентъ, далеко не внушавшій довѣрія, при появленіи для него малѣйшей надежды освободиться отъ тяжелаго гнета его теперешнихъ повелителей.

Всѣ эти соображенія далеко не чужды англійскому правительству, и въ вопросѣ объ охраненіи свободнаго пути въ Индію играли и играютъ, конечно, такую же важную роль, какую онѣ играли когда-то въ попыткахъ

Англіи создать между нашими азіятскими владѣніями и Индіей нейтральную область, границы которой должны были служить въ тоже время крайнимъ придѣломъ распространенія нашего вліянія.

Какъ извѣстно, такой барьеръ предполагали устроить изъ Афганистана, или, лучше сказать, изъ цѣлаго ряда мелкихъ полунезависимыхъ владѣній, которыя условно должны были составить одну нейтральную область, подъ именемъ Афганистана и подъ протекторатомъ Англіи? Соглашеніе это не состоялось только потому, что Англія, предлагая намъ соблюдать неприкосновенность указанной ею границы, съ своей стороны не сочла возможнымъ гарантировать наши владѣнія отъ вторженія покровительствуемыхъ ею племенъ. Тѣмъ не менѣе, Англія смотритъ на Афганистанъ, какъ на важнѣйшій оплотъ для Индіи, и употребляла до послѣдняго времени всѣ усилія, чтобы сохранить тамъ свое вліяніе, между прочимъ черезъ посредство кабульскаго эмира, который пользуется особымъ покровительствомъ индійскаго правительства.

Но, какъ извѣстно, въ послѣднее время дружественныя отношенія между индійской императрицей и эмиромъ Ширъ-Али-ханомъ значительно поколебались. Англія слишкомъ баловала эмира, посылая ему пушки и ружья, и не получая взамѣнъ никакихъ уступокъ: она до сего времени не добилась даже возможности имѣть въ Афганистанѣ постояннаго агента и права для англійскихъ подданныхъ свободно путешествовать по владѣніямъ эмира.

Назначенная въ началѣ 1877 года конференція въ Пешаверѣ окончилась неудачей, вслѣдствіе смерти упол-

номоченнаго эмира, и отношенія къ нему Англіи остались до того натянутыми, что подали даже поводъ къ слуху объ объявленіи священной войны противъ Англіи, коренившей ее подарками оружій. Во всякомъ случаѣ, такія отношенія Англіи къ Афганистану значительно съуживаютъ ту полосу, которая до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, по предположенію англійскаго правительства, должна была отдалять отъ индійской границы возможность иноземнаго вторженія.

Во всякое другое время такія въ сущности незначительныя событія, можетъ быть, не заслуживали бы никакого вниманія. Но при настоящемъ случаѣ войны, они получаютъ иное значеніе, показывая, что вліяніе индійскаго правительства на пограничныя среднеазіятскія населенія —далеко не прочно. Нельзя сказать, чтобы подобныя отношенія англійскаго правительства въ Азіи вполнѣ соотвѣтствовали тому рѣшительному характеру, который придаетъ глава англійскаго кабинета своей восточной политикѣ въ Европѣ. Рискуя втянуть Англію въ непріязненныя отношенія съ Россіей, лордъ Биконсфильдъ тѣмъ самымъ готовилъ для нея серьезныя затрудненія на далекомъ востокѣ, гдѣ нѣтъ надежды найти союзниковъ, заинтересованныхъ въ успѣхѣ англійскаго оружія, и гдѣ Англіи пришлось бы отстаивать свои интересы исключительно собственными боками.

Положеніе Сербіи при началѣ военныхъ дѣйствій Россіей.

Трудно представить себѣ, политическое положеніе болѣе тягостное нежели то, въ которомъ должна была находиться Сербія при началѣ военныхъ дѣйствій русскимъ оружіемъ.

Дипломатія требовала отъ нея безусловнаго бездѣйствія, между тѣмъ, какъ все прошедшее звало ее къ дѣйствующей роли.

Правда, ея заслуги балканскому славянству не забудутся исторіей, которая можетъ быть окажется болѣе признательной и безпристрастной къ Сербскому княжеству, нежели современники; но успокоиваться на отвлеченномъ сознаніи своей правоты и почерпать силы для самообладанія въ принесенныхъ уже на общее дѣло жертвахъ, въ то время, когда открывались столь широкіе для него горизонты,—это не всегда бываетъ во власти человѣка, кромѣ воли одареннаго еще и другими свойствами, нерѣдко подчиняющими ее себѣ. Еще менѣе можно требовать такого жертвоприношенія надъ самимъ собою отъ цѣлаго народа, столь близко, какъ сербы стоящаго и столь чуткаго къ тѣмъ историческимъ задачамъ балканскаго славянства, которыя воспринимаютъ себѣ разрѣшеніе на берегахъ Дуная.

Съ первыхъ же дней по объявленіи войны становилось несомнѣннымъ, что Сербіи трудно будетъ оставаться въ роли ея безучастной зрительницы, на которую осуждала ее дипломатія и которая, повидимому, согласовалась съ только что перенесенными княжествомъ, не задолго передъ этимъ, тягостями не ровной съ турками борьбы. Сербское правительство скоро почувствовало эту острую сторону положенія и, можетъ быть противъ воли, стало собирать остатки боевыхъ силъ княжества. Получавшія свѣденія уже неоднократно возвѣщали о готовящемся выступленіи Сербіи изъ ея нейтралитета; тоже предсказывали и письма, присылавшія изъ Бѣл-

града, опредѣляя даже время, съ котораго Сербское княжество приметъ участіе въ войнѣ и положеніе, которое займетъ въ ней сербское войско. Но до этого времени достовѣрно было лишь одно,—это возраставшее въ сербскомъ народѣ настроеніе, влекшее его, вопреки всѣмъ испытаннымъ уже тягостямъ войны съ врагами славянства, къ новой войнѣ съ ними. Оно искало себѣ выхода въ демонстраціяхъ которыя устраивались въ Бѣлградѣ и которыя, принимали угрожающій характеръ.

Въ Константинополѣ не безъ удовольствія смотрѣли на первное состояніе, въ которомъ томилась Сербія, и были бы рады, еслибъ оно разрѣшилось ея не своевременнымъ вмѣшательствомъ. Турецкое правительсто находилось въ совершенно обратномъ отношеніи къ локализаціи войны, нежели остальная Европа, за немногими исключеніями. Ни для кого не была тайна, что упорство, которое противупоставляла Порта требованіямъ Европы, и которое привело ее къ войнѣ съ Россіей, главнымъ образомъ питалось увѣренностію, что въ этой войнѣ Турція не останется одинокой, и что война не замедлитъ превратиться въ общеевропейскую? Отъ такой увѣренности въ Константинополѣ не совершенно освободились и до сихъ поръ. Ея поддержанію, кромѣ *брюзгливой политики лорда Биконсфильда*, немало содѣйствовала загадочность положенія болѣе близкой сосѣдки, Австро-Венгріи, которая обусловила свой нейтралитетъ, какъ увѣряли изъ Вѣны и Пешта, между прочимъ спокойствіемъ на ея сербской границѣ. Эти увѣренія доходили даже до того, что Россіи приписывалось принятое будто-бы ею на себя обязательство держать Сербію въ

бездѣйствіи, дабы обезпечить себя со стороны Австріи. Изъ Петербурга были категорически опровергнуты эти слухи; но увѣренность, что Австрія не потерпитъ вмѣшательства Сербскаго княжества и въ этомъ случаѣ даже, была готова занять Бѣлградъ; вслѣдствіе этого въ Константинополѣ, конечно, желали возможно скорѣе вовлечь Сербію въ войну, что бы скорѣе вызвать Австро-Венгрію къ участію въ ней. Этимъ вполнѣ объяснялся тотъ вызывающій тонъ, который принимало по отношенію къ княжеству турецкое правительство, бомбардировавшее Бѣлградъ запросами о сербскихъ вооруженіяхъ, на которые сербскій министръ Ристичъ вынужденъ былъ отвѣчать въ такомъ же мало-сдержанномъ тонѣ.

Но изъ Вѣны не знали, на долго ли, въ послѣднее время подулъ нѣсколько иной, нежели прежде, вѣтеръ и въ Константинополѣ рискованно ошиблись въ разсчетахъ, что участіе Сербіи вызоветъ Австро-Венгрію изъ ея нейтральнаго положенія. Органъ гр. Андраши въ этото время подарилъ соотечественниковъ австро-венгерскаго министра иностранныхъ дѣлъ статьей, въ которой мадьярскимъ патріотамъ преподавался очень чувствительный урокъ относительно ихъ опасѣній за традиціонную политику вѣнскаго двора, приносимую въ жертву сочувствію къ восточнымъ христіанамъ. Эта традиціонная политика была ни что иное, какъ ограждеиіе неприкосновенности Оттоманской имперіи на счетъ христіанъ, непосредственно или условно подвластныхъ Турціи. Объ ея нарушеніи даже забила тревогу мадьярская газета по поводу независимости, провозглашенной Румыніею. Названная газета объясняла, что гр.

Андраши окончательно порвалъ съ этой политикой. „Онъ понялъ,—говорила она,—что въ нашъ вѣкъ прогресса невозможно слѣдовать традиціонной политики, основанной на поддержаніи во что бы то ни стало оттоманскаго владычества. Въ наше время экономическіе интересы такъ тѣсно связаны съ интересами политическими, что невозможно разобщать ихъ между собою. Ни одна держава не въ состояніи воспрепятствовать силой оружія—матеріальному развитію небольшихъ придунайскихъ государствъ, и правительство, которое пожелало-бы сдѣлаться подвижникомъ турецкаго угнетенія христіанъ Востока, было-бы достойно презрѣнія всего цивилизованнаго міра. Въ тотъ день, когда Австро-Венгрія начала бы свои дѣйствія на Востокѣ, то сдѣлало бы это для огражденія своихъ собственныхъ интересовъ. Эти послѣдніе, были бы прежде всего—интересы экономическіе. Дѣйствія Австро-Венгріи не были-бъ ни въ пользу Россіи, ни въ пользу Турціи. Ихъ главная цѣль, какъ выяснено, — огражденіе экономическихъ интересовъ австро-венгерской монархіи, которые общи всѣмъ племенамъ имперіи Габсбурговъ".

Не извѣстно на сколько эти здравыя сужденія вѣрно отражали настоящій фазисъ австро-венгерской политики, и долго ли она могла удержаться на этихъ взглядахъ,— если они вѣрно переданы цитуемой газетой. Въ чемъ полагала она экономическіе интересы монархіи Габсбурговъ,—это другой вопросъ; но не сомнѣнно одно, что „матеріальное развитіе" придунайскихъ областей, препятствовать коему гр. Андраши находилъ болѣе невозможнымъ, несовмѣстимо съ мусульманскимъ надъ ними

господствомъ, единственно на борьбу съ которымъ и могла вступить Сербія. Ея участіе въ войнѣ не могло, слѣдовательно, ничѣмъ нарушить экономическихъ австро-венгерскихъ интересовъ и побудить Австрію къ вмѣшательству.

Турокъ—ничто, если онъ не солдатъ.

Кромѣ этого, горькое разочарованіе слышилось въ тѣхъ разсужденіяхъ, которыми встрѣчала англійская и австрійская печать первые успѣхи русскаго оружія въ Малой Азіи и на Черномъ морѣ Изумленіе выражавшееся нѣкоторыми органами этой прессы по поводу очевидной неспособности турокъ сопротивляться движенію русскихъ войскъ, невольно наводило на предположеніе, что подобныя свойства турецкой арміи являлись можетъ быть, для Англіи такимъ же непріятнымъ сюрпризомъ, какимъ была для нея обнаруженная Россіей готовность поддержать свое слово дѣломъ.

Такой результатъ, долженъ разочаровать даже тѣхъ, кто и безъ того не имѣлъ особенно хорошаго мнѣнія о способностяхъ турокъ; нужно сказать правду,—это не рекомендовало традиціонной храбрости турецкаго племени.

Турокъ—ничто, если онъ не солдатъ. Къ успѣхамъ цивилизаціи онъ рѣшительно не способенъ. Онъ не знаетъ того, что на западѣ называется литературою.

Въ торговлѣ онъ такъ неискусенъ, что живетъ въ бѣдности въ то время, какъ его вассалы, греки и армяне легко богатѣютъ.

Онъ неспособенъ даже къ земледѣлію; между тѣмъ, какъ подвластныя ему христіанскія населенія пользуются

въ этой области уроками запада, онъ неизмѣнно остается такимъ же, какими были первые османлисы—завоеватели.

Подобно имъ, онъ лѣнивъ, гордъ и напыщенъ,—подобно имъ, онъ презираетъ все, что у сосѣдей зовется прогрессомъ. Но за то подобно своимъ предкамъ, онъ обладаетъ склонностію повелѣвать; его понятія о правительствѣ отожествляются съ понятіями о военномъ лагерѣ.

Какъ турецкая система налоговъ стремится приблизиться къ своему прототипу — грабежу, такъ точно и нравы господствующей расы на каждомъ шагу обнаруживаютъ замашки и традиціи гарнизона. Никакой другой народъ не можетъ быть такъ легко превращенъ въ солдата, какъ турки, по той простой причинѣ, что они ни къ чему иному негодны...

И такая-то раса оказалась на дѣлѣ негодной даже къ войнѣ. Ихъ стратегія оказалась еще хуже ихъ военныхъ приготовленій. „А между тѣмъ, друзья ихъ англичане замѣчали къ сожалѣнію, что если бы не ихъ гордость, то турки могли бы воспользоваться просвѣщеннымъ искусствомъ западно-европейскихъ воиновъ, ищущихъ приключеній, которые при другихъ обстоятельствахъ наводнили бы Турцію“.

Такія разсужденія весьма знаменательны и особенно краснорѣчивы въ устахъ органа лондонскаго „*сити*“, искренно негодовавшаго на Россію за то, что она рѣшилась вырвать своихъ соплеменниковъ изъ рукъ повелителей, коренныя качества которыхъ Англія обрисовывала со свойственной ей мѣткостью и искусствомъ.

Въ добрый часъ! Давно бы пора убѣдиться, что ка-

питалы, затраченные Англіей на безнадежное дѣло поддержанія турецкихъ порядковъ, могли бы найдти гораздо болѣе производительное употребленіе, и что усилія тѣхъ англійскихъ воиновъ, которые примѣняли свое „*просвѣщенное искусство*“ къ укрѣпленію турецкихъ крѣпостей,—были напрасной тратой времени.

Событія въ Малой Азіи давали съ другой стороны и оппозиціи поводъ вновь поднять свой голосъ противъ политики министра Биконсфильда. Оппозиціонная пресса съ удвоенной горечью упрекала правительство и призывала его къ *покаянію*.

Покамѣстъ Турція оставалась не тронутой, дѣйствія Россіи не могли особенно безпокоить Англію, говорила молва этой прессы. Иное дѣло, когда Порта будетъ доведена до необходимости принять миръ на условіяхъ, поставленныхъ Россіей, тогда интересамъ Англіи на Востокѣ можетъ грозить ежеминутная опасность...

Неужели же англійское правительство не предвидѣло, что Турція не можетъ и не могла держаться?

Неужели сербская война не доказала ему уже этого въ достаточной степени?

Если же можно было знать заранѣе, что ни какая помощь не уравновѣситъ въ пользу Турціи шансовъ воюющихъ сторонъ, то на чемъ же основывало англійское правительство свои разсчеты, выжидая ходъ событій и уклоняясь отъ совмѣстнаго воздѣйствія на Турцію, которое Россія такъ терпѣливо предлагала Англіи?

Дѣйствовать такимъ образомъ, значило жертвовать безвозвратно англійскими интересами, откладывать рѣшеніе вопроса о гарантіяхъ до окончательнаго исхода

войны,—безнадежной для Турціи въ самомъ ея началѣ,—значило пропустить время, на авось, когда Англія, въ рѣшеніи важнаго для нея вопроса, могла бы еще ставить свои требованія, имѣя возможность чѣмъ-нибудь подкрѣпить ихъ,—значило поставить ее въ такое положеніе, что она должна только просить, не будучи въ состояніи предложить что-либо съ своей стороны.„ Правительство не могло помочь Турціи, хотя и считало это нужнымъ: убѣдившись, что это не по силамъ,—слѣдовало по крайней мѣрѣ идти на сдѣлку съ Россіей".

Параллельно съ такими заявленіями прессы, начинали повышать тонъ и болѣе непосредственные представители оппозиціи. Передавали извѣстіе о колоссальной манифестаціи, устроенной въ пользу Гладстона въ Бирмингэмѣ: тридцатитысячная толпа внимала горячей рѣчи оратора, безпощадно порицавшаго дѣйствія правительства и, въ заключеніе, предложившаго провѣрить, распущеніемъ парламента, дѣйствительныя воззрѣнія англійскаго народа на роль, подобающую Англіи при настоящихъ событіяхъ.

Такое возрожденіе оппозиціи было совершенно понятно: ходъ военныхъ событій, конечно, въ значительной степени ослаблялъ тѣ позиціи, которыми временно удавалось овладѣть кабинету Биконсфильда. Но вопросъ въ томъ,—достаточно ли была тверда и та почва, на которую опиралась либеральная партія? Допуская даже возможность, что желанія Гладстона осуществовались бы, что парламентъ былъ бы распущенъ, и что новые выборы показали бы дѣйствительное настроеніе англійскаго общества,—могла-ли эта партія сказать съ увѣ-

ренностію, что новый составъ народныхъ представителей произвелъ бы рѣзкій поворотъ въ политикѣ Англіи. Судя по тѣмъ проявленіямъ общественнаго мнѣнія, которыми министерство Биконсфильда могло измѣрять свои силы, для подобной увѣренности не было достаточныхъ поводовъ. Упрекая англійское правительство въ колебаніяхъ, называя его политику—политикой зигзаговъ, Гладстонъ не долженъ былъ забывать, что и сама оппозиція, и то общественное мнѣніе, на которое она ссылалась, не совсѣмъ свободны отъ подобнаго же упрека.

Парламентская борьба съ правительствомъ, нападки на него въ печати, шумные митинги и красивыя рѣчи сами по себѣ еще очень мало доказывали: въ странѣ, гдѣ свобода печатнаго и устнаго слова даетъ возможность, высказываться всѣмъ существующимъ въ данное время воззрѣніямъ, нѣтъ ничего удивительнаго, если правительство встрѣчаетъ на своемъ пути самую всестороннюю критику своихъ дѣйствій.

Но нельзя сказать, чтобъ именно восточная политика правительства встрѣло въ парламентѣ и въ обществѣ отпоръ достаточно сильный, для того чтобъ оно могло считать необходимымъ измѣнить свой образъ дѣйствій. Напротивъ, правительство Англіи, могло по многимъ основаніямъ придти къ выводу, что принятое имъ положеніе въ концѣ концовъ будетъ одобрено. Нѣсколько филантропическихъ митинговъ, да скромныхъ запросовъ, даже не особенно настойчиво требовавшихъ отвѣта, — конечно, не могли измѣнить образа дѣйствій правительства. Да и что значили, въ самомъ дѣлѣ, всѣ эти нерѣшительные протесты и манифестаціи, въ сравненіи

съ тѣмъ дружнымъ взрывомъ неудовольствій, какимъ на первыхъ парахъ была встрѣчена въ англійской печати Русско-Турецкая война?

Если бы правительство Биконсфильда испытало на себѣ своевременно все-то неподдѣльное негодованіе, которое оказалось въ запасѣ у органа англійскаго общественнаго мнѣнія — не противъ правительства, а противъ Россіи, объявившей войну Турціи, — то можетъ быть оно и не слѣдовало бы своей программѣ съ такой рѣшительностью.

Взывая! какъ это дѣлалъ Гладстонъ, къ суду общества и желая! услышать его вердиктъ путемъ распущенія парламента, нужно было имѣть большую увѣренность въ побужденіяхъ руководящей части этого общества, вліяніе которой отразилось бы конечно, и на новыхъ выборахъ. Исходъ послѣднихъ въ концѣ концовъ опредѣлялся бы все-таки задушевными желаніями тѣхъ тузовъ всемірнаго лондонскаго рынка, для которыхъ далеко не безразлична была судьба Турціи. Англійскіе капиталисты слишкомъ присосались къ этой странѣ, съ существованіемъ ея они слишкомъ привыкли сливать свои интересы, что навѣрняка можно было сказать, что и при новомъ составѣ парламента денежные разсчеты отступили бы на задній планъ передъ дѣйствительными интересами большинства націи.

Въ странѣ, гдѣ деньги все, гдѣ высшимъ стремленіемъ является процвѣтаніе торговли, гдѣ даже благотворительность имѣетъ подкладкой разсчетъ, — трудно сказать, куда пошло бы общество, руководимое людьми, „*интересы*“ которыхъ дѣйствительно не имѣли границъ

и не могли быть достаточно ограждены ни какими соглашеніями...

Кабинетъ Биконсфильда, выступивъ на скользкій путь, конечно, создалъ для Англіи много лишнихъ затрудненій; для того чтобы критиковать его дѣйствія и упрекать его въ ошибкахъ, будетъ еще, вѣроятно, очень много поводовъ. Но, быть можетъ, отвѣтственность за эти дѣйствія въ такой же мѣрѣ падаетъ какъ на слишкомъ нерѣшительную оппозицію, такъ и на то общественное мнѣніе, къ которому вызывали представители либеральной партіи. Турецкій парламентъ также былъ весьма склоненъ свалить всѣ неудачи Турціи на измѣну ея полководцевъ, дѣятелей Порты и сдѣлать изъ Мухтарки-паши—козла отпущенія за всѣ безобразія турецкаго режима: однако, такой способъ дѣйствій — положенія дѣлъ не исправлялъ, а вызывалъ усмѣшку на устахъ постороннихъ зрителей, въ особенности бывшихъ свидѣтелями турецкихъ преній въ блистательной Портѣ. Но чтобы имѣть понятіе о Портѣ идѣйствіяхъ ея сподвижниковъ и друзей англичанъ,—необходимо нахожу ознакомить читателей съ Высокой Портой.

Высокая Порта *).

Высокая Порта ежедневно до 10-ти часовъ утра бываетъ еще не въ сборѣ. Арабъ, на подъѣздѣ великаго визирства, что на восточномъ углу, только что въ это время усаживается на своемъ мѣстѣ и приготовляется къ своему блистательному занятію. Это очень красивый малый; ящикъ его съ серебряными гвоздиками и щетка безукоризненной чистоты. Конкуренціи онъ не боится;

*) Турецкая имперія.

ему принадлежитъ монополія въ его дѣлѣ, онъ, такъ сказать, лейбъ-вакспльщикъ Высокой Порты. Зорко слѣдитъ онъ за тѣмъ, чтобы проходящіе не оскверняли своими грязными сапогами священной травы около мечети, стоящей напротивъ, и какъ только замѣчаетъ, что кто-нибудь намѣревается ступить на нее, громко выкрикиваетъ свое „*бурда ясакъ*“ (требованіе вознагражденія).

Изъ мечети выходитъ, по временамъ, молодой софта въ зеленомъ тюрбанѣ *) и длинной рясѣ. Это начинающій фанатикъ; онъ плюетъ на каждаго проходящаго мимо иностранца, если видитъ, что его не замѣчаютъ.

Между тѣмъ, у главнаго входа, на противуположной сторонѣ становится оживленнѣе. У подъѣзда собралось шесть или семь подозрительно высматривающихъ личностей; во взглядѣ ихъ выражается какое-то нахальство и вмѣстѣ покорность. Это гардеробщики. Они вытираютъ свои, похожіе на восковыя ячейки въ ульяхъ, ящики, — приготовляя ихъ для колошъ. Ихъ дѣло состоитъ въ сбереженіи колошъ и зонтиковъ. Верхнее платье не снимается при входѣ и ему не придается особеннаго значенія. Главную роль играетъ у турокъ — обувь; ею опредѣляется степень уваженія къ вашей персонѣ. У нихъ она имѣетъ такое же значеніе, какъ черный костюмъ и лайковыя перчатки у европейцевъ. Оттого сбереженіе обуви играетъ у турокъ важную роль и у каждой двери стоитъ непремѣнно служитель, на обязанности котораго лежитъ сбереженіе въ порядкѣ обуви; онъ знаетъ какъ свои пять пальцевъ, какая обувь у каждаго изъ входящихъ и выходящихъ и какъ только замѣчаетъ, что

*) Головной уборъ у мусульманъ.

кто-нибудь направляется къ выходу, тотчасъ-же подаетъ ему чисто на чисто вычищенныя калоши. Память у этихъ хранителей калошъ поразительная, даже замѣчательнѣе чѣмъ у самого Маколея (Магомета) который, пройдя разъ по Бондъ-Стриту, выучилъ, говорятъ, наизустъ всѣ вывѣски на этой улицѣ.

Кромѣ гардеробщиковъ, въ Высокой Портѣ, у каждой почти двери стоитъ по лакею. Ихъ обязанность состоитъ въ томъ, что они раскрываютъ тяжелыя портьеры, когда лице, для котораго извѣстная комната назначена,—является. Къ нимъ присоединяется цѣлый полкъ каведжей и другихъ служителей, затѣмъ слѣдуютъ провіянтъ-мейстры высокой Порты, продавцы воды, лимонада, сыру, хлѣба, фруктовъ, кабаба и бутербродовъ. Протяжнымъ голосомъ выхваляетъ продавецъ воды свой напитокъ.

По городу онъ расхаживаетъ, какъ англійскій разносчикъ съ большимъ кувшиномъ на спинѣ, обвѣшаннымъ зеленью, изъ котораго черезъ кожаный рукавъ наливаетъ воду въ стаканы.

Въ Портѣ онъ разноситъ воду въ большихъ бутылкахъ. Торгуетъ онъ хорошо, такъ какъ вода единственный напитокъ, который употребляютъ всѣ, отъ великаго визиря до послѣдняго чистильщика сапогъ.

Въ оконныхъ нишахъ и на скамейкахъ кругомъ стѣнъ устроены палатки для торговли. Завтракъ у турокъ состоитъ обыкновенно изъ сыра, винограда и хлѣба; передъ открытіемъ канцеляріи всѣ принимаются завтракать, большею частью въ нижнемъ этажѣ. Тамъ кромѣ разныхъ служебныхъ отдѣленій, помѣщаются конюшни

и квартиры сторожей; тамъ же собираются обыкновенно лакеи, ожидающіе своихъ господъ, пока они находятся въ канцеляріяхъ.

Желающіе познакомиться съ Портой и по ней съ Турціей, должны сначала заглянуть сюда, т. е. въ мѣсто помѣщенія предусмотренное турками, гдѣ постоянно держатъ воздухъ спертый и непріятный съ тою цѣлью, чтобы узнавать выносливость и терпѣніе вновь приходящаго...

Турція только съ Парижскаго мира принята въ кругъ европейскихъ державъ, но если судить о ней по тому зданію, въ которомъ отправляются важнѣйшія государственныя дѣла, рѣшаются вопросы о войнѣ и мирѣ, то можно смѣло сказать, что она этого не стоитъ.

Полъ въ зданіи съ такими же ямами, какъ и улицы въ Перѣ и Салоникахъ, и до этого нѣтъ никому никакого дѣла; онъ такъ и остается неисправимымъ изъ года въ годъ до тѣхъ поръ, пока какой-нибудь высшій сановникъ *не провалится и не переломаетъ себѣ ногъ или реберъ*.

Все остальное въ такомъ же видѣ. Еще годъ тому назадъ, въ комнатѣ одного изъ высшихъ чиновниковъ стекла въ окнѣ были выбиты. Вѣтеръ дулъ безъ милосердія, такъ что рамы дрожали и дверь безпрестанно хлопала. Его превосходительство постоянно вскакивалъ и поправлялъ дверь.

Видѣвшему это, пришлось опять быть въ той же комнатѣ; окно оказалось все въ томъ же видѣ, и его превосходительство (?) по прежнему бѣгалъ затворять непослушную дверь.

Хороши и стулья въ другихъ комнатахъ. Какъ ни осторожны посѣтители, но сплошь и рядомъ имъ приходится летать на полъ вмѣстѣ со стуломъ, такъ какъ онъ ужъ сколько лѣтъ стоитъ о трехъ ногахъ. А потому каждому, кто не желаетъ подвергаться насмѣшкамъ, можно посовѣтовать заранѣе и хорошенько высмотрѣть, гдѣ получше пристроится въ случаѣ надобности.

Передъ полуднемъ въ Порту входитъ караулъ.

Солдаты становятся у четырехъ выходовъ залы, передъ кабинетомъ великаго визиря, устланной цыновками, приставляются ружья къ стѣнѣ—и не спѣша свертываютъ папиросы. Къ нимъ подходитъ какой-нибудь Мехмедка-Ага и заводитъ съ ними бесѣду.

Смотря на нихъ, на эти флегматическія фигуры, никому и въ голову не приходитъ, что это преемники тѣхъ анычаръ-ага и другихъ „*ага*“, которые когда-то стояли у воротъ государственнаго зданія и которыхъ фантастическое одѣяніе хранится въ музеѣ Альбицей-Атеки.

При словѣ Порта невольно припоминается ея давнее прошлое, но теперь нѣтъ и тѣни прежняго величія, дѣйствительность до такой степени неприглядна, что ни о какой поэзіи и рѣчи быть не можетъ Достаточно взглянуть на этихъ грязныхъ часовыхъ Ахмедковъ и Мехмедковъ.

Но вотъ къ крыльцу подъѣхала карета великаго визаря, и часовые бросились къ своимъ ружьямъ.

Великій визирь ѣздитъ обыкновенно парой и передъ каретой и сзади ѣдутъ служители верхами по одному. На козлахъ сидитъ камердинеръ съ портфелемъ. По-

тихоньку выходитъ Эдхемъ изъ кареты и проходитъ мимо часовыхъ въ свой кабинетъ.

Мидхатъ-паша былъ гораздо эффектнѣе.—Входя въ Порту, онъ раскланивался на право и на лѣво; въ кабинетѣ онъ усаживался по старинному турецкому обычаю въ свое сѣдалище; слуга подавалъ ему трубку—красную съ золотыми узорами съ длиннымъ роскошнымъ чубукомъ съ великолѣпнымъ янтаремъ. Онъ одинъ почти курилъ еще трубку. Всѣ же вообще теперь уже курятъ папиросы.

Между служителями Эдхема было нѣсколько человѣкъ глухонѣмыхъ, имѣющіе надобность говорить съ нимъ, какъ съ первымъ лицемъ, несущемъ бремя государственнаго управленія, что и означаетъ собственное названіе „визирь“, вводятся къ нему его секретаремъ. Въ кабинетѣ у него нѣтъ ничего замѣчательнаго, кромѣ единственнаго въ цѣлой Портѣ рисунка, именно плана моста между Рущукомъ и Журжевымъ; при немъ безотлучно находится одинъ изъ глухонѣмыхъ служителей. Во время засѣданія совѣта министровъ и секретныхъ аудіенцій, никто не можетъ входить кромѣ этихъ глухонѣмыхъ, такъ какъ они не могутъ разболтать, о чемъ говорится. Но между ними бывали такіе ловкіе, которые, по движенію губъ говорившихъ, умѣли узнавать секреты совѣта министровъ и передавали ихъ толпившимся за дверями драгоманамъ посольствъ. Изъ нынѣшнихъ глухонѣмыхъ ни одинъ не обладаетъ такимъ драгоцѣннымъ даромъ, а потому этотъ недостатокъ въ настоящую войну, замѣтили друзья ихъ англичане въ лицѣ Гобарта и проч. За то они отлично, по наущенію дру-

зей, умѣютъ представлять всѣхъ, кого видятъ у великаго визиря, хотя нѣсколько въ каррикатурномъ видѣ, но до того вѣрно, что каждый, кто знаетъ этихъ лицъ, непремѣнно догадается, о комъ идетъ рѣчь.

Холодное достоинство — Вертера, безпокойство — Игнатьева, мѣрная утиная походка — Зича, Редифъ-паша съ его толстымъ брюхомъ, какъ нельзя лучше копировался въ великомъ визирствѣ, а такъ какъ глухонѣмые знаютъ, что представленія ихъ смотрятся охотно и вознаграждались бакшишами, то они старались изо всѣхъ силъ и во всякое время готовы къ услугамъ. Это самое интересное во всемъ великомъ визирствѣ.

Самъ великій визирь, въ простотѣ душевной, воображаетъ себя представителемъ тѣни Бога на землѣ, двойникомъ повелителя, опорою Дивана и всего государства.

Какъ выше замѣчено, что ни отъ великаго визиря, ни отъ кого изъ другихъ сановниковъ Порты, особеннаго изысканнаго костюма не требовалось. Наиважнѣйшія государственныя обязанности отправляются въ ежедневномъ платьѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ необходимость заставила наблюдать порядки въ Портѣ, слѣдуетъ перемѣнить невыгодное понятіе объ историческомъ, всѣми осмѣянномъ пальто Меньщикова. Въ началѣ 1877 года сэръ Генри-Эліотъ откланивался великому визирю и министру иностранныхъ дѣлъ въ пальто, какъ докторъ Бушъ въ утреннемъ костюмѣ представителями Мидхату-пашѣ, какъ повѣренные въ дѣлахъ, въ ежедневныхъ костюмахъ передавали лондонскій протоколъ.

Меньщиковъ являлся, правда, въ пальто къ султану; коего упрекаютъ главнымъ образомъ не за это, а за

то, что онъ переслалъ русскую ноту 23-го апрѣля, черезъ состоящаго при посольствѣ „*кавваса*“, а не черезъ „*драгомана*“.

Дипломаты пріѣзжали въ Порту въ экипажахъ. Въ прежнее же время они подъѣзжали верхомъ.

Игнатьевъ дразнилъ, бывало, турокъ и ѣздилъ съ своимъ тѣлохранителемъ болгариномъ, здоровымъ мужчиною въ косую сажень въ плечахъ, съ длиннѣйшей бородой, который однако-жъ вовсе не былъ такимъ страшнымъ, какимъ казался по наружности. Подобно всѣмъ своимъ землякамъ, онъ былъ порядочный трусъ и въ случаѣ нападенія на генерала, не задумавшись бросилъ бы его. Впрочемъ послы не часто сами являлись въ Порту. Обыкновенно они присылали своихъ переводчиковъ. Переводчики служатъ обыкновенно посредниками между Портой и представителями другихъ державъ; и положеніе можно сравнить съ положеніемъ католическихъ святыхъ, которые считаются посредниками между Богомъ и людьми.

Драгоманы раздѣляются на 2 класса: первый занимается исключительно политическими дѣлами, второй всѣми остальными. Послѣдніе въ сущности очень похожи на журналистовъ; подобно журналистамъ они обязаны знать и сообщать всѣ новости, но ихъ положеніе при этомъ имѣетъ передъ журналистами двоякое преимущество: они скорѣе и легче могутъ все узнать и ихъ отчеты не подвергаются суду публики. Переводчики обязаны знать положительно все, не только то, что дѣлается въ Портѣ, но и всѣ дворцовыя интриги, всѣ салонные разговоры и слухи, всѣ толки въ народѣ.

Для того, чтобы выполнить, какъ слѣдуетъ, эту не легкую задачу, имъ приходится быть вездѣсущими, и бывали дѣйствительно такіе, отъ которыхъ не было никакой возможности укрыться. Такъ какъ для нихъ важнѣе всего войдти въ расположеніе у турокъ, то часто они пользуются у послѣднихъ совсѣмъ другимъ мнѣніемъ, чѣмъ у правительства; впрочемъ турки знаютъ ихъ очень хорошо и относятся къ нимъ съ недовѣріемъ. У нихъ существуетъ даже поговорка: „въ Константинополѣ нѣтъ житья отъ маскалей и драгомановъ". Въ народѣ сложилась, кромѣ того и другая поговорка; любопытство драгомановъ говоритъ она, не даетъ имъ покоя даже и въ гробу; души ихъ носятся послѣ смерти, какъ бѣлыя водяныя птицы въ Золотомъ рогѣ, между Голатомъ и Стамбуломъ, надъ головами дипломатовъ и вывѣдываютъ все, чего не успѣли узнать при жизни. Остроумная характеристика, нечего сказать!

Кому больше всего отъ нихъ достается, такъ это статсъ-секретарю иностранныхъ дѣлъ. Онъ положительно самый несчастный человѣкъ въ цѣломъ Константинополѣ. Каждый день въ 10 часовъ, когда ни одинъ чиновникъ не отдергивалъ своей занавѣски, онъ сидитъ ужъ на своемъ стулѣ и перечитываетъ приходящія депеши и бумаги, и только вечеромъ, когда всѣ бюро заперты, выходитъ изъ высокой Порты и утомленный тащится угрюмо къ мосту и отправляется на Босфоръ.

Александръ Каратеодори грекъ занимавшій эту должность проживалъ въ Арнаутъ-Коѣ. Для того, чтобы составить себѣ понятіе объ его дѣятельности стоитъ

заглянуть въ его кабинетъ, въ разное время дня. Передней у него нѣтъ, хотя онъ и занимаетъ постъ перваго ранга, и кому нужно говорить съ нимъ, стоитъ только приподнять занавѣску, войдти и сѣсть на одинъ изъ стульевъ, стоящихъ по стѣнамъ кабинета. Кого, кого только не встрѣтишь у него: и греки, и турки, и армяне, и европейцы, и вербовщики, и нищіе осаждаютъ его съ утра до ночи. Кто не желаетъ, чтобы объ его дѣлѣ знали другіе, долженъ говорить шопотомъ на ухо, а это, само собою разумѣется, еще болѣе затрудняетъ. Прежде всѣхъ являются переводчики, имъ отдается предпочтеніе предъ всѣми другими посѣтителями, и они усаживаются вокругъ письменнаго стола мустешара. По видимому, они преспокойно и дружелюбно разговариваютъ другъ съ другомъ, но въ тоже время каждый зорко слѣдитъ за другимъ. Мустешаръ знаетъ на сквозь каждаго изъ нихъ; онъ отлично знаетъ, что у русскаго длинныя уши, что австріецъ, не смотря на свой пенсне, обладаетъ острымъ зрѣніемъ, а нѣмецъ тонкій наблюдатель, отъ котораго не скроется ни одно движеніе губъ, ни одинъ жестъ. Все это долженъ постоянно держать въ головѣ: отъ одного класть подальше бумаги, остерегаясь другаго размѣрять свой голосъ и противъ третьяго держаться какъ можно спокойнѣе, хотя бы бесѣда съ ними была и не пріятна для него. Послѣднее обстоятельство случается гораздо чаще, чѣмъ можно предполагать. Всѣ претензіи иностранныхъ державъ заявляются прежде всего мустешару и часто съ непріятными прибавленіями. За драгоманами слѣдуетъ цѣлый полкъ другихъ посѣтителей, начиная

съ иностранныхъ корреспондентовъ, ихъ мустешаръ постоянно старается провести и вслѣдствіе этого никогда не дастъ имъ никакого опредѣленнаго отвѣта. За ними идетъ множество искателей мѣстъ и другихъ просителей. Итакъ проходитъ время до самого вечера.

Изъ этого описанія Порты и главныхъ дѣятелей Турціи можно представить себѣ то, что въ мірѣ не найдется другаго угла, гдѣ бы людямъ жилось болѣе счастливо и спокойно, какъ въ турецкой столицѣ. Это совершенно Аркадія, безмятежность которой ни сколько не смущалась даже провозглашенной священной войной. По этому случаю въ Европѣ не безпокоились, ибо священная война, или, какъ ее зовутъ турки, *джихадъ*, дѣло совершенно невинное. Означаетъ она, ни болѣе, ни менѣе, какъ поголовное вооруженіе мусульманъ съ 13-ти лѣтняго возраста, священной же она именуется потому, что коранъ въ мусульманскомъ мірѣ всюду вмѣшивается и все проникаетъ своими предписаніями.

Но тѣ, кто лучше знаетъ коранъ, иначе понимаютъ священную войну и не находятъ нужнымъ скрывать ея настоящее значеніе, какъ это очевидно изъ текста *фетвы*, которою война объявляется.

Фетва обращена не къ національному, а къ религіозному чувству правовѣрныхъ, которымъ противупоставляетъ всѣхъ, неисповѣдующихъ исламъ. Къ этой крайней мѣрѣ прибѣгали, какъ къ послѣднему чрезвычайному средству, взывающему къ вѣроисповѣднымъ чувствамъ, наиболѣе способнымъ доходить до страстности, и не различающимъ иныхъ отношеній, кромѣ основанныхъ на религіи, которою отдѣляются свои отъ

чужихъ. Въ этомъ чисто религіозномъ характерѣ заключается вся острая сторона священной войны, на что указываетъ и самое ея названіе.

Поголовное вооруженіе не могло увеличить боевой силы турокъ, ибо оно создаетъ: не солдатъ, не армію, а сотни и можетъ быть тысячи шаекъ, снабженныхъ оружіемъ, если таковое имѣется въ достаточномъ запасѣ, но лишенныхъ дисциплины и всякой организаціи. Для непріятельской арміи весь этотъ сбродъ отъ стараго до малаго не можетъ, конечно, противопоставить серьезнаго сопротивленія, онъ послужилъ бы лишь мясомъ для ея пушекъ и безъ сомнѣнія не былъ бы выведенъ въ поле.

Но ему могло быть пріискано другое назначеніе, на которое указывали приходящія изъ Болгаріи извѣстія: о совершаемыхъ тамъ насиліяхъ. Для грабежа и избіенія безоружныхъ жителей христіанъ, создававшія провозглашеніемъ священной войны полчища, могли оказаться весьма пригодными.

Эту опасность можно было предвидѣть, въ чемъ принимали участіе англійскія и австрійскія туркофилы.

Загражденіе Мачинскаго рукава на Дунаѣ.

22-го мая, Его Императорское Высочество Главнокомандующій Николай Николаевичъ, призвалъ къ Себѣ капитана 1-го ранга Рагулю, отдалъ ему приказаніе заградить Мачинскій рукавъ въ его верховьяхъ, подобно тому, какъ нѣсколько времени передъ этимъ былъ онъ загражденъ въ своемъ устьѣ, а также погрузить мины и въ большой Дунай, около Гирсова.

Для исполненія этого приказанія, капитанъ Рагуля началъ готовить эскадру, состоявшую изъ слѣдующихъ судовъ:

1. Румынская лодка „*Фульджеро*“, подъ командою лейтенанта Дубасова, на ней мичманъ Ѳедоровъ, докторъ Поплавскій, механикъ подпоручикъ Синебюрховъ и 30 человѣкъ матросовъ.

2. Катеръ „*Цесаревичъ*“, подъ командою лейтенанта Шестакова; на немъ: мичманъ Ѳеодосіевъ и 16 человѣкъ матросовъ.

3. Катеръ „*Ксенія*“, подъ командою мичмана Персинъ и 16 человѣкъ матросовъ.

4. Катеръ „*Джигитъ*“, подъ командою мичмана Баль и 10 человѣкъ матросовъ.

5. Пароходъ „*Загражденіе*“, подъ командою лейтенанта Туркула; на немъ: мичманъ Аркасъ, механикъ подпоручикъ Огладинъ, румынской морской службы маіоръ Муржеско, приглашенный къ участію въ экспедиціи, какъ офицеръ хорошо знакомый съ Дунаемъ и 12 человѣкъ матросовъ. Пароходъ этотъ служилъ въ качествѣ депо для минъ и велъ на буксирѣ четыре минные барказа, *) съ пятью матросами на каждомъ, подъ командою лейтенанта Петрова.

Въ среду, 25-го мая, всѣ эти суда были изготовлены къ плаванію, а потому на слѣдующій день, 26-го мая, съ разсвѣтомъ, снялись съ якоря изъ подъ Браилова и отправились по назначенію.

Чтобы не задерживаться малымъ ходомъ катеровъ „*Джигитъ*“ и „*Ксенія*“, при плаваніи вверхъ по рѣкѣ, оба эти судна взяты были на буксиръ „*Цесаревичемъ*“ и лодкою „*Фельджеро*“.

*) Гребное судно при кораблѣ.

Въ 9 часовъ утра, подойдя къ селенію Гропени, лодки наши увидѣли въ каналѣ Вальтцуію два дыма. Чтобы не быть отрѣзанными отъ Браилова судами, которыя, по весьма вѣроятному предположенію, легко могли бы находиться въ каналѣ, эскадра стала на якорѣ и тогда въ устье Вальтцуію было положено мнимое загражденіе. Окончивъ эту работу къ полудню, эскадра продолжала плаваніе вверхъ по Дунаю. Не доходя селенія Гура-Гирлица, нашимъ судамъ попались на встрѣчу сотники 29-го казачьяго полка, Лодочниковъ и Сережниковъ, посланные изъ отряда полковника Рика, съ извѣщеніемъ о положеніи дѣлъ у Гирсова. Изъ этого краткаго извѣщенія и изъ разсказовъ обоихъ посланныхъ офицеровъ, оказалось, что въ тотъ же день, 26-го мая, въ 9-ть часовъ утра, изъ озера Ротунда вышли на рѣчку Барой два турецкіе парохода, и, находясь внѣ выстрѣловъ, спустились въ главное русло, съ цѣлію пройти подъ Гирсову гору. Сначала оба эти парохода стали было плавать взадъ и впередъ, за лѣсомъ, противъ селенія Гура-Яломицы, причемъ наша стрѣлковая цѣпь открывала по нимъ огонь, если кто-либо изъ турокъ появлялся на палубахъ. Въ это время изъ за Гирсовой горы показались три непріятельскіе броненосца; два изъ нихъ, прикрываясь лѣсомъ отъ дѣйствія нашихъ баттарей, открыли канонаду по селенію Гура-Яломица, а третій началъ стрѣлять по деревнѣ Піа-Петри. Подъ прикрытіемъ этого огня, два парохода, пришедшіе изъ озера Ротунда, быстро направились къ Гирсовой горѣ, но чуть лишь вышли изъ-за лѣса, какъ были встрѣчены огнемъ нашихъ баттарей. Изрѣдка останавливаясь для отвѣта на

выстрѣлы, пароходы эти, равно какъ и прикрывавшія ихъ суда, прошли передъ нашими баттареями и, прекративъ огонь, удалились подъ Гирсову гору. Во время прохожденія ихъ мимо нашихъ баттарей, у одного изъ нихъ была подбита шедшая на буксирѣ лодка, которая опрокинулась вмѣстѣ съ находившимися въ ней людьми. Канонада, совершенно для насъ безвредная, прекратилась въ 10 часовъ утра.

Съ извѣстіемъ объ окончаніи этой канонады и о томъ, что за Гирсовою горою стоятъ три непріятельскія броненосца и два парохода, посланъ былъ урядникъ Чеботаревъ, который пустился отыскивать нашу флотилію безъ проводника, въ рыбачьей душегубкѣ. Капитанъ Рогуля встрѣтилъ Чеботарева спустя полчаса послѣ полученія извѣстій отъ сотника Лодочникова и Сережнякова, когда эскадра миновала уже Гура-Гирлицу, и взялъ на буксиръ его душегубку.

Въ $8^1/_4$ часовъ вечера флотилія капитана Рогуля подошла къ Гура-Яломицѣ и расположилась у берега, между нашими баттареями, подъ прикрытіемъ находившагося здѣсь пѣхотнаго полка.

27-го мая, съ разсвѣтомъ, лодка, „*Фульджеро*“ катеръ „*Царевичъ*“ и катеръ „*Ксенія*“ вышли изъ-подъ Гура-Яломицы для рекогносцировокъ. Въ это же самое время три турецкіе монитора и два парохода, стоявшіе подъ Гирсовою горою, начали поднимать пары.

Когда наши суда подошли къ нижней оконечности острова Гиска-Маре, то одинъ изъ трехъ мониторовъ началъ спускаться на нихъ по теченію, съ намѣреніемъ аттаковать; но наши лодки, замѣтивъ это, дали полный

ходъ, и смѣло пошли къ нему на встрѣчу, а съ „*Фульджеро*“ былъ даже открытъ по немъ огонь изъ носоваго четырехъ-фунтоваго орудія. Мониторъ, видя такую рѣшимость и, вѣроятно, принявъ въ соображеніе печальную судьбу „*Хывзи-Рахмана*“, поспѣшилъ поворотить назадъ и быстро пошелъ къ Гирсову. Наши продолжали его преслѣдовать, въ томъ разсчетѣ, что турки, вѣроятно, откроютъ по нимъ пальбу и такимъ образомъ дадутъ возможность опредѣлить сферу своего огня. И дѣйствительно, вскорѣ раздались выстрѣлы съ круглой баттареи, расположенной налѣвыхъ возвышенностяхъ Гирсова. Первое ядро дало перелетъ, второе недолетъ, а остальныя два легли влѣво, саженъ на двадцать. Достигнувъ такимъ способомъ своей цѣли, относительно опредѣленія сферы огня гирсовскихъ баттарей и убѣдясь, что турецкія суда стоятъ выше Гирсова, наши лодки вышли изъ-подъ выстрѣловъ и въ 9-ть часовъ утра возвратились въ Гура-Яломницу.

Въ тотъ же день, 27-го, съ 9-ти часовъ утра и до 2-хъ часовъ пополудни капитанъ Рогуля съ маіоромъ Муржеско на гребной шлюпкѣ ѣздили вверхъ по Дунаю, съ цѣлью сдѣлать рекогносцировку устьевъ Яломицы и канала Борча, а въ два часа дня суда нашей эскадры вышли для постановки загражденій въ большомъ Дунаѣ, противъ средины острова Гиска-Мика.

„*Фульджеро*“ при этомъ стоялъ впереди, для охраненія работъ отъ мониторовъ, на случай если бы они вздумали броситься на эскадру, а также и противъ стрѣлковъ, которыхъ можно было ожидать въ плавняхъ за лѣсомъ, лежащихъ какъ разъ противъ того мѣста, гдѣ наши приступили къ работѣ.

Вся гора, на которой возведена была баттарея и расположенъ непріятельскій лагерь, была усѣяна турецкими солдатами, свыше трехъ тысячъ человѣкъ, вышедшими смотрѣть на наши работы. Зрители эти толпились на брустверахъ *) и между баттареями. Окончивъ загражденіе въ 8 часовъ вечера, суда наши благополучно возвратились къ селенію Гура-Яломица, гдѣ были встрѣчены привѣтственными криками собравшихся на берегу людей отряда полковника Рика.

28-го мая съ разсвѣтомъ, „*Фульджеро*“ и „*Царевичъ*“ были посланы для рекогносцировки въ Мачинскій рукавъ. Войдя въ него, они замѣтили въ плавняхъ двѣ непріятельскія шлюпки со стрѣлками. „*Фульджеро*“ далъ по нимъ три картечные выстрѣла, что и заставило ихъ удалиться. Тогда остальные наши суда приступили къ загражденію верховьевъ Мачинскаго рукава и успѣли благополучно окончить работу къ 9-ти часамъ утра, послѣ чего вернулись къ Гура-Яломицѣ. Оставивъ здѣсь двѣ большія шлюпки, съ тремя матросами на каждой, для охраны минныхъ заграждений, и поручивъ ихъ попеченію командира казачьяго № 40-го полка, капитанъ Рагуля съ эскадрой, въ полдень того же 28-го числа направился обратно къ Браилову, куда и прибылъ въ 5 часовъ пополудни.

О занятіи города Мачина.

По загражденіи Мачинскаго рукава на Дунаѣ, въ ночь съ 10-го на 11-е іюня городъ Мачинъ былъ занятъ русскими. Вотъ какъ это случилось: мичманъ Никоновъ, начальникъ отдѣльнаго отряда плавцевъ, состоя-

*) Земляныя насыпи для прикрытія отъ выстрѣловъ.

щаго изъ десяти человѣкъ, снабженныхъ бойтоновскими костюмами плавали по Дунаю, отчасти для вывѣдыванія о судахъ турокъ, отчасти съ спеціальной цѣлью подведенія особаго рода ручныхъ минъ *) подъ турецкіе суда. Мичманъ Новиковъ, кромѣ этого спеціальнаго своего назначенія, принимался еще за другое дѣло: онъ набралъ себѣ небольшой отрядъ охотниковъ, съ которми дѣлалъ развѣдки о силахъ и движеніяхъ непріятеля.

Вотъ съ этимъ отрядомъ изъ десяти человѣкъ, г. Новиковъ и занялъ Мачинъ въ ночь на 11-е іюня. Какіе-то молдоване извѣстили мичмана Новикова, что Мачинъ покинутъ турками совершенно. Онъ подъѣхалъ съ своимъ отрядомъ на челнокахъ, взошелъ въ городъ и лично убѣдился, что дѣйствительно въ немъ нѣтъ ни одного турецкаго солдата.

Утромъ 11-го іюня лейтенантъ Шестаковъ былъ посланъ на катерѣ „*Цесаревичъ*“, чтобы, если только можно, провѣдать отрядъ мичмана Никонова и затѣмъ изслѣдовать рѣчной путь къ Мачину.

Носились слухи, что турками поставлены минныя загражденія вблизи самого Мачина.

Лейтенантъ Шестаковъ благополучно прибылъ въ Мачинъ и нашелъ въ немъ всю команду мичмана Никонова съ ея начальникомъ въ тѣхъ самыхъ казармахъ, которыя помѣщены на мачинскомъ берегу вблизи баттареи стрѣлявшей наканунѣ по „*Фульджеро*“.

Водрузивъ русскій флагъ на мачинскомъ берегу, Лейтенандъ Шестаковъ возвратился въ Браиловъ и по приказанію начальства сейчасъ же отправился съ донесені-

*) Снаряды для взрыва.

емъ къ Государю Императору: о занятіи Мачина, такъ какъ было извѣстно, что въ эти минуты Императорскій поѣздъ, шедшій въ Галацъ, остановился на Браиловской станціи. Къ сожалѣнію, храброму моряку не удалось сдѣлаться вѣстникомъ радостнаго событія: когда онъ прибылъ на станцію, поѣздъ уже отходилъ...

На основаніи всѣхъ имѣвшихъ свѣдѣній о непріятелѣ и положеніи дѣлъ за Дунаемъ, составлено предположеніе о переправѣ, въ ночь съ 9-го на 10-е число іюня 1-й бригады 18-й пѣхотной дивизіи, съ артиллеріею, отъ Галаца, а на 11-е іюня рѣшено аттаковать Мачинъ десантомъ изъ Браилова.

Для переправы отъ Галаца назначено было воспользоваться плотами и понтонами, изготовленными для этой цѣли инженеръ-полковникомъ Клименко. Предположено поставить орудія на плоты, а пѣхоту посадить на челноки, понтоны, и частію тоже на плоты. Гребцами были казаки; но болѣе сами пѣхотинцы. Общее начальство надъ переправлявшимися за Дунай войсками у Галаца возложено было на командира бригады, назначенной въ экспедицію, генеръ-маіора Жукова. Съ этимъ же отрядомъ поѣхалъ начальникъ корпуснаго штаба полковникъ Михѣевъ и генеральнаго штаба полковникъ Шульгинъ.

Полки, назначенные къ переходу за Дунай были: Рязанскій и Ряжскій пѣхотные, которымъ къ вечеру послали въ подкрѣпленіе еще Московцевъ.

Въ то самое время, когда галицкій отрядъ долженъ былъ начать свое наступленіе, въ Браиловѣ капитану 1-го ранга Рогулѣ съ вечера было предписано выслать

лейтенанта Дубасова съ пароходомъ и двумя паровыми катерами, на видъ Мачина рано утромъ. Съ этой экспедиціей на канонеркѣ „*Фульджеро*“, которою командовалъ Дубасовъ, былъ посланъ подполковникъ Шуруповъ, для руководства по выполненію общей съ галацкимъ отрядомъ диспозиціи. Эскадра эта имѣла цѣлью произвести водную демонстрацію къ Мачину и, грозою аттаки, не давать туркамъ возможности вывозить изъ города орудія для сосредоточенія ихъ противъ галацкаго отряда, т. е. облегчить движеніе впередъ этому отряду. Корпусный командиръ генералъ Циммерманъ, переѣхалъ секретно изъ Браилова въ Галацъ за два дня до переправы, оставилъ за собою право главнаго руководительства аттакою.

Къ деревнѣ Заклый, чрезъ Дунай, изъ Галаца, войска переправлялись въ теченіи дня. Около полуночи послѣ ужина, 10-ть ротъ рязанцевъ и ряжцевъ, имѣя на людяхъ четырехдневное продовольствіе и полное боевое вооруженіе, тихо стали садиться на лодки, на плоты и суда. назначенные для переправы, и пускаться въ путь, Разсчетъ былъ тотъ, что бы къ разсвѣту подойти къ непріятельскому берегу.

Извѣстіе же мичмана Никонова о томъ, что Мачинъ оставленъ турками, измѣнило дѣло: оно началось съ 9-ти часовъ утра въ субботу 12-го іюня. День былъ великолѣпный: теплый, ясный. Съ музыкой и лихою солдатскою пѣснею вышли борцы къ пристани, гдѣ уже ихъ ждали приготовленныя заранѣе лодки, баржи и дессантные румынскіе пароходы: „*Взрывъ*“, „*Загражденіе*“, „*Романія*“ и св. „*Стефанъ Чальморе*“.

Возвышенія галацкаго и браиловскаго берега усыпаны были любопытными зрителями, пришедшими посмотрѣть на зрѣлище, котораго всѣ такъ долго ждали. На горѣ, гдѣ городской садъ, близь госпиталя около баттарей, всюду виднѣлись толпы зрителей. Иные взлѣзли на крыши домовъ. Внизу передъ браиловскою пристанью, вездѣ, гдѣ только было дозволено стоять народу, тѣснились также многолюдные группы. Подальше влѣво у Браилова, за массами многолюдной толпы, за полками, подходившими съ музыкой и устанавливавшимися у пристани, виднѣнъ былъ длинный мостъ, колоссальный по своему протяженію и изумительный по постройкѣ, собранный нашими саперами въ какіе-нибудь четыре дня!

И столько же, сколько веселъ и оживленъ былъ нашъ берегъ, столько же печаленъ былъ берегъ непріятельскій!

Здѣсь музыка, гулъ толпы, крики команды, шумъ снующихъ пароходовъ и челноковъ; тамъ полное безмолвіе... Нѣсколько разрушенныхъ лачужекъ у Гечета, блѣднозеленый тростникъ и отроги горъ, представлявшіеся въ темносинемъ туманѣ на дальнемъ горизонтѣ.

Войска прежде всего размѣщались на лодки человѣкъ по шести, — по десяти въ каждой. Гребцы держали весла вверхъ. Гребцами были посажены казаки и солдаты, нарочно обучавшіеся греблѣ за нѣсколько времени до переправы.

Это распоряженіе было весьма основательно, потому что при переправѣ въ Галацѣ, могло произойти нѣкоторое замѣшательство, что и было замѣтно отъ неумѣлости неопытныхъ гребцовъ, не могшихъ справиться съ быстрымъ теченіемъ Дуная. Кстати анекдотъ о гребцахъ:

Дня за четыре передъ переправой была сдѣлана небольшая репетиція: имъ приказано было прокатиться по Дунаю. Молодцы, такъ обрадовались этой примѣрной прогулкѣ, что пустились по мачинскому рукаву чуть не подъ турецкіе баттареи.

Насилу сдержали ихъ рвеніе! насилу созвали лодки и отправили ихъ во свояси.

Войска, въ большомъ порядкѣ, безъ всякаго шума, толкатни и замѣшательства, усаживались въ лодки. Они были не въ бѣлыхъ холщевыхъ рубахахъ, а въ суконныхъ мундирахъ, какъ уже сказано, что каждый солдатъ несъ на себѣ продовольствіе на четыре дня въ мѣшкахъ, переброшенныхъ черезъ плечи. Посадкой людей распоряжались офицеры и командиръ полка, полковникъ Маклаковъ.

— Отомкни штыки! Садись! слышалась команда.

Солдаты снимали штыки и не торопясь весело гутаря, усаживались.

— Бывшій тутъ корреспондентъ, подойдя къ одной группѣ солдатъ сказалъ: ну, что братцы, отправляетесь?

— Дождались, ваше благородіе, отвѣчалъ молодой, весь красный отъ пота, малый, радостно оскаливъ бѣлые зубы.

Въ этомъ словѣ „дождались“ слышалось такое удовольствіе, какъ будто онъ Богъ вѣсть какого благополучія дождался. А вѣдь между тѣмъ все благополучіе его заключалось въ томъ, что онъ теперь можетъ быть подвинулся „къ предѣлу своему“ такъ близко, что еще день два и его совсѣмъ не будетъ на свѣтѣ.

Лодки были нагружены войскомъ и начали отчали-

вать, растянувшись длинною цѣпью по Дунаю. Между тѣмъ находившіеся на берегу батальоны стали подходить къ двумъ пристанямъ, у которыхъ стояли два парохода съ прицѣпленными по сторонамъ баржами. На каждой баржѣ помѣщалось по одной пушкѣ и, по триста человѣкъ солдатъ. Баржа, стоявшая у первой пристани, нагрузилась. Командиръ полка обратился къ батальонному командиру:

— Пожалуйста, полковникъ, если бы что-нибудь вышло, чтобы люди не горячились, не стрѣляли прежде времени... Торопливость всегда портитъ дѣло... Надо, чтобы было все въ порядкѣ; непріятель больше чувствуетъ уваженіе.

— Будьте покойны. У меня по бортамъ лучшіе стрѣлки разставлены. Все будетъ, какъ слѣдуетъ...

— Ну, съ Богомъ, отправляйтесь, съ Богомъ, сказалъ командиръ.

Пароходъ отчалилъ и важно, почти величественно пошелъ вмѣстѣ съ двумя баржами, представляя изъ себя какое то чудовищно-толстое судно, по двумъ концамъ котораго внушительно сіяли двѣ мѣдныя пушки выставляя свои жерла изъ-за блиндажа *) баржъ.

Нѣкоторыя лодки далеко сносило водою. Люди бросались въ воду у берега и, идя по грудь въ водѣ, перестрѣливались съ турецкими застрѣльщиками. Двѣ роты, ряжскаго полка, были отнесены отъ мѣста высадки на нѣсколько верстъ. Встрѣтивъ у берега фашинный бонъ, **) русскіе, подъ огнемъ турокъ,—засѣвшихъ въ

*) Прикрытія отъ навѣсныхъ выстрѣловъ.

**) Загражденіе изъ связокъ хвороста.

плавняхъ и завалахъ, срубили препятствіе и вышли на берегъ.

По мѣрѣ высадки, на берегу образовались участки или группы цѣпей, гдѣ шелъ жаркій огонь. Мало по малу удалось начальникамъ соединить все это въ одну общую цѣпь и двинуть впередъ. Но и при движеніи, ежеминутно, войска въ плавняхъ были останавливаемы водою по дорогамъ, гдѣ приходилось идти по грудь въ водѣ. Сначала требовали, чтобы войска съ лодокъ не стрѣляли; но молодые солдаты не выдержали, и вскорѣ десантъ открылъ перестрѣлку съ непріятелемъ вдоль всего берега. Но это ничему не помѣшало. Одушевленіе войскъ было всеобщее.

Какъ только высадились на берегъ и можно было провести всю эту массу народа, высаживавшаго изъ лодокъ и уже бредущаго по болотамъ, въ нѣкоторый стройный порядокъ, тотчасъ войска были двинуты въ аттаку. Турки бѣжали по дорогѣ и тропинкамъ. Не взирая на сильный картечный огонь двухъ турецкихъ орудій, рязанцы кинулись вдогонку. Турки стали строиться въ позицію на первыхъ уступахъ горъ, гдѣ было уже сухо. Рязанцы, тоща по водѣ плоты съ артиллеріею, брѣли по поясъ въ водѣ.

Въ то время, какъ все это происходило въ плавняхъ праваго берега Дуная подъ Галацемъ, эскадра лейтенанта Дубасова, выйдя, во второмъ часу ночи, изъ Браилова, на разсвѣтѣ приблизилась къ Мачину и на высотѣ сожженнаго турецкаго монитора „*Литфи*“ и мѣсто потопленія втораго монитора „*Хывзи*“, подошли подъ выстрѣлы непріятельскихъ баттарей. Мѣткій огонь непрія-

теля, встрѣтилъ эскадру, по которой турками было выпущено до двадцати выстрѣловъ.

„*Фульджеро*“ въ свою очередь отвѣчалъ изъ 9-ти фунтоваго орудія (полевое, поставленное на морской лафетъ). Одинъ изъ выстрѣловъ, попалъ въ турецкую баттарею.

Желая показать непріятелю, что имѣютъ артиллерію на фульджерѣ, то русскіе произвели всего четыре выстрѣла. Поэтому непріятель не могъ вывести изъ Мачина своихъ пушекъ, и цѣль диверсіи, значитъ, отчасти была достигнута. Что-бы избѣгать прицѣльнаго выстрѣла, пароходъ и миноноски постоянно передвигались съ мѣста на мѣсто, то отходя къ одному берегу, то къ другому. Огонь былъ ими выдержанъ съ трехъ до шести часовъ утра.

Между тѣмъ, войска Галацкаго отряда, выйдя изъ плавинъ на твердую землю, построились окончательно въ боевой порядокъ ротными колоннами и, подъ начальствомъ генерала Жукова и полковника генеральнаго штаба Михѣева и Шульгина, двинулись противъ высотъ занятыхъ непріятелемъ. Когда непріятель развилъ всѣ свои силы, оказалось, что онъ имѣлъ до 3,000 пѣхоты при четырехъ орудіяхъ и нѣсколько сотенъ черкесовъ или баши-бузуковъ.

Русскія войска шли впередъ съ большимъ увлеченіемъ, такъ что осталось сдерживать боевой порывъ.

Всѣ начальники не нахвалятся поведеніемъ молодыхъ солдатъ.

Видно было, что они застоялись въ теченіи двухмѣсячнаго бездѣйствія: такъ и рвались впередъ. Были

моменты, когда и наши подавались въ нѣкоторыхъ мѣстахъ назадъ; но въ общемъ руссаки все-таки подвигались впередъ въ отличномъ порядкѣ. Это утверждали всѣ очевидцы.

Непріятель отбивался стойко. Разъ или два его колонны пріостанавливались и густыми массами шли въ аттаку на русскихъ, въ штыки. Но, говоря, они начинали аттаку бѣгомъ слишкомъ издалека, и, притомъ, густыми колоннами, такъ что скоро утомлялись и были сбиваемы выстрѣлами и ботальоннымъ огнемъ нашей пѣхоты. Были, однако, отдѣльные случаи рукопашнаго боя въ цѣпи. Многіе изъ нашихъ солдатъ были ранены именно холоднымъ оружіемъ. Черкесы разъ, было, кинулись съ отчаяніемъ въ аттаку и уже окружили два звена въ цѣпи, въ срединѣ которыхъ были и офицеры, но мѣткими выстрѣлами были отбиты и ускакали. Разсказывали, будто видѣли, какъ черкесы, въ трехъ шагахъ передъ нашею цѣпью, стали увѣчить трупы нашихъ убитыхъ. Это поруганіе труповъ, до такой степени возмутило солдатъ, что они съ полнымъ презрѣніемъ къ смерти бросались въ штыки на непріятельскую пѣхоту и кавалерію, и что они послѣ этого не хотѣли брать въ плѣнъ турокъ, а напросто кололи (но до этого уже было взято въ плѣнъ нѣсколько турокъ).

Послѣднія позиціи, гдѣ происходили эти стычки были нѣсколько позади Гарвана, на высотахъ, и случайное появленіе на лѣвомъ флангѣ противника двухъ нашихъ ротъ съ орудіемъ, заставило непріятеля окончательно отступить.

Около полудня пушечная канонада умолкла по всей линіи и генералъ Жуковъ остался на позиціи, а непріятель отошелъ назадъ. Въ это время жара стояла нестерпимая—и нужно было дать русскимъ войскамъ нѣкоторый отдыхъ. Они прошли отъ мѣста переправы, сражаясь, 12-ть верстъ по непріятельской землѣ. Этотъ бой, бывшій, вмѣстѣ съ тѣмъ, и первою задунайскою рекогносцировкой силъ противника на сѣверо-западномъ углу Добруджи, принесъ русскимъ ту пользу, что далъ намъ возможность стать на томъ берегу рѣки твердою ногою, впереди Буджакскихъ плавней.

И такъ положеніе русскихъ на этихъ высотахъ было упрочено; притомъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, положеніемъ торпедъ и сооруженіемъ баттарей загражденъ Дунай отъ Галаца до Браилова. Къ концу этого мѣсяца мы, не имѣя флота, отняли у непріятеля Дунай отъ Рени до Браилова. Къ концу мая мѣсяца весь нижній Дунай отъ Браилова до Гирсова былъ свободенъ отъ турецкаго флота и вполнѣ въ нашихъ рукахъ. Береговыя баттареи имѣли въ своемъ вооруженіи 8-ми дюймовыя пушки и мортиры; эти послѣднія представляли собою для мониторовъ и броненосцевъ стольже страшное орудіе, какъ и подводныя мины, что и испытали турецкіе мониторы: „*Летфи-Джелилъ*“ и „*Хывзи-Рахманъ*“.

Упорный бой на Буджакскихъ высотахъ, по свидѣтельству *главнокомандующаго*, былъ купленъ цѣною, относительно небольшой потери: убито 3 офицера и 41 нижнихъ чиновъ; ранено: 2 офицера и 96 нижнихъ чиновъ. Послѣ дѣла турки оставили всю линію нижняго Дуная, а англійскій Габартъ-паша, управлявъ

шій турецкими мониторами, отправился въ Константинополь искать лучшее въ туманѣ Чернаго моря, для замаскированія своихъ англійскихъ опытностей. Затѣмъ наши войска безъ выстрѣла вступили въ Мачинъ, Тульчу, Исачку и Гирсово и продолжали путь въ глубь Добруджи.

О прибытіи въ Мачинъ генерала Циммермана, распоряжавшагося переправой русскихъ войскъ у Браилова и Галаца.

Генералъ Циммерманъ сошелъ на берегъ, въ сопровожденіи лейтенантовъ Шестакова, Дубасова, мичмана Оедорова, подполковника Клеменки, строителя браиловскаго моста, и другихъ офицеровъ. Тутъ же былъ и неразлучный спутникъ храбрыхъ моряковъ докторъ Поплавкій.

Генералъ Циммерманъ, одинъ изъ заслуженныхъ кавказскихъ бойцовъ, извѣстный и въ литературѣ замѣчательными статьями военно-критическаго характера, обладаетъ очень внушительной и типической наружностью.

Генерала, при выходѣ на берегъ, встрѣтилъ мичманъ Никоновъ, занявшій наканунѣ Мачинъ съ отрядомъ своихъ охотниковъ. Пожавъ руку мичману Никонову, генералъ обратился къ депутаціи мѣстныхъ болгаръ, ожидавшихъ его на берегу. Представитель депутаціи, какой-то рыжеватый малый, похожій на русскаго артельщика, въ казинетовомъ сюртукѣ и штанахъ на выпускъ, держалъ на подносѣ хлѣбъ и соль и графинъ съ бѣлымъ виномъ. Онъ сказалъ по-русски нѣсколько

словъ довольно толково, что-то въ родѣ слѣдующаго: „мѣстные жители Болгары просятъ удостоять принять отъ нихъ привѣтъ и хлѣбъ соль.“

Генералъ коротко поблагодарилъ и, мелькомъ оглянувъ собравшуюся толпу народа, которая стояла безъ шапокъ, пошелъ на гору, къ тому мѣсту, гдѣ стояло мѣстное болгарское духовенство съ крестами, хоругвіями и образами. Всѣ остальные русскіе двинулись за генераломъ

Приближаясь, услышали пѣніе молебна, по-болгарски, на своеобразный греческій напѣвъ, нѣсколько въ носъ. Священникъ стоялъ, держа маленькій деревянный крестикъ, выложенный съ одной стороны перломутромъ; дьяконъ съ кропиломъ и бѣдной жестяной чашей со святою водою.

Генералъ приложился къ кресту; священникъ окропилъ водою, продолжая пѣть молитву, въ которой слышались слова о побѣдѣ и одолѣніи на враговъ Императора Александра. За генераломъ приложились и всѣ присутствовавшіе и затѣмъ прошли мимо иконъ и хоругвій, которыя держали благоговѣйно старики. Иконы большаго размѣра, но очень грубаго письма, въ родѣ нашего суздальскаго, безъ ризъ и даже безъ металлическихъ вѣнчиковъ. Хоругвіи тоже старенькія простенькія. Вообще отъ всей церковной обстановки вѣяло бѣдностью.

Окружавшая толпа производила тоже впечатлѣніе: загорѣлыя, желтыя, худыя лица, съ большими черными и впалыми глазами, съ пугливымъ любопытствомъ озирающія русскихъ, грубыя рваныя рубахи, въ прорѣхи

которыхъ видно голое тѣло, всклоченныя головы, иногда прикрытыя бараньей шапкой, иногда чѣмъ-то въ родѣ фески; почти всѣ, и мужчины, и женщины, босые....

При взглядѣ ни эту бѣдную толпу щемило сердце. И всѣ эти оборванные, худые и забитые люди смотрѣли на русскихъ, какъ на своихъ избавителей, съ надеждою, что приходъ русскихъ избавитъ ихъ отъ горькихъ страданій и тревогъ....

Генералъ Циммерманъ отправился въ турецкую казарму на берегу, гдѣ его ждала команда охотниковъ. Когда онъ приблизился, команда сдѣлала на караулъ, забили въ барабанъ. Генералъ поблагодарилъ солдатъ, назвалъ ихъ молодцами и пожелалъ имъ и на будущее время служить такъ же хорошо, какъ и теперь. Въ отвѣтъ генералу раздалось „ура“, подхваченное толпою. Потомъ всѣ вошли въ казарму. Это небольшое зданіе въ четыре или въ пять оконъ, съ голыми загрязненными стѣнами, съ досчатыми нарами. Весь полъ былъ усыпанъ разстрѣленными мѣдными патронами.

Депутація болгаръ принесла вино и просила генерала и всѣхъ присутствовавшихъ выпить, что, разумѣется, всѣ сдѣлали съ удовольствіемъ. Всѣ офицеры поздравили генерала Циммермана и другъ друга съ счастливымъ вступленіемъ за Дунай.

По выходѣ изъ казармы на площадку предъ нею, съ высоты берега на рѣку, представилась взгляду чудная, оживленная картина, а именно: множество лодокъ, наполненныхъ солдатами, обгоняя одна другую, весело подплывали къ берегу. Одинъ пароходъ съ баржами пристalъ уже къ берегу: часть пѣхоты выгрузилась и

поднималась гуськомъ по два человѣка въ рядъ на гору по узкой, извилистой дорогѣ. Штыки идущихъ солдатъ, то скрывались за пригорками, то появлялись снова, сверкая на солнцѣ. Съ баржъ вытаскивали лафеты, переносили пушки.

Въ это время приставали лодки и изъ нихъ тоже выходили пѣхотинцы. Все это кипѣло оживленіемъ и расползалось точно муравьи въ муравейникѣ, по холмистому берегу.

Отсюда всѣ пошли посмотрѣть на покинутую турками баттарею близь казармы. Баттарея оказалась самая плохенькая, первобытная; двѣ ямы окопаны низенькимъ валомъ и больше ничего. Въ каждой изъ этихъ ямъ помѣщались по одной пушкѣ, которые уже были сняты турками.

Въ то время когда осматривали баттарею, къ присутствовавшимъ преблизились пять почтенныхъ бородачей въ русскихъ рубахахъ и сапогахъ на выпускъ. Достаточно было взглянуть на ихъ чисто русскія „мужицкія“ лица, чтобы сразу признать въ нихъ земляковъ. Дѣйствительно это оказались земляки-старообрядцы изъ деревни Каменки, находящейся близъ Мачина. Они, увидѣвъ, мѣдныя бляхи на рукахъ корреспондентовъ, сочли ихъ вѣроятно, за старостъ или сотскихъ и обратились къ нимъ съ просьбою представить ихъ къ генералу Циммерману.

— Да вамъ зачѣмъ же генерала?

— А мы, какъ значитъ, отъ нашихъ плугарей изъ деревни, поклониться хлѣбомъ-солью и заступленія просить, что бы и напредки отъ турокъ...

— А что же турки васъ обижали?

— Какъ не обижать, обижали.

— Чтожъ убили кого-нибудь?

— Убить нѣтъ, убивство не было, а раззоръ, притѣсненіи... Черкесы, примѣрно сказать, хотя бы теперь: берутъ съ тебя все, да и того мало, алчный народъ, не христь. Что съ ими будешь дѣлать. Управы нѣтъ никакой!

— А вотъ теперь, Господь дастъ, будетъ, замѣтилъ другой старикъ, съ клоченною бородою, слезящими глазами и красной загорѣлой шеей, типъ крестьянина изъ Тульской или Калужской губерніи: авось имъ, поганцамъ, придѣлъ положатъ, возметъ батюшка Царь насъ въ спокой.

— Очень ждемъ....

— Проводивъ земляковъ къ лейтенанту Шестакову, а тотъ направилъ ихъ къ корпусному командиру.

Генералъ Циммерманъ принялъ депутацію каменцевъ очень милостиво и обѣщалъ имъ свое покровительство.

Покуда войска высаживались, всѣ пошли оглядѣть городъ. Сейчасъ, откуда онъ взялся, чёртъ его знаетъ, подвернулся еврей, предложившій намъ свои услуги въ качествѣ проводника. Даже и другой выскочилъ съ пейсами и въ казинетовомъ архалукѣ съ „воскрыльями“ и тоже началъ набиваться съ услугами, но первый его оттѣснилъ. Всѣ пошли.

Городъ былъ почти пустъ. Дома съ затвореннымй дверями; окна закрыты ставнями; иныя ставни и двери выломаны. Дѣло въ томъ, что передъ выходомъ турокъ, имъ было разрѣшено грабить городъ, и они, разумѣет-

ся, охулки на руку не положили. Кромѣ грабежа были и случаи страшнаго звѣрства.

Въ городѣ осталось изъ всего пяти-тысячнаго населенія Мачина, только человѣкъ 700 болгаръ, грековъ и старообрядцевъ.

Мимоходомъ зашли въ домъ коймакама, который лучшій въ городѣ, былъ на живописномъ мѣстѣ берега, довольно обширный, въ два этажа. Въ немъ всѣ комнаты были пусты. Въ комнатахъ перваго этажа по полу валялись грудами какія-то бумаги съ печатями, вѣроятно, оффиціальные приказы, дѣла, письма въ пакетахъ, разорваныя, измятыя. Должно быть вся канцелярія коймакама была разбросана тутъ.

Изъ числа пришедшихъ, нѣкоторые взяли на память нѣсколько такихъ бумагъ.

Въ верхнихъ комнатахъ дома, гдѣ, между прочимъ, помѣщался гаремъ, нашли не черноокихъ одалисокъ— увы! нѣтъ: а нашли груды листоваго турецкаго табаку, груды сора и ничего больше.

Когда выходили изъ коймаканскаго дома, у его подъѣзда встрѣтили толпу матросовъ и казаковъ. Предупредили ихъ, что въ домѣ валяется табакъ: надо было видѣть, какъ они бросились на фуражировку. Не болѣе, какъ чрезъ пять минутъ, многіе изъ нихъ шли уже назадъ, нагруженные пачками пріятнаго зелья.

Проводника еврея просили указать намъ кофе, гдѣбы можно было поѣсть или выпить. Проводникъ сказалъ, что покуда кофейныя всѣ заперты, но что въ одномъ греческомъ, кажется, можно что-нибудь достать. Мы направились къ этой кофейной. На дорогѣ

насъ нагнали старообрядцы, представлявшіеся генералу, и начали благодарить насъ за содѣйствіе имъ въ этомъ и просили принять угощеніе. Отказавшись мы отъ послѣдняго, но пригласили ихъ пойти съ нами въ кофейню. Они согласились. Кофейная оказалась близко. Это была довольно просторная комната съ биллiардомъ и буфетомъ.

Всѣ попросили, разумѣется, подать турецкаго кофе и дульчесовъ.

Поставили столики и стулья на улицѣ и расположились около турецкаго дома съ деревянной, широкой, выдающейся терассой, прикрытой кровлей характерной восточной формы. Всѣ съ удовольствіемъ выпили кофе, поданнаго намъ, конечно, въ крохотныхъ чашечкахъ и съ гущей.

Генералъ Циммерманъ и свита офицеровъ, сопровождавшихъ его присѣли тутъ же. Кто-то началъ шутить надъ тѣмъ, что корресподенты прежде всѣхъ уже освоились и хозяйничаютъ въ занятомъ непріятельскомъ городѣ. Корресподенты, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, заявили благодарность генералу Циммерману за его обязательное разрѣшеніе участвовать въ десантѣ. Генералъ Циммерманъ разговорился и между прочимъ сообщилъ нѣсколько подробностей о галацкой переправѣ, отзываясь съ большими похвалами: о молодецкимъ поведеніи солдатъ въ этомъ дѣлѣ, которое, по словамъ генерала, принадлежитъ къ числу безумно-геройскихъ.

Посидѣвъ съ полчаса, генералъ отправился дѣлать смотръ высадившемуся Бородинскому полку.

Войска были расположены у берега.

Генералъ приказалъ принести знамена съ парохода и построить войска для парада. Покуда ходили за знаменами, всѣ расположились на холмикѣ, подъ тѣнью какого-то сарая. Генералъ сѣлъ на груду бревенъ. Подполковникъ Клеменко, лейтенантъ Дубасовъ, Шестаковъ и другіе офицеры расположились на травѣ около сарая.

Въ это время подъѣхалъ на лошади полковникъ Шуруповъ, которому было поручено переправить казаковъ по залитой водою болотистой дорогѣ отъ Гечета къ Мачину, и доложилъ, что 40 казаковъ переправлено. Эта переправа тоже въ своемъ родѣ была подвигомъ молодечества: по дорогѣ приходилось, раздѣвшись, идти въ водѣ, иногда вплавь, пуская лошадей безъ всадниковъ. И все обошлось благополучно: утонуло только одно ружье. Генералъ, выслушавъ докладъ полковника поблагодарилъ его. Потомъ къ генералу подошли какіе то болгары съ просьбой: они просили послать солдатъ въ одно изъ окрестныхъ мѣстечекъ, гдѣ мѣстныя жители-болгары опасались нападенія башибузуковъ. Генералъ отклонилъ эту просьбу и, обратясь къ окружавшимъ его, началъ говорить, что онъ вообще составилъ себѣ нелестное мнѣніе о болгарахъ-туземцахъ, что они обыкновенно имѣютъ привычку служить вашимъ и нашимъ и ужасные лгуны.

Всѣ извѣстія о туркахъ и ихъ силахъ, говорилъ генералъ, которыя были доставляемы намъ мѣстными болгарами, оказывались вздоромъ. Они говорили, что въ Мачинѣ трудно, невозможно о туркахъ ничего узнать, такъ тутъ строго и бдительно турецкое управ-

леніе? Ну и вся эта чепуха оказалась вздоромъ. Намъ служатъ плохо, трусы, фальшивы, а сами между тѣмъ думаютъ, что все для нихъ мы должны тутъ дѣлать...

Вотъ старообрядцы, тѣ, сейчасъ видно, народъ честный... А эти въ конецъ испорчены.

Нельзя было не согласиться, что въ этомъ мнѣніи генерала много правды, хотя, конечно, оправданіемъ трусости и фальшивости болгаръ служило ихъ жалкое положеніе.

Знамена, между тѣмъ, доставили съ парохода, вынули изъ чехловъ и понесли къ полку, построенному на берегу, фронтомъ къ городу.

Священникъ окропилъ знамена св. водой.

Генералъ взошелъ на гору и, обратясь къ полку, поздоровался съ нимъ. Раздалось громкое привѣтствіе по рядамъ. Заиграли маршъ по командѣ полковника Маклакова, батальоны одинъ за другимъ проходили мимо генерала Циммермана, поднимаясь по тропинкѣ въ гору, на самомъ возвышенномъ пунктѣ, которой, стояли казаки на копяхъ, поднявъ пики. Картина была очень красивая и гористая мѣстность придавала ей необыкновенный эффектъ.

Полки шли то спускаясь по дорогѣ, то поднимаясь выше на горы и исчезали за ихъ гребнемъ.

Старыя, изстрѣлянныя бородинскія знамена развивались, мелькая надъ щетиною штыковъ. Старое чувство охватывало душу въ это время: что-то увлекающее было въ этомъ шествіи солдатъ, въ этихъ вѣющихъ, изстрѣлянныхъ знаменахъ.

Сердце невольно наполнялось сознаніемъ русской на-

родной мощи, представителями которой здѣсь, на чужомъ вражескомъ берегу, были эти солдаты.

Когда полкъ прошелъ, заиграли гимнъ, команда охотниковъ крикнула „ура“ окружавшая толпа подхватила. Всѣ сняли шапки и, махая ими, привѣтствовали радостнымъ возгласомъ русскихъ.

Генералъ Циммерманъ простился съ командиромъ полка, полковникомъ Маклаковымъ, и на прощанье обнялъ его, и затѣмъ взошелъ на румынскую лодку „*Фульджеро*“.

Судно отчалило. Толпа все еще стояла на берегу и ея воодушевленное „ура“ неумолкно раскатывалось по прибрежнымъ холмамъ.

Когда проплыли мимо моста, устроеннаго полковникомъ Клименко, и капитаномъ Вернандеромъ между браиловскимъ и гечетскимъ берегомъ, генералъ Циммерманъ обратилъ общее вниманіе на этотъ мостъ.

Видъ моста представлялъ въ своемъ родѣ чудо. Только русскіе могли такой мостъ поставить, замѣтили корресподенты, и при томъ въ такое короткое время.

Переходъ войскъ генерала Циммермана черезъ нижній Дунай былъ демонстраціей и диверсіей, въ обширномъ смыслѣ этого слова, (независимо отъ его значенія утвердится на обоихъ берегахъ рѣки отъ Гирсова до Киліи для обезпеченія сообщеній дунайской арміи), относительно форсированія переправы главными нашими силами у Систова.

Для успѣха этой послѣдней операціи требовалась еще скрытность, которая, въ минуту исполненія предпріятія, сообщаетъ удачу, вслѣдствіе своей неожиданности, уве-

личивающей въ нѣсколько сотъ разъ представляющуюся опасность. Орудіемъ войны служатъ массы людей, на которыхъ непосредственно дѣйствуютъ только нравственныя впѣчатленія: въ умѣньи понимать и пользоваться ими, заключается все военное искусство.

Это послѣднее условіе—скрытность, выполнено было *главнокомандующимъ*, какъ и все остальное, самымъ блистательнымъ образомъ. Чтобы дать понятіе,—въ какой тайнѣ сохранялось распоряженіе *главной квартиры*, достаточно сказать, что даже Государь не зналъ, выѣзжая изъ Плоешти, какою дорогою онъ отправится на Слатину и когда государственный канцлеръ спросилъ Его Величество, куда онъ долженъ будетъ отправить къ Нему курьера, котораго онъ ожидаетъ изъ Лондона, Государь отвѣчалъ, *что въ настоящую минуту Онъ не можетъ указать ему этого пункта, на что дастъ знать ему по прибытіи въ Слатину.*

Пребываніе Государя Императора въ Бухарестѣ и Плоештѣ.

Несмотря на то, что день пріѣзда Государя не былъ заранѣе назначенъ и только 26-го мая, въ 6 ч. утра, стало жителямъ столицы извѣстно, что пріѣздъ назначенъ въ 12 час. дня,—городъ сталъ украшаться съ неописанной быстротой. Къ 9-ти часамъ главная улица Бухареста, на которой выстроенъ дворецъ князя, имѣющая болѣе трехъ верстъ въ длину, а также ведущая отъ нея къ вокзалу улица была убрана флагами! дома же, всѣ безъ исключенія представляли непрерывный

рядъ цвѣтныхъ герляндъ, ковровъ, флаговъ и пр. Населеніе цѣлаго Бухареста, почти двѣсти тысячъ душъ, въ нарядныхъ праздничныхъ костюмахъ, спѣшило къ вокзалу и до того наполнило названныя выше двѣ пешірокія улицы и громадную площадь передъ вакзаломъ, что съ трудомъ пробирались въ экипажахъ къ вокзалу.

Въ одинадцать часовъ прибыли въ вокзалъ: князь и княгиня Елизавета, въ сопровожденіи нѣсколькихъ высшихъ адьютантовъ и двухъ придворныхъ дамъ. Князь былъ въ румынскомъ генеральскомъ мундирѣ и имѣлъ на себѣ ленту св. Александра Невскаго.

Такъ какъ посѣщеніе Императора носило не оффиціальный, а вполнѣ частный характеръ, то дипломатическій корпусъ отсутствовалъ; были только—нашъ дипломатическій агентъ и генеральный консулъ баронъ Стюартъ со своимъ секретаремъ г. Казаринымъ и нѣсколько пребывавшихъ тутъ консуловъ Турціи.

Въ одинадцать часовъ сорокъ минутъ громъ пушечныхъ выстрѣловъ и колокольный звонъ возвѣстили приближающіе царскіе поѣзда.

Государь Императоръ, выйдя изъ вагона и поздоровавшись съ княземъ, княгиней и почетнымъ карауломъ, съ которымъ его встрѣтилъ румынскій митрополитъ со священствомъ въ полномъ облаченіи. Г. Розетти, мэръ города Бухареста и вице-президентъ камеры депутатовъ, во главѣ депутаціи отъ города, встрѣтили Государя Императора прочтеніемъ городскаго адреса; затѣмъ были поднесены Его Величеству отъ города хлѣбъ-соль. Государь поблагодаривъ за хлѣбъ-соль, и вслѣдъ

за этимъ грянулъ неумолкаемый крикъ „ура“ и звукъ народнаго гимна, который исполнилъ хоръ пѣвчихъ.

Взявъ подъ руку княгиню Елизавету, Государь Императоръ вошелъ въ царскій покой роскошно убранный на сей разъ цвѣтами и зеленью. Въ этомъ покоѣ, князь Карлъ представилъ Государю Императору мѣстныхъ сановниковъ. Во все время, пока приготовлялись къ представленіямъ, Императоръ изволилъ милостиво разговаривать съ находившейся тутъ-же княгиней Шаховской.

Представленіе началось съ мѣстнаго духовенства. Затѣмъ князь представилъ министровъ, членовъ камеры депутатовъ и сената, и депутаціи отъ университета, городскаго муниципальнаго совѣта и другихъ корпорацій. Изъ всѣхъ представлявшихся особо выдавался Дмитрій Гика, вице-президентъ сената, извѣстный румынскій патріотъ и славянофилъ.

Послѣ окончившагося представленія, Государь Императоръ, взявши опять подъ руку княгиню, направился къ выходу и сѣлъ съ нею въ экипажъ.

Съ одной стороны выстроены были всѣ наличныя румынскія войска и, при звукахъ русскаго народнаго гимна, преклонили передъ Великимъ Царемъ свои знамена; съ другой стороны болѣе двадцати тысячъ народа съ непокрытыми головами, махая шляпами, привѣтствовали небывалаго еще здѣсь Великаго Гостя неумолкаемыми криками „ура“!

Кортежъ двинулся.

Въ первомъ экипажѣ Государь Императоръ съ княгиней Елизаветой; во второмъ Наслѣдникъ Цесаревичъ съ Августѣйшимъ Главнокомандующимъ и княземъ Кар-

ломъ. Въ слѣдующихъ экипажахъ помѣстились Великіе Князья: Владиміръ и Сергій Александровичи, принцы Лейхтембергскіи, нашъ моститый государственный канцлеръ князь Горчаковъ съ румынскимъ премьеромъ Братіано, военный министръ генералъ-адъютантъ Милютинъ, министръ Императорскаго двора графъ Адлербергъ и остальная многочисленная свита.

Движеніе кортежа сопровождалось выраженіями неописаннаго энтузіазма. Почти трехверстное разстояніе между вокзаломъ и дворцемъ представляло съ обѣихъ сторонъ улицъ сплошную массу непокрытыхъ головъ, громко привѣтствовавшихъ Русскаго Императора. Изъ всѣхъ оконъ, усѣянныхъ большею частію женскими головами, а также со всѣхъ балконовъ, грозившихъ, казалось, обрушиться подъ тяжестью навалившагося народа, сыпались букеты и цвѣты на дорогу проѣзжавшаго кортежа.

Экипажъ, въ которомъ ѣхалъ Императоръ, былъ формально кругомъ засыпанъ розами. Государь Императоръ, былъ видимо тронутъ горячими привѣтствіями жителей столицы. Легкими наклоненіями головы Великій Императоръ, казалось, благодарилъ народъ.

Во дворцѣ, который очень изящно былъ убранъ зеленью, Государь Императоръ принялъ завтракъ и послѣ двухчасоваго визита отправился въ Плоешти, провожаемый также восторженно, какъ и при въѣздѣ, все еще не расходившимся народомъ. Вечеромъ городъ былъ блистательно иллюминованъ. На многихъ домахъ красовались транспоранты съ вензелемъ изображеніемъ имени нашего Государя.

Для встрѣчи Русскаго Царя, въ Плоэшти, былъ назначенъ почетный караулъ отъ болгарскаго ополченія. Ротный командиръ штабъ-капитанъ Поповъ. Знамя присланное изъ Самары, было въ строю. Вокзалъ былъ разукрашенъ русскими и румынскими флагами. Болгары, проживавшіе въ Румыніи, черезъ своихъ депутатовъ поднесли Его Величеству хлѣбъ-соль и подали адресъ слѣдующаго содержанія:

„Ваше Императорское Величество, Всемилостивѣйшій Государь. Мы, пребывающіе въ Румыніи болгары, которые имѣли несчастіе покинуть свою родину, чтобы въ чужой землѣ искать убѣжища отъ насилія и гоненіи мучителя, считаемъ себя нынѣ счастливѣе своихъ единоплеменниковъ, тѣмъ, что намъ выпалъ жребій первыми встрѣтить свѣтлое лице Ваше, Великій Государь, и съ благоговѣніемъ выразить у ногъ Вашего Императорскаго Величества безпредѣльную благодарность, которая воодушевляетъ весь болгарскій народъ при мысли о великомъ подвигѣ, предпринятой по вашей державной волѣ великою Россіей изъ одной лишь любви къ страждующимъ и угнетеннымъ братьямъ, въ осуществленіи надеждъ, которыя болгары по преданію, отъ вѣка, возлагаютъ на православнаго Русскаго Царя и на братственный русскій народъ, для своего избавленія отъ тяжкаго рабства“. Слѣдуетъ семдесять подписей.

Митрополитъ Рашевъ сказалъ провѣтственное слово и благословилъ Его Величество иконою Царя Константина и Елены и преподнесъ хлѣбъ-соль на серебрянномъ подносѣ, на которомъ вырѣзана слѣдующая надпись: „*Возвеселимся всѣ уповающіе на тя и похвалимся*

о тебѣ любящіе имя твое“; а въ низу: „*Великому Государю, Царю Александру II, заступнику за болгарскій народъ, пребывающіе въ Румыніи болгаре. 26-го Мая 1877 года*“.

Поблагодаривъ за хлѣбъ-соль, Государь направился во внутреннія комнаты вокзала, гдѣ его встрѣтили шесть маленькихъ румынокъ, одѣтыхъ въ парадныя платья и онѣ поднесли Ему букетъ цвѣтовъ. Поздоровавшись съ мѣстной администраціей и генераломъ Флореско. Государь вышелъ на противоположное крыльцо и, сѣвъ въ коляску съ Главнокомандующимъ, отправился въ приготовленное для пріема Его помѣщеніе.

Вдоль всѣхъ улицъ по которымъ долженъ былъ проѣзжать Государь Императоръ были выстроены пять дружинъ болгарской бригады.

Картина была очень эффектная; бѣлыя фуражки военныхъ, разноцвѣтныя перья иностранныхъ агентовъ, золотыя портупеи и погоны, все это блестѣло и переливалось на солнцѣ, и на площадкѣ передъ станціей все время волновалась и двигалась эта блестящая толпа, въ которой только что пріѣхавшіе изъ Петербурга смѣшались съ мѣстными штабными, разсказывали другъ другу новости и справлялись о родныхъ и товарищахъ.

Во всѣхъ направленіяхъ скакали конвойные и флигель-адъютанты, придворные экипажи едва повертывались въ узкихъ улицахъ, весь дворъ императорской квартиры былъ наполненъ военными и дипломатами, въ отворенныя окна можно было различить блестяще освѣщенныя комнаты и группы сопровождавшей Государя свиты. Народъ долго не расходился, несмолкав-

шее „ура“ доносилось отъ сосѣднихъ улицъ глухими перекатами. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ.

На другой день 27-го мая, былъ назначенъ смотръ сводному гвардейскому полку, и всѣ ждали выхода Государя.

На крыльцѣ императорской квартиры уже стояли Наслѣдникъ и Великій Князь Владиміръ Александровичъ; вскорѣ началось движеніе и вышелъ Государь.

Въ это же время къ воротамъ подъѣхала коляска князя Карла румынскаго, прибывшаго привѣтствовать дорогаго гостя. Государь быстро протянулъ ему руку и оба Монарха отправились во внутреннiе покои. Черезъ нѣсколько минутъ они вышли снова во дворъ и Государь, обойдя густую толпу своей свиты, дружески здоровался со многими офицерами. Въ это время подвели лошадей; Государь, проѣхавъ немного по улицѣ, вернулся къ дому и сталъ въ воротахъ его, разговаривая съ княземъ румынскимъ, сидѣвшимъ также верхомъ. Великій Князь Николай Николаевичъ и Наслѣдникъ помѣстились у самой стѣны дома.

Изъ глубины улицы двинулся церемоніальнымъ маршемъ, подъ звуки саперной музыки, сперва конвой, а потомъ и всѣ командированные отъ гвардейскихъ полковъ офицеры и рядовые.

Государь пропускалъ мимо себя эти пестрые ряды, гдѣ рядомъ съ каской преображенца двигались и срѣзанный киверъ павловца, и чье-то бѣлое съ затыльникомъ кепи, объясняя князю румынскому названіе полковъ и частей.

Смотръ кончился; Государь удалился въ свои покои,

но народъ нельзя было удалить и полиція напрасно истощала свое усердіе.

Въ этотъ же день болгарская депутація представлялась князю Горчакову, а потомъ и Наслѣднику.

Сводный гвардейскій отрядъ въ Плоешти.

Въ Плоешти, въ главную квартиру Главнокомандующаго пробылъ гвардейскій сводный отрядъ.

Отрядъ этотъ имѣлъ назначеніемъ служить конвоемъ Его Величеству. Въ составъ отряда вошли представители отъ всѣхъ частей гвардіи, въ томъ числѣ отъ частей ея, стоящихъ въ Варшавѣ, отъ 1-го лейбъ-гренадерскаго Екатеринославскаго Его Величества полка и отъ лейбъ-Бородинскаго имени Его Величества полка.

Сводный отрядъ состоялъ изъ сводной роты, въ которую вошли: по 16-ти рядовыхъ и одному унтеръ-офицеру отъ каждаго гвардейскаго и помянутыхъ двухъ полковъ, по 4 е рядовыхъ и одному унтеръ-офицеру, отъ каждаго гвардейскаго батальона; офицеры въ эту роту были назначены по жребію по одному отъ каждой гвардейской бригады и отъ обоихъ вышепомянутыхъ полковъ, въ коихъ Его Величество изволитъ быть шефомъ; изъ сводnаго полуэскадрона: по 6-ти рядовыхъ и одному унтеръ-офицеру отъ каждаго гвардейскаго кавалерійскаго полка и отъ гвардейской конно-артиллерійской бригады; офицеровъ четыре по жребію между полками; изъ сводной полуроты изъ 46-ти человѣкъ гвардейскихъ саперъ и артиллеристовъ при трехъ офицерахъ тоже по жребію. Начальникомъ всего отряда назначенъ флигель-адъютантъ,

полковникъ Озеровъ 1-й; командиромъ сводной роты флигель-адъютантъ л.-гв. Павловскаго полка капитанъ Энденъ; полуэскадрономъ командовалъ л.-гв. сапернаго батальона поручикъ Прескотъ.

Отрядъ слѣдовалъ изъ Петербурга по желѣзной дорогѣ и прибылъ въ Плоешти 25-го мая въ полномъ составѣ, оставивъ на пути всего одного больнаго. Послѣ встрѣчи его Государемъ Императоромъ, отрядъ разошелся на бивуаки; полуэскадронъ сталъ у выѣзда изъ города, рядомъ съ бивуакомъ л.-гв. своднаго казачьяго полка; роту же и полуроту Ихъ Высочества Главнокомандующій и Наслѣдникъ Цесаревичъ сами провели на бивуакъ, мѣсто для котораго избрано превосходное, въ большомъ фруктовомъ саду, не вдалекѣ отъ дворца Государя и на одной съ нимъ улицѣ. Приведя ихъ на бивуакъ, Великій Князь Николай Николаевичъ изволилъ лично указать мѣсто, гдѣ стать частямъ, послѣ чего Его Высочество ушелъ съ бивуака, сказавъ людямъ на прощанье: „*ребята еще приду, не могу отъ васъ оторваться*“.

Черезъ часъ спустя, пѣшія части отряда были осчастливлены посѣщеніемъ Государя Императора. Увидя идущаго къ нимъ на бивуакъ Царя, рота и полурота мгновенно выстроилась. Слѣдомъ за Государемъ пріѣхалъ на бивуакъ и Великій Князь Николай Николаевичъ.

Его Величество изволилъ милостиво разговаривать съ людьми каждой отдѣльной части, а къ тѣмъ изъ нижнихъ чиновъ, которые были лично Ему извѣстны, обращался отдѣльно. Затѣмъ Его Величество изволилъ выразить увѣренность, что Его конвой, если то потребуется, покажетъ себя такими же молодцами, какъ и тѣ, ко-

торые уже имѣли случай отличиться въ бояхъ, причемъ Государь Императоръ изволилъ выразиться относительно лейтенантовъ: Дубасова и Шестакова, что они шли въ дѣло, единственно сознавая долгъ свой, и только, вернувшись послѣ совершеннаго имъ подвига, сознали значеніе послѣдняго по тому пріему, который имъ оказали всѣ, бывшіе свидѣтелями дѣла. Уходя съ бивуака Его Величество изволилъ пригласить всѣхъ офицеровъ отряда къ своему столу, на все время пребыванія ихъ здѣсь. Послѣ того Его Высочество Главнокомандующій еще разъ пріѣхалъ на бивуакъ отряда, причемъ люди были выстроены по полкамъ. Его Высочество изволилъ остаться вполнѣ доволенъ подборомъ людей и милостиво разговаривалъ со многими изъ нихъ. И, дѣйствительно, нельзя не любоваться видомъ людей, входившихъ въ составъ отряда, молодецъ къ молодцу! Расположеніе духа ихъ, превосходное.

Назначеніе отряда было существенно измѣнено. Еще въ Кишеневѣ, Государь Императоръ, обращаясь къ отряду, изволилъ выразить Свою волю, чтобъ отрядъ не находился при Императорской квартирѣ, а служилъ примѣромъ для остальныхъ войскъ дѣйствующей арміи и первый перешелъ бы Дунай. Его Величество изволилъ высказать при этомъ лестную для отряда увѣренность, что представители гвардіи никому не уступятъ чести прежде всѣхъ войскъ, ступить на правый берегъ Дуная. Такимъ образомъ, если Я не въ состояніи сообщить вамъ, гдѣ и когда состоится такъ давно ожидаемый всѣми переходъ черезъ Дунай, то могу, по крайней мѣрѣ, передать имена тѣхъ, которые пойдутъ

во главѣ первой колонны, которая ступитъ на турецкую территорію.

„Вамъ извѣстно уже, что начальникъ всего отряда, состоящаго изъ частей войскъ пѣхоты, кавалеріи, саперъ и артиллеріи, полковникъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, флигель-адъютантъ Петръ Сергѣевичъ Озеровъ 1-й; командиръ роты пѣхоты, капитанъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, флигель адъютантъ Петръ Петровичъ Фонъ-Энденъ; второй гвардейской пѣхотной дивизіи; субалртернъ-офицеры роты: капитанъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка Андрей Ивановичъ Чекмаревъ 1-й; первой гвардейской пѣхотной дивизіи, капитанъ Петербугскаго гренадерскаго короля Фридрихъ-Вильгельма III-го полка, Николай Ивановичъ Мацкевичъ 2-й, третьей гвардейской пѣхотной дивизіи, штабъ капитанъ лейбъ-гвардіи Царскосельскаго стрѣлковаго батальона, Владиміръ Ефимовичъ Іоновъ; гвардейской стрѣлковой бригады, поручикъ лейбъ гвардіи гренадерскаго полка, Александръ Андреевичъ Поливановъ 1-й; второй гвардейской пѣхотной дивизіи, поручикъ Кексгольмскаго гренадерскаго императора австрійскаго полка Александръ Карловичъ Кольманъ; третьей гвардейской пѣхотной дивизіи, расположенной въ Варшавѣ, прапорщикъ лейбъ-гренадерскаго Екатеринославскаго Его Величества полка Николай Павловичъ Волковъ; первой гренадерской дивизіи, находящейся въ Москвѣ, адъютантъ при начальникѣ отряда, и капитанъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, флигель-адъютантъ Николай Алексѣевичъ Косичъ. Начальникъ состоящаго въ составѣ отряда гвардейскаго кавалерійскаго полуэскадрона, рот-

мистръ лейбъ-гвардіи гусарскаго Его Величества полка Викторъ Егоровичъ Нордтъ 1-й. Субалтернъ офицеры въ полуэскадронѣ: штабсъ-ротмистръ Кирасирскаго Его Величества полка Илья Петровичъ Живковичъ и поручикъ лейбъ-гвардіи Гродненскаго гусарскаго полка Владиміръ Дмитріевичъ Суровцевъ. Отъ лейбъ-гвардіи конной артиллеріи штабъ-капитанъ Савинъ и отъ лейбъ-гвардіи пѣшей артиллеріи подпоручикъ Александръ Александровичъ Тюрберъ 1-й. Отъ гвардейскаго сапернаго батальона подпоручикъ Николай Эдгаровичъ Прескотъ 2-й и прикомандированный къ гвардейскому саперному батальону прапорщикъ гренадерскаго саперная батальона Гавріилъ Александровичъ Богомоловъ".

Этотъ сводный отрядъ въ концѣ мая мѣсяца, изъ Плоешти ушелъ на югъ къ Дунаю, ожидать момента переправы.

А злой геній дипломатіи слѣдилъ по пятамъ за русскою арміею, и намѣревался привѣтствовать ее на томъ берегу Дуная.

Атмосфера все болѣе и болѣе насыщалась толками о непрошенныхъ услугахъ, съ которыми набивался этотъ назойливый спутникъ русскаго оружія.

Дипломатамъ несидѣлось; они не могли быть въ бездѣйствіи, и изъ своихъ кабинетовъ перешептывались о комбинаціяхъ, въ которыя уже хотѣли бы уложить результаты только что начинавшейся войны. Этимъ благодѣтелямъ человѣчества не давало покоя мучительная забота о завтрашнемъ днѣ. Ясно было, что между кабинетами происходили, если не открытые переговоры, то покрайней мѣрѣ велись объясненія, совершались обмѣнъ

мыслей, догадокъ, комбинацій. Въ этотъ критическій моментъ всеобщей неувѣренности, когда открыто поле для предложеній самыхъ фантастическихъ, благодѣтельныя извѣстія, друзей, Порты, не покидали русскихъ людей въ ихъ безпомощности и обязательно предлагали намъ свое руководство. Дѣло было опять-таки все о тѣхъ же англійскихъ интересахъ, на этотъ разъ съ небольшой прибавкой австрійскихъ, которому оченъ нравились, какъ опредѣлилъ англійскій министръ внутреннихъ дѣлъ г. Кроссъ, британскіе интересы. Онъ очень хорошо намѣтилъ ихъ, а такъ какъ Россія не намѣрена была трогать: ни Египта, ни Суэзскаго канала, ни пути въ Индію, ни завладѣть Константинополемъ, то всякая вѣроятность столкновенія тѣмъ самымъ устранялась. Чего-же лучше! Козалось бы и дѣлу конецъ. Очемъ же было хлопотать больше дипломатіи, когда существенное было разъяснено? Притомъ англійскіе интересы формулированы и изъяты отъ всякаго посягательства на нихъ со стороны Россіи; то и слѣдовало бы Англіи спокойно устраниться, а дипломатіи;—опочить на лаврахъ. Но нѣтъ-таки злой духъ мѣшалъ, нужно было подумать о завтрашнемъ днѣ для своихъ друзей; потому что за войною придетъ миръ, нужно подумать и о немъ. Кто безъ дипломатіи это сдѣлаетъ? И вотъ она опять принялась за работу.

„Возможно и весьма даже вѣроятно вѣщалъ проповѣдникъ, что по переходѣ черезъ Дунай, когда выяснится военное превосходство одной стороны надъ другою, дипломатія снова начнетъ свое дѣло умпротворенія“. Потому что не могли судить заранѣе о его характерѣ,

не видали ничего невозможнаго въ томъ, что если въ это время Россія могла быть въ состояніи возвратить миръ себѣ и Европѣ, осуществивъ удовлетворительнымъ образомъ громко провозглашенную нами программу, т. е. достигнувъ дѣйствительнаго улучшенія судьбы восточныхъ христіанъ, если съ своей стороны кабинеты оцѣнятъ эту необходимость для Россіи добиться выполненія ея программы и оцѣнили бы ее съ большой правдивостью и ясностью, нежели было въ прошедшемъ, и если своимъ твердымъ положеніемъ относительно турокъ дополнятъ урокъ, который будетъ данъ имъ русскимъ оружіемъ,— миръ, миръ справедливый, достойный Россіи и Европы, могъ быть установленъ, устраняя необходимость доводить до крайнихъ предѣловъ послѣдствія настоящей войны и навязывать Европѣ родикальное и окончательное разрѣшеніе восточной задачи, для котораго, по мнѣнію проповѣдника: „ни Востокъ, ни Европа недостаточно приготовлены“. Такъ судили и рядили европейскіе либералы.

Какъ видно, что у европейской дипломатіи для нѣкоторыхъ положеній точно также имѣлись своего рода фразы, нѣчто въ родѣ заклинаній, которыя она произносила. Когда заходила рѣчь хотя бы напримѣръ о Восточномъ вопросѣ, говорилось, что турецкіе славяне еще не готовы для его разрѣшенія, и что Европа тоже не готова. Съ этимъ принято было соглашаться, какъ съ изрѣченіемъ оракула, не допускающимъ никакихъ сомнѣній. Что въ западной Европѣ раздѣляли такой взглядъ, что этому вѣрили, покрайней мѣрѣ дѣлали видъ и хотѣли заставить, чтобъ вѣрили всѣ, это было вполнѣ естественно и совершенно понятно.

Прошедшее и настоящее съ одинаковой убѣдительностію свидѣтельствовали, что тѣмъ же англичанамъ, австро-венграмъ и къ удивленію даже французамъ почти въ одинаковой степени желательно, чтобъ Восточный вопросъ возможно далѣе оставался въ его нетронутомъ положеніи. Къ этому стремилась ихъ политика, какъ до конференціи, такъ во время ея засѣданій, такъ и по закрытіи ихъ. Положеніе не созрѣло?—это былъ лозунгъ западно-европейской политики въ восточномъ вопросѣ. Тамъ онъ былъ, какъ нельзя болѣе на своемъ мѣстѣ. Съ болѣе легкимъ сердцемъ вдаваться въ обманъ, разставляемый своекорыстной политикой,—было бы невозможно. Неужели истекшій: 1876 и начало 1877 годовъ, недостаточно разаблачили всю очевидность этого обмана, въ которомъ мы жили въ теченіи двадцати послѣднихъ лѣтъ?

Положеніе не созрѣло, ни восточные христіане, ни Европа не готовы были для окончательнаго разрѣшенія восточной проблеммы, однимъ словомъ, ничто не приготовлено, только мы поспѣли повторять эту ложь на смѣхъ и радость нашимъ зложелателямъ!

Если отъ Европы хотѣли дождаться тождественныхъ съ Россіей или, по крайней мѣрѣ, близкихъ къ русской національной политикѣ взглядовъ на судьбу балканскихъ славянъ,—никогда не была къ этому готова.

Нужно было, чтобъ извратились пресловутые англійскіе интересы; нужно, чтобъ Англія перестала быть державой, ревниво охраняющей свое господство надъ морями; чтобъ она сдѣлалась способной добровольно отречься отъ части своего могущества въ пользу чуж-

дыхъ ей народностей; нужно, чтобъ Австрія стала неузнаваемой и изъ державы мадьяро-нѣмецкой, какою она есть, преобразилась въ государство съ національно-славянской политикой, какимъ она никогда быть не можетъ.

Сколько десятилѣтій, если не вѣковъ, нужно было ожидать подобнаго превращенія, утѣшая себя тѣмъ, что Европа еще не готова?

Она дѣйствительно не готова, какъ была двадцать лѣтъ тому назадъ, и какъ будетъ тридцать лѣтъ спустя.

Это не наша вина. Но себя-то зачѣмъ было срамить, бросая въ балканскихъ славянъ укоризной, что они низшая раса, не способная къ самостоятельному существованію, что надъ ними все-таки долженъ-бы свистать бичъ, только помягче того, которымъ ихъ били до сихъ поръ турки. Другаго смысла не могло заключаться въ словахъ, что Востокъ былъ неприготовленъ къ разрѣшенію его задачи.

Онъ давно готовъ, ибо иначе не могло-бы возникать и вопроса о немъ. Что тамошнее положеніе созрѣло, чтобъ убѣдиться въ этомъ, нужно было на минуту позабыть о балканскихъ христіанахъ, и спросить исторію—способны ли турки къ государственной жизни въ смыслѣ той страны свѣта, въ которой они обитаютъ?

Вѣка, проведенныя ими въ Европѣ, оставили ихъ тѣми-же, какими пришли они. Кругомъ ихъ все переродилось; но турецкая орда удержала въ неприкосновенности всю принесенную ею въ Европу первобытную простоту своего азіятскаго варварства!

Отъ Европы съ начала нынѣшняго столѣтія она за-

имствовала лишь военную организацію, вооруженія и по европейскому образцу создала, вѣрнѣе сказать, купила себѣ флотъ. Но въ государственномъ организмѣ Оттоманской имперіи не произошло никакихъ измѣненій; онъ держался и держится на тѣхъ же началахъ безусловнаго господства побѣдителей надъ побѣжденными, какъ и на второй день по завоеваніи Константинополя.

Законы государственнаго развитія въ Турціи неприложимы, какъ недоступные для турокъ; а на имѣющихся основаніяхъ ихъ государственнаго устройства, возможно ли построить какую-либо справедливую систему въ Турціи?

Насильственными средствами можно было длить существованіе Оттоманской имперіи, доколѣ эти средства могли окупаться матеріальными выгодами, извлекаемыми изъ порабощенія балканскихъ христіанъ мусульманскому игу; но утверждать, что положеніе на Востокѣ еще не созрѣло само по себѣ для его радикальнаго разрѣшенія, — это ложь, ничѣмъ не могущая прикрыть своей наготы.

И находились же люди возвѣщать Европѣ, что русское правительство, тотчасъ по переправѣ войскъ черезъ Дунай, остановитъ свою армію и пригласитъ дипломатію снова принять вопросъ въ свои руки и продолжать прерванную, войною ея игру въ переговоры!

Невѣжда могъ подумать, что въ главной квартирѣ нашей дѣйствующей арміи боялись какъ-бы лордъ Дэрби, или гр. Андраши, милостиво дозволившіе русскимъ войскамъ добраться до турецкой границы, не издали приказа повернуть имъ назадъ, во свояси, и тѣмъ не лишили-бы ихъ пріятной прогулки съ одного берега

Дунай на другой. Но вѣдь эта переправа не турниръ, въ которомъ должно сказаться лишь военное превосходство одного противника надъ другимъ, какъ, вѣроятно, полагали тароватые на русскую кровь либералы англійскіе, очень мило и развязно сводящія весь смыслъ войны къ уроку, который русскія войска дадутъ туркамъ.

Нечего сказать, дѣльную роль для Россіи пропагандировали англійскіе туркофилы,—быть турецкимъ педагогомъ.

Хорошъ и урокъ, который въ концѣ концовъ сталъ бы учителю гораздо дороже, чѣмъ ученику!

Россія взялась не учить Турцію; пусть ея исправленіемъ занимаются другіе, кому особенно дорого это дѣтище, чудовищное порожденіе невѣжества и фанатизма.

Роль русскаго оружія была иная. На остріѣ меча Россія несла и несетъ своимъ сродникамъ и единовѣрцамъ свободу и жизнь. Хуже или лучше сдѣлаются отъ этого турки, намъ до нихъ нѣтъ никакого дѣла.

Дѣятельная подступная работа туркофиловъ шла съ болѣе нежели прозрачною цѣлью. Прошлый 1876 годъ и первые мѣсяцы 1877 г., весь планъ доброжелателей Порты держался на маневрѣ затягивать русскую политику въ лабиринтъ переговоровъ безъ конца, такъ и въ послѣдствіи хотѣли затруднить тѣмъ же способомъ дѣйствія русской арміи, чтобъ снова завладѣть вопросомъ, къ рѣшенію котораго она призвана, исторической задачей...

Но чѣмъ были заняты тогда благородныя мысли бирмингамскихъ фабрикантовъ, чествовавшихъ Гладстона и вмѣстѣ съ нимъ проливавшихъ слезы о бѣдствіяхъ турецкихъ христіанъ?

Легко и пріятно рѣшать, стоя въ сторонѣ, всевозможныя затрудненія и говорить, что одна сторона всегда была права, а другая всегда ошибалась. Но вопросъ въ томъ, — что же дѣлать? Такъ встрѣчали нѣкоторые благородные патріоты рѣчь Гладстона, которые говорили, что нельзя не сознаться, что правительство отвѣчаетъ на этотъ вопросъ гораздо болѣе рѣшительно, чѣтъ это дѣлала и дѣлаетъ либеральная партія. Выставивъ англійскіе интересы основаніемъ своей политики, консервативное министерство затронуло гораздо болѣе живую струнку англійскаго общества, чѣмъ предводители оппозиціи, при всѣхъ ихъ ораторскихъ талантахъ. И правительство, каковъ-бы ни былъ исходъ его политики, могло по праву сказать, что оно чувствовало подъ собой, можетъ быть, весьма твердую почву?, помимо парламентскаго большинства. Ссылаясь на мнѣніе большинства общества, либеральная партія едвали могла представить существенныя доказательства, что это мнѣніе дѣйствительно таково, какимъ она его рисовала.

Напротивъ, если вспомнить то время, когда англійское общество наглядно и легко могло показать, куда направлены его симпатіи; то факты оказались-бы, пожалуй, далеко не въ пользу либеральной партіи. Стоитъ вспомнить время, когда славяне собственными силами вели борьбу съ своими угнетателями и когда всякая посторонняя помощь была имъ особенно дорога.

Откуда шла эта помощь?

Обнаружило-ли тогда англійское общество признаки того огромнаго сочувствія къ угнетеннымъ, какое ему приписывалось?

Гдѣ колосальныя подписки въ пользу славянъ, на которые такъ тороваты, въ особенности въ сербскую войну, были англичане, когда они дѣйствительно хотѣли оказать матеріальную помощь?

Гдѣ тѣ легіоны борцовъ за правое дѣло, которое могло бы снарядить англійское общество, если-бъ они искренно желали помочь турецкимъ христіанамъ въ неравной борьбѣ?

Деньги были; но они направлялись въ турецкую казну!

Были и волантеры; но они были заняты укрѣпленіемъ турецкихъ крѣпостей и командываніемъ надъ турецкимъ флотомъ, какъ Гобартъ, Бекеръ, серъ Арнольдъ Кембалль, капитанъ Норманъ и др. Есть-ли тутъ оправданіе?

Вотъ какими фактами можетъ отвѣтить министерство Биконсфильда ораторамъ либеральной партіи, и тратящимъ, какъ прежде, на сочувственное имъ дѣло только красивыя слова.

Англійское правительство и консервативная партія, не даромъ же свысока смотрѣла на выходки оппозиціи; недаромъ Гладстона упрекали за его рѣчи тономъ снисходительнаго сожалѣнія, какъ ребенка за шалость; не напрасно говорили ему, что, на мѣстѣ лорда Биконсфильда, онъ самъ дѣлалъ бы не то, что говорилъ...

На совершенно ясное, казалось бы, положеніе, которое заняла Россія, оставивъ непроходимую чащу дипломатическихъ переговоровъ и выйдя на прямую дорогу дѣйствія, силилась напустить такого туману, что нужно было дорожить всякимъ словомъ, разсѣявавшимъ этотъ туманъ, если оно исходило отъ мало-мальски компетентнаго источника. Между тѣмъ, какъ иностранныя из-

вѣстія за это время преизобиловали самыми обидными для твердости русской политики соображеніями и заводили старую пѣсню о томъ, что она, будто-бы, искала лишь отступленія съ честью и охотно удовольствовалась-бы однимъ „*почетнымъ успѣхомъ*,“ наши публицисты, передъ европейской читающей публикой, хранили убійственное молчаніе, какъ будто-бы дѣло шло о чемъ-то совершенно для насъ постороннемъ. Тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, мы останавливались на энергической статьѣ брюссельской газеты *Le Hord*, въ отвѣтъ на фразіологію и лжеувѣренія иностранной печати, неожиданно принесенной намъ заграничною почтой, что снова начинали твердить, говорила газета, что Россія, колеблясь передъ препятствіями и жертвами настоящей борьбы, ничего не желаетъ другаго, какъ „съ почетомъ“ ретироваться изъ предпріятія, въ которое она вовлекла себя? Одинъ вѣнскій листокъ полагалъ, что все, чего хотѣла бы эта держава, это почетнаго успѣха.

Тѣмъ, которые такъ разсуждали съ предвзятой и враждебной задней мыслью, мы отвѣчали, что это ребячество; тѣмъ же, которые вели такія рѣчи отъ чистаго сердца, мы настойчиво говорили, что это опасно для интересовъ мира, котораго они, безъ сомнѣнія, желали. Эта теорія „*моста* къ *отступленію*“, которая столь долго ободряла варварство турокъ и усыпляла ея друзей, безспорно въ широкой степени содѣйствовала взрыву столкновенія. Они неупускали случая содѣйствовать и продолженію борьбы!

Въ свое время мы вдоволь повторяли, что если Россія не получитъ, отнюдь не удовлетворенія своему само-

любію, а дѣйствительныхъ и прочныхъ гарантій въ пользу христіанъ Востока, она навѣрно начнетъ войну и будетъ въ силахъ съ успѣхомъ довести ее до конца. Притомъ повторяли съ такимъ же убѣжденіемъ и съ такой же увѣренностію, что она не положитъ оружія до тѣхъ поръ, покуда эти гарантіи, равнозначительныя принесеннымъ уже ею жертвамъ, не будутъ совершившимся фактомъ.

Недолжны ошибаться относительно чувствъ, несомнѣнно миролюбивыхъ, Императора Александра. Если русская кровь достаточно дорога въ Его глазахъ, чтобъ остановить ея пролитіе тотчасъ, какъ въ немъ не будетъ болѣе надобности, то она дорога съ другой стороны и на столько, что Царь не соглашался, дабы она пролита была тщетно, потому что для Россіи дѣло шло не о сдѣлкѣ съ уступкой; а нужно было, чтобы демонстрація была полная, и результаты рѣшительные!

Для увѣренности въ будущемъ необходимо было, чтобъ Турція совершенно сознала свою уединенность, низменность своего положенія и абсолютную неизбѣжность подчиниться условіямъ, которыя сама она сдѣлала не обходимыми.

Какъ нельзя болѣе своевременно появлялось въ нѣкоторыхъ отголоскахъ, это возстановленіе настоящаго характера русской политики но только въ виду извращеній—его друзьями Порты. Къ сожалѣнію, такому искаженію, противъ котораго ратовала брюссельская газета, не мало должны содѣйствовать появлявшіяся на ея столбцахъ прорицанія въ родѣ вышеписаннаго...

Успѣхи русскаго оружія въ Малой Азіи, сраженіе при Дели-баба

Большой русскій корпусъ, состоящій изъ войскъ всѣхъ оружій, 2-го іюня, двинулся на Зеейдиканъ. Легкая артиллерія заняла высоты. Турки отступили къ деревнѣ Таба, небольшой пастушеской стоянкѣ, оставляемой на зиму; ее не слѣдуетъ смѣшивать съ Дабером̀ъ расположеннымъ въ 8-ми миляхъ отъ мѣста дѣйствія. На слѣдующій день утром̀ъ, въ 6 час., послѣ нѣсколькихъ неважныхъ аванпостныхъ стычекъ, русскіе стали наступать на Зеейдеканъ. На встрѣчу русскимъ выступили шесть турецкихъ баттарей, подкрѣпленныхъ всею полевою артиллеріею, какою только можно было располагать, и тремя горными орудіями. Двѣ баттареи и шесть батальоновъ остались сзади для защиты дороги, между тѣмъ, какъ резервы оставались въ деревнѣ. Около полудня турки столкнулись съ русскими, въ шести миляхъ отъ Табы. Вскорѣ русскіе, занимавшіе возвышенную позицію на холмѣ на разстояніе около 4-хъ верстъ, открыли изъ своихъ крупныхъ орудій оживленный и мѣтко направленный огонь по возвышенностямъ, занимавшимъ оттоманскими войсками. Англійскій генералъ сэръ Арнольдъ Кембалль и капитанъ Норманъ подвергались большой опасности; послѣдній раненъ обломкомъ гранаты. Одинъ турецкій полковникъ былъ убитъ. Въ субботу утром̀ъ, въ шесть часовъ, десять русскихъ корпусовъ пѣхоты двинулись разом̀ъ, покровительствуемые ужасной кононадой, которая была бы еще

опустошительнѣе, если бъ гранаты могли достигать своей цѣли. Съ своей стороны турки направили на приближавшихся русскихъ, правильную и смертельную стрѣльбу. Но русскія войска продолжали приближаться и успѣли пройти холмъ, раздѣлявшій позицію противниковъ. Въ тоже время русскіе отдѣлили часть своихъ войскъ для нападенія на правое крыло турокъ. Въ теченіи двухъ часовъ, подъ убійственнымъ огнемъ русской артиллеріи, турки оставались при своихъ орудіяхъ и не смотря на огромныя, понесенныя ими потери, выказали безпримѣрную храбрость. Искусство съ каторымъ русскіе выбрали себѣ мѣсто, спустившись и пройдя холмомъ, и быстрота, съ которой они воздвигали окопы, поистинѣ были изумительныя. Иначе, ихъ потери были бы огромны, въ виду того непрерывнаго огня, который былъ направленъ на нихъ со стороны турокъ. Въ десять часовъ, русскіе установили на вершинѣ холма четыре полевыя пушки, съ помощію которыхъ они могли громить фронтъ турокъ. Начиная съ этой минуты, потери турокъ стали дѣлаться чувствительными; люди безпрестанно падали и турецкая артиллерія была сбита, и пѣхота такимъ образомъ оказалась открытой, безъ всякой поддержки, для ужасной непріятельской стрѣльбы. Въ теченіи болѣе двадцати минутъ, оттоманскія войска сопротивлялись съ необыкновеннымъ мужествомъ, этому новому нападенію, и въ эту именно минуту ихъ командиръ Махометъ-паша палъ, со шпагой въ рукѣ и впереди своихъ солдатъ. Справедливость требуетъ прибавить, что турецкіе офицеры подражали удали своего предводителя и не устанно ободряли своихъ солдатъ во все

продолженіе этой отчаянной борьбы. Къ довершенію несчастія, оказался недостатокъ въ военныхъ снарядахъ и огонь кавалеріи и артиллеріи сталъ очень неправильнымъ. Въ 9 час. 45 мин. русская артиллерія буквально скосила почву; русскія гранаты падали, какъ градины. Затѣмъ они энерически сдѣлали обширное движеніе, предшествуемые дождемъ выстрѣловъ, которые дѣлали широкія прорѣхи въ турецкой линіи и уничтожали первые ряды. Послѣ этого для турокъ стало уже невозможно держаться на занимавшей ими позиціи.

Возвышенность вся была покрыта грудами мертвыхъ тѣлъ, а уцѣлевшіе должны были отступить передъ русскими въ 11 час. 45-ть мин. Нападеніе русской кавалеріи завершило пораженіе противника. У турокъ взято въ плѣнъ 350 человѣкъ. Число убитыхъ и раненыхъ простиралось до тысячи. Если англійскій генералъ Кембалль спасся, это только благодаря быстротѣ бѣга его лошади, потому что казаки употребляли величайшія усилія, чтобы взять его въ плѣнъ, замѣтивъ, что турками командовалъ англійскій офицеръ.

Сраженіе на Дромдагскихъ высотахъ, 4-го іюня.

Съ самаго дня перехода за границу Эриванскаго отряда; турецкія войска постоянно, при приближеніи нашемъ, отступали, бросая одну за другой только что укрѣпленныя позиціи; наконецъ, 4-го іюня, собравшись въ значительныхъ силахъ, рѣшились встрѣтить насъ въ укрѣпленной позиціи на Дромдагскихъ высотахъ, около аула Даяръ, на 20-ти верстахъ не допустивъ насъ до

Кара-Дербента, гдѣ только мы и предполагали встрѣтить непріятеля. Еще наканунѣ 3-го іюня, авангардъ нашего небольшаго отряда замѣтилъ намѣреніе турокъ дать сраженіе и потому, до прихода главныхъ силъ, остановился не далѣе 5-ти верстъ, въ виду непріятеля; къ 3-мъ часамъ пополудни весь отрядъ подошелъ къ авангарду, но начинать такъ поздно бой не представлялось выгодъ, поэтому отрядъ и расположился бивуакомъ на ночлегъ. По авангарду турецкая артиллерія сдѣлала нѣсколько выстрѣловъ; наша конная баттарея отвѣтила, и тѣмъ, на этотъ разъ дѣло и кончилось. Расположившись на ночлегъ, всѣ спѣшили на позицію, занятую впереди насъ турецкими войсками. При обзорѣ оказалось превосходно выбранная позиція; нельзя было назвать ее вполнѣ идеальною, но во всякомъ случаѣ она заслуживала названіе малодоступной, весьма сильной и докрайности удобной обороны; только твердыни возвышенностей, доходящихъ до 8-ми тысячъ футовъ высоты, могли образовать подобную позицію, во всякомъ случаѣ весьма рѣдко встрѣчающуюся на мѣстности даже гористой.

Сочетаніе мѣстности представляетъ слѣдующую позицію: прежде всего обращаетъ на себя вниманіе фронтъ ея, лежащій въ 5-ти верстахъ отъ занимавшей нами позиціи, какъ разъ по пути наступленія перпендикулярно къ дорогѣ, съ сѣвера на югъ. Позиція образовывала собою кряжъ; сѣдловина его у дороги; къ правому флангу примыкали двѣ возвышенности, длинным хребтомъ своимъ перпендекулярныя въ позиціи, а фронтомъ скатовъ обращенныхъ къ дорогѣ, ведущей отъ насъ къ цен-

тру позиціи; по правую сторону этой возвышенности у самаго подножія ихъ былъ глубокій оврагъ съ крутыми спусками; отъ дороги къ лѣвому флангу непріятельской позиціи, отъ центра, шло продолженіе хребта горъ постепенно повышавшагося и на конецъ хребетъ доходитъ до высшей точки, образуя вершину горы, которая командовала надъ всей впереди лежащей мѣстностью; отъ вершины кряжъ шелъ влѣво; далѣе въ уровень съ нею; передъ позиціей непріятеля въ разстояніи отъ 200 до 400 шаговъ, пролегалъ глубокій оврагъ съ обрывистыми кряжами; вся мѣстность впереди позиціи, какъ до оврага, такъ и за нимъ была открыта на дальній ружейный выстрѣлъ; поэтому путь наступленія на центръ непріятельской позиціи, при настоящемъ развитіи ружейнаго огня, былъ-бы немыслимъ, такъ какъ нашимъ войскамъ пришлось-бы спускаться къ оврагу и подыматься, перейдя его; но фронтъ турецкой позиціи, на совершенно открытой мѣстности, сильно обстрѣливаемый изъ-за возвышенностей, занятыхъ непріятельскими войсками. Изъ сказаннаго видно, что позиція сама по себѣ представляла много выгодъ для обороны, но къ тому же еще она, по всему своему протяженію, была искусственно укрѣплена длинными вырытыми въ землѣ траншеями *), гдѣ можно помѣститься тремъ тысячамъ стрѣлковъ. Въ центрѣ позиціи, правѣе дороги, была вырыта баттарея, въ которой помѣщались два круповскія орудія; другія пять орудій были разставлены по долинѣ всей позиціи. Подобную позицію, какъ оказа-

*) Траншея: длинный сухой ровъ служащій подступомъ къ укрѣпленію.

лось впослѣдствіи, турки оборопяли 16-ю батальонами пѣхоты при 7-ми орудіяхъ съ значительною массою кавалеріи регулярной и иррегулярной,

При такихъ выгодныхъ для непріятеля условіяхъ, нашему небольшому отряду, пришлось аттаковать и завладѣть едва доступною позиціей, при значительномъ превосходствѣ (въ численности) силъ непріятеля; мы оказались сильнѣе только въ артиллеріи; съ нашей стороны могли дѣйствовать 30-ть орудій; но они, за неимѣніемъ удобныхъ позицій, всѣ немогли принять участія въ бою и дѣйствовали только 24-ре орудія.

Несмотря на крѣпость позиціи непріятеля и превосходство его силъ, Эриванскій отрядъ, въ 7 часовъ утра, 4-го іюня, былъ готовъ къ наступленію. 9-ти фунтовая баттарея 19-й бригады заняла позицію на хребтѣ возвышенности около нашего бивуака; вся пѣхота въ количествѣ 24-хъ ротъ, построившись по-баталіонно въ колонны, по диспозиціи, двинулась впередъ. Какъ только наша первая баталіонная колонна показалась изъ-за возвышенности, немедленно грянулъ непріятельскій орудійный выстрѣлъ; граната ударила въ гору, разорвалась между разамкнутыми ротами Крымцевъ, но не причинила никому вреда; бой начался: наша 9-ти фунтовая баттарея, въ отвѣтъ непріятельскимъ, начала направлять выстрѣлы на турецкія баттареи; выстрѣлы непріятельскихъ орудій все болѣе и болѣе усиливались, направляясь по спускавшимся съ горы нашимъ баттареямъ и по пѣхотнымъ колоннамъ; гранаты бороздили землю вокругъ нашихъ войскъ; видно было, что непріятель заранѣе опредѣлилъ дистанціи до разныхъ

пунктовъ дороги, по которой должны были проходить наши войска и потому стрѣляли въ насъ на-вѣрняка; выстрѣлы ихъ орудій были направлены съ разу весьма мѣтко, но по счастію, не приносили намъ вреда. Движеніе нашихъ войскъ впередъ было замедлено крутыми спусками и подъемами, дурною дорогою, неудобною для движенія артиллеріи, поэтому дорогу пришлось исправлять подъ выстрѣлами непріятеля и орудія втаскивать на крутые подъемы при помощи пѣхоты.

Спустя часъ отъ начала нашего движенія съ бивуака, одна изъ нашихъ пѣшихъ баттарей, слѣдовавшая впереди остальныхъ, наконецъ могла занять не совсѣмъ удобную позицію и открыть огонь по баттареѣ непріятеля. Колонны нашей пѣхоты, мало по-малу, пріодолѣвъ мѣстныя препятствія, разошлись по диспозиціи на свои мѣста; тѣмъ временемъ конная баттарея успѣла тоже преодолѣть препятствія, и выѣхавъ, заняла позицію нѣсколько впереди и лѣвѣе пѣшей баттареи; въ это время кононада получила полное развитіе; на непріятельскіе выстрѣлы съ нашей стороны стали отвѣчать 20 орудій; огонь обѣихъ сторонъ все болѣе и болѣе усиливался; стали въ нашихъ баттареяхъ появляться убитыя лошади и раненые люди изъ числа прислуги, надъ пѣхотными колоннами то и дѣло разрывались гранаты, осыпая ихъ градомъ осколковъ; гранаты турецкихъ баттарей бороздили землю по всѣмъ направленіямъ, ложились весьма мѣтко вблизи орудій и пѣхотныхъ частей; весьма многія изъ нихъ, засѣдая въ землѣ, не разрывались вовсе поэтому особенно сильнаго вреда намъ не причиняли; по нашимъ наблюде-

ніямъ, изъ всего выпущеннаго числа непріятельскихъ снарядовъ разорвалось не болѣе одной трети, остальныя же разрыву не подвергались; особенно мало рвалось картечныхъ гранатъ; изъ нихъ разорвалось надъ нашими головами не болѣе пяти штукъ, впрочемъ, и эти при своемъ разрывѣ не причинили никому вреда, напротивъ того, снаряды нашей артиллеріи, за весьма рѣдкими исключеньями разрывались, ложась замѣчательно мѣтко, зачастую въ самые окопы, окружавшіе непріятельскія баттареи. Всѣ обратили вниманіе на то, что 6-ти фунт. круповскія турецкія орудія бьютъ весьма мѣтко и чрезвычайно далеко, снаряды ихъ имѣли полетъ весьма быстрый; но при разрывѣ, вѣроятно, отъ сильнаго гранатнаго разрыва, осколки разносились въ стороны и не причиняли особеннаго вреда.

Пока продолжался выѣздъ нашихъ баттарей на позиціи и гремѣла кононада, пѣхотные батальоны, предназначенные для аттаки непріятельской позиціи, разсматривали окружавшую мѣстность и, спокойно въ замѣчательномъ порядкѣ и стройности, несмотря на гористую мѣстность, подвигались по избранному направленію, пользуясь мѣстнымъ прикрытіемъ для избѣжанія напрасныхъ потерь. Крымцы вправо, ставропольцы влѣво начали занимать выгодныя для наступленія вершины; турецкіе стрѣлки, засѣвшіе въ траншеяхъ и за естественными закрытіями, все пока молчали, когда же наши стрѣлки, разсыпавшись, стали занимать удобныя мѣста для обстрѣливанія непріятеля позиціи, тогда только турки не выдержали и открыли по всей линіи такой ружейный огонь, который трудно представить и тѣмъ болѣе описать; это была

дробь, подобная раскатамъ грома, но только безъ перерыва впродолженіи четверти часа; градъ пущенныхъ пуль осыпалъ все пространство, занятое нашими войсками; наши стрѣлки, на оборотъ, во время такой гремучки не стрѣляли, а только любовались безполезной турецкой трескатней, въ сущности не наносившей нашимъ особеннаго вреда; но за то, какъ только турецкій огонь смолкалъ, начался огонь нашихъ стрѣлковъ, медленный одиночный огонь; стрѣлки приноровливались къ полету пуль и соображали дальность разстоянія, для вѣрной установки прицѣловъ.

Туркамъ всѣ разстоянія, конечно, заранѣе были извѣстны и потому, при приближеніи нашихъ пѣхотныхъ частей, они стрѣляли на-вѣрняка. Съ этого времени огонь турецкой пѣхоты не умолкалъ, по временамъ ослабѣвалъ, но больше оглушительно трещалъ.

Послѣ открытія огня пѣхотою, выѣхала на позицію молодецкая 5-я баттарея 19-й бригады и, ставъ на правомъ флангѣ нашего расположенія, на высотѣ почти равной той, на которой стояла турецкая баттарея и находились траншеи для стрѣлковъ, открыла по нимъ мѣткій огонь и заставила вывести круповскія орудія изъ турецкой устроенной баттареи; въ то же время первая 9-ти фунт. баттарея спустилась съ горы, близь бивуака, на которой до того времени оставалась и стрѣляла по непріятелю черезъ наши головы, и заняла позицію, на которой до ея прихода стояла конная баттарея; съ этого времени наши баттареи сгруппировались на разстояніи не болѣе двухсотъ саженей; за неимѣніемъ удобнаго мѣста всѣ орудія дѣйствовать не могли, по этому на позиціяхъ

видны были смѣшанныя баттареи, такъ напримѣръ: стояли двѣ конныхъ и четыре пѣшихъ рядомъ; 4-я баттарея 19-й бригады должна была оставить позицію и, съѣхавъ внизъ стать въ резервѣ. Эта баттарея, также какъ первая выѣхала на позицію, которая была не совсѣмъ удобна для дѣйствія.

Турки, расчитывая на превосходство своихъ силъ въ пѣхотѣ, рѣшились обойти нашъ правый флангъ, вѣроятно, съ цѣлью занять ближайшія высоты и съ нихъ начать поражать наши баттареи во флангъ, но къ удивленію ихъ, этотъ обходъ былъ предусмотрѣнъ раньше и высоты были заняты двумя ротами Крымскаго полка, которыя встрѣтили обходившіе турецкіе батальоны, правда, не взбалмошнымъ, но мѣткимъ, рѣдкимъ огнемъ. Это обстоятельство заставило турецкіе батальоны разочароваться въ геніальности обхода нашего праваго фланга и отказаться отъ такого прекраснаго намѣренія, въ замѣнъ же того постарались скорѣе укрыться за мѣстностью, сильно предпочитая безопасное мѣстечко. Не въ обычаѣ правовѣрныхъ драться внѣ окоповъ; статья эта признается ихъ страной крайнѣ не благоразумною.

На лѣвомъ флангѣ нашей позиціи два батальона Ставрапольскаго полка, занявъ боковой гребень ближайшей высоты къ сторонѣ непріятельской позиціи, долго вели перестрѣлку съ траншейными стрѣлками и затруднялись занять гребень вершины, имѣя противу себя превосходныя силы; поэтому на подкрѣпленіе ставропольцевъ былъ направленъ 3-й батальонъ Крымскаго полка. Въ это время у насъ не осталось въ резервѣ ни одной пѣхотной части: всѣ находились въ первой боевой

линіи. Какъ только батальонъ крымцевъ сталъ подходить къ лѣвой возвышенности, занятой ставрапольцами, по немъ изъ турецкихъ траншей, находившихся на правой оконечности непріятельской позиціи, былъ пущенъ градъ пуль; все вниманіе турокъ было обращено на этотъ вновь появившійся батальонъ, для обхода ихъ праваго фланга. Этимъ моментомъ ставропольцы прекрасно воспользовались; кинулись впередъ и заняли гребень высоты, съ котораго было удобно поражать турокъ вправо и влѣво; увидя такое неудобство, турки, не пытаясь отнять вершину, предпочли отступить, дрогнули, бросили траншеи и въ разсыпную обратились въ бѣгство.

Наша пѣхота дружно стала преслѣдовать бѣгущихъ, нанося имъ сильнѣйшій вредъ.

На нашемъ правомъ флангѣ, въ одно время съ лѣвымъ, турки также стали отступать; поэтому вся наша первая линія двинулась впередъ; выѣхали на правую и лѣвую возвышенности по взводу отъ ракетной баттареи и стали посылать отступающимъ туркамъ ракеты; онѣ, видимо, произвели моральное впечатлѣніе, обнаружившееся тѣмъ, что отступленіе перешло въ безпорядочное бѣгство.

Вѣроятно, турки, предвидя опасность настоятельно обороняться противъ нашихъ войскъ, заранѣе отправили обозъ и артиллерію назадъ и потому могли быстро отступать по нѣсколькимъ дорогамъ, такъ что пѣхота наша не могла далеко продолжать наступленія съ преслѣдованіемъ; кавалерія наша опоздала выѣхать впередъ и потому окончательнаго пораженія нанести не могли, такъ какъ ушедшая непріятельская пѣхота, достаточно

удалившись, имѣла возможность устроиться и стать въ порядкѣ, почему, когда кавалерія выѣхала впередъ, турки отступили въ порядкѣ и даже стрѣляли изъ орудій.

Принимая въ разсчетъ крѣпость непріятельской позиціи, превосходство въ численности ихъ силъ и шестичасовой огонь турецкой артиллеріи и пѣхоты, оказывается, что побѣда сравнительно стоила намъ не дорого весь уронъ нашъ состоялъ выбывшими изъ строя до 150 человѣкъ нижнихъ чиновъ и 3-хъ офицеровъ.

Турки оставили на мѣстѣ 86-ть человѣкъ убитыхъ и 15 раненыхъ, которыхъ не успѣли забрать при своемъ отступленіи. Нашими взято еще три человѣка въ плѣнъ; по показаніямъ раненыхъ и плѣнныхъ, турки понесли громадныя потери пріимущественно отъ дѣйствія нашей артиллеріи; жаловались особенно на нашу 9-фунт. батарею и 5-ю четырехъ-фунтовую, которая имѣла отличную позицію. При помощи жителей турки убирали своихъ раненыхъ и убитыхъ.

Когда наши войска заняли непріятельскія траншеи, то всѣхъ удивило количество мѣдныхъ гильзъ, покрывшихъ дно траншеи на четверть аршина изъ этого видно, что турки не скупились расходовать патроны англійскаго издѣлія; этого добра англичане доставляли имъ видимо въ изобиліи.

Турецкою артиллеріею управлялъ англійскій полковникъ, который за это поплатился жестоко, получивъ тяжелую рану осколкомъ нашей гранаты.

Больше всѣхъ потерпѣлъ уронъ съ нашей стороны 4-й батальонъ Крымскаго полка; въ этомъ батальонѣ оказались ранеными: командиръ батальона маіоръ Свѣт-

ницкій и до 50-ти нижнихъ чиновъ выбыло изъ строя; и этотъ уронъ понесенъ въ какихъ-нибудь десять минутъ.

Санитарный отрядъ, священники и состоящія при отрядѣ сестры милосердія, удостоились полной похвалы отъ медиковъ; своимъ усердіемъ и помощію при перевязкахъ раненыхъ, они принесли огромную пользу; безъ нихъ, по отзыву медиковъ перевязка шла бы гораздо продолжительнѣе.

Полковые священники Крымскаго и Драгунскаго полковъ находились впереди перевязочныхъ пунктовъ, встрѣчали раненыхъ подъ выстрѣлами непріятельскими, поили ихъ водкой и виномъ, вмѣстѣ съ тѣмъ утѣшая добрымъ словомъ; за подобное самоотверженіе и вниманіе къ раненымъ, означеные выше священники заслужили полную признательность со стороны всѣхъ раненыхъ.

Кстати слѣдуетъ упомянуть о фанатизмѣ турокъ: на одной изъ баттарей лежалъ раненый турокъ въ плечо. Когда подошли къ нему, то замѣтили, что онъ ножемъ наносилъ себѣ раны въ грудь и животъ, боясь, что русскіе, по примѣру его соотечественниковъ, будутъ его истязать; но вмѣсто того, его перевязали и немедленно отправили въ лазаретъ. Другой случай: идетъ унтеръ-офицеръ Ставропольскаго полка мимо раненаго турка, подходитъ къ нему съ цѣлью убѣдиться, живъ онъ или нѣтъ; но въ это время турокъ изъ ружья наноситъ унтеръ-офицеру рану пулею въ грудь на вылетъ и тотъ подаетъ замертво. Видя это, солдаты наши остервенились настолько, что закололи этого злаго фанатика.

Собравъ всѣхъ раненыхъ, своихъ и турокъ, перевязали и отправили ихъ для дальнѣйшаго пользованія въ под-

вижные госпитали, находившіеся въ тылу нашего наступленія.

Всѣхъ убитыхъ собрали и въ присутствіи всего отряда съ панихидой и военными почестями, при пальбѣ орудій, предали землѣ въ одной общей могилѣ. Міръ праху вашему, добрые воины, ставшіе на защиту угнетеннаго христіанства: вся Россія искренно молится за васъ.

Турки, сбитые нами съ позиціи, отступили на 12-ть верстъ къ Саганлугу и, получивъ значительное подкрѣпленіе, снова укрѣплялись на этой позиціи.

Главныя силы нашего Кавказскаго дѣйствующаго корпуса, въ это время, окончивъ обложеніе Карса, приступили къ устройству нѣсколькихъ баттарей противъ сѣверныхъ фортовъ: Мухлиса, Арабъ-табіи и Кардагана.

Гарнизонъ крѣпости, желая убѣдится въ силѣ обложенія и въ предпринимавшихъ нами роботахъ, произвелъ 3-го іюня сильную вылазку, въ составѣ 10-ти баталіоновъ съ двумя баттареями, къ сѣверо-западу отъ Карса и гдѣ, расположена была правая колонна нашихъ войскъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Геймана.

Послѣ небольшой перестрѣлки, турки были выбиты съ занятыхъ ими Чифтликскихъ высотъ — штыками, и отступили, преслѣдуемые подоспѣвшею кавалерійскою колоною и конною баттареею, которыя обратили отступленіе ихъ въ бѣгство. Уронъ непріятеля при этой вылазкѣ простирался до 200 убитыми и 250 ранеными, но и наши войска, преслѣдуя противника подъ огнемъ

крѣпостныхъ карскихъ укрѣпленій, понесли также сравнительно большую потерю, лишившись 11 человѣкъ убитыми и 106 ранеными.

Къ 5-му іюня противъ упомянутыхъ фортовъ *), заложены были осадныя баттареи и въ тотъ же день было открыто бомбардированіе ихъ, продолжавшееся и въ послѣдующіе дни; непріятель отвѣчалъ слабо и потому потери наши отъ его огня были весьма ограничены.

Саганлугская экспедиція.

Въ среду, 8-го іюня, было объявлено, что командующій корпусомъ генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ уѣзжаетъ въ лагерь генерала Геймана съ тѣмъ, чтобъ на другой день предпринять движеніе на *Саганлугъ*, а потомъ на *Эрзерумъ*, если обстоятельства по благопріятствуютъ.

Не зная въ точности побудительныхъ причинъ этого движенія, нетрудно было, однако, догадаться, что оно направлено противъ Мухтаръ-паши, съ цѣлью или разбить его, или заставить отойти подальше отъ Карса на время рѣшительныхъ дѣйствій у этой крѣпости.

— Приведите къ намъ Мухтарку, говорили одни, обращаясь къ отъѣзжавшимъ.

— Лишь бы не уѣхалъ! Турки не такіе дураки; чтобъ принять сраженіе. Мухтаръ-паша отойдетъ къ Эрзеруму, и мы только напрасно прогуляемся. Повѣрьте, ничего не выйдетъ.

Въ такомъ родѣ большею частью отвѣчали отъѣзжавшіе.

*) Отдѣльныхъ укрѣпленій.

— А въ такимъ случаѣ мы возьмемъ Эрзерумъ, прибавили другіе и тогда Карсъ самъ собою падетъ.

— Ну, батюшка, до Эрзерума далеко! А вотъ мы безъ васъ Карсъ возьмемъ, такъ это вѣрно, утѣшались остававшіеся.

— Ради Бога, не берите Карсъ до нашего возвращенія.

Такіе разговоры слышались повсюду, что весьма охарактеризовывало общее настроеніе нашихъ бойцевъ и взглядъ большинства на турокъ.

Упоенные несказанно легкимъ успѣхомъ при Ардаганѣ и въ другихъ дѣйствіяхъ, войска ни во что уже ставили борьбу съ турками и только удивлялись, почему медлятъ и не ведутъ ихъ на штурмъ Карса, или отчего церемонятся съ Мухтаръ-пашою, безнаказанно разгуливавшимъ по Саганлугу.

Прошло уже болѣе мѣсяца со времени взятія Ардагана, а главныя силы дѣйствующаго корпуса стояли или кружились съ тѣхъ поръ въ виду Карса. Такое замедленіе приписывалось самымъ сторонним причинамъ, не имѣвшимъ ничего общаго съ стратегіей и тактикой. Многіе были увѣрены, что Карсъ могъ быть давно въ нашей власти, а войска Мухтаръ-паши разбѣжались-бы, еслибъ мы захотѣли занять Эрзерумъ.

Часовъ въ пять дня всѣ назначенные тронулись въ путь сопровождаемые пожеланіемъ успѣха и дружескими пожатіями руки. Еще разъ отъѣзжавшіе совершили хорошо знакомый путь кругомъ западной стороны карскихъ укрѣпленій. Съ Чалгаурскихъ высотъ очень хорошо видно было дѣйствіе нашихъ осадныхъ баттарей, сооруженныхъ противъ Карадага, Арабъ-Табіи и отчасти Мухлиса.

Всѣ любовались, какъ ловко нѣкоторые снаряды взрывались на валахъ и исходящихъ углахъ непріятелькихъ бастіоновъ *). Особенно доставалось Арабу, который въ этотъ день былъ довольно сдержанъ и только изрѣдка бѣлый клубокъ дыма показывалъ, что орудія этого грознаго укрѣпленія могутъ еще потягаться съ нашими мортирами и двадцати четырехъ фунтовками, незамѣтно лежавшими за чернѣвшими брустверами баттарей.

Лагерь генерала Геймана, находившійся въ юго-западной сторонѣ Карса, у деревни Аравартана, представлялъ видъ бивуака, когда подъѣхали къ нему, часовъ въ 8-мь вечера. Палатки и всѣ тяжести были отправлены къ Мацру. Отрядъ двигался на-легкѣ, имѣя только продовольственный запасъ на 18-ть дней и подвижной лазаретъ. Тѣмъ не менѣе обозъ состоялъ изъ нѣсколькихъ сотъ повозокъ, фургоновъ и арбъ **).

Всѣхъ пріѣхавшихъ въ лагерь Геймана встрѣтили очень радушно. Отъ солдата до генерала всѣ радовались предстоящему походу. Нѣкоторыя части гренадерской дивизіи, какъ, на примѣръ, Мингрельскій полкъ, не были еще въ дѣлѣ и надѣялись наверстать свое при встрѣчѣ съ Мухтаръ-пашою.

Русскія войска не довольны бывали не тогда, когда имъ часто приходится идти на непріятеля, но тогда, когда ихъ оставляютъ въ резервѣ или при обозѣ.

Много было разсказовъ о дѣлѣ 3-го іюня, въ которомъ главнѣйшая часть досталась на долю Грузинскаго полка и особенно кавалеріи князя Чавчавадзе. Говори-

*) Бастіонъ—пяти-угольное укрѣпленіе по угламъ крѣпости.

**) Арба—двухъ-колесная тѣлега.

ли, будто турки получивъ свѣденіе, что наши войска выступили изъ Аравартана и въ лагерѣ остался только обозъ съ небольшимъ прикрытіемъ.

Обманутые этимъ извѣстіемъ, турки рѣшились сдѣлать вылазку, чтобъ завладѣть лагеремъ. Около трехъ часовъ пополудни, часть карскаго гарнизона, въ составѣ восьми батальоновъ пѣхоты и нѣсколькихъ баттарей, спустились съ Шорохскихъ высотъ и открыто подошли къ возвышенностямъ, окружавшимъ лагерь при Аравартанѣ. Этому движенію благопріятствовало отсутствіе нашего пикета, по недоразумѣнію непоставленному въ тотъ день къ сторонѣ Карса. Въ лагерѣ предавались обычнымъ занятіямъ, когда неожиданно послышались выстрѣлы и между палатками зажужжали турецкія гранаты и и пули. Ближе всѣхъ къ непріятелю находился гренадерскій Грузинскій полкъ. Не теряя времени, два батальона грузинцевъ быстро собрались и двинулись на высоты, занимавшія непріятелемъ. Стоявшія въ лагерѣ, на позиціяхъ баттареи, въ свою очередь, не замедлили открыть огонь. Четвертая легкая баттарея подполковника Калакуцкаго, снаряды которой, съ мѣста расположенія ея, не могли достигать непріятеля, быстро выдвинулась впередъ и мѣткими выстрѣлами стала поражать турецкую полевую артиллерію. Замѣтивъ наступленіе только двухъ батальоновъ, турки встрѣтили ихъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ и, вопреки обыкновенію не подавались назадъ. Тогда грузинцы ударили въ штыки и смѣло ворвались въ непріятельскіе ряды, принудивъ отступить ближайшіе батальоны и отодвинуть стрѣлявшія по лагерю баттареи. Въ это время, въ подкрѣ-

пленіе грузинцамъ, стали выходить другія части гренадерской дивизіи, а на лѣвомъ флангѣ турецкихъ войскъ показалась наша кавалерія. Говорили, что генералъ Гейманъ нарочно медлилъ отбитіемъ турокъ, желая ихъ „заманить“ подальше отъ крѣпостныхъ верковъ *) и дать возможность нашей кавалеріи обойти ихъ съ тыла или съ фланга.

— Я отъучу ихъ дѣлать вылазки! сказалъ генералъ Гейманъ, выразивъ даже неудовольствіе, что грузинцы и четвертая баттарея черезчуръ горячо и не ожидая приказанія, бросились на непріятеля.

Во всякомъ случаѣ, трудно обвинять части, незамедлившія броситься на непріятеля при неожиданномъ нападеніи его на лагерь, если это нападеніе было предвидѣно, слѣдовало предупредить начальниковъ частей и сдѣлать соотвѣтственныя распоряженія; выжиданіе приказаній очень часто губитъ судьбу не только сраженій, но и цѣлыхъ компаній. Какъ бы то ни было, кавалерія совершенно своевременно появилась на лѣвомъ флангѣ турокъ.

Кавалерійская дивизія князя Чавчавадзе расположена была въ нѣсколькихъ верстахъ отъ аравартанскаго лагеря. Узнавъ о вылазкѣ, части карскаго гарнизона, князь Чавчавадзе двинулся съ нижегородскими и сѣверскими драгунскими полками и нѣсколькими сотнями казаковъ. Сѣверскіе драгуны были значительно впереди и потому первые могли появиться въ виду непріятеля. Въ это время турки начали уже отступать, понявъ ловушку, въ которую попались. Впереди ихъ строя

*) Верки—отдѣльныя части укрѣпленій.

разсыпана была густая цѣпь изъ двухъ батальоновъ; за ними отходили назадъ, въ совершенномъ порядкѣ, сомкнутыя части остальной пѣхоты.

Все отступленіе прекрывалось жаркимъ огнемъ полевыхъ баттарей и выстрѣлами крѣпостныхъ орудій съ трехъ бастіоновъ, расположенныхъ на Шорахскихъ высотахъ. Всего палило, по крайнѣй мѣрѣ, пятьдесятъ орудій. Не взирая на этотъ страшный огонь, храбрые сѣверцы не задумались аттаковать непріятеля. Неровная, волнообразная мѣстность неособенно была благопріятна для дѣйствія кавалеріи. Сверхъ того, почва у Карса, какъ и вездѣ въ этой части Малой Азіи, щедро усѣяна камнями, иногда незамѣтно скрытыми въ густой травѣ. При непривычкѣ или слабости ногъ лошади, самому ловкому кавалеристу, въ время быстрой скачки, легко свалиться вмѣстѣ съ конемъ.

И вотъ, несмотря на неровность мѣстности, подъ градомъ гранатъ, обсыпаемые батальонымъ огнемъ пѣхоты и выстрѣлами засѣвшихъ за камнями стрѣлковъ, сѣверцы не удержимо кинулись на непріятельскій флангъ и передовую цѣпь турокъ.

Очевидцы, любовавшіеся этою аттакою, передавали, что молодецкое дѣло было совершено въ такомъ порядкѣ, какой не всегда можно встрѣтить даже на маневрахъ и парадахъ.

Два турецкіе батальона, находившіеся въ цѣпи, были охвачены и буквально изрублены драгунами. Остальные вмѣстѣ съ полевыми баттареями быстро отступили подъ покровъ ближайшаго орудійнаго выстрѣла съ Шораховскихъ укрѣпленій. Драгуны потеряли 6-ть убитыми и

27-мь ранеными нижнихъ чиновъ. Легко ранены два офицера. Около шестидесяти лошадей выбыло изъ строя, въ томъ числѣ нѣсколько офицерскихъ. Замѣчательно, что всякій разъ, какъ падала лошадь подъ офицеромъ, солдаты быстро спѣшивались и предлагали своихъ коней, оставаясь на мѣстѣ боя съ ружьемъ въ рукахъ. Только одного офицера, подъ которымъ убита была лошадь, подхватилъ на свое сѣдло другой офицеръ, прежде, нежели успѣли это сдѣлать солдаты. Это характеризуетъ отношенія солдатъ къ тѣмъ офицерамъ, которыхъ они любятъ и уважаютъ, которые всегда впереди....

Скоро турки скрылись за крѣпостными верками, усѣявъ поле битвы тѣлами своихъ менѣе счастливыхъ товарищей. Наша потеря, сравнительно, была не велика, кромѣ приведенной убыли въ сѣверскомъ драгунскомъ полку, выбыло изъ строя грузинскихъ батальоновъ около ста человѣкъ.

Вообще дѣло 3-го іюня можно считать однимъ изъ славнѣйшихъ подвиговъ русской кавалеріи. Оно опровергаетъ нерѣдко высказываемое мнѣніе, что въ настоящее время кавалерійская служба мыслима только на аванпостахъ, да развѣ при преслѣдованіи бѣгущаго непріятеля. Удалые сѣверцы доказали, что лихая кавалерія можетъ нанести рѣшительный ударъ непріятелю, вовсе неразстроенному боемъ и правильно отступающему, и, притомъ, подъ жаркимъ ружейнымъ и орудійнымъ огнемъ.

Передавая, въ краткихъ словахъ, это удачное дѣло, нельзя умолчать о фактѣ, которому трудно было бы повѣрить, если-бъ онъ не подтверждался самымъ очевиднымъ образомъ. Между оставшимися на полѣ битвы

непріятельскими тѣлами оказалось нѣсколько женщинъ. Одна изъ нихъ была очень молода и красива, что не помѣшало, а быть можетъ, и подвинуло карапапаховъ самымъ возмутительнымъ образомъ обойтись съ тѣломъ несчастной. Присутствіе женщинъ въ рядахъ защитниковъ Карса объясняютъ фанатическимъ настроеніемъ населенія этого города и тѣмъ еще обстоятельствомъ, что прекрасный полъ вообще игралъ важную роль въ дѣлахъ и судьбахъ Карса. Говорили, что всѣ базарныя волненія много завѣсили отъ настроенія тамошнихъ женщинъ. Прекрасный полъ въ Карсѣ, будто бы, не разъ требовалъ, что бы гарнизонъ вышелъ изъ крѣпости и сразился съ русскими войсками въ полѣ, не подвергая дома и жителей всѣмъ тягостямъ осады и ужасамъ, которые хорошо сохранились въ памяти карскаго населенія со времени 1855 года. Все это становится, въ разрѣзъ съ общимъ понятіемъ о положеніи женщинъ на Востокѣ.

9-го іюня русскій отрядъ былъ поднятъ очень рано. Войска съ музыкой и пѣснями, были уже въ дорогѣ; на мѣстѣ остался только аріергардъ, въ ожиданіи пока вытянутся обозъ и парки. Въ корпусномъ штабѣ снимали палатки и быстро укладывались, въ то время, какъ всѣ спѣшно глотали горячій чай, пріятно согрѣвавшій послѣ холодной ночи. Стаканы, съ блюдечками и безъ блюдечекъ, переходили изъ рукъ въ руки. Это напоминало тѣхъ гостинодворскихъ прикащиковъ, которые, урвавшись на минуту изъ лавки, „балуются чайкомъ“ на морозѣ, глазѣя на прохожихъ.

Казенные фургоны, бѣловерхія кибитки духоборцевъ,

нанятыя подъ перевозъ тяжестей, и скрипучія, запряженныя буйволами и волами двухъ-колесыя арбы медленно ползли, передъ оставшимися назади штабными офицерами, спускаясь къ рѣчкѣ и вытягиваясь на сосѣднюю возвышенность.

Послѣдняя повозка исчезла, наконецъ за горою, пропалъ изъ глазъ и обозъ корпуснаго штаба, а офицера штабные съ начальствомъ, все еще оставались мѣстѣ. Генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ сидѣлъ на складномъ стулѣ, который всегда возился за нимъ въ конвоѣ. Возлѣ командующаго корпусомъ находился начальникъ его штаба генералъ Духовской, и прочіе генералы. Далѣе, группами стояли и лежали на буркахъ различные штабные офицеры. Казаки держали на-готовѣ осѣдланыхъ лошадей.

Въ противоположность чинности и степенности начальства, въ кружкахъ штабной молодежи шелъ веселый разговоръ прерываемый усердымъ смѣхомъ.

Вдругъ все засуетились. Раздался крикъ „лошадь!“

Когда слышился крикъ „лошадь!“ это значило, что командующій корпусомъ приказалъ подавать себѣ коня; притомъ кто-нибудь изъ штабныхъ офицеровъ непремѣнно крикнетъ: „Прожненко, лошадь!“ а другой и даже третій еще громче подхватитъ: „эй, Прожненко, лошадь генералу!“ хотя Прожненко, бравый драгунъ, приставленный, въ качествѣ ординарца, смотрѣть за лошадью генералъ-адъютанта Лориса-Меликова, первый услышалъ приказаніе генерала и давно уже пробирается къ начальнику съ краснымъ гнѣдымъ конемъ въ поводу.

Вторая забота каждаго усерднаго штабнаго офицера

послѣ того, какъ раздался, подхваченъ и переданъ крикъ „лошадь!“ поскорѣе сѣсть на своего коня и изъ первыхъ присоединиться къ свитѣ командующаго корпусомъ. Поэтому, за сигнальнымъ возгласомъ на счетъ генеральской лошади, раздаются крики, требующіе другихъ, менѣе сановитыхъ лошадей. Зовутся всевозможные: Ѳоменки, Барсуки, Свистуновы, Баскаковы... Каждый офицеръ имѣетъ въ конвоѣ своего казака, котораго обязанность подать и взять во время лошадь, поддержать стремя, когда офицеръ садиться, или слѣдовать за нимъ, когда онъ отдѣлится отъ штаба для исполненія какого-нибудь порученія или передачи приказанія.

Иной и видитъ хорошо, гдѣ его лошадь, а все-таки кричитъ: „эй, Ѳоменко или Свистуновъ, лошадь!“ Поползновеніе къ властолюбію сильно развито въ человѣкѣ; еще заразительнѣе оно въ арміи. Кругомъ воля одного лица ворочаетъ тысячими, сотнями, ну хоть десятками людей, у кого нѣтъ подъ командою тысячъ, сотень, даже десятка людей, тотъ довольствуется возможностью покомандовать, хотя однимъ казакомъ, или деньщикомъ.

Перейдя въ бродъ рѣчку штабные обгоняли поднимавшіяся въ гору войска.

При приближеніи баталіоны останавливались, вытягивались въ стройные ряды и раздавалась команда: „на плечо“.

Генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ сворачивая лошадь къ фронту и, поздоровавшись съ солдатами, которые нестройною толпою слѣдуя за нимъ, началъ

привѣтствовать солдатъ, предлагая имъ иногда вопросы относительно пищи или здоровья, на что прокатывался по рядамъ молодецкій откликъ гренадеръ: „зравье желаемъ, славу Богу, ваше высокопревосходительство!"

Наконецъ показалась кавалерія. Это былъ Сѣверскій драгунскій полкъ, такъ славно отличившійся въ дѣлѣ 3-го іюня. Командующій корпусомъ особенно благодарилъ сѣверцевъ.

У многихъ офицеровъ перевязи и портупеи были забрызганы кровью, слѣды славнаго рукопашнаго боя!

Страшно было подумать, что то были слѣды человѣческой крови....

Одинъ изъ офицеровъ, указывая на эти кровавые знаки, замѣтилъ, что противно смотрѣть на себя, точно мясники, прибавилъ какъ бы въ оправданіе: въ пылу битвы перестаешь быть человѣкомъ.

Славные, храбрые люди! Они забываютъ, что каждый изъ нихъ рисковалъ жизнью, они думаютъ о томъ, что на долю ихъ выпало лишать жизни другихъ. Ужасное дѣло война!

Заиграла музыка, точно желая разогнать тяжелыя мысли. Какъ-бы ни устали люди, какъ-бы ни жарило солнце и ни душило пылью, но при стройныхъ звукахъ военнаго марша или удалой салдатской пѣсни пріободряются войска, просвѣтляются загорѣлыя лица и забываются всѣ тягости похода. Даже лошади горячатся и идутъ веселѣе, гармоническія сочетанія звука освѣжительно дѣйствуютъ и на ихъ натуру.

Впереди трубачей, на сѣрой лошади, ѣхалъ увѣсистый, плотный нѣмецъ—капельмейстеръ, усердно выводя

варіаціи и помахивая въ тактъ трубой, который также принималъ участіе въ дѣлѣ 3-го іюня.

Бравый пруссакъ вспомнивъ недавнія побѣды своихъ соотчичей и не захотѣлъ оставатся безучастнымъ зрителемъ въ лихой атакѣ сѣверцевъ.

Штабные офицера, поровнявшись съ нимъ, высказывали ему на этотъ счетъ нѣсколько любезностей. На что онъ гордо отвѣчалъ:

— „Я исполнилъ только свой долгъ, я теперь на русской службѣ, а турки такіе негодяи и звѣри!“

Храбрый капельмейстеръ въ числѣ прочихъ былъ представленъ къ наградѣ.

Къ этому славному дѣлу 3-го іюня, слѣдуетъ привести слѣдующій эпизодъ: Одинъ турецкій офицеръ изъ инженеровъ, бывшій въ Александрополѣ на смотрахъ нашихъ войскъ и нѣсколько знакомый съ русскимъ языкомъ, былъ ссаженъ нашею пулею съ лошади въ то время, когда грузинцы потѣснили турецкую цѣпь. Желая избавиться отъ плѣна, этотъ офицеръ сталъ уходить, бросая назадъ деньги, часы и другія вещи и приговаривая, что все это онъ даритъ нашимъ солдатамъ, лишь-бы они его пощадили. Онъ разсчитывалъ, очевидно, что солдатики кинутся подхватывать и дѣлить добычу и такимъ образомъ ему удастся улизнуть. Разсчетъ оказался однако ошибочнымъ. Распаленные неровнымъ боемъ гренадеры уложили турецкаго офицера на мѣстѣ и только на возвратномъ пути занялись его вещами.

Нашъ отрядъ, двигавшійся къ Саганлугу, состоялъ изъ всей Кавказской гренадерской дивизіи, Лейбъ-Эриванскій Его Величества полкъ, Грузинскій, Тифлисскій

и Мингрельскій, одного сапернаго батальона, сводной кавалерійской дивизіи князя Чавчавадзе, въ составъ которой входили два драгунскіе полка, нѣсколько казачьихъ и дагестанскихъ полковъ и принадлежащей къ этимъ дивизіямъ артиллерія.

Съ этими силами предстояло встрѣтиться съ войсками Мухтаръ-паши.

Въ прошлую войну Саганлугскій хребетъ и ведущая черезъ него главная дорога изъ Карса въ Эрзерумъ не представляли для движенія нашихъ войскъ другихъ препятствій, кромѣ физическихъ. Главнымъ образомъ приходилось бороться тогда съ трудностями подъёма на довольно высокій хребетъ по дурнымъ, мало разработаннымъ дорогамъ, а также съ холодомъ, господствующимъ на этихъ горахъ даже среди лѣта. Извѣстно, что тогдашняя стоянка нашихъ войскъ на Саганлугскомъ перевалѣ названа была сметливымъ русскимъ солдатомъ „холоднымъ лагеремъ“.

Въ настоящее время, по имѣющимся свѣдѣніямъ, Саганлугскій хребетъ, кромѣ физическихъ, представлялъ еще искуственныя препятствія. Мухтаръ-паша, или Мухтарка, какъ его обыкновенно называли, имѣлъ гдѣ-то на склонѣ Саганлуга, укрѣпленный лагерь, откуда онъ съ удобствомъ могъ дѣйствовать на помощь карскому гарнизону, или препятствовать нашимъ операціямъ, если-бъ онѣ имѣли цѣлью занятіе Эрзерума.

Въ точности не было извѣстно, какою цѣлью руководствовался Мухтаръ-паша, оставляя Карсъ, но въ поступкѣ этомъ нельзя не видѣть нѣкоторой опытности въ военномъ дѣлѣ. Мухтаръ-паша, очевидно, не за-

хотѣлъ повторить ошибку, сдѣланную турками въ 1855 году, когда почти вся анатолійская армія заперлась въ Карсѣ, благодаря чему взятіе этой крѣпости сдѣлалось равносильнымъ завоеванію почти всей Малой Азіи, или, по крайней мѣрѣ, всей восточной ея половины.

Въ нынѣшнюю войну, несмотря на ардаганскій погромъ, турецкій главнокомандующій, извѣстіе о смѣнѣ котораго еще не потверждалось, не потерялъ головы.

При приближеніи нашихъ войскъ къ Карсу, Мухтаръ-паша немедленно выступилъ оттуда съ восемью батальонами пѣхоты и большею частью кавалеріи, оставивъ въ Карсѣ достаточно сильный горнизонъ для защиты первоклассныхъ укрѣпленій, окружавшихъ этотъ городъ.

Взятіе Карса не составляетъ, поэтому, альфы и омеги нынѣшней компаніи; но вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя и не считаться съ такою важною крѣпостью, въ случаѣ движенія на Эрзерумъ, противъ Мухтаръ-паши. Во всякомъ случаѣ, Мухтаръ-паша поставилъ насъ въ такое положеніе: осаждая Карсъ, мы ежеминутно должны оглядываться на Саганлугъ, не предпринимаетъ ли непріятель какой-нибудь диверсіи на помощь осажденному гарнизону, или на одинъ изъ нашихъ побочныхъ отрядовъ; двигаясь же противъ корпуса Мухтаръ-паши, мы не могли оставить безъ наблюденія Карсъ, горнизонъ котораго простирался, по имѣвшимся свѣдѣніямъ отъ 15-ти до 20-ти тысячъ человѣкъ.

Все это показывало, что Мухтаръ-паша далеко не дюженный полководецъ.

День склонялся уже къ вечеру, когда войска прибыли на мѣсто, называемое „урочище Мелюдюзъ“.

Это было довольно обширное плато, представляющее всѣ условія для того, что на военномъ языкѣ именуется хорошею позиціей. Влѣво отъ насъ виднѣлись только что пройденныя лѣсистыя вершины Саганлуга; впереди же крутой, почти обрывистый спускъ, открывшій, въ видѣ разширяющагося, окаймленнаго своими рощами ущелья, обширную, волнообразную мѣстность, которая, протянувшись причудливыми холмами и террассами, оканчивалась на дальнемъ горизонтѣ высокою цѣпью горъ. Въ сѣверной части этого горнаго кряжа увидѣли нашего знакомца: тотъ самый пирамидальный пикъ, который привлекалъ наши взоры наканунѣ у Саракамыша. Обойдя этотъ пикъ слѣва, глядѣли на него теперь съ другой стороны.

Въ то время, какъ многіе любовались живописною картиною, разстилавшеюся у подножья мелидюзскаго плато, между высшими лицами штаба замѣчалось особое оживленіе. Бинокли переходили изъ рукъ въ руки; командующій корпусомъ слѣзъ съ копя и отошелъ въ сторону съ генераломъ Гейманомъ и начальникомъ штаба. Кавалерія, шедшая впереди, остановилась у противоположной окрайны плато, а остававшіеся позади батальоны, одинъ за другимъ, подходили съ музыкой и пѣснями.

— Почему остановились, слышался говоръ, развѣ здѣсь будетъ лагерь?

— Турки видны! раздался вдругъ неожиданный отвѣтъ.

— Гдѣ, гдѣ?

— А вотъ, смотрите, дымъ на право, внизу это ихъ

лагерь; а вотъ еще другой лагерь на горѣ прямо противъ насъ; это, опять-таки турки.

Дымъ поднимавшійся направо, верстахъ въ пятнадцати, былъ явственно замѣтенъ даже безъ бинокля; другой же лагерь никакъ не могли точно разглядѣть, такъ какъ, по разсказамъ, онъ былъ расположенъ на одной изъ террасъ самыхъ отдаленныхъ горъ, въ разщелинахъ которыхъ было еще много снѣга; этотъ снѣгъ, при настроенномъ на воинственный ладъ воображеніи, легко было принять за палатки.

— Ну, что видите? Вотъ правѣе отъ сѣдловины, прямо внизъ и немножко влѣво... Да вы не туда смотрите! Станьте сюда.... Видите теперь?

— Вижу, вижу, отвѣчалъ одинъ изъ присутствовавшихъ, другому, хотя, въ сущности, ничего не видѣлъ.

— Такъ вотъ это и есть лагерь Мухтарки....

— А не Тергукасовъ-ли это?

— Нѣтъ; Тергукасовъ дальше, за горами.

— А направо, гдѣ дымитъ, что у нихъ такое?

— Это укрѣпленный лагерь при Зевинѣ. Тамъ только нѣсколько батальоновъ, подъ начальствомъ какого-то Измаилки-паши или Беги-паши.

— Должно быть, Беги, потому что, какъ прійдется бѣжать, такого пашу впереди хорошо имѣть.

— Ну, господа, сегодня безъ палатокъ будемъ.

— Это почему?

— Обозъ далеко... Мы вѣроятно, не будемъ ждать, и ночью пойдемъ, чтобъ съ разсвѣтомъ аттаковать.

— Какъ-бы только они не замѣтили насъ и не ушли... Потому, что лучше ковалеріи бѣгутъ!

— Послѣ погрома Ардагана, остатки турецкой пѣхоты на другой день уже за 70 верстъ были.

— А тутъ еще Беги-паша!..

— Нарочно, должно быть, выбрали такого удальца...

Въ то время, когда между штабными офицерами и простыми смертными происходилъ этотъ разговоръ, оживленный ожиданіями чего-то новаго, неизвѣданнаго, начальствующія лица кончили свое совѣщаніе и во всѣ стороны поскакали офицеры генеральнаго штаба и ординарцы.

Войскамъ передавались приказанія на-счетъ бивуака.

Рѣшено было спуститься внизъ и расположиться, не доходя селенія Меджингерта. Велѣно было зажечь какъ можно болѣе костровъ и пустить заревой выстрѣлъ. Это распоряженіе, нѣкоторымъ показалось страннымъ...

Всѣ разсчитывали на неожиданное появленіе передъ турками, опасались, какъ-бы они неушли, а тутъ костры, заревой выстрѣлъ... Точно хотѣли предувѣдомить безпечныхъ турокъ о нашемъ приходѣ. Все это какъ-то не клеилось въ многихъ мысляхъ.

Когда корпусной штабъ снова тронулся въ путь, нѣкоторые изъ офицеровъ, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, подъѣхали къ генералъ-адъютанту Лорисъ-Меликову и поздравили его съ открытіемъ непріятеля. Къ общему удивленію на лицѣ командующаго корпусомъ не было и признака той радости, которая замѣчалась въ его окружавшихъ. Напротивъ, онъ смотрѣлъ сосредоточенно, почти, почти печально.

Изъ немногихъ, но вѣскихъ словъ, сказанныхъ генералъ-адъютантомъ Лорисъ-Меликовымъ, можно было понять наше положеніе. Генералъ говорилъ:

— „Быть можетъ, всемъ намъ предется здѣсь лечь“, другая фраза состояла въ слѣдующемъ: „Эхъ было хорошо, да дымомъ заволокло!“

Объясненіемъ первой фразы служилъ Зевинскій бой, вторая объяснялась исторіей нынѣшней войны.

У многихъ раскрылись глаза на истинное положеніе дѣла. Почти безпрепятственное занятіе Карскаго паша-лыка и необыкновенно удачное и быстрое взятіе такой сильной крѣпости, какъ Ардаганъ, поселили въ народѣ слишкомъ легкій, пренебрежительный взглядъ на турецкія силы. Подступая, въ началѣ мая, къ Карсу, большинство увѣрено было, что эта крѣпость также легко можетъ намъ достаться, какъ и Ардаганъ. Быть можетъ, увѣренность эта и имѣла основаніе. Турецкій гарнизонъ въ Карсѣ, какъ говорили, былъ въ паническомъ страхѣ, подъ вліяніемъ ардаганскаго погрома; Мухтаръ-паша, казалось, бросилъ его на произволъ судьбы; населеніе, нездавшее ни откуда помощи, громко, будто бы, протестовало противъ осады, требуя, чтобъ гарнизонъ или вышелъ въ открытое поле сражаться съ нами, или же сдалъ намъ городъ.

Разсказывали, будто начальникъ турецкихъ войскъ въ Карсѣ со дня на день обманывалъ жителей, что Мухтаръ-паша не сегодня завтра придетъ изъ Саганлуга и прогонитъ русскихъ; только этими, будто-бы, увѣреніями успокоивалось карское населеніе. Но, какъ бы то ни было, были или не были справедливыя подобныя надежды на возможность легкаго взятія Карса, являлись обстоятельства, заставившія насъ промедлить не менѣе мѣсяца у его стѣнъ. Этою проволочкою, какъ нельзя лучше, воспользовались турки, что доказали

успѣхи пріобрѣтенные ими на черноморской береговой линіи въ Сухумскомъ отдѣлѣ. Въ свою очередь Мухтаръ-паша не терялъ времени. Онъ быстро занялся формированіемъ сильной арміи, частью изъ мѣстнаго населенія, частью изъ подвезенныхъ ему подкрѣпленій, черезъ Трапезондъ. Кромѣ Эрзерума, Мухтаръ-паша избралъ опорнымъ пунктомъ для своей арміи сильно укрѣпленную позицію при Зевини. Устроившись, онъ главными своими силами опрокинулся на небольшой отрядъ генерала Тергукасова, черезчуръ видвинувшійся впередъ, въ то время, какъ 13-ти тысячный корпусъ турокъ, со стороны озера Вана, неожиданно подошелъ къ Баязету, занялъ этотъ городъ и осаждалъ баязетскую цитадель, въ которой заперся одинъ нашъ батальонъ, стоявшій здѣсь гарнизономъ подъ начальствомъ капитана Штоквича. Уже двѣ недѣли, какъ батальонъ этотъ геройски защищался отъ окружавшаго его непріятеля; о чемъ будетъ описано ниже сего.

Генералъ Тергукасовъ нетолько не могъ идти на выручку Баязета, но самъ вынужденъ былъ отбиваться отъ насѣдавшаго на него корпуса Мухтара-паши.

Нѣсколько дней уже сообщеніе съ Эриванскимъ отрядомъ генерала Тергукасова было прервано. Всѣ посланные были перехвачены турками или возвращались, не успѣвъ пробратся къ Тергукасаву. Обѣщена была награда въ 2,000 рублей тому, кто проникнетъ въ Эриванскій отрядъ и привезетъ оттуда извѣстіе.

При такихъ обстоятельствахъ двинулись мы за Саганлугъ.

Не охотиться „за Мухтаркой“ шли, какъ почти всѣ

думали, а освободить Эриванскій отрядъ изъ того критическаго положенія, въ которое поставилъ его турецкій главнокомандующій Мухтаръ-паша.

Оставивъ только одну дивизію подъ Карсомъ, съ осадною артиллеріею и всѣми тяжестями, намъ выпало на долю притянуть на себя превосходныя силы непріятеля, чтобъ дать возможность Эриванскому отряду отойти назадъ, на выручку Баязета.

— „Во что бы то ни стало, я освобожу Тергукасова, сказалъ генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ“.

Прошло не болѣе получаса, какъ всѣ штабные съѣхали съ плато, съ котораго радостно примѣтили турокъ, и спустились внизъ, къ мѣсту бивуака у селенія Меджингера; а между тѣмъ цѣлая пропасть отдѣляла то настроеніе, которое владѣло всѣми тогда отъ душевнаго состоянія, охватившаго насъ теперь, когда узнали истинное положеніе дѣлъ!

Войска, по прежнему, бодро и весело, съ музыкой и пѣснями, спускались въ ущелье и занимали предназначенныя имъ мѣста; притомъ думалось: кто и сколько изъ васъ, дорогіе и близкіе, ляжетъ здѣсь, кто не увидитъ своей родины, кому суждено въ послѣдній разъ глянуть завтра на Божій свѣтъ, чья мать или жена съ дѣтьми будетъ напрасно считать дни и часы, когда возваротится ея милый?...

И представлялся кабинетъ петербургскаго журналиста и въ видѣ какого-то дикаго чудовища вспоминались слова, хотя бы для того, чтобъ „новую манету подержать въ рукахъ....“

Добрую часть этой ночи всѣ провели у костровъ.

Поздно пришелъ, впрочемъ, обозъ и разбили палатки. Теперь стало понятно, почему приказано было зажечь какъ можно болѣе костровъ и сдѣлать заревой выстрѣлъ.

Однако важно было дать знать о нашемъ прибытіи и Тергукасову, и Мухтаръ-пашѣ. Присутствіе наше ободряло Тергукасова и могло принудить къ отступленію окружавшія его турецкія полчища. Силы Мухтаръ-паши исчислялись въ 45—50 батальоновъ; у насъ ихъ было только 17, считая и саперный батальонъ.

На другой день, 12-го іюня, всѣ ожидали сраженія. Первый вопросъ, бывшій почти у каждаго на устахъ: „не ушли-ли турки“? Многіе очень хорошо знали, что они не ушли и не уйдутъ, но общее настроеніе было заразительно: вчерашнія впечатлѣнія, вынесенныя изъ разговора съ командующимъ корпусомъ, показались слишкомъ преувеличенными и мрачными; черезъ нѣсколько часовъ тоже думалось, что турки не посмѣютъ принять сраженіе и отойдутъ къ Эрзеруму.

Дѣйствительно, присутствіе нашего отряда за Саганлугомъ, повидимому, разомъ измѣняло положеніе дѣлъ въ нашу пользу. Турецкій лагерь при Зевинѣ былъ у насъ подъ рукою; мы могли разгромить его прежде, нежели Мухтаръ-паша, занятый Тергукасовымъ, могъ приблизиться съ своими силами; завладѣвъ же зевинскимъ лагеремъ, мы могли наброситься на корпусъ Мухтара-паши. Такимъ образомъ, наши войска разрѣзывали бы турецкую армію и могли-бы разбить ее по частямъ. Подобныя же соображенія имѣлись въ виду и въ средѣ начальствующихъ лицъ нашего отряда. По крайней мѣрѣ всѣ готовились къ сраженію. Кавалерія

выдвинута была впередъ, за Меджингертъ, на пересѣченіе сообщеній между зевинскимъ лагеремъ и Мухтаръ-пашею; офицеры генеральнаго штаба производили рекогносцировку прилегающей къ Зевину мѣстности.

Слѣдуетъ замѣтить, что во время нашего движенія на Саганлугъ, изъ числа офицеровъ генеральнаго штаба, состоящихъ при корпусѣ, наиболѣе замѣтенъ былъ подполковникъ Войновъ. Онъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ Малой Азіи и, по его словамъ, зналъ отлично этотъ край, населеніе, дороги и другія важныя въ военномъ отношеніи условія. Корпусный штабъ возлагалъ, очевидно большія надежды на эти познанія г. Войнова и онъ во всемъ отрядѣ представлялъ нѣчто въ родѣ колонно-вожатаго. Наканунѣ онъ открылъ непріятельскій разъѣздъ и „чуть не захватилъ его въ Еникёвѣ“. Въ этотъ день, 12-го іюня, онъ отправился на рекогносцировку и очень любезно пригласилъ нѣкоторыхъ съ собой.

Часовъ въ десять утра желающія сѣли на коней и въ сопровожденіи 30—40 казаковъ поѣхали къ Зевину. Понятно, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидали увидѣть непріятельскій лагерь. Отъ мѣста нашего бивуака дорога шла по длинному, мѣстами крутому склону. Налѣво, изъ-подъ высокаго холма, виднѣлось селеніе Меджингертъ, съ развалинами стариннаго замка. Говорятъ, возлѣ этого селенія существуетъ очень рѣдкостная армянская церковь: она высѣчена съ скалѣ и издали трудно отличается отъ окружающихъ ее камней. Къ сожалѣнію не удалось осмотрѣть эту достопримѣчательность. Мы свернули вправо и, переправляясь черезъ небольшой

ручеёкъ, поднялись по косогору на противоположную высоту. Потомъ поѣхали по неглубокой ложбинѣ, съ правой стороны которой возвышалась крутая гора, скрывавшая, какъ говорили, видъ на непріятельскій лагерь. Въ то время, какъ мы любовались прекрасною, густою травою и самыми разнообразными цвѣтами, въ видѣ восточнаго ковра пестрѣвшими по бокамъ узенькой дорожки, по которой мы ѣхали крупною рысью, впереди насъ показался казакъ, сломя голову скакавшій намъ навстрѣчу.

— Ваше высокоблагородіе! Тамъ кавалерія, проговорилъ задыхавшимся голосомъ казакъ, круто останавливая лошадь.

— Гдѣ?

— Вотъ за этимъ бугромъ, ваше благородіе; увидѣли насъ и спускаются.

— Много ихъ?

— Много... Сейчасъ онъ, какъ увидѣлъ насъ, въ балку сталъ спускаться, а другіе пошли въ обходъ...

Несмотря на недоброе извѣстіе, мы пустились впередъ, усердно работая нагайкою. Выскакавъ за возвышенность, скрывавшую отъ насъ лагерь, мы очутились на углу довольно обширной равнины, замкнутой со всѣхъ сторонъ болѣе или менѣе высокими горами. Нѣсколько вправо впереди, на сравнительно высокомъ гребнѣ, разъѣзжало около сотни всадниковъ. По объясненію казаковъ, другіе спустились внизъ и объѣзжали насъ съ обоихъ фланговъ. Подполковникъ Войновъ, не видя возможности податься впередъ, рѣшилъ въѣзжать на бывшую у насъ справа гору, о которой уже сказано выше

и съ которой можно было осмотрѣть непріятельской лагерь. Оставилъ казаковъ внизу, которые выстроились на всякій случай къ аттакѣ, мы, т. е. подполковникъ Войновъ и еще одинъ офицеръ генеральнаго штаба поскакали на гору. Поднявшись на эту высоту, мы увидали, верстахъ въ шести или восьми, ярко бѣлѣвшія палатки. Это былъ зевинскій лагерь.

Мы слѣзли съ лошадей и офицеры начали осматривать, въ бинокль, непріятельскую позицію. По словамъ г. Войнова и его спутника, турокъ было немного, батальоновъ шесть—много восемь. Впереди лагеря замѣтили много черныхъ полосокъ, изъ которыхъ нѣкоторыя особенно выдавались. Это были ложементы *) и баттареи, ихъ было всего четыре.

А нѣтъ-ли у нихъ еще лагеря сзади... Вонъ виднѣются палатки, но это вѣроятно кухни, замѣтилъ г. Войновъ.

Осмотрѣвъ мѣстность, мы вернулись въ лагерь, преслѣдуемые на нѣкоторомъ разстояніи турецкими всадниками. Подполковникъ Войновъ немедленно отправился къ начальству, отдать отчетъ въ произведенной „рекогносцировкѣ“.

Ожидали, что въ тотъ же день, часа въ четыре, должны двинуться впередъ, чтобъ съ разсвѣтомъ аттаковать Зевинскій лагерь. Рѣшено было иначе: весь день и ночь мы оставались на мѣстѣ; движеніе должно было начаться только утромъ.

Всю ночь съ 12-го на 13-е іюня, въ нашемъ бивуакѣ при селеніи Меджингертъ слышался оживленный говоръ

*) Ложементъ: ровъ съ брустверомъ для прикрытія стрѣлковъ отъ выстрѣловъ.

и смѣхъ. Почти никто не спалъ ужиная и грѣясь у костровъ. Надежды всѣхъ, наконецъ, оправдались: давно желанная встрѣча съ турками была близка. Съ вечера, многія части войскъ тревожились вопросомъ, кто пойдетъ въ битву и кому выпадетъ прискорбная доля сторожить вагенбургъ *). Рѣшено было весь обозъ и запасный паркъ вернуть нѣсколько назадъ, на ту позицію при урочище Мелидюзъ, съ которой мы впереди замѣтили непріятеля. Охранять этотъ вагенбургъ назначенъ былъ одинъ изъ батальоновъ грузинскаго гренадерскаго полка, саперный батальонъ, за исключеніемъ одной роты, и 5-я баттарея гренадерской бригады. Всѣ остальныя войска въ числѣ 15-ти батальоновъ, пяти пѣшихъ баттарей, вся кавалерія съ артиллеріей должны были идти въ битву. Удовольствіе этихъ избранныхъ кавказскихъ войскъ было, поэтому, всеобщее: ни одна часть не была обижена, такъ какъ обидою считалось неучавствованіе въ сраженіи.

Едва только стало разсвѣтать, какъ послышались звуки трубы, забилъ барабанъ и заскрипѣли повозки. Это собирались войска и уходилъ на свою позицію обозъ. Саперы усердно, еще съ вечера, исправляли дорогу, чтобъ облегчить движеніе артиллеріи.

Часовъ въ 6-ть утра, кавалеріи, большей части пѣхоты и артиллеріи уже не было на бувуакѣ.

Наконецъ, зашевелился штабъ и осѣдланныя лошади уже давно были на-готовѣ, а мы все еще не двигались. Въ томительномъ ожиданіи, многіе смотрѣли въ бинокли и зрительныя трубки на лежавшія передъ нами вы-

*) Вагенбургъ—обозъ при полку.

соты. Кто замѣчалъ турецкій лагерь, кто говорилъ о движеніи непріятельскихъ колоннъ, которыя въ сущности еще оставались невидимыми.

Наконецъ, поданъ былъ сигналъ къ отъѣзду. Было ровно семь часовъ, когда мы тронулись; до Зевина насчитывалось не менѣе 15-ти верстъ.

Ѣхали мы знакомою уже дорогаго; только она была гораздо лучше вчерашняго: саперы потрудились усердно, громадныя выбоины были засыпаны, наиболѣе крутые косогоры срѣзаны. На спускѣ мы застали Тифлисскій полкъ, внизу стояли Грузинцы и часть артиллеріи; остальныя орудія съ трудомъ вытягивались на гору; эриванцы помогали вывозить орудія, впереди которыхъ на высотѣ ужъ находились батальоны мингрельскаго полка. Вся кавалерія съ конными баттареями была впереди, на той ложбинѣ, съ которой вчера мы увидѣли турецкую кавалерію.

Въ то время, какъ мы проѣзжали мимо эриванцевъ, къ командующему корпусомъ подъѣхалъ карапапахъ и вручилъ ему какой-то шарикъ. Это былъ посланный, пробравшійся къ генералу Тергукасову и привезшій отъ него вѣсточку.

Кто зналъ критическое положеніе эриванскаго отряда, тотъ вздохнулъ свободно! Сообщеніе съ этимъ отрядомъ снова было возстановлено, генералъ Тергукасовъ освободился отъ превосходнаго въ силахъ непріятеля.

— „Вотъ шарикъ, который стоитъ двухъ тысячъ рублей!“ сказалъ генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ, показывая приближеннымъ небольшой, желтоватый шарикъ, въ которомъ заключалась депеша генерала Тер-

гукасова. И сумрачное до сихъ поръ лицо командующаго корпусомъ засвѣтилось радостною улыбкою. Посланному, какъ уже было говорено, обѣщаны двѣ тысячи рублей, которые онъ и заслужилъ ихъ.

На ближайшей лужайкѣ командующій корпусомъ слѣзъ съ лошади и, вынулъ изъ шарика небольшой клочекъ тонкой бумаги съ шифрованною депешею, приказалъ перевести ее. Это было кратное сообщеніе о геройскомъ дѣлѣ 9-го іюня. Отрядъ генерала Тергукасова, имѣвшій не болѣе пяти-шести тысячъ, выдержалъ девятичасовое упорное нападеніе турокъ, имѣвшихъ до 22-хъ батальоновъ пѣхоты съ соотвѣтственнымъ числомъ кавалеріи и артиллеріи. Мухтаръ-паша, лично начальствовавшій этимъ корпусомъ, былъ отбитъ съ громаднымъ урономъ, такъ что просилъ перемирія для уборки тѣлъ.

Нашу позицію защищали нетолько пѣхота и артилерія, но и спѣшенные драгуны (Переяславскій полкъ) и казаки. Сравнительно съ численностью непріятеля, съ упорствомъ и продолжительностью нападенія, потеря въ эриванскомъ отрядѣ не была особенно значительна, простираясь до 400 человѣкъ, въ томъ числѣ болѣе 50-ти убитыхъ.

Пріятная вѣсть, полученная отъ генерала Тергукасова, вселила еще большую увѣренность въ успѣхъ предстоявшаго намъ боя.

Замѣтивъ неподдѣльную радость командующаго корпусомъ и помня вчерашнее мрачное настроеніе, многіе незнавшіе о содержаніи депеши подъѣхали къ нему и поздравляли его съ побѣдой.

Почему вы знаете? спросилъ онъ.

— Да и знать ненужно, потому что по вашему лицу видно!

Пользуясь, кстати, этимъ случаемъ, не лишнимъ будетъ очертить наружность командующаго корпусомъ: это человѣкъ средняго роста, брюнетъ, съ замѣтною уже просѣдью (родился въ 1825 году), съ смуглымъ, продолговатымъ лицомъ, густо заросщеннымъ длинными бакенбардами и усами. Украшеніемъ лица служатъ большіе, черные, выразительные глаза. Наружность его вообще очень чутка къ душевнымъ впечатлѣніямъ, и когда хитрая улыбка появляется иногда на губахъ, глаза быстро загораются веселостью и всѣ складки лица смѣются. Такія наружности, обыкновенно, вызываютъ симпатію и дышатъ умомъ; въ нихъ менѣе всего грубости или произвола.

Генералъ Гейманъ—высокій, статный, плотный мужчина, съ короткими, свѣтлыми волосами, съ длинною, сѣдою, широко расчесанною бородой; лицо его малоподвижно, выражаетъ нѣкоторую рѣзкость и привычку не стѣсняться ни въ дѣйствіяхъ, ни въ словахъ; глаза не безъ хитрости, а общій видъ являетъ полное спокойствіе, даже равнодушіе или пренебреженіе къ окружающему.

2007043032